

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

6

1969

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

Ноябрь — Декабрь

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. главн. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главн. редактора), **В. Н. Чернецов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОВЕЩАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ И СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА

В июне 1969 г. в Москве состоялось Международное Собрание 75 коммунистических и рабочих партий. Собрание обсудило актуальные задачи борьбы против империализма и проблемы единства действий коммунистов и всех антиимпериалистических сил. В результате дискуссии, проходившей в духе демократии, равноправия и интернационализма, участники Собрания пришли к общим выводам о положении в мире и вытекающих отсюда задачах.

Собрание приняло Основной документ «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил». Участники Собрания обсудили вопрос о праздновании столетия со дня рождения В. И. Ленина и горячо одобрили Обращение «О 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Собрание обратилось к народам мира с призывом «Независимость, свободу и мир Вьетнаму!», приветствовало создание Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, выступило с «Воззванием в защиту мира». Оно приняло Заявление в поддержку справедливой борьбы арабских народов против израильской агрессии, а также заявления солидарности с коммунистами и демократами, подвергающимися жесточайшим репрессиям и ведущими самоотверженную борьбу против реакционных диктаторских режимов, поддерживаемых международным империализмом. В материалах Собрания опубликован «Обвинительный акт против империализма». В этом документе на огромном фактическом материале изобличаются преступления империализма против человечества. «История вынесла империализму свой приговор. Привести этот приговор в исполнение — дело самих народов», — говорится в заключительной части этого документа, призванного мобилизовать народы на борьбу против империализма, за мир, национальное освобождение, социальный прогресс, демократию и социализм¹. Итоги Собрания, его документы имеют огромное международное значение, к ним приковано внимание народов всего мира. Международное коммунистическое движение, все революционные, прогрессивные силы современности находят в документах Собрания ответы на коренные, актуальные вопросы борьбы против сил империалистической реакции, за дальнейшее сплочение коммунистов всего мира, всех борцов антиимпериалистического фронта.

Выдающаяся роль Международного Собрания, его исключительно важное идейно-политическое значение раскрывается в Постановлении состоявшегося 26 июня 1969 г. Пленума Центрального Комитета КПСС. Заслушав и обсудив доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «Об итогах Международного Собрания коммунистических и рабочих партий», Пленум полностью одобрил политическую линию и практическую деятельность Политбюро ЦК КПСС,

¹ «Проблемы мира и социализма», 1969, № 7, стр. 45.

направленные на укрепление сплоченности мирового коммунистического движения, одобрил работу делегации КПСС на Международном Совещании.

«Пленум ЦК КПСС считает,— говорится в Постановлении,— что Международное Совещание коммунистических и рабочих партий явилось большим успехом коммунистического, рабочего и всего освободительного движения. Совещание окажет огромное влияние на дальнейшее развертывание борьбы против империализма на основе самого широкого единства действий всех демократических, прогрессивных сил мира. Совещание ознаменовало важный этап на пути укрепления сплоченности международного коммунистического движения на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма»².

Пленум ЦК КПСС постановил: опираясь на итоги Совещания, продолжать последовательную линию КПСС на сплочение международного коммунистического движения на принципиальной основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, всемерно развивать связи с коммунистическими партиями по всем линиям, вести борьбу против буржуазной идеологии, за чистоту марксистско-ленинского учения.

За прошедшее время во многих коммунистических и рабочих партиях были проведены пленумы центральных комитетов, заседания руководящих органов, активы и собрания, посвященные итогам Совещания. Пленумы ЦК братских компартий в своих резолюциях подчеркивают огромное значение Совещания для разработки тактики и стратегии коммунистического и рабочего движения, неоценимый вклад, который внесло Совещание в сокровищницу великого учения марксизма-ленинизма.

Как на Совещании, так и на пленумах своих ЦК братские компартии решительно осудили идеологию и политику ревизионистских элементов в коммунистическом движении.

Человечество вступило в последнюю треть XX столетия в обстановке обострения исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и империализма. Мировое революционное движение, несмотря на трудности и отдельные неудачи, продолжает развиваться. Углубляется всеобщий кризис капитализма, обостряются раздирающие его противоречия. Социализм, победивший на одной трети земного шара, добивается все новых и новых успехов во всемирной битве за умы и сердца людей. Коммунистическое движение является самой могучей политической силой современности. Наша эпоха — эпоха перехода от капитализма к социализму.

Империализм остается серьезным и опасным противником, его агрессивность усилилась, он стремится любыми способами ослабить позиции социализма, подавить национально-освободительное движение народов. Агрессия империализма США во Вьетнаме, кризис на Ближнем Востоке, подрывные действия американских империалистов против революционной Кубы, агрессивная деятельность Североатлантического блока, реваншистский курс западногерманских милитаристов, происки колониализма и неоколониализма в странах Азии, Африки и Латинской Америки, нагнетание международной напряженности, подготовка новой мировой войны — все это прямое подтверждение стремления империалистических сил повернуть вспять развитие современного мира.

Империализм повинен в том, что на развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки, где живет около 70% населения капиталистического мира, приходится лишь 10% его промышленного производства, что на одного жителя там производится в 30 раз меньше продукции тяжелой промышленности, чем в развитых капиталистических го-

² «Правда», 27 июня 1969 г.

сударствах, что из 350 млн. семей, занимающихся в капиталистическом мире сельским хозяйством, не менее 250 млн. вынуждены пользоваться мотыгой и деревянной сохой.

В основном документе Совещания сказано: «Совесть человечества, его разум не могут мириться с преступлениями империализма. Империализм — виновник двух мировых войн, унесших десятки миллионов жизней. Он создал небывалую военную машину, которая поглощает колоссальные людские и материальные ресурсы; наращивая гонку вооружений, на десятилетия вперед планирует производство нового оружия; несет угрозу мировой термоядерной войны, в огне которой были бы уничтожены сотни миллионов людей, опустошены целые страны.

Империализм породил фашизм — режим политического террора и лагерей смерти. Всюду, где это ему удастся, империализм ведет наступление на демократические права и свободы, ущемляет человеческое достоинство, культивирует расизм.

Империализм ответствен за лишения и страдания сотен миллионов людей. Он — главный виновник того, что огромные массы в странах Азии, Африки и Латинской Америки вынуждены жить в условиях нищеты, болезней, неграмотности, архаических общественных отношений, что целые народности обрекаются на вымирание»³.

Одним из важных выводов, вытекающих из итогов Совещания, является необходимость всемерного развития научной работы по углубленному теоретическому обобщению проблем современности и активизации идеологической борьбы против империализма. Неотъемлемое условие марксистско-ленинского подхода к исследованию процессов, происходящих в жизни народов — всесторонний анализ конкретной действительности, рассмотрение явлений в их взаимосвязи и внутренней противоречивости, первостепенное внимание к новым процессам, выявление тенденций развития.

Задачи работников общественных наук, вытекающие из работы Совещания, определены в Постановлении июньского Пленума ЦК КПСС «Об итогах Международного Совещания коммунистических и рабочих партий», где говорится: «Одним из важных выводов, который вытекает из итогов Совещания, является всемерное развитие научной работы по углубленному теоретическому обобщению проблем современности, общих закономерностей и особенностей мирового революционного движения, разработке важнейших теоретических проблем строительства социализма и коммунизма, борьбы мирового коммунистического и рабочего движения против империализма. С этой целью важно шире практиковать проведение международных теоретических конференций и семинаров»⁴.

Экономические успехи нашей страны, ее научно-технические достижения и укрепление обороноспособности имеют исключительно важное значение для строительства коммунизма в СССР, для антиимпериалистической борьбы и развития революционного прогресса. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в статье, опубликованной в августовском номере журнала «Проблемы мира и социализма», пишет: «Наша страна вступила в качественно новый этап своего развития: начато и успешно продолжается развернутое строительство коммунистического общества, решаются большие и сложные задачи как в области экономики, так и в области общественных отношений»⁵.

Изучение опыта строительства социализма в нашей стране имеет огромное международное значение.

³ «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил», М., 1969, стр. 18.

⁴ «Правда», 27 июня 1969 г.

⁵ «Проблемы мира и социализма», 1969, № 8, стр. 7.

СССР — самое многонациональное государство мира. Его населяют свыше 100 больших и малых народов. Благодаря претворению в жизнь ленинской национальной политики национальный вопрос в СССР успешно решен. Все граждане, независимо от национальности, расы и религии, пользуются равноправием во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической деятельности. Советское социалистическое государство обеспечило небывалый расцвет национальной культуры народов СССР. Проблемы национально-государственного строительства вызывают большой интерес не только в Советском Союзе, к ним приковано внимание во многих зарубежных странах.

Задачи исследовательской работы состоят в раскрытии эпохальных закономерностей в национальных отношениях в период перехода человечества от капитализма к социализму, к коммунизму.

Творческое сотрудничество всех наций и народностей Советского Союза, строящих коммунистическое общество, ведет к созданию единой межнациональной общности — советского народа. Всесторонний расцвет социалистических наций и их тесное сближение — процесс сложный и длительный, предполагающий развитие национально своеобразного и интернационально общего, что составляет две стороны единого закономерного процесса совершенствования социалистических национальных отношений в СССР.

Изучая характерные культурно-бытовые особенности каждого народа, его вклад в мировую культуру, советская этнография, опираясь на методологическую базу марксизма-ленинизма, раскрывает в то же время общие закономерности хозяйственного, общественного, культурного, а следовательно, и этнического развития всех народов. Тем самым этнография вносит свою, очень значительную, лепту в борьбу всех прогрессивных сил современного человечества с различными националистическими и расистскими концепциями, сеющими вражду и рознь между народами.

Советские ученые много сделали для изучения основных этапов этнического развития народов мира и, в первую очередь, разумеется, народов нашей страны. Однако необходимо усилить разработку теоретических проблем этногенеза и этнической истории. Еще далеки от своего окончательного разрешения многие конкретные и теоретические вопросы происхождения народов. Необходимо больше внимания уделять этническим процессам нашего времени, которые в различных формах разветвляются как в Советском Союзе, так и в зарубежных странах в эпоху строительства коммунизма и социализма, распада мировой империалистической системы и огромных успехов национально-освободительного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки. В последние десятилетия во многих районах Азии, Африки и Латинской Америки национально-освободительное движение вступило в новую фазу; в некоторых странах оно приобрело антикапиталистическое содержание.

Принципиальный политический и научный характер имеет этнографическое изучение рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции Советского Союза. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий указало, что рабочий класс, как это вновь подтвердили события последнего времени, является главной движущей и мобилизующей силой революционной борьбы, всего демократического, антиимпериалистического движения.

Перед советской общественной наукой, в том числе и перед этнографией, стоит задача усиления идеологической борьбы с теориями о затухании революционной роли пролетариата, о его исчезновении как класса. Необходимо значительно расширить изучение процессов формирования рабочего класса и культурно-бытовой специфики различных профессиональных групп пролетариата в странах Азии, Африки и Латин-

ской Америки. Многообразные процессы, вызванные современной научно-технической революцией, — важная область исследований. Предстоит разобраться в существе, особенностях и последствиях научно-технической революции, а также изучить ее взаимосвязь с экономическими, социальными и духовными процессами как в капиталистическом, так и в социалистическом обществе.

Совещание отметило большие революционные возможности трудового крестьянства, прогрессивной интеллигенции, молодежи, женщин, значение всего демократического антиимпериалистического движения в капиталистических странах, возрастающую роль в мировом революционном процессе национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки. Первостепенное значение для перспектив антиимпериалистической борьбы имеет укрепление союза между мировой социалистической системой, рабочим движением капиталистических стран и национально-освободительной борьбой народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Большую помощь для развертывания национально-освободительной борьбы может оказать изучение вопросов развития этнических общностей, проблем национального развития и этнической классификации народов мира, соотношения хозяйственно-культурных и историко-этнографических областей, соотношения этнических, языковых, расовых, социально-классовых, политических и других групп человечества на разных этапах исторического развития. Всестороннего и углубленного исследования требуют проблемы, связанные со спецификой национального развития и национальных отношений, закономерностей культурно-бытовых преобразований в социалистических, развивающихся и промышленно-развитых капиталистических странах. Создание обобщающих работ по национальным и этническим проблемам, в первую очередь, в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, а также в США, Канаде и других странах имеет в настоящее время не только научное, но и большое практическое значение, так как многие события в политической жизни стран, во взаимоотношениях между отдельными народами каждой страны, а также межгосударственные противоречия в значительной степени определяются спецификой национальных проблем.

Исследование этнографами исторических форм общественного строя народов мира может способствовать правильной оценке и решению целого ряда проблем соотношения традиций и современности в странах так называемого третьего мира. В обстановке обострения идеологической борьбы огромное мировоззренческое значение приобретает изучение истории первобытного общества и критика антимарксистских историко-этнографических концепций первобытности. Не менее важна теоретическая разработка вопросов истории культуры, исторической специфики культуры различных народов мира и их вклада в мировую сокровищницу культуры.

Указанные исследования имеют непосредственную связь с борьбой против расизма. Американский империализм использует все новые и новые приемы, пытаясь насадить расизм за пределами границ своего государства. Расизм американского империализма сливается с расизмом, проповедуемым другими империалистическими державами. Вот почему Международное Совещание 75 коммунистических и рабочих партий уделило этому вопросу большое внимание. Оно призвало к борьбе против мирового империализма в целом и прежде всего против американского империализма. Этот акт пролетарского интернационализма соответствует национальным интересам народа Соединенных Штатов. Коммунисты выступают против любых форм угнетения наций и национальных меньшинств, они добиваются того, чтобы каждая нация или национальная группа развивала собственную культуру и язык, и твердо защищают право всех наций на самоопределение.

Расовая дискриминация и сегрегация были осуждены в многочисленных международных документах — в Уставе ООН (1945), в Декларации о правах человека (1948), в Декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1963), в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965), в Декларации ЮНЕСКО о расах и расовых предрассудках (1967) — и тем не менее в условиях господства империализма миллионы людей по-прежнему подвергаются преследованиям за цвет кожи, за принадлежность к иной расе, по-прежнему разжигается расовая ненависть, совершаются расовые преступления. В крупнейшей стране империализма — США — 25 млн. негров живут на положении граждан второго сорта. Дискриминации подвергаются и другие национальные меньшинства — мексиканцы, пуэрториканцы, индейцы, евреи. Негры составляют около 11% населения, но свыше 20% рабочего класса США. Однако заработная плата негров достигает в среднем лишь 53% зарплаты белых рабочих, а в южных штатах — только 30—40%.

В Южной Африке (ЮАР) 14 млн. коренных жителей — африканцев живут в полном бесправии, в условиях политики апартеида — юридической системы, специально разработанной с расчетом на то, чтобы лишить африканское население тех прав и условий жизни, которыми пользуются белые.

Неограниченными правами в странах Южной Африки (ЮАР, ЮЗА, Родезия, Мозамбик и Ангола) пользуются 4,4 млн. европейцев при общей численности населения в 35,6 млн. человек; в ЮАР насчитывается 5,6 млн. европейцев при общей численности населения в 18,7 млн.

В Латинской Америке расовые преследования направлены в первую очередь против коренного населения — индейцев. По данным бразильских социологов, в Бразилии на сегодняшний день в живых осталось от 50 до 100 тыс. индейцев, но и им к 1980 году угрожает вымирание. По официальным данным, за несколько последних десятилетий у индейцев Бразилии были отобраны скот и личное имущество на сумму около 62 млн. долларов⁶.

«Мы, коммунисты, — говорится в документе Совещания «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил», — вновь обращаемся ко всем честным людям земли с призывом объединить усилия в борьбе с человеконенавистнической идеологией и практикой расизма. Мы призываем развернуть самое широкое движение протеста против постыднейшего явления современности — варварского преследования 25-миллионного негритянского населения в США, против расистского террора в Южной Африке и в Родезии, против преследования арабского населения на оккупированных территориях и в Израиле, против расовой и национальной дискриминации, сионизма и антисемитизма, которые разжигаются капиталистическими реакционными силами и используются ими для политической дезориентации масс.

Империализм использует расизм в целях разобщения народов и сохранения своего господства. Широкие народные массы отвергают расизм и могут быть вовлечены в активную борьбу против него. В ходе своих выступлений они смогут понять, что искоренение расизма тесно связано с борьбой против империализма в целом, его идеологических устоев»⁷.

Одним из важнейших аспектов борьбы против расизма является борьба на идеологическом фронте, в том числе научное разоблачение «теории» и практики современного расизма. В этой области особенно велика роль гуманитарных институтов Академии наук СССР, в том числе Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

⁶ «Проблемы мира и социализма», 1969, № 7, стр. 37—39.

⁷ «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил», стр. 40—41.

За последние годы Институтом этнографии проведена значительная работа в этом направлении. В частности, в 1966 г. вышел в свет сборник «Против расизма», включающий статьи о расизме в современной антропологии, о социальном аспекте категории «раса», о расовой сегрегации и дискриминации, а также о борьбе против них в США, Южной Африке, Англии, Канаде. В 1968 г. вышел сборник «Документы обличают расизм» — первая публикация подобного рода, включающая важнейшие документы ООН и других международных организаций, а также документы и материалы, свидетельствующие о преступлениях расизма и борьбе против него в США, ЮАР, Родезии и Англии.

В нынешнем году вышел в свет сборник статей «Нет — расизму!», подготовленный по материалам состоявшейся 21 марта 1967 года в Институте этнографии научной сессии. Сдан в издательство сборник статей «Современный расизм» и скоро выйдет из печати сборник избранных трудов и выступлений выдающегося борца против расизма Мартина Лютера Кинга.

До сих пор эта работа велась и ведется главным образом силами сотрудников Института этнографии. Между тем назрело время для привлечения к такого рода работе более широкого круга специалистов. В этой связи представляется целесообразным создание при АН СССР межинститутской проблемной группы с целью организации научных конференций и издания сборников. Эта группа объединила бы усилия широкого круга советских ученых — сотрудников гуманитарных институтов АН СССР, преподавателей ВУЗов, публицистов и связанных с международными организациями практических работников. Ее важнейшие задачи — теоретическая разработка понятия расы и социальной сущности расизма, исследование конкретных форм проявления расизма в разных странах.

Огромное значение имеет ознакомление зарубежной научной общественности с достижениями советской этнографической школы, ее теоретическими обобщениями и конкретными исследованиями национальных и социальных процессов как в СССР, так и в других государствах, особенно в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. Пропаганда достижений советской этнографической науки, борьба с антимарксистскими концепциями и прямыми фальсификациями реакционных зарубежных ученых — таков вклад этнографов нашей страны в идеологическую борьбу, развертывающуюся на международной арене.

Сейчас наша страна, все народы мира находятся накануне знаменательной даты — столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Это налагает особую ответственность на ученых советской страны. Приближающийся ленинский юбилей должен содействовать активизации идеологической и научно-исследовательской работы.

Учитывая огромное значение успехов Советского Союза в строительстве нового общества, июньский Пленум ЦК КПСС призвал «все партийные организации, всех коммунистов, весь советский народ еще самоотверженнее бороться за осуществление великих планов коммунистического строительства, за достойную встречу 100-летия со дня рождения основателя нашей партии и Советского государства В. И. Ленина»⁸.

⁸ «Правда», 27 июня 1969 г.

В. И. Козлов

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ТРУДАХ В. И. ЛЕНИНА

Владимир Ильич Ленин — гениальный продолжатель дела К. Маркса и Ф. Энгельса, основатель Коммунистической партии Советского Союза и первого в мире социалистического государства — в своей теоретической и практической деятельности уделял самое пристальное внимание национальным проблемам, что отразилось во множестве специальных статей, программных документов, писем, конспектов, рефератов теоретического содержания, а также отдельных замечаний на страницах работ, посвященных в целом другим вопросам. Такое большое внимание и огромная работа, проделанная в этом отношении В. И. Лениным, были обусловлены, с одной стороны, особенностями всей современной ему эпохи общественного развития стран мира, выдвигавшей в целом ряде случаев на передний план именно национальные проблемы, с другой стороны, — особенностями разворачивания революционного движения в многонациональной России, где эти проблемы приобрели особую актуальность и значимость. В связи с этим весьма целесообразно остановиться на характеристике всей исторической эпохи и особенностей национальных движений и национального вопроса в России, воспользовавшись для этой цели, в первую очередь, ставшими классическими формулировками самого В. И. Ленина.

«Национальные движения, — писал В. И. Ленин, — не впервые возникают в России и не одной ей свойственны. Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие его есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином и хозяйчиком, продавцом и покупателем.

Образование *национальных государств*, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — *типичным*, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство»¹.

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 25, стр. 258—259.

Изложенные здесь мысли представляют собой дальнейшее развитие В. И. Лениным взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на национальное развитие стран Европы, в частности известного тезиса «Манифеста Коммунистической партии» о политической централизации населения в капиталистическую эпоху и образовании буржуазных наций. В приведенной цитате В. И. Ленин показал роль и органическое взаимодействие таких важных элементов нации, как язык и территория.

Развивая и конкретизируя свое понимание национальных движений, В. И. Ленин различает «...две, коренным образом отличные, с точки зрения национальных движений, эпохи капитализма. С одной стороны, это — эпоха краха феодализма и абсолютизма, эпоха сложения буржуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе *все* классы населения в политику путем печати, участия в представительных учреждениях и т. д. С другой стороны, перед нами эпоха вполне сложившихся капиталистических государств, с давно установившимся конституционным строем, с сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии, — эпоха, которую можно назвать кануном краха капитализма.

Для первой эпохи типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности. Для второй эпохи типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений, когда развитый капитализм, все более сближая и перемешивая вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением»².

В соответствии с этими положениями В. И. Ленин указывает на необходимость выделения трех главных типов стран, задачи пролетарских партий в которых имели существенные отличия:

«Во-1-х, передовые капиталистические страны Западной Европы и Соединенные Штаты. Буржуазно-прогрессивные национальные движения здесь давно закончены. Каждая из этих «великих» наций угнетает чужие нации в колониях и внутри страны. Задачи пролетариата господствующих наций здесь именно таковы, каковы были в XIX веке его задачи в Англии по отношению к Ирландии.

Во-2-х, восток Европы: Австрия, Балканы и особенно Россия. Здесь именно XX век особенно развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу. Задачи пролетариата этих стран, как в деле довершения их буржуазно-демократического преобразования, так и в деле помощи социалистической революции других стран, не могут быть выполнены без отстаивания права наций на самоопределение. Особенно трудна и особенно важна здесь задача слияния классовой борьбы рабочих угнетающих и рабочих угнетенных наций.

В-3-х, полуколониальные страны, каковы Китай, Персия, Турция и все колонии, вместе до 1000 миллионов населения. Здесь буржуазно-демократические движения частью едва начинаются, частью далеко не закончены. Социалисты должны не только требовать безусловного, без выкупа, и немедленного освобождения колоний, — а это требование в его политическом выражении означает не что иное, как именно признание права на самоопределение; социалисты должны самым решительным образом поддерживать наиболее революционные элементы буржуазно-демократических национально-освободительных движений в этих

² В. И. Ленин, ПСС, т. 25, стр. 264.

странах и помогать их восстанию, — а при случае и их революционной войне — *против* угнетающих их империалистических держав»³.

Высказывания В. И. Ленина, относящиеся к классификации стран мира по особенностям развития в них национальных движений и решению национального вопроса, не потеряли своего значения до настоящего времени. Это касается, прежде всего, необходимости поддержки пролетарскими партиями национально-освободительных движений в колониальных странах и угнетенных национальных меньшинств в капиталистических странах. Для целей нашей статьи весьма существенно то, что Россия конца XIX — начала XX в. входила в группу стран, которые по уровню своего социально-экономического и политического развития в целом относились к эпохе, характеризующейся пробуждением и развитием национальных движений, борьбой против национального гнета, стремлением к национальной независимости. Сравнивая ситуацию в России и в других подобных ей странах, где буржуазно-демократические преобразования еще не были завершены, с ситуацией в странах Западной Европы, В. И. Ленин отмечал, например: «В западных странах национальное движение — давнее прошлое. «Отечество» в Англии, Франции, Германии и т. д. уже спело свою песню, сыграло свою историческую роль, т. е. прогрессивного, поднимающего к новой экономической и политической жизни новые массы людей, здесь национальное движение дать не может. Здесь на исторической очереди дня стоит не переход от феодализма или от патриархальной дикости к национальному прогрессу, к культурному и политически свободному отечеству, а переход от изжившего себя, капиталистически-перезрелого «отечества» к социализму.

На востоке Европы дело обстоит иначе. Для украинцев и белорусов, например, только человек, в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь еще нет завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой — (а это необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи) — здесь еще совершается»⁴.

Вместе с тем, В. И. Ленин указывал на ряд специфических черт национальной ситуации в России, отличающих ее от других стран, объединенных им во вторую группу. Так, В. И. Ленин отмечал, что в отличие от Австро-Венгрии Россия была государством с единым, великорусским национальным центром, что «инородцы», т. е. нерусские народы, населяли ее окраины, что угнетение этих народов в царской России было более сильным, чем в соседних государствах, что в ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народности имели сородичей по другую сторону границы»⁵.

Национально-политическая ситуация в России осложнялась и многоукладностью типов хозяйства. Если в западных районах капитализм достиг уже довольно высокого уровня развития, то многие народы Сибири и Средней Азии находились еще на стадии патриархально-родового строя, в хозяйстве их преобладали охота, полукочевое и кочевое скотоводство, и по приведенной выше классификации В. И. Ленина, они должны быть отнесены даже не во вторую, а в третью группу; известно, что сам В. И. Ленин называл, например, Туркестан «колонией чистейшего типа»⁶. И если в некоторых районах, например в Промышленном центре, Прибалтике, Донбассе, Баку закономерности экономического развития уже приводили к взаимопроникновению и экономической интеграции различных наций, то в других районах, например в Сред-

³ В. И. Ленин, ПСС, т. 27, стр. 260—261.

⁴ В. И. Ленин, ПСС, т. 30, стр. 89.

⁵ В. И. Ленин, ПСС, т. 25, стр. 271.

⁶ В. И. Ленин, ПСС, т. 38, стр. 35.

ней Азии, национальная буржуазия, главным образом в своей первой форме — торговой буржуазии, еще только поднимала голову, еще только старалась пробудить национальные чувства среди «своего» народа, чтобы опереться на него в конкурентной борьбе.

Развертывание национальных движений среди народов царской России определялось как общими закономерностями социально-экономического развития, особенностями исторической эпохи и пестротой национального состава страны, так и естественной реакцией против существовавшего национального гнета и неравноправия. Царская Россия была, по выражению В. И. Ленина, «тюрьмой народов». Перед лицом растущего революционного движения реакционные круги царской России в своей национальной политике стремились всячески препятствовать образованию единого фронта борьбы против самодержавия, всячески разжигая с этой целью национальную вражду и национальное недоверие. Это особенно усилилось в период подготовки к мировой войне, который исторически совпал с годами нового революционного подъема. Задача отстоять интернациональное единство рабочего класса, достигнуть слияния классовой борьбы русского пролетариата с борьбой рабочих и всех трудящихся угнетенных народов, за выполнение которой взялась партия большевиков во главе с В. И. Лениным, приобрела в этот период особую актуальность.

Деятельность РСДРП проходила в острой и сложной борьбе против национализма: с одной стороны, против насаждаемого «сверху» великодержавного шовинизма, с другой стороны — против ответной на него волны местного национализма и сепаратизма. Большую опасность для рабочего движения представляла проникавшая в Россию пресловутая теория «культурно-национальной автономии», призывавшая, в частности, к разделению политических партий пролетариата по национальному признаку. На российских марксистов ложилась ответственная задача разоблачить все эти формы национализма, воспитать массы и прежде всего рабочий класс в духе единства классовых интересов всех его групп вне зависимости от их национальной принадлежности.

* * *

Первые специальные статьи В. И. Ленина, посвященные национальной проблематике, относятся к началу XX в., когда он активно включился в разработку марксистской программы РСДРП по национальному вопросу; в это время он публикует ряд статей, в частности — «Национальный вопрос в нашей программе» (1903 г.), где рассматривает и аргументирует основные положения этой программы, в первую очередь, наиболее принципиальный ее пункт о праве наций на самоопределение. В последующие годы В. И. Ленин пристально следит за развитием национальных движений как в России, так и в зарубежных странах, публикуя по этому поводу статьи «Горячий материал в мировой политике» (1908 г.), «События на Балканах и в Персии» (1908 г.) и др.

Внимание В. И. Ленина к национальным проблемам значительно усилилось с конца 1912 г. — в период нового революционного подъема в России. Именно в это время В. И. Ленин пишет такие свои основополагающие труды по национальному вопросу, как «Критические заметки по национальному вопросу» (1913 г.), «О праве наций на самоопределение» (1914 г.), а также «Тезисы по национальному вопросу» (1913 г.), «О национальной гордости великороссов» (1914 г.) и целый ряд других статей, которые в совокупности образуют стройную марксистскую теорию национального вопроса. Находясь в эмиграции, В. И. Ленин выступает с докладами по национальному вопросу в Цюрихе, Женеве, Берне, Париже, Кракове и других городах. Во время мировой войны, борясь против националистического и шовинистического угара и отстаивая идеи

интернационализма, В. И. Ленин продолжает работу над национальными проблемами, публикуя статьи «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» (1916 г.), «Итоги дискуссии о самоопределении» (1916 г.), «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“» (1916 г.) и др., а также начинает, оставшуюся, к сожалению, неоконченной, работу «Статистика и социология» (1917 г.).

Центральное место в трудах В. И. Ленина, связанных с национальной проблематикой, занимает национальный вопрос. Исходя из основополагающих идей К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что национальный вопрос есть часть вопроса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, В. И. Ленин диалектически развивал и обосновывал эти идеи применительно к новым историческим условиям — к эпохе империализма и пролетарских революций. Исторической заслугой В. И. Ленина является создание стройного учения по национальному и национально-колониальным вопросам, разработка программы большевистской партии по национальному вопросу. Разрабатывая теоретически и претворяя практически в жизнь программу партии большевиков по национальному вопросу, В. И. Ленин подверг резкой критике теории буржуазных националистов и неверные, противоречащие марксизму взгляды некоторых русских и зарубежных социал-демократов, решительно боролся как против великодержавного, так и против местных национальных уклонов, представляющих серьезную угрозу для дела пролетарского интернационализма.

Признавая историческую неизбежность «принципа национальности» в буржуазном обществе и историческую законность национальных движений в России, указывая на необходимость для пролетарской партии в борьбе за свержение самодержавия учитывать и поддерживать эти массовые движения, имевшие в то время по своей сущности буржуазно-демократический характер, В. И. Ленин, вместе с тем, постоянно подчеркивал строжайшую необходимость поддерживать в этих движениях лишь то, что является прогрессивным, так как иначе такая поддержка будет играть на руку националистам. «Прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета за суверенность народа, за суверенность нации. Отсюда *безусловная* обязанность для марксиста отстаивать самый решительный и самый последовательный демократизм во всех частях национального вопроса. Это — задача, главным образом, отрицательная. А дальше ее идти в поддержке национализма пролетариат не может, ибо дальше начинается „позитивная“ (положительная) деятельность *буржуазии*, стремящейся к *укреплению* национализма»⁷.

Это положение об ограниченной поддержке пролетариатом национальных движений В. И. Ленин детально аргументирует, указывая, в частности, на ограниченное значение национального фактора в экономическом развитии, подчеркивая, что «капитализм не обязательно пробуждает к самостоятельной жизни все нации»⁸. Отмечая важность национально-языковых факторов в развитии экономики, В. И. Ленин предостерегает против их абсолютизации, например при решении вопросов, связанных с территориальным выделением национальных автономий. «Несомненно, что единый национальный состав населения, — пишет он, — *один* из вернейших факторов для свободного и широкого, действительно современного торгового оборота... Но национальный состав населения — *один* из важнейших экономических факторов, но *не единственный и не* важнейший среди других. Города, например, играют *важнейшую* экономическую роль при капитализме, а города везде — и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великороссии и т. д. — отличаются наиболее

⁷ В. И. Ленин, ПСС, т. 24, стр. 132.

⁸ В. И. Ленин, ПСС, т. 25, стр. 301.

пестрым национальным составом населения. Отрывать города от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за „национального“ момента нелепо и невозможно»⁹.

В работах В. И. Ленина по национальному вопросу отчетливо выступает мысль, что в многонациональном государстве экономика не ограничивается национальными рамками и не разделяет, а связывает, сливает нации. «Пока разные нации живут в одном государстве,— указывает В. И. Ленин,— их связывают миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера»¹⁰. Развивая эту мысль, В. И. Ленин писал, в частности: «Именно экономическая и политическая жизнь капиталистической страны заставляет на каждом шагу ломать нелепые и устарелые национальные перегородки и предрассудки... В акционерном обществе сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабриках работают вместе рабочие разных наций. При всяком серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям»¹¹. Этот закономерный факт экономической и политической интеграции народов в многонациональной России использовался В. И. Лениным как важный аргумент против ошибочных предложений некоторых социал-демократов, поддерживавших лозунг «культурно-национальной автономии» и ратовавших за искусственное разделение национальностей в некоторых идеологических областях общественной жизни, в первую очередь в деле школьного образования.

Развитие исторически закономерных тенденций социально-экономической интеграции народов России и связанных с ними тенденций сплочения трудящихся всех национальностей в борьбе за их общие классовые интересы, как уже отмечалось выше, осложнялось и тормозилось чувствами межнациональной неприязни, искусственно подогреваемыми правящими кругами. «Проклятая история самодержавия,— писал в 1903 г. В. И. Ленин,— оставила нам в наследство громадную отчужденность рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим самодержавием»¹². Но «чем тяжелее этот гнет... чем усерднее разбойничье царское самодержавие старается посеять рознь, недоверие и вражду среди угнетенных им национальностей, чем отвратительнее его политика, натравливающая темные массы к зверским погромам,— тем больше лежит на нас, социал-демократах, обязанность работать над тем, чтобы все разрозненные социал-демократические партии различных национальностей слились в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию»¹³.

Основным пунктом программы партии большевиков по национальному вопросу в исторически сложившейся национально-политической ситуации В. И. Ленин считал провозглашение права наций на самоопределение вплоть до политического отделения и образования самостоятельного государства. «Мы тем более обязаны признать свободу отделения,— писал он,— что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великорусам вообще, и это недоверие надо рассеять *делами*, а не словами»¹⁴.

Однако, показывая необходимость и прогрессивность провозглашения права наций на самоопределение, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что это право непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной конкретной нации, и что этот по-

⁹ В. И. Ленин, ПСС, т. 24, стр. 149.

¹⁰ В. И. Ленин, ПСС, т. 24, стр. 175.

¹¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 24, стр. 134.

¹² В. И. Ленин, ПСС, т. 7, стр. 242.

¹³ В. И. Ленин, ПСС, т. 10, стр. 266—267.

¹⁴ В. И. Ленин, ПСС, т. 34, стр. 379.

следний вопрос должен решаться с учетом «исторически-классовой точки зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.»¹⁵. Более того, В. И. Ленин указывал, что крупное государство во многих отношениях гораздо предпочтительнее мелких государств. «Мы хотим, — писал в связи с этим В. И. Ленин, — как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно, большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся различных наций»¹⁶.

Между русским народом и другими народами России не было каких-то антагонистических противоречий; русские трудящиеся так же страдали от гнета самодержавия, от помещиков и капиталистов; экономическое положение многих групп русского населения, например крестьян в центральных губерниях, было даже более тяжелым, чем положение «инородческих» крестьян, сравнительно слабо затронутых крепостничеством. Это определяло общность целей всех народов России в борьбе против царизма. В 1917 г., после свержения самодержавия, в ходе подготовки социалистической революции В. И. Ленин писал, что трудящиеся массы угнетенных ранее народов, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями, и, чем сильнее демократизм, тем сильнее тяга к тесному объединению народов¹⁷.

История полностью подтвердила это предсказание В. И. Ленина. После победы Великой Октябрьской социалистической революции началось претворение в жизнь национальной политики, основанной на принципах пролетарского интернационализма и социалистической демократии, на провозглашении полного равенства всех народов и обеспечении условий для достижения их равноправия и всестороннего развития. Таким условиям как нельзя лучше отвечало советское федеративное устройство многонационального социалистического государства, предоставление народам бывшей России различных форм национальной государственности — от союзных республик до национальных округов — при добровольном объединении их в Союз Советских Социалистических Республик.

В послеоктябрьский период В. И. Ленин разрабатывает основные программные документы Коммунистической партии и декреты советского правительства, направленные на практическое решение национального вопроса в условиях диктатуры пролетариата. Наиболее важное место среди них занимает «Декларация прав народов России», провозгласившая равенство и суверенность всех народов, отмену всех национальных и религиозных привилегий и ограничений, право народов на свободное самоопределение. Большое значение имели и декреты, связанные с национально-территориальным строительством. Кроме того, В. И. Ленин выступает с рядом речей и докладов по национальному вопросу. Уже будучи тяжело больным, В. И. Ленин диктует письмо «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» (1922 г.), содержащее принципиально важные положения национальной политики в СССР; в этом письме он указывал на необходимость крайне осторожного подхода к решению национальных проблем, осудил бюрократическое администрирование при проведении национальной политики, особенно по отношению к малым, ранее угнетенным национальностям.

¹⁵ В. И. Ленин, ПСС, т. 38, стр. 112.

¹⁶ В. И. Ленин, ПСС, т. 34, стр. 379.

¹⁷ В. И. Ленин, ПСС, т. 30, стр. 36.

Претворение в жизнь указаний В. И. Ленина, практическое осуществление ленинской национальной политики повело к ликвидации былой национальной вражды и недоверия, к установлению между народами СССР отношений, основанных на братском сотрудничестве и взаимопомощи. Благодаря такой взаимопомощи со стороны более развитых народов, прежде отсталым народам колониальных окраин России удалось в короткий срок добиться экономического и культурного расцвета. Дружба советских народов выдержала тяжелые испытания в годы Великой Отечественной войны и ныне является одним из важнейших условий построения в СССР коммунистического общества.

Хотя основное внимание В. И. Ленина, естественно, было уделено проблемам, связанным с решением национального вопроса в России, заметное место в его работах занимает анализ национально-политической ситуации в других странах мира, прежде всего — колониальных странах. Национальные движения в этих странах, будучи направлены на освобождение от колониальной зависимости, все больше приобретали характер антиимпериалистических революций, в ходе которых между интернационально сплоченным пролетариатом развитых стран и народами колоний устанавливался тесный союз. В. И. Ленин разоблачал грабительскую колониальную политику империалистических держав и горячо приветствовал национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах. Многие положения, высказанные им в этой связи в статьях «Горячий материал в мировой политике», «Пробуждение Азии» и др., в докладе Комиссии по национальному и колониальному вопросу на втором конгрессе Коминтерна сохраняют актуальность до наших дней. Кроме того, правильное разрешение национального вопроса в СССР само по себе имеет огромное международное значение. Многонациональное советское социалистическое государство, созданное великим Лениным, является образцом дружбы и сотрудничества народов для всех социалистических стран, для всех народов, ведущих борьбу против социального и национального угнетения.

* * *

Концентрируя свое внимание на общей теории и практике национального вопроса, В. И. Ленин в своих трудах затрагивал и ряд других национальных проблем. Изучение богатейшего наследия В. И. Ленина в этой области, несмотря на ряд уже появившихся специальных работ¹⁸, еще далеко от завершения. Весьма целесообразно в этой связи остановиться на высказываниях В. И. Ленина, которые представляют большой интерес для этнографов и были отчасти затронуты в ходе развернувшейся в последние годы дискуссии по теории нации и понятию этнической общности.

Начнем с того, что упомянутая дискуссия, позволившая, в частности, в полной мере восстановить действительно важную заслугу В. И. Ленина в разработке ряда основных положений марксистской теории нации, показала и трудность воссоздания взглядов В. И. Ленина по некоторым весьма существенным вопросам. Эта трудность (явившаяся одной из причин и самого возникновения упомянутой дискуссии) вызвана, прежде всего, тем, что теория нации как особого вида общности людей и ряд других непосредственно связанных с ней этнических проблем в целом не занимали самостоятельного места ни в трудах В. И. Ленина,

¹⁸ См., например: А. С. Богдасаров, Разработка В. И. Лениным национального вопроса в годы нового революционного подъема, М., 1956; Б. Т. Багликов, Ленинские произведения по национальному вопросу (обзор), М., 1962; Т. Ю. Бурмистрова, Разработка В. И. Лениным программы большевистской партии по национальному вопросу (1910—1914), М., 1962; Ю. И. Семенов, Из истории теоретической разработки В. И. Лениным национального вопроса, «Народы Азии и Африки», 1966, № 4, и др.

ни в трудах его великих предшественников К. Маркса и Ф. Энгельса; никто из них не оставил нам и определения нации.

Это не значит, конечно, что В. И. Ленин являлся противником определения научных понятий, как получилось у некоторых участников дискуссии¹⁹. Осуждение В. И. Лениным «игры в дефиниции», «формальных определений», «бессмысленной попытки ввести в общее понятие все частные признаки единичных явлений...»²⁰ и т. п. говорит лишь о необходимости чрезвычайно осторожного и подлинно научного подхода к определению понятий. Приступая к своему определению империализма, В. И. Ленин прямо предупреждал об условном и относительном значении «всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии»²¹. Особенно осторожно подходил В. И. Ленин к национальным явлениям. Уже из приведенных выше высказываний, относящихся к характеристике национальной ситуации в России, видно, сколь детально и всесторонне анализировал он данное явление, выделяя своеобразие исторических стадий и эпох, тенденций и закономерностей развития. Показательно, что, начиная свою работу «Статистика и социология», которая, судя по материалам к ней, должна была стать обобщающим трудом именно по национальным проблемам во всем мире, В. И. Ленин указывал: «...Надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех „общих“ или „примерных“ рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе возникает подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимосвязи исторических явлений в их целом преподносится субъективная стряпня для оправдания, может быть, грязного дела»²².

Следует учесть также, что национальный вопрос понимался основоположниками марксизма-ленинизма, в данном случае — В. И. Лениным, как вопрос, относящийся не только собственно к нациям, но по существу ко всем народам мира, за исключением разве что отсталых племенных обществ, вроде готтентотов и бушменов²³. Поэтому в само слово «нация» В. И. Лениным обычно вкладывался расширительный смысл, приближающийся к понятию «народ», «этническая общность»²⁴. Несомненно, например, что в основном пункте национальной программы РСДРП — тезисе о праве наций на самоопределение — слово «нация» имело именно такой расширительный смысл, охватывая и народы, которые еще не успели сложиться в нации²⁵. В рукописных материалах и рефератах В. И. Ленина по национальному вопросу (1913—1914 гг.)

¹⁹ Такая мысль явственно выступает, например, в упомянутой статье Ю. И. Семёнова.

²⁰ В. И. Ленин, ПСС, т. 5, стр. 142.

²¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 27, стр. 386.

²² В. И. Ленин, ПСС, т. 30, стр. 351.

²³ В. И. Ленин, ПСС, т. 38, стр. 159.

²⁴ Существенное значение здесь, очевидно, имело и то обстоятельство, что области общественных наук, которые занимались национальной (этнической) проблематикой, в начале XX в. были развиты слабо, поэтому многие важные термины еще не установились и не дифференцировались; например, слова «народ», «народность», «нация», «национальность» часто употреблялись в литературе довольно неопределенно, как синонимы. Это в какой-то мере отразилось и в работах В. И. Ленина; так, например, характеризуя положение евреев, он называет их «народностью» и «народом», «нацией» и «национальностью» (См. В. И. Ленин, ПСС, т. 22, стр. 199; т. 25, стр. 16; т. 25, стр. 86 и др.).

²⁵ Этот вывод подробно аргументирован, например, в работе: Г. Б. Старушенко, Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского государства, М., 1960.

уделено значительное место критическому анализу двух наиболее распространенных в то время в социал-демократической литературе национальных теорий: «психологической», по определению В. И. Ленина, теории О. Бауэра, считавшего основным признаком нации общность национального характера, и «историко-экономической» теории К. Каутского, считавшего основными признаками нации язык и территорию²⁶. Однако в публикуемых статьях по национальному вопросу В. И. Ленин нигде не акцентирует внимания на этих определениях. Исходной базой в этих статьях В. И. Ленина было не понятие нации, а сущность, национальных движений и их место в революционной борьбе; бауэровский лозунг «культурно-национальной автономии», например, отвергался В. И. Лениным прежде всего потому, что он разъединял силы борющегося пролетариата.

Из сказанного выше напрашиваются два вывода. Первый из них заключается в возможности распространения части высказываний В. И. Ленина, внешне адресованных «нации», на народы или этнические общности. Второй — в необходимости для исследователей, пользующихся трудами В. И. Ленина по национальному вопросу, стараться основываться не на отдельных фразах или фрагментарных выражениях, а на тех положениях, которые составляют методологически стройную систему взглядов В. И. Ленина.

Среди высказываний В. И. Ленина, имеющих непосредственное отношение к элементам национальной (или в более широком смысле — этнической) общности, довольно заметное место занимают положения, относящиеся к так называемой национальной культуре. При чтении произведений В. И. Ленина бросается в глаза, прежде всего, его отрицательное отношение к лозунгу «национальной культуры», выдвинутому социал-демократами Австрии. «С точки зрения социал-демократии,— писал В. И. Ленин,— недопустимо ни прямо ни косвенно бросать лозунг *национальной культуры*. Этот лозунг неверен, ибо вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее. Интернациональная культура, уже теперь создаваемая систематически пролетариатом всех стран, воспринимает в себя не „национальную культуру“ (какого бы то ни было национального коллектива) в целом, а берет из *каждой* национальной культуры *исключительно* ее последовательно демократические и социалистические элементы»²⁷.

Развивая эту мысль, В. И. Ленин указывает: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только „элементов“, а в виде господствующей культуры. Поэтому „национальная культура“ вообще есть культура помещиков, купцов, буржуазии... Значение лозунга „национальной культуры“ определяется не обещанием или добрым намерением данного интеллигентика „толковать этот лозунг“ в смысле проведения через него интернациональной культуры. Смотреть так было бы ребяческим субъективизмом. Значение лозунга национальной культуры определяется объективным соотношением всех классов данной страны и всех стран мира»²⁸. «Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры

²⁶ См. «Ленинский сборник», XXX, М., 1937.

²⁷ В. И. Ленин, ПСС, т. 23, стр. 318.

²⁸ В. И. Ленин, ПСС, т. 24, стр. 120—121.

в каждой национальной культуре»²⁹. «Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман»³⁰.

Резкость этих формулировок, очевидно, объясняется тем, что под «национальной культурой» В. И. Ленин понимал главным образом идеологию, распространенную тогда в среде той или иной нации и оказывающую влияние на развитие революционного движения, а также основные средства распространения этой идеологии, прежде всего школьное образование. «Не подлежит сомнению — пишет, например, он, — что „национальная культура“ в обычном значении этого слова, т. е. школы и т. д. (курсив мой. — В. К.) находится в настоящее время под преобладающим влиянием клерикалов и буржуазных шовинистов во всех странах мира»³¹. В. И. Ленин подчеркивал, что лозунг «национальной культуры» очень широко использовался в буржуазно-националистических целях. «Вопрос о лозунге „национальной культуры“ имеет для марксистов громадное значение, — писал В. И. Ленин, — не только потому, что он определяет идейное содержание всей нашей пропаганды и агитации по национальному вопросу в отличие от пропаганды буржуазной, но и потому еще, что целая программа пресловутой культурно-национальной автономии построена на этом лозунге...»³². «Социалисты борются со всеми и всякими, грубыми и тонкими, проявлениями буржуазного национализма. Именно таким проявлением является и лозунг „национально-культурной автономии“, соединяющий пролетариат и буржуазию одной нации, разделяющий пролетариат разных наций»³³.

Из приведенных цитат видно, что высказывания В. И. Ленина о «национальной культуре», по-видимому, не следует механически распространять на то понятие национальной (или точнее — народной) культуры, которым пользуются советские этнографы при изучении различных народов СССР и которое охватывает не столько идеологию, сколько другие компоненты духовной культуры, а также широкую область материальной культуры. Вопрос об общности национальной культуры (в широком значении этого слова) как признаке национальной (или этнической) общности представляется чрезвычайно сложным и до сих пор дискуссионным, особенно в приложении его к капиталистическим нациям, раздираемым культурно-идеологическими противоречиями.

Огромный интерес для этнографов представляет и ряд других высказываний В. И. Ленина по национальным проблемам, в частности характеристика им языка и территории, как элементов национальной общности, анализ языковых и этнических (главным образом ассимиляционных) процессов в России и некоторых других странах мира. Рассмотрение этих высказываний может составить задачу специальной статьи.

SUMMARY

The article deals with Lenin's analysis of the situation with regard to nationalities and nationality policies in Russia at the end of the XIX and the beginning of the XX centuries. The main features of the situation were the multi-national character of Russia's population and the incompleteness of the country's bourgeois democratic reforms. This resulted in the rise of movements for national liberation. A survey is given of the main stages of Lenin's studies in nationality problems and of his basic ideas towards solving the nationality question in Russia. The possibility is considered of using V. I. Lenin's remarks with regard to «nations» (including those on «national culture») for characterizing a wider range of ethnic communities.

²⁹ В. И. Ленин, ПСС, т. 24, стр. 129.

³⁰ Там же, стр. 120.

³¹ Там же, стр. 133.

³² Там же, стр. 130—131.

³³ В. И. Ленин, ПСС, т. 23, стр. 209.

В. П. Алексеев

О ПЕРВИЧНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА НА РАСЫ, ВТОРИЧНЫЕ ОЧАГИ РАСООБРАЗОВАНИЯ¹

Вторичные очаги расообразования в составе первичного восточного очага

Первоначальные границы обоих первичных очагов — западного и восточного — трудно очертить с полной определенностью. Территория Монголии и бассейны великих китайских рек безусловно входили в первоначальный ареал восточного очага. Но его границы быстро стали раздвигаться еще в конце нижнего палеолита. Некоторые геологические, палеоклиматологические и археологические данные позволяют думать, что Южная Сибирь была заселена человеком во всяком случае в мустьерское время². Совсем недавно эта гипотеза была подкреплена сделанной О. М. Адаменко находкой нижнепалеолитического отщеп³. Что касается остальных районов Сибири, то все они были заселены уже в эпоху верхнего палеолита. Исключение составлял, может быть, лишь Крайний Север. Заселение Америки по времени соответствовало, по-видимому, переходу от верхнего палеолита к мезолиту в Европе. Была высказана мысль о том, что оно осуществлялось одной волной переселенцев из Сибири, очень малочисленных⁴. Основанием для такой гипотезы послужило своеобразие американских индейцев по распределению групповых факторов крови. Однако помимо теоретических трудностей (малая вероятность лишь кратковременного открытия Берингова пролива, последовательность расселения человечества из центров перенаселенности, слабая возможность для малочисленной группы освоить целый материк за сравнительно короткий промежуток времени и т. д.) это предположение сталкивается и с трудностями фактического порядка: налицо повторные и более поздние миграции в Америку, например эскимосов, известны и случаи почти полного отсутствия группы В у народов Восточной Сибири⁵. Но так или иначе к эпохе мезолита ареал восточного очага первичного расообразования увеличился в несколько раз.

¹ Эта статья представляет собою продолжение статьи автора о первичных очагах расообразования. См.: В. П. Алексеев, О первичной дифференциации человечества на расы. Первичные очаги расообразования, «Сов. этнография», 1969, № 1.

² См.: В. П. Алексеев, Заселение территории Южной Сибири человеком в свете данных палеоантропологии. «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края», Красноярск, 1963.

³ А. П. Окладников, О. М. Адаменко, Первая находка леваллуа-мустьерской пластины в среднеплейстоценовых отложениях Сибири. Четвертичный период Сибири, М., 1966.

⁴ Н. Wormington, Origins. Program of the history of America, I, Indigenous period, vol. 1, Mexico, 1953. О малочисленности исходной группы, правда, без специальной аргументации, говорится еще в работе Г. Ф. Дебеца, см.: Г. Ф. Деб е ц, Антропология Сибири и проблема заселения Америки. Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока (тезисы докладов и сообщений), Иркутск, 1960.

⁵ См.: Ю. Г. Рычков, Особенности серологической дифференциации народов Сибири, «Вопросы антропологии», вып. 21, 1965.

Совершенно естественно, что такое увеличение первичного очага расообразования и включение в него новых обширных территорий повели к сегментации расообразовательного процесса и членению единой прежде области на подобласти, в пределах которых расообразование приобрело дополнительную специфику. Верхнепалеолитическое население восточного очага по своему морфологическому облику отличалось некоторой нейтральностью в отношении выраженности монголоидных признаков. Расселение монголоидов на север и потом в Америку позволило сохраниться этому комплексу признаков до современности почти в неизменном виде. Неясно только, принесена ли групповая специфика крови предками американских индейцев из Азии (будучи обусловленной аналогичным распределением групп крови у некоторых народов Восточной Сибири, исследованных, правда, пока недостаточно) или образовалась на новой территории в условиях изоляции (генетико-автоматический процесс). В принципе могли иметь место оба явления, взаимно усилившие конечный результат. Таким образом, американскую ветвь монголоидного ствола можно рассматривать как протоморфную формацию в истории монголоидов, а американский континент — как вторичный очаг расообразовательного процесса, в котором основную роль играло не образование нового комплекса признаков, а сохранение уже сформировавшегося комплекса в условиях изоляции. Дополнительные очаги расообразования в пределах этого вторичного очага (например, Аргентина, Огненная Земля и т. д.), а также переселение новых групп людей (негроидная примесь в составе населения разных райсов, морфологические особенности эскимосского населения Арктики) не меняют основного факта — отмеченного единообразия коренного населения Америки в целом. Оно выражается в близости к исходному прототипу по монголоидным признакам и специфике распределения групповых факторов крови.

Иной характер носил процесс расообразования в Восточной Азии. Правда, нейтральные комбинации признаков открыты и в Восточной Азии (антропологический тип тибетцев кама, лоло или носу, и т. д.), но они составляют незначительное меньшинство и являются, по-видимому, реликтами предшествующего этапа расообразования. Однако основные группы населения Восточной Азии отличаются от коренного населения Америки, как известно, заметным усилением монголоидного комплекса признаков. Неоднократно отмечалось, что многие из этих признаков в условиях лессовых степей и полупустынь, а также резко континентального климата имели адаптивное значение. Особенности строения глазной области монголоидов — эпикантус, набухшее веко, узкий разрез глаз — рассматриваются как защита от лессовой пыли, уплощенности лица и слой жира на нем — как защита от переохлаждения носоглоточной области в холодном климате и при очень сильных перепадах температуры. Последнее, правда, весьма сомнительно, так как уплощенность носа характерна и для негров. Легко объяснить в этих своеобразных климатических условиях и слабый рост бороды и усов, которые очень мешали бы при сильном ветре, поднимающем тучи песка и пыли. Но как бы ни решать проблему факторов формирования монголоидного комплекса признаков — считать ли его следствием адаптаций или каких-то других причин, — остается бесспорной резкая разница в расообразовании между Американским континентом и Восточной Азией. В Америке расообразовательный процесс, как уже говорилось, выразился в основном в сохранении возникших комплексов, в Восточной Азии — в образовании новых комбинаций признаков, частично, очевидно, под влиянием адаптации, частично, может быть, под влиянием и иных факторов (несомненно, что изоляция также сыграла значительную роль в дальнейшей сегментации расообразовательного процесса в очень разнообразных природных зонах Восточной Азии). Так, и по морфологиче-

ским, и по серологическим признакам намечается положение Сибири как особой зоны расообразовательного процесса внутри вторичного восточноазиатского очага⁶. На юге специфика расообразования выразилась в основном в интенсивном смешении представителей восточного и западного стволов в эпоху верхнего палеолита, а может быть, и раньше. И с той и с другой стороны в нем принимали участие носители протоморфных комбинаций признаков, причем на результаты первоначального смешения наслоилось последующее смешение между австралоидами и уже специализированными восточноазиатскими монголоидами.¹ Поэтому так сложен антропологический состав Юго-Восточной Азии, которая также должна быть выделена в качестве особой зоны расообразования, характеризующейся в основном интенсивным смешением.

Итак, в пределах восточного первичного очага выделяются два вторичных — в Америке и Восточной Азии. Их древность восходит скорее всего к мезолиту. Правда, протоморфный комплекс признаков, сохранившийся в Америке, образовался, как мы помним, в Восточной Азии раньше, во всяком случае в верхнем палеолите. Но в Америке он приобрел дополнительные отличительные особенности (например, почти полное исчезновение группы *B* могло произойти уже при переселении через Сибирь). У нас пока нет твердых данных для того, чтобы датировать заселение всей территории Америки верхним палеолитом, и поэтому выделение американского очага следует, по моему мнению, возводить к мезолиту. Что же касается формирования характерных особенностей восточноазиатских монголоидов, то это событие нельзя уверенно датировать даже эпохой мезолита: все палеоантропологические находки, на которых отчетливо выражен восточноазиатский монголоидный комплекс, относятся к неолитическому времени. Верхнепалеолитическая находка черепа на Афонтовой горе не меняет сути дела из-за его фрагментарности (как известно, на нем был определен лишь один признак, правда важный, — высота переносья). Поэтому формирование вторичного восточноазиатского очага в мезолитическое время — факт весьма вероятный, но пока не строго доказанный. Ареал восточноазиатского очага не совпадает с первоначальным ареалом образования монголоидов, вторичный очаг значительно обширнее первичного, он включает Сибирь и Юго-Восточную Азию — зоны дальнейшей сегментации расообразовательного процесса.

Вторичные очаги расообразования в составе первичного западного очага

Западный очаг, так же как и восточный, значительно расширился в мезолите: в частности, к этому времени относится заселение Скандинавии и севера Европейской части СССР. Однако расширение западного очага не носило столь большого размаха, как на востоке: восточный очаг увеличился к мезолиту в несколько раз, тогда как на западе, если не считать северные районы, процесс расообразования разворачивался приблизительно в прежних границах. Поэтому сегментация расообразования осуществлялась не в процессе расселения человеческих коллективов, а в ходе все более интенсивного приспособления к условиям существования на уже освоенной территории. Исключение составляли вновь освоенные северные районы Европы, где действовал иной механизм расообразования.

Выше говорилось о том, что австралоидный комплекс признаков представляет собою протоморфную формацию и для европеоидной и для негроидной рас. Формирование более специализированных комбинаций признаков на базе австралоидного комплекса можно представить себе

⁶ См. об этом: В. П. Алексеев, Сибирь как очаг расообразования, «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968.

лишь как дивергентное развитие на основе выделения вторичных очагов расообразования в составе первичного западного очага. По-видимому, наиболее ранним из этих вторичных очагов был европейский, который начал формироваться еще в эпоху мустье (находки европеоидов в позднемустьерских захоронениях, например, в с. Староселье). В условиях сравнительно холодного климата Европы селективное значение приобрело ослабление интенсивности пигментации, что выразилось в посветлении и волос, и глаз, и кожи по сравнению с австралоидами. Весьма вероятно, правда, что наряду с этим действовала и другая причина — показанное Н. И. Вавиловым накопление рецессивных факторов на окраине ареала. Н. Н. Чебоксаров убедительно объяснил этим явлением резкую депигментацию населения Скандинавии⁷. Именно это имелось в виду, когда только что отмечался иной механизм расообразования на севере Европы по сравнению с остальными районами. Но Европа в целом была таким же окраинным районом для всего западного очага, каким Скандинавия была для Европы. Поэтому оттесняясь из центральных областей западного очага на периферию по направлению к Скандинавии, рецессивные гены окраски волос, глаз и кожи постепенно распространились по всей Европе, концентрируясь, однако, в ее северных районах.

Трудно объяснить приспособительное значение выступающего носа. Мы помним, что адаптивное значение приписывалось и мало выступающему носу монголоидов, но аналогичное строение носа у негров ставит под сомнение эту точку зрения. Любопытно, что протоморфная австралоидная комбинация включает среди прочих признаков и выступание носовых костей. У европеоидов оно могло сохраниться просто как бесполезное реликтовое образование, так же как и резкая профилировка лицевого скелета в горизонтальной плоскости. Возможно, что сохранению этой особенности способствовал и селективный процесс — сильное выступание носовых костей удлиняет путь, который проходит воздух в носоглотке; при этом он нагревается, что может оказаться полезным в холодном или прохладном климате. Таким образом, если рассматривать процесс расообразования в Европе в целом, то он выступает как адаптивный процесс, усиленный, однако, по отношению к некоторым признакам (пигментация) действием закона вытеснения рецессивных генов на окраины ареала. Отдельные признаки европеоидного комплекса (горизонтальная профилировка лица, частично выступание носа) сохранились как реликт предшествующей протоморфной стадии. Во всем этом выражается специфика расообразовательного процесса в пределах северной зоны западного очага, специфика Европы как вторичного очага расообразования. Границы этого очага на севере и западе не нуждаются в специальных комментариях, на юге же он включал, по-видимому, не только северное, но частично и южное Средиземноморье (во всяком случае об этом свидетельствует антропологический тип берберских народов и населения Канарских островов). Труднее всего наметить границу вторичного европейского очага на востоке. На юго-востоке он охватывал, очевидно, почти всю Переднюю Азию, Кавказ и Северную Индию, в северо-восточной же части граница могла проходить по Уральскому хребту. Последнее наиболее спорно, так как основывается только на обобщении более поздних палеоантропологических материалов и не может быть доказано прямыми данными. Что касается дальнейшего членения европейского очага, то все проведенные до сих пор антропологические исследования европейского населения не выявили почти никаких морфологических различий между севером и югом кроме различий в интенсивности пигментации. Поэтому разницу между северной и южной ветвями

⁷ Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, «Антропологический журнал», 1936, № 2.

европеоидов можно объяснить как результат разного проявления Закона оттеснения рецессивных генов из центра расообразования на самой окраине ареала и ближе к центру.

Второй вторичный очаг сложился в Африке и также характеризовался адаптивным направлением расообразовательного процесса. Об адаптивности негроидного комплекса писалось еще чаще, чем об адаптивности монголоидных признаков, и в этой области накопилось довольно много убедительных наблюдений. Некоторые из них подтверждены статистически. Так, большой статистический материал, свидетельствующий о высокой межгрупповой корреляции между шириной носа и климатическими факторами, приведен в работах английских биометриков. В тропическом климате расселены как раз наиболее широконосые народы, в частности максимальные величины ширины носа и носового указателя отмечены в Африке. Недавно эта зависимость была еще раз показана с помощью новых данных⁸. Экспериментальное обоснование получила зависимость формы черепной коробки от интенсивности облучения солнцем: характерная для негров гипсистоцефалия является благоприятной особенностью в тропическом климате⁹. Многие другие признаки негроидного комплекса — форма волос, пигментация, форма губ — также были рассмотрены под этим углом зрения. Хотя зависимость вариаций этих признаков от климата не была доказана статистически, но она весьма вероятна: толстые губы, как и широкий нос, способствуют при интенсивной жаре и влажности лучшей терморегуляции, отложение меланина в коже защищает ее от ожогов, курчавые волосы создают вокруг головы воздушную прослойку и так же, как и высокая и узкая форма черепной коробки, предохраняют голову от перегрева. Что же касается пигментации волос и глаз, то она не может быть светлой при темной коже благодаря морфофизиологической корреляции между пигментацией всех покровов. Чрезвычайно резко выраженная прогнатность у народов Африки объясняется в известной степени утолщением губ, при определении вертикальной профилировки лицевого скелета на черепе негрские серии почти не отличаются от австралийских. Кстати говоря, различия между ними почти незаметны и в ширине носа, особенно при сопоставлении наиболее сравнимых черепных размеров. Таким образом, при формировании негроидной расы западного ствола известную роль сыграло не только приспособление к условиям Тропической Африки, но и сохранение некоторых особенностей протоморфной австралоидной стадии.

Границы вторичного африканского очага достаточно определены и в целом совпадают с границами Африканского материка. Исключение составляет средиземноморский север Африки, достаточно давно, по-видимому изолированный от остального пространства сначала труднопроходимыми тропическими лесами, потом пустыней. Он отошел к европейскому очагу, однако позже сложилась зона вторичных смещений между представителями уже сформировавшихся вариантов негроидной и европеоидной рас. Эта зона захватила и северные районы Средиземноморья. Что же касается членения территории Африки на более мелкие очаги и дальнейшей сегментации расообразовательного процесса, то в первую очередь следует выделить юг Африки, где среди койсанских народов представлен специфический комплекс признаков, основным маркирующим отличием которого является сходство койсанских народов по некоторым особенностям с монголоидами. В данном случае яснее, чем в любом другом, проявляется параллелизм в вариациях отдельных расовых

⁸ I. Weiner, Nose shape and climate, «American journal of physical anthropology», new series, vol. 12, 1954, № 4.

⁹ В. М. Волков-Дубровин, Я. Я. Рогинский, Гипсистоцефалия как приспособительный признак в тропической зоне, «Вопросы антропологии», вып. 1, 1960.

признаков и даже их комплексов в пределах различных очагов. Затем выделяются пигмеи, происхождение морфологических особенностей которых недостаточно ясно. Если будет доказано, что они сравнительно недавно отделились от собственно негров и их физический тип является просто следствием чрезвычайно тяжелой жизни в тропическом лесу, то отпадает основание выделять их в качестве самостоятельного расового варианта высокого таксономического ранга (по основным признакам негроидного комплекса пигмеи мало отличаются от центральноафриканских негров). Но пока для положительного решения этого вопроса мало данных. Выделение самостоятельной ветви в составе населения Центральной Африки, которая наиболее полно воплощает в себе характерные особенности негроидного комплекса, не требует специальных комментариев. Что касается населения Эфиопии, то здесь, как и с пигмеями, трудно решить вопрос о месте эфиопов в расовой систематике. Их можно считать либо самостоятельным вариантом в составе негроидной расы, сохранившим недифференцированный комплекс и европеоидных, и негроидных черт и, следовательно, близким австралоидному, либо результатом позднего смешения негроидов и европеоидов. В последнем случае Эфиопию нужно включать в зону вторичного смешения тропического и европейского стволов вокруг Средиземноморского бассейна.

Совершенно естественно, что гораздо более специализированные комплексы — европеоидный и негроидный — вытеснили протоморфную комбинацию из первоначального ареала. В настоящее время ни в Африке, ни тем более в Европе не фиксируется комбинаций признаков, которые напоминали бы австралоидные. Но в Южной Азии, в частности в составе населения Индии, среди некоторых оттесненных в джунгли и очень примитивных по культуре племен выявлена австралоидная комбинация — сочетание широкого носа, prognathного лица, темной кожи и массивного черепа с выраженным надбровьем¹⁰. Полагаю, что сохранение этой комбинации в составе современного населения намечает путь древней миграции австралоидов, оттесняемых из центра эйкумены, на восточную окраину первичного западного очага. Однако затем они были вытеснены и из Южной Азии на юго-восток континента, а в Юго-Восточной Азии к совместному давлению негроидных и европеоидных типов присоединилось давление монголоидов. В результате представители протоморфного австралоидного типа заняли незаселенную область эйкумены, где и сохранились до современности в условиях изоляции. Поэтому Австралию можно выделить в качестве третьего вторичного очага расообразования в составе первичного западного очага. История этого очага напоминает историю очага американского: основным расообразующим фактором была изоляция, вследствие которой законсервировался протоморфный комплекс признаков. Этим, очевидно, объясняется исключительная гомогенность антропологического состава коренного населения Австралии — почти полное тождество территориальных групп австралийцев и по морфологическим, и по физиологическим особенностям. Но изоляция привела и к новообразованиям: своеобразие австралийцев по соотношению *MN* представляет собой, по-видимому, следствие направленного генетико-автоматического процесса. Этим частично можно объяснить, очевидно, и другие специализированные черты морфологического облика австралийцев, которые совсем необязательно приписывать исходной протоморфной комбинации, например исключительно сильное развитие рельефа черепа.

Таким образом, западный очаг, как и восточный, на стадии формирования вторичных очагов расширил свою территорию, включив в нее и Австралию. Но в отличие от востока, сегментация процесса расообразо-

¹⁰ I. Schwidetzky, Die Australoiden Indiens, «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 3, М., 1968.

вания происходила в трех областях, в одной из которых, как и в Америке, законсервировались протоморфные варианты. При оттеснении этих вариантов на окраину эйкумены и расселении более специализированных форм образовалась обширная зона вторичного смешения в Южной Азии. Связь ее со средиземноморской зоной пока гипотетична. Однако уже сейчас можно утверждать, что в Южной Азии к европеоидам и негроидам примешивался австралоидный элемент. В остальных двух областях преобладающим направлением расовых изменений были адаптивные, хотя к адаптации в результате селекции примешивались и другие расообразующие факторы (особенно в Европе). Последовательность возникновения вторичных очагов отражает этапы дифференциации западного ствола. Европейский очаг начал формироваться, вероятно, еще в конце мустьерской эпохи и окончательно сложился в верхнем палеолите. Африканский и австралийский очаги окончательно сложились, по-видимому, лишь в мезолите.

Вопросы терминологии

Вопросы терминологии нельзя считать основными при любом научном исследовании. Совершенно бесспорно, что понять явление гораздо важнее, чем обозначить его каким-либо термином. Сам термин не связан с существом явления и поэтому может быть выбран произвольно. Однако все термины в совокупности, особенно когда их мало, должны составлять систему. В противном случае, если имеется большое количество терминов, при выборе которых были применены разные критерии, непродуманная терминология вносит путаницу в понимание самих явлений.

При первом конспективном изложении в печати гипотезы очагов расообразования автор писал о необходимости разработки применительно к ней новой терминологии¹¹. Необходимость эта тем более очевидна, что существующая терминология далека от совершенства в силу случайного выбора терминов и их несопоставимости друг с другом. Традиционность и вытекающая отсюда привычность существующей терминологии не могут служить ее оправданием, так как единственным оправданием права на существование определенной системы терминов является единая логика их выбора. Этой логики нет даже в названиях больших рас: в одном случае основу термина составляет название части света (европеоиды), в другом — название одной страны (монголоиды), в третьем — собирательное название населения Африки (негроиды). Еще меньше логики в наименованиях отдельных подразделений внутри больших рас: они называются по сторонам света (северная и южная ветви европеоидов), по материкам (американоиды и австралоиды), по географическим областям (центральноазиатские монголоиды, арктические монголоиды), по водным бассейнам и горным системам (байкальцы, катангский тип, альпийцы), по этническим названиям (арменоиды и лапоноиды). Не рассматривая расовой терминологии в целом, что было бы оправдано только при изложении детальной антропологической классификации человечества, остановлюсь на терминологических рекомендациях, касающихся затронутой темы.

Раса представляет собою очень сложное явление, одновременно географическое, историческое и популяционное. В качестве пригодных можно поэтому выбирать географические названия рас, обозначать расы по этническим наименованиям, определять их по типу изменчивости входящих в состав расы популяций. Представляется достаточно очевидным, что исторические и популяционные процессы, связанные с расой, разво-

¹¹ Выступление на симпозиуме «Методы антропологического анализа, факторы формирования расовых признаков и принципы расовых классификаций», «Вопросы антропологии», вып. 20, 1965, стр. 20. Перепечатано: «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 3, М., 1968, стр. 572.

Стратиграфическая шкала		Абсолютный возраст в тыс. лет	Европа, Африка, Передняя и Южная Азия	Восточная Азия
Верхний плейстоцен	Поздний вюрм	20	вырожденная евро-африканская раса	Протоморфная амероазиатская раса
	Средний вюрм	40	Протоморфная евроафриканская раса	Протоморфная амероазиатская раса
	Ранний вюрм	70	Схул	
	Рисс-вюрм	150		
Средний плейстоцен	Рисс	200		
	Миндель-рисс	300-350	?	Синантроп
Нижний плейстоцен	Миндель	500		
	Гюнц-Миндель	600		

Генеалогические взаимоотношения ископаемых гоминид и современных рас (стратиграфия и абсолютные датировки даны по работе И. К. Ивановой, см.: И. К. И в а н о в а, Геологический возраст ископаемого человека, М., 1965)

вавшимися в них расам, за исключением последнего. Термин «австралийская раса» не будет охватывать аналогичные комбинации признаков протоморфной стадии. Поэтому лучше называть эту расу протоморфной евроафриканской. Два вторичных очага в составе первичного восточного — восточноазиатский и американский. Первое наименование подходит и для азиатской ветви амероазиатского ствола, предлагаемый термин для американской ветви — протоморфная амероазиатская (по аналогии с протоморфной евроафриканской).

Вместо выводов вниманию читателей предлагается схема, на которой графически представлены генетические и хронологические взаимоотношения между выделенными типами. На ней показаны связи современных рас с ископаемыми гоминидами. Беспорядочная штриховка означает мозаичный полиморфизм нижнепалеолитических архантропов, еще не распавшихся на четко выраженные локальные расы. От этой нижнепалеолитической группы идут две линии развития: одна — через си-

рачиваются на определенных территориях, приурочены географически. Поэтому логически целесообразно остановиться на географическом критерии выбора расовых названий, тем более, что он является основным и в расовом анализе. Это означает, что наименования расовых категорий должны выбираться в зависимости от их размещения и давать представление о географической приуроченности их ареала. Два первичных очага расообразования названы западным и восточным в соответствии с занимаемыми ими участками первоначальной эйкумены. Чтобы по возможности использовать существующую и уже широко применяемую терминологию, основные расовые стволы, сформировавшиеся в этих очагах, можно назвать евроафриканским и амероазиатским или так же, как и очаги, просто западным и восточным. Три вторичных очага в составе первичного западного приурочены к материкам, и их следует по материкам и назвать — европейским, африканским и австралийским. Эти наименования можно повторить и по отношению к сформиро-

нантропа к современным монголоидам или, по терминологии автора, к восточной амероазиатской расе; вторая — к негроидам и европеоидам, т. е., в соответствии с той же терминологией, к западной евроафриканской расе. Гипотетические предки этой расы того же хронологического возраста, что и синантроп, пока не обнаружены, что находит отражение на схеме в прерывистой штриховке и вопросительном знаке. Автор должен подчеркнуть, что, отстаивая концепцию дицентризма, он в то же время целиком разделяет идею видового единства человечества.

SUMMARY

The hypothesis of race formation centres is extended to the upper Palaeolithic and the Mesolithic. The concept of a comparatively late formation of the Caucasoid and Negroid races from the Australoid race is argued. These are secondary race formation centres within the primary western centre. A third secondary centre is that of the protomorphic Australoids who have been driven back to the outlying areas of the Eucumene. Within the eastern primary centre two secondary centres may be distinguished — the Northeast Asian and the American. In the first centre a specialized Mongoloid complex of characters is formed, in the second — the protomorphic American complex is conserved.

In conclusion terminological problems are discussed, and the resulting suggestions are shown on the chart.

В. М. Кабузан

ЗАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (НОВОРОССИИ) В XVIII в. (1719—1795 гг.)

История заселения и хозяйственного освоения Северного Причерноморья (Екатеринославской и Херсонской губерний в границах начала XIX в.) все еще недостаточно изучена. В существующих исследованиях (А. А. Скальковского, Д. И. Багалея, Н. Д. Полонской-Василенко, В. А. Голобуцкого, Е. И. Дружининой, В. В. Покшишевского и др.)¹ эта проблема, к сожалению, рассмотрена лишь в общих чертах без достаточной критической проверки достоверности привлекаемых источников и полного учета сопоставимости административных границ.

В то же время в наших архивах, особенно в Центральном государственном архиве древних актов (сокращенно ЦГАДА), Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), Архиве Академии наук СССР (Архив АН СССР), Центральном государственном историческом архиве СССР (ЦГИА СССР), Центральном государственном историческом архиве УССР (ЦГИА УССР) и других сохранились богатые материалы, позволяющие исследовать указанную проблему достаточно полно.

Основным источником для изучения движения населения на территории Новороссии, являются ревизии — переписи населения страны, проводившиеся в XVIII — первой половине XIX в. Данные церковного учета о естественном движении населения, а также различные статистические административно-полицейские материалы имеют вспомогательное значение.

На рассматриваемой нами территории (Екатеринославская и Херсонская губернии в границах начала XIX в.)² до 80-х гг. XVIII в. не производились общегосударственные ревизии, и население переписывалось в ходе различных местных локальных переписей или частных ревизий. Исключение представляет только русское население Бахмутской провинции, которое учитывалось, начиная с первой ревизии (1719 г.).

По первой ревизии в ЦГАДА в фондах Сената и «Ревизских сказок» сохранились материалы о численности русских Бахмутской провинции³ и данные о численности украинцев по ревизии 1731—1732 гг.⁴ Кроме

¹ А. А. Скальковский, Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730—1823, ч. I—II, Одесса, 1836—1838; его же, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I—II, Одесса, 1850; Д. И. Багaley, Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры, Киев, 1889; Н. Д. Полонская-Василенко, Заселение южной Украины в середине XVIII в., «Историк-марксист», 1941, № 5, стр. 30—46; В. А. Голобуцкий, Запорожское казачество, Киев, 1957; Е. И. Дружинина, Северное Причерноморье в 1775—1800 г., М., 1959; В. В. Покшишевский, Очерки по заселению лесостепных и степных районов Русской равнины, «Экономическая география СССР», вып. V, МГПИ, М., 1960.

² Сейчас здесь находятся области: Одесская (по Днестровский лиман), Кировоградская, Николаевская, Херсонская (кроме заднепровской части), Днепропетровская и части Запорожской, Донецкой и Луганской.

³ ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 42 (1720 г.), лл. 1—134; д. 44, лл. 234—235; ф. 248, оп. 17, д. 1163, лл. 453—454.

⁴ ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 479, лл. 267—360.

того, мы располагаем сведениями о примерном количестве украинских переселенцев в «заднепрских местах» (северная часть будущей Херсонской губернии), перешедших туда до начала русско-турецкой войны 1735—1739 гг.⁵

По второй ревизии в ЦГАДА и ЦГВИА имеются материалы о численности русского и украинского населения Бахмутской провинции⁶ и о размерах украинской колонизации этой провинции в 40—50-х гг. XVIII в.⁷, о ходе заселения украинцами «заднепрских мест»⁸ и Новослободского казачьего поселения⁹, об иностранной колонизации Новой Сербии и Славяносербии в 50-х гг. XVIII в.¹⁰, а также о численности запорожского казачества¹¹.

За 60—70-е гг. XVIII в. (период третьей общегосударственной ревизии) до нас дошли исключительно богатые источники, характеризующие основные этапы заселения и освоения Новороссии. Это — данные о численности и составе населения Новороссийской губернии в 1763—1764, 1768, 1772, 1775—1778 и 1781 гг.¹², а также Азовской губернии в 1763, 1768, 1774—1779 и 1781 гг.¹³ и «земле войска запорожского» в 1757, 1758, 1764, 1767—1768 и 1770 гг.¹⁴ По Азовской губернии найдены подробные списки населенных мест со сведениями о численности, сословном и частично национальном составе населения за 1775, 1778, 1779 и 1781 гг. Кроме того, в ЦГАДА имеются данные о размещении и примерной численности в 1774 и 1781 гг. оседлого христианского населения Очаковской области (главным образом будущий Тираспольский уезд Херсонской губернии)¹⁵.

По четвертой ревизии (1782 г.) за период 80-х — первой половины 90-х гг. в наших центральных и местных архивах сохранились наиболее ценные и компактные материалы. Начиная с 1783 г., почти за все годы мы располагаем подробнейшими поуездными цифровыми данными, характеризующими численность, состав и механическое движение населения Екатеринославской губернии, объединившей существовавшие здесь ранее Азовскую и Новороссийскую.

В ЦГИА СССР хранятся общегосударственные окладные книги, в которых приводятся поуездные данные о численности и составе населения¹⁶, однако, по Екатеринославской губернии полные статистические материалы сообщаются лишь с 1792 г. Кроме того, здесь же имеются две окладные книги собственно Екатеринославской губернии за 1783—1788 гг.¹⁷ и 1791—1795 гг.¹⁸, в которых по годам сообщаются сведения о численности, составе населения и переселенческом движении.

⁵ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 418, лл. 91—97; ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 2670, лл. 2—25.

⁶ ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 44, лл. 234—235; ф. 259, оп. 1, д. 3630, лл. 5—45; ф. 350, оп. 2, д. 46, лл. 4—18.

⁷ ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 5958, лл. 254—298.

⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 39, д. 2667, лл. 83—107.

⁹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 39, д. 2888/405, лл. 2—296.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 218, оп. 41, д. 3344, лл. 16—104; оп. 39, д. 2815, лл. 14—752; д. 2732, лл. 5—508.

¹¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 43, д. 8817, л. 411—413; оп. 41, л. 767.

¹² ЦГАДА, Гос. архив, р. XVI, д. 797, ч. 2, лл. 508—509; ЦГВИА, ф. 19, оп. 4/27, д. 27, лл. 300—301; ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 4305, лл. 214—216; ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, св. 14, д. 79, лл. 329—331; ЦГАДА, Гос. архив, р. XVI, д. 796, ч. IV, лл. 57—59; д. 797, ч. 14, лл. 120—123.

¹³ ЦГВИА, ф. 19, оп. 4/27, св. 417, д. 255, лл. 23, 303; ЦГАДА, Гос. архив, р. XVI, д. 588, ч. 5, лл. 46—64; ч. 6, лл. 66—120; д. 588, ч. 1, лл. 34—43.

¹⁴ ЦГИА УССР, ф. 229, оп. 1, д. 52, лл. 3—5, 26—27, 30; д. 279, лл. 1—14, 42, 56, 89, 90.

¹⁵ ЦГАДА, Гос. архив, р. XVI, д. 797, ч. 4, лл. 303—304.

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, д. 1860 (1792 г.), 1861 (1792 г.), 1862, 1863 (1787 г.), 1881 (1783 г.), 1882 (1784 г.), 1886 (1885 г.).

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 558, оп. 2, д. 40.

¹⁸ Там же, д. 41.

По четвертой ревизии имеются и списки населенных мест с указанием численности и сословного состава проживающего в них населения. Они были составлены специально для нужд Екатеринославского епархиального ведомства¹⁹. Кроме того, списки населенных мест сохранились в экономических примечаниях частного межевания Новороссии по состоянию на 1784, 1787 и 1793 гг.²⁰

В 1795 г. в России была проведена очередная пятая ревизия, цифровые результаты которой использовались в стране до 1812 г., когда стали известны сведения о народонаселении по следующей, шестой ревизии.

По пятой ревизии общегосударственные окладные книги сохранились за 1796—1806 и 1808 гг.²¹ Каждая из них содержит материалы о населении Новороссии в административных границах соответствующего периода. Более обстоятельные данные приводятся в погубернских окладных книгах Новороссийской губернии за 1796—1803 гг.²² Кроме подсчетов численности и состава населения, здесь сообщается о губерниях выхода и уездах водворения переселенцев.

* * *

Заселение и хозяйственное освоение северных частей Северного Причерноморья (Новороссии) в сколько-нибудь значительных масштабах началось лишь с XVIII в., причем до конца 80-х гг. XVIII в. этому процессу мешали частые турецко-татарские набеги. Это приводило к тому, что многие вполне освоенные и заселенные места неоднократно разорялись и вновь приходили в запустение.

Первоначально украинские и русские переселенцы заселяли лишь северные районы Северного Причерноморья. До 30-х гг. XVIII в. подавляющая часть переселенцев устремлялась в Бахмутскую провинцию и в несколько меньших количествах — в заднепровье (северную часть будущей Херсонской губернии).

Город Бахмут и многие селения близ него были основаны на рубеже XVIII в. Бахмутская слободка известна с 1571 г., однако первое упоминание о городе Бахмуте относится к 1701 г. В 1703 г. здесь проживало уже 36 русских «сходцев», 2 донских казака и 112 «черкас» (т. е. украинцев) из Изюмского полка²³.

К началу 20-х гг. XVIII в. на территории Бахмутской провинции, включенной в состав Бахмутского уезда в границах начала XIX в. находился лишь г. Бахмут, в котором проживало 1950 душ мужского пола (далее в статье, в соответствии с используемыми документами, дается сокращенно — душ м. п.)²⁴. На территории будущего славяно-сербского поселения в 1719 г. вообще отсутствовало постоянное население, а «земли войска запорожского» после ухода запорожцев на земли Крымского ханства были практически безлюдными. Таким образом, на территории всей будущей Екатеринославской губернии (в границах начала XIX в.) проживало тогда всего около 2 тыс. душ м. п.

«Заднепрские места», включенные в состав Херсонской губернии в начале XIX в., также стали заселяться с начала XVIII в. выходцами из соседней Гетманщины и Правобережной Украины. Уже в 1708 г. здесь

¹⁹ Государственная публичная библиотека АН УССР, Отдел рукописей, ф. 5, д. 470—472, 480—491.

²⁰ ЦГАДА, Гос. архив, р. XVI, д. 693, ч. 6, лл. 97—209; ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 18725; д. 18727, ч. I—IV.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 571, он. 9, д. 1860, 1859, 1883, 1885, 1884, 1—9.

²² ЦГИА СССР, ф. 558, оп. 2, д. 154—155.

²³ А. А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. II, стр. 453.

²⁴ Здесь и далее использованы источники, указанные выше. Сноски будут даваться далее только на те материалы, о которых не сообщалось выше.

Численность и размещение населения «Заднепрских мест» по переписи 1745 г.
(в административных границах 1806 г.)

Губернии и уезды	Дворы	Души м. п.	% к итогу	Количество селений
Херсонская губерния				
уезды: Александрийский	1725	5175	53,57	22
Елисаветградский	740	2220	22,98	10
Ольвиопольский	190	570	5,90	2
Екатеринославская губерния				
Верхнеднепровский уезд	565	1695	17,55	10
Всего	3220	9660	100	44

существовало село Воронцовка, в 1710 г.— Крылов и др.²⁵ После поражения России в войне с Турцией по договорам 1712—1713 гг. «Земли запорожских казаков» и «Заднепрские места» были временно потеряны, хотя украинские поселения здесь остались. В 1732 г. Россия возвращает себе эти территории и они начинают быстро заселяться. К середине 30-х гг. здесь уже существовало около 40 селений²⁶. Однако в результате русско-турецкой войны 1735—1737 гг. и татарских набегов земли эти были заброшены, а их население переведено в Малороссию. По переписи казацких и крестьянских дворов 1752 г. тут было учтено 643 двора или примерно около 2000 душ м. п., которые поселились здесь до начала русско-турецкой войны, их мы условно причисляем к населению, учтенному первой ревизией.

Таким образом, все население Новороссии в границах начала XIX в. может быть определено на начало 20-х гг. XVIII в. в 3950 душ м. п. (1950 в Екатеринославской и 2000 — в Херсонской губернии).

По второй ревизии (1745 г.) в границах начала XIX в. в Бахмутском уезде было зарегистрировано 1385, а в Донецком (Славяно-сербском) — 203 душ м. п., всего 1588 душ. Это было меньше, чем в 1719 г. (1950 душ). Уменьшение абсолютной численности народонаселения в этом районе не является случайным. Часть Бахмутской провинции, включенная позже в состав Екатеринославской губернии, была наиболее удаленной от освоенных районов страны и наименее защищенной. Она в первую очередь подвергалась нападениям и несла самый сильный урон. В 1736 г. эти земли сильно пострадали от татарского набега и их население в 1737 г. было даже освобождено от уплаты податей²⁷.

Украинцы численно преобладали, но русские в 1745 г. составили 44,15% всего населения (в 1719 г. — 25,65%). Рост удельного веса русских был временным и вызывался привлечением в г. Бахмут для его охраны донских казаков.

После окончания русско-турецкой войны 1735—1737 гг. начинается быстрое заселение «Заднепрских мест» и «Земли войска запорожского» переселенцами из Малороссии и Правобережной Украины.

По переписи 1745 г. в «Заднепрских местах» (будущие Александрийский, Елисаветградский и Ольвиопольский уезды Херсонской и Верхнеднепровский уезд Екатеринославской губернии) было зарегистрировано 2 города, 13 сел, 29 деревень и 133 хутора. Здесь находилось 1596 казацких дворов (около 4800 душ м. п.) и 1624 крестьянских двора (около 4900 душ м. п.) или всего около 9700 душ м. п.²⁸. Население занималось, главным образом, хлебопашеством, а также скотоводством, пчеловодством и винокурением.

²⁵ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 418, лл. 91—97.

²⁶ Н. Д. Полонская - Василенко, Указ. раб., стр. 34.

²⁷ Полное собрание законов (ПСЗ), т. X, № 7251 от 12 мая 1737 г., стр. 145—146.

²⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 39, д. 2667, лл. 83—84.

Из табл. 1 видно, что более 80% населения и 77,30% всех населенных пунктов «Заднепрских мест» находилось на территории будущей Херсонской губернии, причем 53,57% всего населения и 50% всех селений размещались на землях будущего Александрийского уезда.

Население «Земли войска запорожского» достигло к 1745 г. примерно 11,1 тыс. душ м. п. В это число входило около 10 тыс. запорожских казаков, возвратившихся в 1734 г. из Крымского ханства, а также 1109 душ м. п. крестьян, проживавших на территории, примыкавшей к Малороссии.

Общее народонаселение Новороссии к 1745 г. может быть определено примерно в 22,4 тыс. душ м. п. (14,5 тыс. в Екатеринославской и 7,9 тыс. в Херсонской губерниях). Подавляющую часть жителей Новороссии составляли украинцы. Русские проживали тогда лишь в Бахмутском и Донецком уездах.

Со второй по третью ревизию население Новороссии возросло с 22 357 до 64 460 душ м. п. (на 188,32%). Темпы прироста были выше на землях будущей Херсонской губернии (на 214,74%), а в Екатеринославской губернии они даже уступали средним по району (прирост на 173,70%).

Следует сразу отметить, что и в 50-е гг. Северное Причерноморье осваивалось исключительно украинскими переселенцами, хотя с 1751 г. начался перевод в Новороссию иностранных военных колонистов (молдаван, сербов, болгар и др.)²⁹. Царское правительство надеялось заселить пограничные районы страны, примыкающие к турецкой границе и запорожским землям, иностранными военными выходцами, которые бы защищали русские границы от врага, однако, эта попытка в сущности окончилась неудачей. Общий удельный вес переселенцев из-за рубежа (из Турецкой и Австрийской империй) в общем оказался невысоким, хотя в отдельных частях Северного Причерноморья они составили большинство наличного населения.

Земли Новой Сербии заселялись сравнительно медленно. В декабре 1754 г. здесь проживало 2225 душ м. п. В их числе было 257 сербов, 124 македонца, 57 болгар, 1676 волохов, 32 немца и 79 венгров м. п. и 1694 ж. п.³⁰ К началу 1757 г. иностранных переселенцев на территории Новой Сербии насчитывалось уже 5487 чел. (3089 мужчин и 2398 женщин), а в 1761 г. — 11 179 чел. (6305 мужчин и 4874 женщины). Эти данные свидетельствуют о том, что иностранная колонизация протекала не очень интенсивно. В 1745 г. здесь было даже большее население (9660 душ м. п.), чем в 1761 г.

Гораздо интенсивнее шло освоение соседнего Новослободского казачьего поселения. В начале 1754 г. здесь проживало всего 1626 душ м. п., а в 1763 г. 19 645 душ м. п. Таким образом, в 1754 г. население этой территории составляло всего 8,28% от числа жителей в 1763 г., т. е. накануне образования Новороссийской губернии. Исключительно высокие темпы прироста населения в Новослободском казачьем поселении компенсировали убыль населения в Новой Сербии.

В 40-х гг. XVIII в. начинается процесс сравнительно быстрой колонизации Очаковской области как украинцами, выходцами из Малороссии и Правобережной Украины, так и молдаванами, переселенцами из Молдавии и Валахии. В начале 60-х гг. здесь проживало уже около 5 тыс. украинцев и молдаван, а также около 12 тыс. кочующих татар.

Все эти данные показывают, что в 40—50-х гг., несмотря на неудачную попытку иностранной колонизации земель Херсонской губернии, население этой части Северного Причерноморья выросло с 7965 до 25 065 душ м. п. исключительно благодаря притоку украинских переселенцев. Сильнее всего возросла численность населения на территории

²⁹ ПСЗ, т. XIII, № 9919 от 24 декабря 1751 г., стр. 552—558.

³⁰ ЦГАДА, ф. 248, оп. 39, д. 2815, лл. 750—752.

Численность и состав населения Новороссии в 40-х—60-х гг. XVIII в.
(мужской пол, границы начала XIX в.)

Губернии и уезды	В 1762 г.			В 1745 г.	% прироста по сравнению с 1745 г.
	категории населения			всего населения	
	государ- ственные крестьяне	помещичьи крестьяне	всего		
Екатеринославская губ. Уезды: Бахмутский Донецкий Верхнеднепровский Екатеринославский Новомосковский	7664 4305 7805 18769	— 620 228 —	7664 4925 8033 18769	1385 203 1695 11109	453,40 2300,62 373,93 68,95
Итого %	38543 97,85	848 2,15	39391 100	14392 100	173,70 —
Херсонская губ. Уезды: Александровский Елисаветградский Ольвиопольский Тираспольский	7013 6608 2973 8475	— — — —	7013 6608 2973 8475	5175 2220 570 —	35,52 193,09 421,60 —
Итого Всего %	25069 63612 98,68	— 848 1,32	25069 64460 100	7965 22357 100	214,74 188,32 —

будущих Ольвиопольского и Верхнеднепровского уездов, так как в состав этих уездов вошла подавляющая часть селений Новослободского казачьего поселения. В силу этого обстоятельства удельный вес населения Верхнеднепровского уезда по отношению ко всем «Заднепрским местам» вырос с 17,55% по второй ревизии до 32,67% в 1762—63 гг., а Ольвиопольского соответственно с 5,90 до 12,07%.

Население же Александровского уезда резко снизилось (с 53,57 до 28,48%), так как этот уезд располагался на основной территории Новой Сербии, куда до середины 1763 г. не допускались украинские и русские переселенцы.

На землях будущей Екатеринославской губернии также был образован район, предназначенный для заселения иностранными колонистами — Славяносербия³¹, вошедшая потом в состав Бахмутского и Донецкого уездов. Заселение Славяносербии первое время шло медленно. В середине 1755 г. здесь было учтено всего 1513 иностранных колонистов³². К 1763 г. благодаря притоку украинцев население Славяносербии увеличилось до 10 076 душ м. п. (5924 — в Бахмутском и 4152 — в Донецком уездах), однако, собственно иностранных колонистов тут проживало всего 3992 душ м. п. (в том числе молдаван — 2627 и сербов — 378), а все остальные жители были украинцами. Таким образом, Славяносербия, даже в период ее самостоятельного существования как административной единицы, гораздо интенсивнее заселялась украинцами, чем иностранными колонистами.

Население будущего Бахмутского уезда Екатеринославской губернии выросло с 1745 по 1762 г. на 453,36% (см. табл. 2). В 50-х гг. здесь не

³¹ ПСЗ, т. XIII, № 10104 от 29 мая 1753 г., стр. 840—844.

³² ЦГАДА, ф. 248, оп. 39, д. 2732, лл. 505—508.

Численность и состав населения Новороссии в 60—70-х гг. XVIII в.
(мужской пол, границы начала XIX в.)

Губернии и уезды	В 1782 г.			В 1763 г.	% прироста по отношению к 1763 г.
	крестьяне			всего населения	
	государ- ственные	помещичьи	всего		
Екатеринославская губ. Уезды:					
Бахмутский	4672	4635	9307	7664	21,44
Донецкий	5532	6997	12529	4925	154,32
Верхнеднепровский	8921	5612	14533	8033	80,92
Екатеринославский	7499	4261	11760	18769	88,79
Новомосковский	14363	9310	23673		—
Александровский	9734	3034	12768		—
Ростовский	10662	401	11063	—	—
Павлоградский	8759	7600	16359	—	—
Итого	70142	41850	111992	39391	184,31
%	62,63	37,37	100	100	—
Херсонская губ. Уезды:					
Александрийский	16317	16202	32519	7013	363,70
Елисаветградский	17655	10228	27883	6608	321,96
Ольвиопольский	7603	4210	11813	2973	297,35
Тираспольский	1270	—	1270	8475	85,01
Херсонский	5306	2668	7974	—	—
Итого	48151	33308	81459	25069	224,94
%	59,11	40,89	100	100	—
Всего	118293	75158	193451	64460	200,11
%	61,15	38,85	100	100	—

возникло ни одного нового украинского или русского поселения, и своему быстрому приросту население уезда обязано 6 шанцам, которые здесь построили иностранные колонисты. Национальный состав уезда за 50-е годы изменился весьма значительно. Если в 1745 г. на этой территории проживали только русские (42,52%) и украинцы (57,48%), то в 1763 г. кроме украинцев (75,41%) и русских (4,72%) здесь появляются молдаване (17,08%), сербы, венгры и т. д. Очень заметен рост удельного веса украинцев в то время как численность русского населения сократилась даже в абсолютных цифрах (с 536 до 361 души м. п.).

Больше всего в Новороссии выросло население Донецкого уезда (с 203 до 4925 душ м. п. или на 2300, 62%). Здесь находились основные поселения иностранных колонистов.

Если в 1745 г. это был еще почти совсем незаселенный район (всего 2 селения), то в 1763 г. на этих землях уже существовало 15 селений, в которых проживало 4925 душ м. п. В 1763 г. украинцы численно преобладали и на этой территории (65,12%), однако существовавшая значительная молдавнская прослойка (26,77%), на долю же всех прочих этнических компонентов оставалось всего 8,11% населения.

Пожалуй, менее всего выросло народонаселение Запорожья. С 1745 по 1762 г. оно увеличилось на 68,95% (с 11 109 до 18 769 душ м. п.). Земли эти граничили с Крымским ханством и Турецкой империей и не имели тогда надежной защиты от нападения турок и татар. Это не могло не оказывать сдерживающего влияния на темпы колонизации этого района.

С третьей по четвертую ревизию (1763—1782 гг.) население Новороссии увеличилось с 64 460 до 193 451 душ м. п. или на 200,11%, т. е. темпы прироста были выше, чем между второй и третьей ревизиями (см. табл. 3). При этом характерно, что на территории будущей Херсонской губернии прирост опять оказался выше (на 224,94%), чем на землях будущей Екатеринославской губернии (на 184,31%).

Повышенный прирост населения был вызван целым рядом причин. В 60-х гг. в связи с невысоким притоком иностранных переселенцев была разрешена украинская колонизация Новой Сербии и Славяносербии³³.

Одновременно с этим продолжалось переселение в Северное Причерноморье иностранных колонистов и русских раскольников. В 1764 г. на землях Елисаветградской провинции, созданной из Новой Сербии и Нововослободского казачьего поселения, переселилось 10 291 чел. (5787 мужчин и 4504 женщины), в том числе 5234 русских, 4193 украинца, 726 молдаван и т. д. В 1762 г. на землях Елисаветградской провинции проживало 24 627, в конце 1764 г. — 32 571, в 1768 г. — 39 233, в 1772 г. — 62 299, в 1775 г. — 59 542 души м. п.

Интересен национальный состав этого района. К концу 1764 г. украинцы составляли здесь 65,37%, молдаване — 15,40%, русские — 12,66%, сербы — 3,22%, поляки — 1,56% и прочие — 1,70%. В 1775 г. на долю украинцев приходилось 64,94%, русских — 13,42%, молдаван — 18,47%, сербов — 0,67%, поляков — 0,99% и прочих 1,51%. Таким образом, можно констатировать, что на землях провинции, включающих в себя три будущих уезда Херсонской губернии (Александровский, Елисаветградский и Ольвиопольский) и Верхнеднепровский уезд Екатеринославской губернии, кроме преобладающего украинского населения, существовали значительные прослойки молдаван и русских, причем за 10 лет (1765—1775 гг.) удельный вес молдаван вырос на 3,07% (с 9268 до 18 222 чел. об. п.).

Огромный ущерб провинции нанесли крымские татары. Осенью 1769 г. они сожгли здесь около 150 деревень и увели в плен «не менее 20 тыс. невольников»³⁴. Особенно сильно пострадали земли бывшего Нововослободского казачьего поселения (Елисаветградского пикинерского полка). Тем не менее к 1772 г. они были уже вновь заселены. В конце 1769 г. здесь поселяется Молдавский гусарский полк, составленный из перешедших на сторону России «волохов, греков, армян и раскольников». В 1771—1773 гг. сюда переселилось 16 676 переселенцев, преимущественно молдаван.

Земли будущего Херсонского уезда в 60-е гг. XVIII в. были еще совершенно не освоены и их бурная колонизация начинается лишь с 1775 г., когда они вошли в состав России.

Что же касается Очаковских степей, то население их в конце 60 — начале 70-х гг. резко сокращается. В 1770 г. отсюда были выведены все ногайцы (около 12 тыс. чел.), которых переселили в Северную Таврию и Прикубанье³⁵. В 1781 г. здесь осталось не более 1270 душ м. п. украинцев и молдаван. Это связано с тем, что население уходило из районов активных военных действий, к которым тогда относились Очаковские степи.

Несмотря на все это, население будущей Херсонской губернии выросло более чем в три раза, причем этот прирост в очень значительной мере объясняется усилившейся помещичьей колонизацией губернии.

³³ ПСЗ, т. XVI, № 1186 от 11 июня 1763 г., стр. 297—299; № 12180 от 11 июня 1764, стр. 796—799.

³⁴ Барон Тотт, Записки о татарском набеге 1769 года на Новую Сербию, «Киевская старина», т. VII, Киев, стр. 170.

³⁵ «Записки Одесского общества истории и древности», т. V, Одесса, 1863, стр. 492—493.

Массовая частновладельческая колонизация (точнее, поселение крестьян на землях, отданных помещикам) развернулась здесь с 1775 г., т. е. после уничтожения Запорожской Сечи, но на территории Елисаветградской провинции удельный вес частновладельческого населения начал быстро возрастать уже с середины 60-х гг. XVIII в. Из табл. 3 видно, что в 1782 г. в частновладельческих селениях проживало уже около 40% населения губернии, в то время как в 1762 г. все население здесь было государственным.

Характерно, что на землях более раннего освоения удельный вес частновладельческого населения был выше. В Александрийском уезде он составлял в 1782 г. 49,82%, Елисаветградском — 36,68%; на территориях более позднего заселения он был несколько ниже: в Ольвиопольском уезде — 35,64%, в Херсонском — 33,46%.

Население будущей Екатеринославской губернии за этот же период увеличилось не так сильно. В уездах более раннего освоения (Бахмутский, Верхнеднепровский) прирост был вообще сравнительно невысок. Исключение представляет только Донецкий уезд, в котором прирост составил 154,32%. В 1769 г. эти уезды также довольно сильно пострадали от татарского набега. Кроме того, приток переселенцев сюда после ухода татар не был таким же значительным, как в соседнюю Елисаветградскую провинцию. В начале 70-х гг. на эти земли прибыло лишь 3595 молдаван, сдавшихся в плен во время русско-турецкой войны. Своему быстрому заселению Екатеринославская губерния обязана исключительно активной колонизации бывших запорожских земель в 1775—1781 гг. Если в 60-х гг. XVIII в. на землях будущих Александровского, Ростовского и Павлоградского уездов вообще практически отсутствовало оседлое постоянное население, то в 1782 г. здесь проживало уже более 40 тыс. душ м. п. Большую роль в увеличении народонаселения в этой незаселенной части губернии сыграл перевод сюда из 174 селений, расположенных в Крыму, греков и армян. Во второй половине 1778 г. в Александровский и Ростовский уезд было переселено 18 407 греков, 12 598 армян, 219 грузин и 162 волоха, всего 31 386 чел.³⁶ Тем не менее основная масса переселенцев состояла из помещичьих крестьян, удельный вес которых в губернии возрос с 2,15% в 1763 г. до 37,37% в 1782 г. В Донецком уезде в частновладельческих селениях проживало в 1782 г. более половины всего населения (55,85%), в Бахмутском и Павлоградском — около половины; в Новомосковском, Верхнеднепровском и Екатеринославском — около 40%. Лишь в наиболее удаленных Александровском и Ростовском уездах удельный вес частновладельческого населения не был высок.

Эти данные ярко свидетельствуют об огромных размерах частновладельческой колонизации Новороссии во второй половине 70-х гг. XVIII в. Только на землях бывшего Войска Запорожского (Екатеринославский, Херсонский, Новомосковский, Александровский, Ростовский и Павлоградский уезды) в течение 1776—1781 гг. было образовано 487 новых селений, из которых на долю частновладельческих пришлось 409, а государственных — только 78.

В 1779 г. по всей Новороссии был исчислен национальный состав ее народонаселения. Украинцы составили 64,76% всего населения района, молдаване — 11,30%, русские — 9,85%, греки 6,31%, армяне — 4,76%, грузины — 0,45% и все прочие — 2,57%. Характерно, что на долю украинцев в Екатеринославской губернии пришлось — 59,39%, а в Херсонской — 70,39% всего населения.

С четвертой по пятую ревизию (1782—1795 гг.) население Северного Причерноморья выросло с 193 451 до 343 696 душ м. п., или на 77,67% (см. табл. 4). Хотя в абсолютных цифрах прирост за время с четвертой

³⁶ ЦГАДА, Гос. Архив, р. XVI, д. 588, ч. 2, лл. 370—372.

Численность и состав населения Новороссии в 80-х—первой половине 90-х гг. XVIII в.
(мужской пол, границы начала XIX в.)

Губернии и уёзды	1795 г.			1782 г.	% прироста по отношению к 1782 г.
	Крестьяне			всего населения	
	государст- венные	помещичьи	всего		
Екатеринославская губерния					
Уезды:					
Бахмутский	11039	13886	24925	9307	167,81
Донецкий	7046	12678	19724	12529	57,43
Верхнеднепровский	10011	10492	20503	14533	41,08
Екатеринославский	13524	9185	22709	11760	93,10
Новомосковский	18146	17353	35499	23673	49,96
Александровский	17439	8360	25799	12768	102,06
Ростовский	14466	3493	17959	11063	62,34
Павлоградский	12778	16492	29270	16359	78,92
Итого	104449	91939	196388	111992	75,36
%	53,19	46,81	100	—	—
Херсонская губерния					
Уезды:					
Александровский	19017	22281	41298	32519	26,99
Елисаветградский	19752	12757	32509	27883	16,59
Ольвиопольский	10478	18540	29018	11813	145,65
Тираспольский	19013	5602	24615	1270	1838,20
Херсонский	8849	11019	19868	7974	149,16
Итого	77109	70199	147308	81459	80,84
%	52,35	47,65	100	—	—
Всего	181558	162138	343696	193451	77,67
%	52,83	47,17	100	—	—

по пятую ревизию превышал показатели предыдущего периода (150 245 душ м. п. против 128 991 души м. п.), можно заметить, что в 80—90-х гг. XVIII в. темпы прироста населения снижаются (с третьей по четвертую ревизию прирост составил 200,11%). Как и ранее, по Херсонской губернии прирост был несколько выше, чем по Екатеринославской губернии, но это объяснялось исключительно высокими темпами заселения земель будущего Тираспольского уезда (с 1790 г.). Тем не менее и в 80—90-е гг. Новороссия продолжала оставаться ведущим колонизируемым районом страны. За сравнительно небольшой отрезок времени в 13 лет ее население увеличилось почти на 80%. В целом в 1783—1795 гг. в Херсонскую губернию прибыло 33 992, а в Екатеринославскую — 26 762 переселенцев (душ м. п.) всего 60 754 души м. п. Переселенческое движение сохранялось на высоком уровне в 1783—1787 гг. — до начала русско-турецкой войны, и потом с новой силой вспыхнуло в 1792—1795 гг. В 1783—1787 гг. около половины всех переселенцев приходилось на долю помещичьих крестьян, но в 90-х гг. удельный вес государственной колонизации стал несравненно более высоким. В Екатеринославской губернии частновладельческое население среди переселенцев 1783—1787 гг. достигало 41,69% (4046 к 9707 душ м. п.), а в Херсонской — 43,72% (3558 к 8133 душ м. п.).

В Екатеринославской губернии в 1783—1795 гг. переселенцы устремились, главным образом, в Павлоградский (6049 душ м. п.), Бахмутский (4890), Славяносербский (3399) и Новомосковский (3322) уезды, а в Херсонской — в Тираспольский (18 590), Ольвиопольский (9790) и Херсонский (4594).

Из табл. 4 видно, что наиболее высокий прирост населения в 80—90-х гг. XVIII в. наблюдался в Бахмутском, Александровском, Тираспольском и Ольвиопольском уездах, что совпадает с данными о размерах переселенческого движения.

Характерной особенностью Новороссии конца XVIII в. был быстрый рост удельного веса частновладельческого крестьянского населения. В 1795 г. эта категория населения достигла в Екатеринославской губернии 46,81 %, а в Херсонской — 47,65 % всех жителей. По сравнению с 1782 г. удельный вес частновладельческих крестьян вырос на 8,32 %.

Таблица 5

Численность и удельный вес переселенцев, осевших в основных колонизируемых районах страны в 1782—1795 гг.

Губернии	Переселенцы мужского пола	% к общему итогу
Херсонская	33992	22,04
Екатеринославская	26762	17,36
Кавказская	25643	16,63
Саратовская	20668	13,40
Таврическая	20048	13,40
Оренбургская	14444	9,37
Черноморья	12645	8,20
Всего	154202	100

Снижение удельного веса частновладельческого крестьянства как за счет притока государственных переселенцев, так и освобождения некоторой части незаконно закабаленного населения начинается уже в начале XIX в.

О том, что именно Новороссия оставалась в 80—90 гг. XVIII в. ведущим заселяемым районом России свидетельствуют данные табл. 5. Отсюда следует, что в трех Новороссийских губерниях осело 80 802 душ м. п. или 52,40 % общего чис-

ла переселенцев, устремлявшихся в южные губернии России. Из семи интенсивно заселяемых губерний России на первом месте шла Херсонская, на втором — Екатеринославская и на пятом Таврическая, которую опередили Кавказская и Саратовская губернии³⁷.

Динамику движения населения Новороссии в XVIII в. в границах начала XIX в. характеризует табл. 6.

Таблица 6

Движение населения Северного Причерноморья в XVIII в. (1719—1795 гг.) мужской пол (1795 г. принят за 100 %).

Губернии	Годы							
	1719	1745	1762	1775	1779	1784	1793	1795
Екатеринославская и Херсонская	3950	22357	64460	127364	146082	193451	242288	343696
% к 1795 г.	1,15	6,50	18,75	37,06	42,50	56,17	70,49	100

Данные табл. 6 еще раз подтверждают, какими высокими темпами росло народонаселение Северного Причерноморья в течение XVIII в. Таких темпов прироста в XVIII в. не знал ни один другой район России, причем наиболее быстро население возрастало с 60-х гг. XVIII в., когда угроза татарских набегов уменьшается и украинское население Малороссии и Слободской Украины получает право переселяться на безбрежные степные просторы Новороссии. Однако основной прирост населения (62,94 %) пришелся на сравнительно небольшой двадцатилетний период

³⁷ Следует отметить, что в 80—90-х гг. XVIII в. начинается интенсивный рост городов Новороссии. По пятой ревизии (1795 г.) в крупнейших ее городах проживало: в Одессе (осн. в 1794 г.) — 4573, в Екатеринославе — 3677, в Мариуполе (осн. в 1780 г.) — 2676, в Херсоне (осн. в 1778 г.) — 1957 и в Ростове — 1481 чел. (ЦГВИА, ВУА, д. 18336, ч. 1, лл. 1, 150, 171; ч. 2, лл. 51, 131).

с 1775 по 1795 г. Именно в это время была уничтожена Запоржская сечь и ликвидировано Крымское ханство, что позволило спокойно заселять новороссийские степи, не опасаясь угрозы нападения.

Эти 20 лет можно считать кульминационным периодом в заселении и освоении Северного Причерноморья.

SUMMARY

The article deals with the settlement of the Northern Black Sea area — the Yekaterinoslav and Kherson *gubernias* (regions) — in the XVIII century. It is based on unpublished materials of the *revizias* — Russia's XVIII century population censuses. The author shows that the population of the Northern Black Sea area (taken in constant boundaries of 1806) increased nearly hundredfold in the 75 years from 1719 to 1795 (the male population grew from 3950 to 343 696); the period of maximum increases was from 1775 to 1795: 64,7 p. c. of all immigrants arrived during this twenty-year period, after Russia's victory over Turkey. Other peoples, besides Ukrainians and Russians, took part in colonizing the area. By the 1780's Ukrainians formed 64,76 p. c. of the population, Moldavians 11,30 p. c., Armenians 4,76 p. c., Georgians 0,45 p. c., all others 2,57 p. c.

А. Кутшеба-Пойнарова

ПОЛЬСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ В СИСТЕМЕ МИРОВОЙ НАУКИ. ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Введение

«Научные дисциплины, их предмет и методы являются историческими категориями, они претерпевают постоянные изменения. То же относится к классификации наук, отражающей общий уровень знаний, отношение к действительности и к аксиологическим системам, господствующим в данную эпоху». Так утверждает известный польский историк, этнограф и социолог профессор Казимеж Добровольский в одной из своих работ, посвященных современной польской этнографии. Развитию науки сопутствуют, по его мнению, постоянные процессы, разъединяющие ее отрасли и соединяющие их вновь в более крупные комплексы, задача которых — синтез¹. Эти положения о закономерностях развития науки объясняют обращение к теме, которая в последнее двадцатилетие обсуждается на страницах польских периодических изданий по этнографии, народному искусству, фольклору, прежде всего таких, как «Etnografia Polska», «Lud», «Polska Sztuka Ludowa», «Literatura Ludowa». Появляющиеся в этих изданиях статьи характеризуют направления исследований, их результаты и одновременно определяют место этнографии в изменяющейся организационной структуре научной работы в Польше². В дискуссии о месте этнографии в системе наук участвуют не только этнографы, но и представители родственных дисциплин — языковеды, историки материальной культуры, истории искусства и литературы, музыковеды, а в последнее время и социологи. В их работах дается оценка некоторых этнографических трудов, а также формулируются их требования к этнографии³. Сопоставление теоретических предпосылок, программ, методов и результатов исследований в разных областях общественных наук является неременным условием интеграции этих наук.

Важнейшие направления польских этнографических исследований были уже освещены в статье В. Дыновского, помещенной в десятом томе «Biblioteki Etnografii Polskiej». Это прежде всего исследования, посвященные социальным и культурным преобразованиям польской деревни, формированию культуры разных групп рабочих, проблематике общей теории культуры, а также анализу региональных этнографических особен-

¹ K. Dobrowolski, Sytuacja etnografii w Polsce na obecnym etapie jej rozwoju, «Etnografia Polska», t. 12, 1968.

² Об оценке разных областей этнографической деятельности см.: «Etnografia Polska», t. 2, 1959; «Lud», t. 43, 1958; t. 51, 1967; t. 52, 1968; t. 53, 1969. «Polska Sztuka Ludowa», R. 18, 1964; «Literatura Ludowa», R. 8, 1964; см. также «Demos», R. 5, 1964, № 2 и R. 9, 1968, № 1.

³ W. Dynowski, L'évolution actuelle de l'ethnographie polonaise, «La Pologne au VIIe Congrès International des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques», «Bibliothèque de l'Ethnographie Polonaise», № 10, Wrocław, 1964.

ностей. Об этом говорилось также и в других статьях десятого тома «Biblioteki Etnografii Polskiej».

В настоящем обзоре дается характеристика основных направлений этнографических работ в прошлом и в наши дни, информация о научных этнографических учреждениях Польши и их изданиях. Обращается внимание на методы работы, применяемые в этнографии и в других науках, и делается попытка показать, в чем сходство этих методов и в чем их различия.

Пути развития польской этнографии и предмет ее исследований

В Польше начало систематических этнографических исследований относится к эпохе просвещения, к рубежу XVIII и XIX вв.⁴ В Европе это было время формирования национального самосознания народов. Многонациональная Речь Посполитая в конце XVIII в. была поделена между тремя соседними государствами: Пруссией, Австрией и Россией. Сто пятьдесят лет национального гнета (до восстановления Польши в новых границах после первой мировой войны в 1918 г.) были периодом национально-освободительной борьбы и нарастающих общественных движений, приведших (в разное время для разных аннексированных областей) к освобождению крестьян от крепостной зависимости. В Королевстве Польском, остававшемся под властью царской России, оно завершилось в 1864 г. Для этого периода характерно прежде всего стремление выявить и сохранить сведения об истоках своеобразия польской крестьянской культуры, что нашло отражение в первых программах историко-этнографических исследований. Цель последних — систематизация источников по истории народа, заполнение в ней пробелов, возникших в связи с тем, что в старой польской историографии не отражалась жизнь крестьянских масс. С начала XIX в. увеличивается число полевых этнографических описаний. Крестьянская культура становится источником вдохновения представителей романтического направления польского национального искусства и литературы (поэтов, музыкантов). В то время элементы крестьянской культуры часто возводились к эпохе возникновения польской государственности (X в.) и противопоставлялись космополитическим влияниям чуждых элементов, в том числе влияниям христианской церкви. Следы таких воззрений мы находим еще во второй половине XIX в. в капитальном труде Оскара Кольберга, новое много томное издание которого выходит в Польше в настоящее время. Это наиболее полное описание сельской жизни разных районов страны⁵.

Но уже в этом труде, как и в других работах того времени, прослеживается новый, критический взгляд на культуру деревни, в которой под влиянием капиталистических отношений происходят заметные преобразования, классовая и культурная поляризация. Такие работы публикуются в первом в славянских странах этнографическом журнале «Wisła» (выходил с 1887 по 1905 г.) и в периодическом издании «Lud» (публикуется с 1895 г.) — органе Польского этнографического общества, а также в серийных изданиях возникшего в 1873 г. Научного общества

⁴ A. Kutrzebianka, *Rozwój etnografii i etnologii w Polsce*, «Historia nauki polskiej w monografiach», № 14, Kraków, 1948; W. Bienkowski, *Poprzednicy Kolberga na polu badań ludoznawczych w Polsce*, «Archiwum Etnograficzne Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego», № 12, Wrocław, 1956; C. Hernas, *W. kalinowym lesie*, t. 1—2, Warszawa, 1966; J. Klimaszewska, *Katedra Etnografii Słowian (1926—1964) na tle rozwoju etnografii w Uniwersytecie Jagiellońskim w latach 1811—1925*, «Studia z dziejów. Wydziału Filozoficzno-Historycznego Uniwersytetu Jagiellońskiego», «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego», t. 139, «Prace historyczne», z. 16, Kraków, 1967.

⁵ O. Kolberg, *Dzieła Wszystkie*. Red. J. Burszta, t. I и др., Wrocław, 1961 — (в этом новом, продолжающемся издании помещены и некоторые не публиковавшиеся ранее материалы).

(впоследствии Польской Академии наук) и его Антропологической комиссии (позднее в ней были выделены Археологическая и Этнографическая комиссии)⁶. Выходят в свет интересные описания отдельных деревень, реже — целых районов. Они основаны на непосредственных наблюдениях сельской жизни и характеризуют направление происходящих в ней перемен. Такие журналы, как «Wisła», призывают регистрировать предметы традиционной культуры. Все больше информации появляется о различиях культуры по регионам. Некоторые авторы (например, Ян Карлович) в инвентаре, относящемся к более старым культурным слоям, пытаются выявить элементы, отличающие польскую национальную культуру.

Ряд интересных наблюдений дает в конце XIX в. художественная литература позитивистского направления, а в начале XX в. — неоромантическая литература периода так называемой *Młodej Polski* (Млодэй Польски). В это время пробуждается интерес к художественному творчеству крестьян и делаются попытки сохранить его и использовать в быту других социальных групп. Возникают частные и публичные этнографические коллекции, открываются первые этнографические музеи: в Варшаве (1888), Кракове (1911). Одновременно в университетских центрах (Краков, Львов) и в других крупных городах страны (Варшава) находят признание и популяризируются новые направления в этнологии, антропологии, антропогеографии, языкознании. В Краковском университете в лекциях поэта, географа, естествоиспытателя Винценты Поля (середина XIX в.) находят отражение теории немецких географов о «естественных народах» (*ludów natury*). Сменившие друг друга руководители кафедры этнографии во Львове С. Чижевский (руководил кафедрой с 1910 г., умер в 1930 г.) и антрополог Я. Чекановский (участник экспедиции Мекленбургской экспедиции в Африку в 1907 г., умер в 1965 г., будучи профессором на пенсии Познаньского университета) представляли два крупных направления в мировой этнографической науке: эволюционную школу А. Бастиана и культурно-историческую школу.

В это время переводятся на русский язык труды К. Маркса, а также работы Э. Тэйлора, Л. Моргана. Историко-материалистические взгляды на историю первобытного общества и его развитие от дикости через варварство к цивилизации высказывает в своих трудах Л. Кшивицкий, впоследствии руководитель кафедры социальных структур в «Волной Вшехнице» в Варшаве, а с 1925 г. в Варшавском университете (умер в 1943 г.)⁷.

К периоду между двумя мировыми войнами (1918—1939 гг.) польская этнография приходит с уже сложившимися традициями, с результатами эмпирических исследований культурных преобразований деревни в некоторых своеобразных районах страны; польским этнографам были известны новые теории, оказывающие влияние на общественные науки. На долгое время эти исследования упростили в обществе убеждение о тесной связи этнографии с изучением исчезающей традиционной крестьянской культуры. Выводы из исследований польских этнографов должны были составить первооснову для проверки общих теорий эволюции и культурного прогресса. Они должны были проиллюстрировать механизм культурных преобразований, а также дать материал для гипотезы о генетических связях традиционной культуры польской деревни с древними культурами других славянских и шире — индоевропейских

⁶ См. «Wiadomości do Antropologii Krajowej», t. 1—18, Kraków, 1877—1895. «Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne», t. 1—14, Kraków, 1896—1919; «Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne», t. 1—4, Kraków, 1920—1925. «Prace Komisji Etnograficznej PAN», t. 1—17, Kraków, 1927—1938.

⁷ K. Zawistowicz-Adamowska, Wincenty Pol — badacz kultury ludowej, Warszawa, 1966; J. Czekanowski, Wstęp do historii Słowian, wyd. 2. Poznań, 1957; L. Krzywicki, Dzieła, t. 1—6, Warszawa, 1957—1962.

народов, а также о связях этой культуры с греко-римским культурным миром. Этнографическая наука Польши внесла значительный вклад в разработку этих проблем.

В этот период в существовавших тогда государственных границах Польши во всех новых или возрожденных университетах, были открыты кафедры этнографии и этнологии: в Познани (1919 г.), Львове (новая, вторая кафедра в 1924 г.), Кракове (в 1925 г. и вторая — в 1926 г.), Вильнюсе (1927 г.), Варшаве (1935 г.). Значительно выросло число этнографических музеев и этнографических коллекций в региональных краеведческих музеях. В изучении традиционной крестьянской культуры разных районов страны любителей все чаще заменяют профессиональные этнографы. Научные институты, возникшие в конце этого периода (Балтийский, Волынский, Восточных земель, а также социологические и социально-экономические институты), включают описание сельской культуры в программу своих работ. Продолжают издательскую деятельность Польская Академия наук (в 1926 г. в ней создана Этнографическая комиссия) и Польское этнографическое общество. Такую же работу проводят некоторые университетские кафедры (Краков, Познань) и музеи (Краков, Лодзь, Катовицы). В университетах встречаются любители-краеведы, исследователи традиционной крестьянской культуры и теории культуры. Профессора кафедр этнографии и этнологии (иногда кафедры антропологии, как Я. Чекановский, этнологии и социологии — Я. С. Быстронь или К. Добровольский и социологии — С. Чарновский и др.) вырабатывают свою исследовательскую программу, учитывающую научные традиции упомянутых университетов и отражающую те направления в мировой науке, с которыми польские ученые столкнулись в университетах Швейцарии, Германии, Австрии, Франции, Англии. Исследователь социальных проблем культуры Ф. Знанецкий (умер в 1958 г.) получает кафедру в Познанском университете после издания в США большого труда в соавторстве с В. Томашем⁸.

На некоторые направления польской этнографии и социологии оказали влияние научные теории Б. Малиновского — профессора Школы экономики в Лондоне и создателя функциональной школы в этнографии (умер в Америке в 1943 г.). Его связь с польской наукой поддерживалась путем личных контактов с польскими учеными, обмена учениками, публикаций его трудов в Польше.

Университетские центры этнографических исследований, так же как и некоторые центры исследований антропологических, социологических, лингвистических (в том числе в области диалектологии, языков и культуры славянских народов, а также античных и восточных народов), были связаны с зарубежной наукой. В то же время в них сохранялись собственные традиции. Отчетливо выступали различия между направлениями и исследовательской тематикой, преобладающими в отдельных центрах. Одной из главных причин этого были слабые контакты между научными учреждениями, разбросанными по разным городам Польши.

Эмпирическое направление полевых исследований более всего отразилось в труде Казимежа Мошиньского «Kultura ludowa Słowian», который до сих пор остается незаменимым источником информации о традиционной культуре славян и прежде всего о культуре населения Польши⁹. Это направление преобладает и в трудах его учеников. К. Мошиньский (умер в 1959 г.) сам называл себя «критическим эволюционистом»; его интересовали главным образом старые формы культуры, закономерности их появления и происходящих в них преобразований. Мошиньский

⁸ W. I. Thomas, F. Znaniecki, The Polish peasant in Europe and America, Boston, 1918.

⁹ K. Moszyński, Kultura ludowa Słowian, t. 1—2, cz. 1—2, Wyd. 2, Warszawa, 1967—1968.

участвовал в полемике о местонахождении прародины славян с последователями автохтонной теории среди языковедов, археологов, некоторых антропологов (Чекановский)¹⁰. Профессор Мечислав Гладыш — преемник Мошиньского на кафедре этнографии славян Краковского университета — пишет об иных проблемах исследований учеников Мошиньского, интересующихся прежде всего современной польской деревней и современной тематикой в этнографии славянских стран¹¹.

Другое важное направление эмпирических исследований связано также с университетом в Кракове, с его кафедрой этнологии и социологии, которой руководил Казимеж Добровольский. Эти исследования с самого начала охватывали современные преобразования в культуре польской деревни и изменения, которые происходили в ней в течение последних десятилетий. Изучается и обусловленность этих преобразований общим ходом исторического процесса. В своих работах профессор Добровольский освещает также проблему колонизации польских Карпат. Пытаясь реконструировать, начиная со средневековья, пути передвижений в эти районы пастухов с Балкан и Восточных Карпат, он ставит проблему столкновения пастушеской культуры с земледельческой культурой польского населения. Добровольский соединяет стремление к индивидуализирующему «интегральному» описанию (так он сам называет свой метод) с тенденцией к обобщениям в области типологии исторических явлений и созданию общей теории культуры¹². Об этом свидетельствуют его статьи, опубликованные в журнале «Etnografia Polska» (с 1958 г.), а также издаваемый сейчас сборник его работ. Со школой Добровольского связаны также исследования культуры рабочих. О некоторых результатах исследований современности пишут Д. Добровольская и В. Квасьневич¹³.

Профессор Евгениуш Франковский проводил сравнительно-исторические и теоретические исследования народного искусства в Польше и за ее пределами, прежде всего в Испании, в стране басков. Вернувшись после второй мировой войны в Познань и возглавив кафедру в университете, Франковский ориентировал своих учеников на проблемы реконструкции культуры великопольской деревни по историческим источникам XVIII в. и материалам современных экспедиционных исследований¹⁴. Преемник Франковского профессор Юзеф Буршта продолжил

¹⁰ K. Mośzyński, Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego, «Prace językoznawcze», № 16, Wrocław, 1957; его же, O sposobach badania kultury materialnej Prasłowian, Wrocław, 1962. См. также: M. Gładysz, Kazimierz Mośzyński, «Etnografia Polska», R. 3, 1960; J. Klimaszewska, Vedecká činnost Kazimierza Mośzyńskiego, «Slovenský Národopis», R. 5, 1957.

¹¹ M. Gładysz, The contribution of regional studies in South Poland to the history of Slavic folk culture, «Poland at the 8th International Congress of anthropological and ethnological sciences», № 16, Wrocław, 1968. См. характерный для этих исследований исторических и современных изменений культуры силезских и карпатских деревень сборник трудов под редакцией М. Гладыша: «Siolkowice Stare i Nowe», t. 1—2, «Biblioteka Etnografii Polskiej», № 18, 12, Wrocław, 1963—1966, а также работы, опубликованные в издании: «Prace etnograficzne», z. 1—3 («Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego», t. 53, 105, 157), Kraków, 1963, 1965, 1967.

¹² K. Dobrowolski, Studia nad zyciem społecznym i kulturą, «Prace Komisji Sociologicznej», № 7, Wrocław, 1967 его же, Studia z pogranicza historii i sociologii, «Prace komisji sociologicznej», № 10, Wrocław, 1967; W. Kwaśniewicz, Katedra etnografii ogólnej i sociologii Uniwersytetu Jagiellońskiego (1925—1964), «Studia z dziejów Wydziału Filozoficzno — Historycznego Uniwersytetu Jagiellońskiego», «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego», t. 139, «Prace historyczne», z. 16, Kraków, 1967.

¹³ D. Dobrowolska, Górnicy solinarni Wieliczki w latach 1880—1939, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965. Д. Добровольская, В. Квасьневич, Этнографические исследования современной культуры польского народа краковскими учеными, «Сов. этнография», 1959, № 4; см. также К. Квасьневский, Структурально-статистический метод в исследованиях современной народной культуры, «Сов. этнография», 1964, № 3.

¹⁴ A. Kutrzeba-Pojnarowa, Wspomnienie o prof. Eugeniuszu Frankowskim, «Etnografia Polska», R. 8, 1963.

эту работу. Сотрудники кафедры подготавливают многотомную коллективную монографию, посвященную развитию крестьянской культуры Великой Польши, одной из самых древних исторических областей страны. В своих публикациях Ю. Буршта говорит о проблематике этой работы, а также о проводящихся под его руководством исследованиях процессов культурной интеграции и адаптации автохтонного населения Западных земель Польши¹⁵.

В период буржуазной Польши этнографические описания крестьянской культуры определенных регионов подготавливались также представителями университетских школ во Львове (профессора: Я. Чекановский, а также специалист по романской филологии и этнографии Адам Фишер, умерший в 1942 г.), в Вильнюсе (с 1927 по 1935 гг. — Цезария Бодуэн де Куртенэ-Эренкрейц, с 1935 по 1939 г. — Казимеж Мошинский), в Варшаве (Ц. Бодуэн де Куртенэ, Станислав Понятовский, погибший в немецком концлагере в 1945 г., Ян Станислав Быстрынь)¹⁶. В конце этого периода монографические исследования преобразований культуры деревни (например, под влиянием эмиграции в поисках заработков), основанные на непосредственных наблюдениях и на тщательных описаниях, составленных жителями деревни, проводили также социологи, ученики Чарновского и Знанецкого. Они издавали сборники дневников, написанных крестьянами к специальным конкурсам, которые устраивали в те времена.

Ряд ценных монографических исследований деревни, освещающих прежде всего условия хозяйственной жизни, происходящие в ней изменения, написан специалистами по экономике земледелия, историками, изучающими хозяйство вообще и проблемы кооперации в частности. Все эти работы были основаны на исследованиях деревни того времени. Но их задачи, направление, выбор объекта описания были разными¹⁷.

В этих работах обращается внимание на функцию, которую выполняет определенный элемент структуры исследуемых обществ (например миграция, кооперация) в наблюдаемом процессе изменения этой структуры и в формировании нового культурного облика деревни. В работах же представителей Львовской школы, находившихся под известным влиянием немецкой (позднее австрийской) культурно-исторической школы, описания касались прежде всего архаизмов культуры. Сопоставление их распространения приводит исследователей к выявлению исторических границ описываемых этнографических районов. Благодаря этой школе (а также Мошинскому, автору первых этнографических карт) стала понятна необходимость создания этнографического атласа Польши как основы для реконструкции исторического процесса на ее землях. Последователями Львовской школы было подготовлено много работ обобщающего характера, а также учебных пособий. Это работы Фишера, сопоставляющего элементы традиционной культуры важнейших этнических групп Польши и соседних славянских народов, исследования Чекановского, воссоздающего этапы миграции славянских народов и формирования их культуры с древних времен, труды Понятовского, который ищет в описаниях традиционной культуры Польши следы папушеских и собирательских культур¹⁸. Больше всего учебных пособий

¹⁵ J. Burszta, *Etnografia współczesności*, «Etnografia Polska», R. 9, 1965; «Kultura ludowa Wielkopolski» (red. J. Burszta), t. 1—3, Poznań, 1960—1967.

¹⁶ J. Gajek, Sp. prof. Adam Fischer, «Lud», t. 36, 1946 J. Bulanda, *Pamięci wybitnego etnologa polskiego prof. dr. Stanisława Poniańskiego*, там же; K. Dobrowolski, A. Kutrzeba-Pojnarowa, *Sylwetka naukowa Jana Stanisława Bystronia*, «Etnografia Polska», R. 10, 1966.

¹⁷ В последние годы в Польше возобновлено издание этих работ, в частности Комиссией исследований современной культуры Польской Академии наук (редактор Ю. Халасиньский и др.) См. «Młode pokolenie wsi Polski Ludowej. Pamiętniki i studia», t. 1—4, Warszawa, 1964—1967.

¹⁸ См.: «Bibliographie sur la Pologne. Pays, Histoire, Civilisation», Warszawa, 1964; «Bibliografia historii Polski», t. 1, Warszawa, 1965.

принадлежит перу Яна Станислава Быстроня (умер в 1964 г.), создавшего (не без методологических связей с французской социологической школой Дюркгейма) оригинальную теорию изменений традиционной крестьянской культуры (в исторических границах с X по XX в.)

Быстронь в некоторых своих работах выходит за пределы крестьянской, или так называемой народной, культуры, которую он определяет как культуру, основанную на устной передаче, и занимается обычаями и художественным творчеством (в частности литературным) разных социальных слоев и этнических групп¹⁹.

Еще больше, чем Быстронь, был связан со школой Дюркгейма социолог Стефан Чарновский, на которого позднее оказал сильное влияние исторический материализм²⁰.

Своеобразную методологическую концепцию развивала Цезария Боуэн де Куртенэ-Эренкрейц (умерла в Лондоне в 1966 г.). Она называла ее феноменологической и связывала с научными достижениями так называемой Венской школы и философией Брентано²¹.

Вторая мировая война и гитлеровская оккупация Польши трагически прерывают развитие всех направлений в изучении человека и его культуры. Военные потери, изменение государственных границ, перемещение групп польского населения из восточных районов в западные, затем коренные изменения государственного строя и преобразования экономической и социальной структуры страны, наконец, революционный характер изменений общества и культуры (особенно в деревне) в период усиленной плановой индустриализации разных областей и последующей урбанизации оказывают решающее влияние на направление этнографических работ. Осуществление их было начато восстановленными после войны и вновь созданными университетскими кафедрами этнографии. Увеличилось число кафедр, изменилось в связи с образованием новых университетских центров их размещение. С 1945 г. по настоящее время проведены реформы в системе университетского обучения. С каждым годом растет число специалистов-этнографов в университетском образовании. Они находят работу в возникших этнографических фольклорных отделах и секциях различных научных институтов Польской Академии наук, на университетских кафедрах, в восстановленных этнографических музеях и этнографических отделах новых краеведческих музеев. В последнее время увеличивается участие этнографов в работах многочисленных в Польше социологических организаций, а также учреждений, реализующих в деревне государственную программу культурного развития.

Послевоенный период развития польской этнографии характеризуется следующими особенностями:

1) интерес к современным преобразованиям польской деревни и к культуре рабочих;

2) регистрация сохранившихся еще элементов традиционной крестьянской культуры (в первую очередь художественного творчества, а затем материальной культуры);

3) разграничение заданий между этнографическими организациями, прежде всего между всеми кафедрами и учреждениями Польской Академии наук, как в области проблематики, так и территориальной;

4) попытки использовать научный опыт эмпирических исследований некоторых из упомянутых этнографических и социологических школ, а также развитие и проверка этих исследований в свете новых методологических требований;

¹⁹ J. W. Bystron, *Etnografia Polski*, Warszawa, 1947; его же, *Dzieje obycajów w dawnej Polsce*, Warszawa, 1960.

²⁰ S. Czarnowski, *Dzieła*, t. 1—5, Warszawa, 1956.

²¹ A. Zdrożyńska-Barącz, *Fenomenologiczna koncepcja historii kultury*, «Etnografia Polska», R. 12, 1968.

5) обмен методологическим опытом, а также организация коллективных работ, объединяющих представителей разных этнографических учреждений и центров;

6) популяризация этих работ путем их публикаций в центральных этнографических изданиях Института истории материальной культуры и Института искусства Польской Академии наук, Польского этнографического общества²², а также в университетских и музейных изданиях;

7) сопоставление выводов разных работ (прежде всего по современности) и созданных на их основе теоретических обобщений, касающихся традиционной культуры польской деревни и динамики ее современных преобразований, с исследованиями представителей других общественных наук — социологии²³, экономики сельского хозяйства, экономической географии и т. д.

Как подчеркнул в упоминавшейся выше работе профессор Дыновский, самым важным событием научно-организационного характера в развитии польской этнографии в послевоенный период было включение в 1953/54 г. специального этнографического отдела в Институт истории материальной культуры ПАН.

Проблематика современных этнографических работ в Польше. Теоретические предпосылки и программы исследований

Прошло 17 лет со времени создания Института истории материальной культуры ПАН, первой в истории польской этнографии центральной научной организации, призванной координировать усилия разных этнографических учреждений и придать соответствующее направление планируемым работам²⁴. Включению отдела этнографии в ИИМК предшествовало выделение уже в первые годы после второй мировой войны специальных секций — фольклора и народного искусства. Они вошли в созданный в 1947 г. Институт исследования народного искусства (позднее Государственный институт искусства, в настоящее время Институт искусства ПАН) и отчасти в Институт литературных исследований ПАН. Таким образом, в ИИМК этнография формально лишена этих разделов исследований. Однако это не закрыло путь к сотрудничеству представителей указанных специальностей и не привело к ограничению этнографических работ ИИМК ПАН исключительно материальной культурой деревни. Но несомненно, что в ИИМК этот раздел научных исследований выдвинулся на первый план как один из наиболее запущенных и в то же время актуальных с точки зрения основ марксистской методологии.

Включение отдела этнографии в ИИМК ПАН наряду с отделом археологии и отделом истории средневековой и современной материальной культуры Польши определило место этнографии среди других исторических дисциплин в системе Польской Академии наук. За этим последовали методологические изменения, выразившиеся в отходе от некоторых прежних направлений исследовательских работ в выборе, описании и анализе наблюдаемых и реконструируемых явлений культуры с позиций исторического материализма.

²² Кроме уже указанных серий: «Prace Etnologiczne», «Pracy i Materiały Etnograficzne», «Prace popularno-naukowe», «Atlas Polskich Strojów Ludowych» и др.

²³ Этнографические работы публикуются с 1962 г. в сб. «Rocznik Socjologii Wsi», издаваемом Институтом философии и социологии ПАН и Институтом аграрной экономики.

²⁴ Отчеты о деятельности института печатаются в выходящем с 1953 г. сборнике «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej». См. также серию изданий института: «Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego», «Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa», «Studia z dziejów rzemiosła i przemysłu», археологические журналы, монографические труды, учебники и издания на иностранных языках: «Archeologia Polona», «Ergon».

В отделах и лабораториях ИИМК ПАН, созданных почти во всех университетских центрах, были начаты коллективные исследования главным образом документального характера. Это упомянутые выше работы над Польским этнографическим атласом. Они основаны на тщательной регистрации материалов, которые собраны более чем в 300 деревнях, разбросанных по всей стране. В настоящее время эти работы проводит отдел Польского этнографического атласа ИИМК ПАН во Вроцлаве. Редактирует атлас профессор Юзеф Гаек. Уже изданы пробный выпуск и выпуски первый, второй и третий. В противоположность современным немецкому и швейцарскому атласам в польском атласе преобладают проблемы материальной культуры (орудия и техника земледелия, способы традиционной обработки земли, транспорт, пища, хозяйственные постройки). По сравнению с атласом Мошиньского число пунктов исследований увеличено в три раза. При составлении Польского этнографического атласа его авторы не только выявляют границы распространения старых форм, но стремятся к «динамическому» представлению на картах исторического процесса. Они обращают внимание на сохранение в памяти информаторов дат изменений и на очерченность вытеснения традиционных элементов культуры современными. Сопоставление с историческими документами позволило сделать выводы о путях развития традиционных элементов и о механизме происходящих перемен. Гаек, опираясь на материалы атласа, а также на литературные данные, определяет границы распространения региональных форм традиционной культуры, проверяет и дополняет положения, которые выдвигали и выдвигают языковеды, а из этнографов прежде всего Быстронь. Их положения касались давних этнических подразделений страны, главным образом этнографических групп²⁵.

Другой тип работ, начатых ИИМК ПАН,— это сбор материалов для монографических исследований по ряду разделов этнографии некоторых районов или выбранных деревень (район курпей, силезская деревня, подкраковская деревня, Карпаты и др.) и по проблематике, нередко охватывающей всю страну. В последнем случае региональные материалы привлекаются только в качестве примеров (неземледельческие занятия крестьян, пастушеская культура, быт мелкой шляхты, культура рабочих). Эти работы проводятся в трех центрах исследований: Варшаве, Кракове и Лодзи. Методологически они связаны со сходными темами, одновременно разрабатываемыми университетскими кафедрами, реже музеями²⁶.

Приступая к подготовке сейчас уже выходящих в свет региональных монографий и монографий об отдельных деревнях, польские ученые решили, что их целью будет характеристика всего процесса развития культуры выбранного района или деревни в его исторической обусловленности. Они обращали внимание на закономерности экономического развития, обуславливающие изменения культуры, на связь всех этих изменений с развитием производительных сил и производственных отношений. Например, авторы еще неоконченной монографии о деревне Сёлковице в Опольской Силезии (руководитель М. Гладыш) и историко-этнографической монографии о народной культуре Великой Польши (подготавливает под редакцией Ю. Буршты кафедра в Познани) ставили перед собой следующие задачи:

²⁵ J. Gajek (red.), *Polski Atlas Etnograficzny, Zeszyt Próbný*. Wrocław, 1958; *Zeszyt 1—2*, Wrocław, 1964—1965; *Zeszyt 3*, Wrocław, 1968; е го ж е, *Studia nad etnograficzną regionalizacją Polski*, «Lud», t. 47, 1962.

²⁶ См. статьи Ю. Буршты, Д. Добровольской, К. Завистович-Адамской и др., отдельные работы в изданиях: «Biblioteka Etnografii Polskiej» (red. W. Dynowski). «Prace Komisji Socjologicznej Oddziału w Krakowie Polskiej Akademii Nauk» (red. K. Dobrowolski), «Prace etnograficzne» в сериях «Zeszytów Naukowych Uniwersytetu Krakowskiego» (red. M. Gładysz) и др.

а) возможно более полное описание предметов, представлений и обычаев, появление которых относится к рассматриваемым в этих работах историческим периодам;

б) выделение этих периодов, чаще всего соответствующих периодизации в работах, характеризующих этапы экономического и общественного развития страны в минувшие эпохи; выявление причинной связи культурных изменений с изменением периода;

в) выделение в крестьянской культуре в границах этих периодов двух разных течений, соответствующих происходящей классовой поляризации деревни;

г) прослеживание в некоторых случаях в границах этих периодов двух систем, сталкивающихся и сосуществующих в народной культуре как «старое» и «новое».

В указанных и некоторых других работах наблюдаются две тенденции, иногда неправильно исключаящие одна другую: стремление к исчерпывающему описанию (во времени и пространстве — географическом и социальном); 2) замена описания исторического толкованием, в котором стремление к обобщению не сопровождается точностью документации, полученной из источников, а пример доминирует над доказательством. Статистический материал как основа аргументации в этнографических работах используется довольно редко в противоположность большинству современных социологических работ²⁷.

Монографические региональные работы очень неравномерно размещаются на карте страны. Наиболее интенсивно исследования проводятся в районах, ближайших к соответствующим научным центрам, прежде всего, к упомянутым университетским городам. Они проводятся также в районах, которые еще более 100 лет назад были признаны в польской этнографической литературе особенно подходящими для экспериментальных этнографических исследований. Это районы с хорошо сохранившейся своеобразной народной культурой. К ним относится район курпей²⁸, выделяющийся исторически как территория древних пущ, заселенная относительно поздно. Здесь ведет работы Варшавский этнографический центр. Кафедра в Торуні занимается исследованиями в Куявии²⁹. На Мазурах и в Вармии традиционные обычаи и современную культурную интеграцию изучает центр научных исследований «Приозерье» в Ольштыне. В западном Поморье и на Любушской земле работают сотрудники этнографической кафедры университета в Познани. В Верхней Силезии и Силезии Опольской проводят исследования научные институты Катовиц и Ополья, связанные с ИИМК ПАН и кафедрами в Кракове и Вроцлаве³⁰. Эти кафедры ведут работы также в Нижней Силезии. Необходимо отметить, что университетские кафедры очень часто сотрудничают в полевых работах с музеями. В результате такого сотрудничества в Лодзи возник очень сильный центр полевых этнографических исследований. Там кроме работников университетской кафедры и сотрудников ИИМК ПАН с большим размахом этнографическую инвентаризацию и монографическое изучение культуры выбранных деревень и районов центральной и восточной Польши проводит Музей археологии и этнографии, а также другие местные музеи³¹.

Монографические исследования ИИМК ПАН осуществляются только в упомянутых выше нескольких районах. Работы, начатые возникаю-

²⁷ См. S. Ossowski, *O osobliwościach nauk społecznych*, Warszawa, 1962; S. Nowak, *Studia z metodologii nauk społecznych*, Warszawa, 1965.

²⁸ A. Kutrzeba-Pojnarowa (red.), *Kurpie*, «Puszcza Zielona», t. 1—3, Wrocław, 1962—1965.

²⁹ Под руководством Я. Климашевской и М. Знамеровской-Приюфферовой.

³⁰ Под руководством М. Гладыша, А. Наша и др.

³¹ Кроме музейных изданий, необходимо упомянуть «*Łódzkie Studia Etnograficzne PTL*», red. K. Zawistowicz-Adamska.

щими центрами (такими, как музеи), значительно уплотнили сетку пунктов этнографических обследований, но ослабили связи между центрами. Это привело к большим трудностям в реализации коллективной обобщающей работы по этнографии Польши³². Более систематично и во всех районах Польши проводят исследования народного художественного искусства сотрудники Института искусства ПАН. Уже вышли в свет публикации, характеризующие польское народное искусство в целом, а также отдельные его отрасли³³. Богатые материалы Института искусства являются основой для успешного осуществления региональных работ по народной музыке³⁴.

Примером международного сотрудничества польских этнографических центров является начатое ИИМК ПАН изучение культуры карпатских деревень и участие в методологических дискуссиях по этой теме. В Карпатах работают сотрудники трех этнографических центров ИИМК (Краков, Лодзь, Варшава), университетских кафедр и музеев³⁵.

Другим примером международного сотрудничества является участие польских этнографов в работах Комитета по исследованию промышленных районов.

Дискуссия, которую развернули сейчас польские этнографы и представители смежных дисциплин, вышла за рамки исторических наук. В ней участвуют специалисты по социологии деревни, экономике земледелия, экономической географии. Дискуссия касается двух главных проблем.

1. Критерий выделения единицы изучения в полевых этнографических работах, пожалуй, слишком «экономизированных» в некоторых современных этнографических направлениях.

2. Противопоставление логическим построениям, выдвинутым представителями некоторых дисциплин в качестве рабочих гипотез, исторических обобщений в виде моделей, построенных на основе эмпирических материалов.

В будущем дискуссия как с социологами, так и историками должна сделать выводы из наших эмпирических исследований понятными специалистам других отраслей науки и привести к применению совместно выработанных теоретических моделей развития культуры в качестве орудия последующих исследований. Их пользу в сфере изучения культуры показали как социологические работы, так и некоторые направления зарубежной культурной и социальной антропологии, о популярности которых в польской этнографии свидетельствуют многие работы, появившиеся в последнее время³⁶.

³² Польские ученые приняли участие в написании главы «Поляки» для тома «Народы зарубежной Европы», I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964.

³³ См. сообщения, опубликованные в журн. «Polska Sztuka Ludowa», а также: R. Reinfuss, J. Swiderski, Sztuka Ludowa w Polsce, Kraków, 1960. Ряд монографических работ по отдельным отраслям народного искусства, а также по теории этого искусства опубликовали: В. Дыновский, А. Яцковский, К. Петкевич, К. Пивонский, Р. Райнфусс, Т. Северин, А. Войцеховский и др. См. также работы Ю. Грабовского, в частности недавно изданные книги: «Sztuka ludowa. Formy i regiony w Polsce», Warszawa, 1966; его же, Dawna polska rzeźba ludowa, Warszawa, 1968; A. Jackowski, J. Jarnuszkiewiczowa, Sztuka ludu polskiego, Warszawa, 1967.

³⁴ Эти работы проводили руководитель Отдела М. Собеский (умер в 1967 г.), а также М. Петрушиньска-Собеская, Я. Сташевский, Я. и А. Богущие и др.

³⁵ См. посвященные польским Карпатам историко-теоретические работы Р. Райнфусса о лемках и народном искусстве Карпат, М. Гладыша об организации коллективных работ и об искусстве силезских гуралей, Б. Копчиньской-Яворской и др., См. также: W. Antoniewicz (red.), Pasterstwo Tatrz Polskich i Podhala, t. 1—7, Wrocław, 1959—1967. Библиографию польских, югославских и венгерских работ по этнографии Карпат издал под редакцией М. Гладыша ИИМК ПАН («Prace etnograficzne»).

³⁶ См. выходящие в свет переводы работ Р. Бенедикт, Р. Фэрта, Б. Малиновского, О. Леви-Стросса и др., подготовленные к печати К. Юденко, А. Клоковским, З. Со-

Представленная выше характеристика путей развития польской этнографии не охватывает всего многообразия тематики и проблем современных и прежних этнографических работ³⁷. Некоторые исследования были только названы. Почти целиком опущены работы, тематика которых выходит за пределы Польши (включая области расселения славян), хотя они проводились, правда не систематически, чуть ли не с конца XVIII в. Благодаря этим работам были получены коллекции, составившие основу первого этнографического музея в Варшаве, а также вошедшие в экспозиции и фонды других музеев. В результате исследований за пределами Польши и даже Европы и участия в этнографических экспедициях выдающиеся польские ученые в период между двумя мировыми войнами заняли соответствующее их заслугам научное положение в польских и заграничных университетах.

В настоящее время этнографические работы за пределами Польши также стоят в исследовательских планах ИИМК. Издана монография, посвященная быту и культуре современной Монголии³⁸. В журнале «Etnografia Polska» и в издании «Biblioteka Etnografii Polskiej» опубликованы статьи об экспедициях польских этнографов в Монголию и совместных исследованиях польских и болгарских ученых, посвященных современным преобразованиям болгарских деревень.

Польские этнографы должны разрабатывать и те разделы этнографии, которые после войны не изучались из-за отсутствия организационных возможностей.

В своем выступлении на заседании комитета исторических наук ПАН (1957 г.) профессор К. Добровольский утверждал, что в перспективном плане развития польской этнографии необходимо выделить прежде всего исследования динамики современных преобразований сельской культуры, которые проводятся одновременно с работами социологов и экономистов сельского хозяйства. Нельзя, однако, отказаться от параллельных исторических и собственно этнографических исследований. Следует также подчеркнуть необходимость более интенсивного участия этнографов в таких научных работах, которые могут стать основой для практической деятельности.

SUMMARY

The main fields where Polish ethnographical research is active are characterized. The most topical problems are first of all those concerned with the social and cultural transformation of Polish village life, the culture formation among various groups of workers, the study of regional ethnographic differences and a general theory of culture. Other fields covered by Polish ethnographic studies past and present are also characterized, as well as the organization of ethnography in Poland research institutions and their publications. The author shows how methods of ethnographical research were developed in the course of Poland's cultural history and the evolution of Polish ethnography from the XVIII—XIX centuries up to the present day.

колевич, А. Валигурским и др., а также статьи в изданиях: «Etnografia Polska», «Lud», «Przegląd Nauk Historycznych i Społecznych», «Przegląd Socjologiczny», «Studia socjologiczne».

³⁷ Лучшее всего подготовлена библиография послевоенного периода (до 1954 г.), см.: Н. Bittner-Szewczykowa, Materiały do bibliografii etnografii polskiej za 1945—1954, Wrocław, 1958 (прилож. к журн. «Lud», t. 43). Публикацию библиографии в обработке Б. Гавина продолжает «Lud». Ее печатают в избранных изданиях «Volkskundliche Bibliographie», (red. R. Wildhaber). Кроме того, обзоры текущих работ появляются в международном информационно-библиографическом издании «Demos». Начатая К. Мошиньским библиография польских работ, касающихся неславянских территорий, дана ИИМК ПАН в печать (ред. М. Гладышева).

³⁸ W. Dynowski, Współczesna Mongolia, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968.

Н. А. Красновская

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАННЕГО ПЕРИОДА ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ФРИУЛОВ

Фриулы — небольшой народ Северо-Восточной Италии, говорящий на одном из диалектов ретороманского языка¹. Этническая история фриулов сложна и мало изучена. Особенно плохо освещенным в итальянской литературе и в литературе других европейских стран остается ранний период этнической истории этого народа. Как в дореволюционной русской, так и в советской исторической науке не проводилось специально-го исследования истории и этнографии фриулов. В настоящей статье делается попытка на основании разнообразных источников — трудов древних и средневековых авторов, археологических данных, а также результатов лингвистических исследований — последовательно воссоздать основные этапы раннего периода этнической истории фриулов, начиная с переселения на занимаемые ими сейчас земли венетов и кончая завоеванием этих земель лангобардами.

* * *

Со времен неолита пространство от Альп до восточного побережья Адриатического моря занимали племена эвганеев. В области Фриули этот же народ стал носителем культуры бронзового века².

В конце II и начале I тысячелетия до н. э. в Северной Италии появились племена, известные под именем венетов³ (латинск. *Eneti* или *Venetii*; греч. *Ἐνετοί* или *Ἐνετοί*)⁴.

Для разрешения вопроса о роли венетов в формировании фриульской этнической общности необходимо, в первую очередь, выяснить, каково их происхождение и какие области они занимали в Северной Италии⁵.

¹ О месте фриульского диалекта в современной лингвистической классификации романских языков см.: Н. А. Красновская, К вопросу об этногенезе ретороманцев, «Сов. этнография», 1964, № 1.

² Н. А. Красновская, К вопросу об этногенезе фриулов, «Сов. этнография», 1965, № 1.

³ Точное время прихода венетов в Италию пока установить не удается. П. Паскيني датирует эту миграцию XII—X вв. до н. э. (P. Paschini, *Storia del Friuli*, vol. I, Udine, 1953, p. 12). Л. Парети считает, что венеты обосновались в различных местах Адриатического побережья, вероятно, с X в. до н. э., т. е. со времени Троянской войны (L. Pareti, *Storia di Roma*, vol. I, Torino, 1952, pp. 129—130).

⁴ В русских переводах античных авторов этот этноним пишется не только как «венеты», но и как «энеты», «енеты» и «генеты». Это объясняется тем, что переводчики греческих текстов стремились как можно точнее передать греческое звучание слов *Ἐνετοί* и *Ἐνετοί*, обозначая первое как «энеты» и «енеты», а второе — как «генеты».

⁵ Следует отметить, что необходим весьма осторожный подход к источникам, так как под именем «венеты» известны и другие народы, например кельтские племена, жившие на берегах Атлантического океана, племена венетов на Висле и некоторые другие. Автор статьи сознательно старается ограничить свою задачу, говоря лишь о венетах, которые, согласно античной традиции, жили в Северной Италии.

Сходство в написании и звучании имен венетов, живших в Северной Италии, и венетов Малой Азии породило у античных авторов версию о переселении последних на берега Адриатики.

Указание, что венеты переселились в Италию из Пафлагонии (горная область в северной части Малой Азии) есть у Ливия (I, 1) ⁶. По-видимому, с подобной точкой зрения был согласен и Плиний Старший. В «Естественной истории» он сообщает, что «по словам Катона, венеты происходят из троянской семьи...» (III, 130) ⁷. Юстин утверждал, что «венетов, которых мы видим сейчас живущими у Верхнего моря, привел сюда их вождь Антенор, когда была взята и покорена Троя» (XX, 1 (81)) ⁸. О переселении «венетов из Пафлагонии в Адриатику» сообщает и Страбон (61) ⁹. Мнения о малоазийском происхождении венетов придерживаются также Меандр Милетский, Полемон Илиенский, Вергилий, Арриан, Овидий, Тацит и многие другие ¹⁰.

Совершенно иную точку зрения на происхождение венетов высказал Геродот, назвавший их «венетами иллирийскими» (I, 196) ¹¹. Это может означать, что, по его мнению, венеты или жили в Иллирии или были выходцами из нее.

По приведенным выше и некоторым другим свидетельствам древних авторов можно приблизительно локализовать поселения венетов. Помпей Трог пишет, что венеты живут «у берегов Верхнего моря» (XX, 1 (8)) ¹². Страбон в одном месте говорит о переселении венетов «в Адриатику» (61) ¹³, в другом — что равнина по ту сторону По «заселена кельтами и венетами», и там же добавляет, что венеты живут в той части «нашего моря», которая претерпевает «подобно океану, приливы и отливы, благодаря чему большая часть этой равнины занята морскими болотами» (212) ¹⁴. Полибий пишет, что венеты завладели «странами, доходящими уже до Адриатики» (II, 17, 5) ¹⁵. Геродот указывает, что венеты жили «на Адриатическом побережье» (V, 9) ¹⁶. Можно заключить, что этот народ жил на берегах Адриатического моря, очевидно, занимая пространство, составляющее приблизительно современные области Венето и Фриули. Некоторые историки называют и определенные венетские города, например Равенну ¹⁷, Тарвизий ¹⁸, Атесте ¹⁹. Северную границу венетских областей на основании данных древних авторов определить трудно. На этот счет имеется лишь одно указание у Ливия. Он пишет, что, придя на Адриатику, венеты вытеснили эвганеев, живших «между Альпами и морским берегом» (I, 1) ²⁰, из чего, возможно, следует, что в ранний период истории венетов их поселения доходили до альпийских хребтов.

⁶ Тит Ливий, История народа римского, Отдел I, кн. I—VI, М., 1958, стр. 5.

⁷ C. Plinii Secundi, Naturalis Historia, vol. I, Libri I—VI, Berolini, 1866, p. 157.

⁸ Юстин, Эпитом сочинения Помпея Трога, «Вестник древней истории», 1954, № 4.

⁹ Страбон, География в 17 книгах, под общей редакцией С. Л. Утченко, Л., 1964, стр. 68. Правда, в другом пассаже своей «Географии» Страбон заявляет, что «колонию на Адриатическом море» основали венеты с полуострова Бретань (195). В указанном русском издании см. стр. 186.

¹⁰ См. F. Musoni, Sull'etnografia antica del Friuli, Udine, 1900, pp. 16—17.

¹¹ Геродот, История в девяти книгах. Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко, изд. 2-е, т. I, М., 1888, стр. 104.

¹² Юстин, Указ. раб., стр. 187.

¹³ Страбон, Указ. раб., стр. 68

¹⁴ Там же, стр. 200.

¹⁵ Полибий, Всеобщая история в сорока книгах. Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко, М., 1890, т. I, стр. 156.

¹⁶ Геродот, История..., т. II, стр. 4.

¹⁷ Прокопий из Кесарии, Война с готами, М., 1950, стр. 127.

¹⁸ Там же, стр. 256.

¹⁹ C. Plinii Secundi, Naturalis Historia, v. I, p. 157.

²⁰ Ливий, Указ. раб., стр. 5.

Вопрос об этнической принадлежности венетов современные ученые пытаются решить на основе анализа данных об их языке. Древние авторы о нем почти ничего не пишут, если не считать короткого замечания Полибия о том, что «в отношении нравов и одежды они мало отличаются от кельтов, но языком говорят особым» (II, 17, 5)²¹. Археологические раскопки на землях, где некогда жили венеты, дали свыше двухсот надписей²². Подавляющее их большинство происходит из Аteste и датируется V—I вв. до н. э. После I в. до н. э. венетский язык был здесь вытеснен латинским.

Лингвисты, занимавшиеся расшифровкой венетской эпиграфики, единогласно включают язык венетов в индоевропейскую семью языков²³. Но о том, какое место он занимает в этой семье, единого мнения нет, и можно сказать, что этот вопрос остается до сих пор не разрешенным.

Фраза Геродота, где он прилагает к этнониму «венеты» определение «иллирийские» (I, 196), натолкнула многих современных лингвистов на поиски в эпиграфике, приписываемой этому народу, иллирийских черт. И до недавнего времени большинство зарубежных ученых утверждало, что венетский язык следует относить к иллирийской группе языков²⁴.

Однако в последние два десятилетия многие лингвисты отошли от такой точки зрения. В настоящее время распространено мнение, что венетский — независимый индоевропейский язык²⁵ западного типа, т. е. один из языков так называемой группы кентум²⁶. Хотя в обычную классификацию «ветвей» индоевропейской семьи венетский полностью не укладывается, в нем, однако, есть черты, роднящие его и с италийской и с иллирийской группами. Возможно, он является остатком какой-либо несохранившейся «ветви»²⁷.

Венеты оставили некоторые реликты в топонимике, например названия мест типа Abano, Asolo и с окончанием на -este — Tergeste (Trieste), Ateste (Este). По-видимому, частица -este вообще была характерна для венетского языка.

На основании археологических памятников, приписываемых венетам, делают заключение, что в VIII—V вв. до н. э. главным венетским центром был Эсте (Аteste), остатки которого раскопаны в современной области Венето близ р. Адидже, к северу от низовьев р. По²⁸. По характеру находок Аteste относят к раннему периоду железного века. В области Фриули самый крупный археологический памятник, приписываемый венетам, — поселение и могильник близ современной деревни Санта Лючия, также относящиеся к раннему железному веку, когда преобладающим металлом еще была бронза. Санта Лючия и другие некрополи Фриули датируются VIII—IV вв. до н. э.²⁹

Говоря о раннем периоде истории венетов, следует уделить некоторое внимание вопросу об их отношении к предшествующему населению северного берега Адриатического моря, а именно — к эвганеям. У древних авторов на этот счет есть лишь приведенное выше высказывание Ливия, из которого, казалось бы, следует, что венеты целиком вытесни-

²¹ Полибий, Указ. раб., стр. 157.

²² А. И. Немировский, История раннего Рима и Италии, Воронеж, 1962, стр. 75.

²³ И. М. Тронский, Очерки из истории латинского языка, М., 1953, стр. 55; C. Tagliavini, Le origini delle lingue neolatine, Bologna, 1959, p. 109; E. Pulgram, The tongues of Italy, Cambridge, Massachusetts, 1958, p. 209.

²⁴ C. Tagliavini, Указ. раб., стр. 109; P. Paschini, Указ. раб., т. I, стр. 12.

²⁵ H. Krahe, Das Venetische, seine Stellung im Kreise der verwandten Sprachen, Heidelberg, 1951, стр. 34.

²⁶ И. М. Тронский, Указ. раб., стр. 55.

²⁷ Там же; C. Tagliavini, Указ. раб., стр. 109.

²⁸ А. И. Немировский, Указ. раб., стр. 75; E. Migliorini, Veneto, Torino, 1962, стр. 18.

²⁹ В. И. Модестов, Венеты, «Журнал Министерства народного просвещения», новая серия, ч. II, 1906, март, стр. 16; P. Paschini, Указ. раб., т. I, стр. 13, 14.

ли эвганеев из мест их жительства. Однако современные историки на основании археологических данных представляют взаимоотношения эвганеев и венетов несколько иначе. Они полагают, что из страны, занятой венетами, ушли не все эвганеи; какая-то их часть, возможно, осталась на прежних местах и продолжала жить небольшими группами, главным образом в изолированных долинах³⁰. Постепенно венеты ассимилировали эту часть эвганеев.

Имеются некоторые сведения о венетах в период «писаной» истории Италии. Известно, например, что они воевали сначала с этрусками, а затем с галльскими племенами, которые, спустившись последовательными волнами через альпийские перевалы, завоевали большую часть Северной Италии³¹. Венетам пришлось отступить и лишь с трудом удалось сохранить полосу вдоль берегов Адриатического моря.

По-видимому, важнейшим галльским племенем, распространившимся постепенно на территории современной области Фриули, было племя карнов. В области, населенной в наше время фриулами, они появились около 400 г. до н. э.³²

Нам не известно, какими событиями сопровождалось продвижение карнов с севера, из области современных Карнийских Альп на юг, к берегам Адриатики. Из сочинений античных авторов ясно лишь то, что они частью потеснили венетов и заняли населенные ими ранее районы, частью подчинили себе этот народ, не прогоняя его с насиженных мест. Надо полагать, что карны ассимилировали покоренных венетов, но, вероятно, они не смогли целиком уничтожить их «этническую физиономию», как выражается крупнейший специалист в области фриульского языка Джузеппе Маркетти³³. Иными словами, население, состоящее из карнов-завоевателей и венетов, покоренных ими, говорило на каком-то диалекте, сохраняющем черты как кельтско-карнийского, так и венетского говоров. Этот-то диалект и следует рассматривать в области Фриули как важнейший лингвистический субстрат, предшествующий латини.

О взаимоотношениях карнов с римлянами есть некоторые сведения у Ливия, чаще всего именующего карнов «галлами трансальпийскими». Он рассказывает, что для противодействия продвижению карнов и для обеспечения безопасности своих союзников венетов в 183 г. до н. э. римский сенат решил основать в этой области колонию с латинским правом. В 181 г. до н. э. эта колония была основана близ р. Аквилис, от которой и получила свое название Аквилея³⁴.

Между тем галльские племена в течение многих лет по-прежнему угрожали безопасности римских границ. Известно, что в 129 г. до н. э. Аквилея стала отправным пунктом военной кампании, в результате которой карны, тавриски, япиды и либурны потерпели поражение у Керка. В 115 г. до н. э. консул Эмилий Скаур одержал еще одну, по-видимому, полную победу над карнами. Об этом сообщает фрагмент триумфальных фаст, в котором карны названы «карнийскими галлами» (... Galleis Karneis)³⁵.

Указание на то, что карны были кельтским племенем, может быть можно видеть и в самом имени этого народа. Корень -саг кельтского происхождения³⁶. Наименования с этим корнем или с производными от

³⁰ P. Paschini, Указ. раб., т. I, стр. 12; В. И. Модестов, Указ. раб., стр. 328.

³¹ E. Migliorini, Указ. раб., стр. 19, 20.

³² P. S. Leicht, Breve storia del Friuli, Udine, 1952, стр. 21.

³³ G. Marchetti, Studi sulle origini del Friulano, «Ce fastu?», Anno IX, № 5, 6, p. 127, Udine, 1933.

³⁴ G. Valussi, Friuli — Venezia Giulia, Torino, 1961, стр. 17.

³⁵ «Corpus Inscriptionum Latinarum», v. I, p. 460.

³⁶ B. Guyon, Il pilone toponomastico kar- nella Venezia Giulia, «Annali del R. Istituto Orientale de Napoli», 1930.

него прочно укрепились во фриульской топонимике, таковы например: Carnia, Alpi Carniche, Cormons (от Carmon) и некоторые другие. За пределами области Фриули топонимы с коренным -саг удерживаются в названиях Каринтия и Карниоль.

Вероятно, с конца II в. до н. э. началось заселение карнами равнины между Тальяменто и Тимаво. Может быть, они расселились и вдоль моря от Тимаво до Формионе (Ризано). Наверно это произошло по разрешению, а, может быть, и по желанию Рима³⁷.

Точно определить территорию, занимаемую карнами, не представляется возможным, в трудах древних авторов нет достаточно четких сведений по этому поводу. По Ливию, Скимну и Скилаку³⁸ получается, что владения карнов не доходили до берегов Адриатического моря, где эти писатели помещают племена венетов и истров. То, что карны поселились севернее Аквилеи и никогда не жили на берегу моря, казалось бы, можно заключить и из одного отрывка из «Географии» Страбона, в котором он помещает карнов «над венетами» (216), т. е. севернее их³⁹. Однако в другом месте Страбон пишет, что карны обитали «близ впадины Адриатического моря и местностей около Аквилеи» (206)⁴⁰.

На основании сведений из произведений Ливия, Помпония Мелы, Плиния и Страбона⁴¹ можно заключить, что карны в тот период, когда их знали римляне, занимали территорию, граничащую на западе и юге с землями венетов, на севере — по Карнийским Альпам — с таврисками и нориками; на востоке их владения простирались до г. Тергесте (Триест). Недалеко от территории, занимаемой карнами, находились земли других кельтских племен: ценоманов и инсубров⁴², а также земли ретов⁴³.

Со II в. до н. э. в область, ныне населенную фриулами, начинают проникать латинский язык и римская культура. Важным оплотом римлян при покорении окружающих племен стала Аквилея, расположенная в 15 тысячах шагов от моря и имевшая типичный план римских лагерей.

Латинские колонны (вначале 300 человек) получили по 50 югеров земли, центурионы — по 100 югеров, а всадники — по 140 югеров. Земельные участки располагались на Фриульской равнине⁴⁴. Колонисты происходили по большей части из племен самнитов⁴⁵.

С первых же дней своего существования колония стала играть большую роль в деле освоения римлянами земель, расположенных вокруг нее и заселенных карнами, венетами и другими племенами.

Аквилея стала узловым пунктом римских военных дорог, идущих от нее на север, запад и восток. Отсюда римские войска начинали движение при наступлении на трансальпийские страны. Сеть дорог способствовала также быстрому развитию оживленной торговли Италии с заальпийскими странами и со странами востока.

Для усиления Аквилеи в 169 г. до н. э. в ней было поселено еще 1500 семей колоннов.

Надо полагать, что со времени основания римлянами Аквилеи в области, которая сейчас носит название Фриули, зазвучала народная латынь. Но в первые же годы своего бытования здесь этот язык, вероятно, впитывал в себя и некоторые карнийские и венетские элементы словаря и фонетики. Это «впитывание» усиливалось еще и тем обстоятельством,

³⁷ P. Paschini, Указ. раб., т. I, стр. 21.

³⁸ F. Musoni, Указ. раб., стр. 32.

³⁹ Страбон, Указ. раб., стр. 203.

⁴⁰ Там же, стр. 195.

⁴¹ F. Musoni, Указ. раб., стр. 32.

⁴² P. S. Leicht, Указ. раб., стр. 21.

⁴³ Страбон, Указ. раб., стр. 268.

⁴⁴ A. Calderini, Aquileia Romana, Milano, 1930, стр. 13; P. S. Leicht, Указ. раб., стр. 25.

⁴⁵ G. Marchetti, Lineamenti di grammatica friulana, Udine, 1952, стр. 12.

ством, что латинское население в Аквилее и прилегающих к ней землях по численности значительно уступало карно-венетам. Последние, со своей стороны, постепенно усваивали язык завоевателей, но говорили на нем на свой манер, т. е. со своими флексиями, своим ударением и сохраняли многие слова своего наречия. Дж. Маркетти определяет латинский диалект Фриули как «*latino in bosca carnica*» (латинский в карнийских устах)⁴⁶.

В 102 г. до н. э. Аквилея пережила нашествие кимбров. Город оказался окружен землями, занятыми врагами. Связь с Римом поддерживалась только по морю. В 101 г. до н. э. Марий победил кимбров, и с этого времени Аквилея, как и все окружающие ее земли, была на долгое время освобождена от варварской угрозы. Фриульская равнина все больше заселялась. Здесь была основана еще одна римская колония Юлия Конкордия (*Iulia Concordia*). В альпийских долинах было построено (неизвестно точно кем — Цезарем или Октавианом) два форума. Первый был расположен на р. Натизоне, на древней торговой дороге, спускавшейся от перевала Редиколле через долины Изонцо и Натизоне к Фриульской равнине. Второй возвышался в долине р. Бут, тоже на торговой дороге, которая шла от перевала Монтекроче Карнико и связывала долину Гаиля с долиной Тальяменто. Оба форума обычно называли Форум Юлии (*Forum Iulii*), но второй был известен и как Карнийский Юлий (*Iulium Carnicum*).

Во Фриульской равнине и предгорьях появилось множество участков, которые возделывались, как выражается П. С. Ляйхт, «галльско-римскими крестьянами». Они нарекали свои деревни именами с окончанием на -ассо. Подобные названия и сейчас еще часты во Фриульской топонимии. Известны, например, топонимы *Adegliacco*, *Avosacco*, *Brazzacco*, *Capogiacco*, *Casacco*, *Carpasso*, *Casiacco*, *Faugnacco*, *Gracco*, *Grimacco*, *Martignacco*, *Porteacco* и др.⁴⁷ Следует, однако, отметить, что основа, к которой присоединялось кельтское окончание, обычно принадлежала к римской ономастике⁴⁸.

В различных частях Фриули романизация была разной степени интенсивности. Например, на низкой равнине и вблизи муниципиев римские колонии были наиболее многочисленны. В этих местах обычно встречаются топонимы чисто римского образования, например *Cervignano*, *Cassegliano* и пр. В средней Фриули наиболее плотным было кельтское население.

В 90 г. до н. э. жители Аквилеи получили права полного римского гражданства. Она была приписана к племени велина и превратилась в муниципалитет. Позднее город получил более почетный титул римской колонии.

Вскоре Аквилея превратилась в важный торговый и стратегический пункт Римской империи. Когда Август разделил Италию на одиннадцать больших областей, она стала столицей десятой области, названной Венеция и Истрия и простиравшейся от р. Адды до восточных Альп. Как это явствует из названия, область была населена в первую очередь венетами и истрами. Но между реками Ливенца и Ризано преобладало карнийское население⁴⁹.

Важное торговое и стратегическое значение Аквилеи приводило к тому, что она была постоянно наводнена римскими и иностранными торговцами и солдатами из всех частей Римской империи. Не случайно поэтому здесь обнаруживаются следы многих языческих культов, как восточных, так и западных. Распространен был культ Митры. Почита-

⁴⁶ G. Marchetti, *Studi sulle origini*, p. 127.

⁴⁷ См., например, G. Valussi, Указ. раб., стр. 85, 125, 126, 135, 163, 183, 198, 207, 227, 337, 355.

⁴⁸ P. S. Leicht, Указ. раб., стр. 31.

⁴⁹ G. Valussi, Указ. раб., стр. 20.

лись Серапис и Изида. Из собственно имперских культов наиболее важным был культ личности императора. Однако главным языческим культом Аквилеи стал культ божества Белена (Belino или Beleno). Этот культ, вероятно, был кельто-норикского происхождения. В Аквилее насчитывалось 54 святилища Белена. Известен храм этому божеству в Карнийском Юлии и почетные надписи вне карно-норикской области. Так как римлянам было свойственно стремление находить для чужеземных божеств аналогии среди божеств греко-римского пантеона, Белен был приравнен к Аполлону⁵⁰, и поэтому его культ стал близок к культу солнца. Память о Белене сохраняется в топониме Beligna в местности, расположенной к югу от современного населенного пункта Аквилея. Есть указания, что здесь был храм в его честь⁵¹.

Предполагают, что в I в. н. э. среди других культов в Аквилее появилось и христианство. Этот город стал одним из крупнейших центров его распространения. После эдикта императора Константина (313 г.), допускавшего свободное вероисповедание христианства, город присоединил к своим гражданским функциям также религиозные. Здесь был основан один из крупных епископатов, влияние которого простиралось до Реции, Норика и Паннонии⁵².

Когда точно это произошло — неизвестно. Считают, что епископат должен был существовать в Аквилее уже в первой половине III в. Первое официальное упоминание Аквилеи в истории церкви относится к 314 г. Среди подписей присутствовавших на церковном собрании в Арле есть имена «Теодора епископа, Агатона дьякона города Аквилеи»⁵³.

Вероятно, принятие новой религии имело огромное значение для романизации области Фриули. Римская империя при всем внешнем единстве была искусственным образованием. Как и в других областях империи, принятие доримским населением области Фриули латинского языка или языковая романизация еще не означала культурной романизации. Иными словами, здесь, даже при утрате своего языка и принятия совершенно иной, в известной степени чуждой культуры, не наступило забвение всего местного культурного наследия. Известно, что принятие нового языка изменяет многое в культуре того или иного народа, но оно само по себе еще не означает исчезновения самобытности этой культуры.

В условиях Римской империи существенную роль в культурной интеграции должно было сыграть принятие новой религии, особенно такой, как христианство. Новая религия постепенно устраняла старые обычаи и обряды, моральные нормы и даже старое мировоззрение. Конечно, многое из них новая религия ассимилировала, сохранила в трансформированном виде. В этнической истории фриулов этот фактор имел особенно важное значение.

В первые века нашей эры в Аквилее и ее провинции продолжал развиваться диалект народной латыни, произошедший из смешения латыни римских колонистов (по большей части самнитов) с карнийско-венетскими говорами завоеванного местного населения. В этот же период аквилейская латынь распространилась по всей восточной части империи, включая современную область Венето. Вероятно, некоторую роль элементы аквилейской латыни сыграли в формировании языков населения римских дунайских провинций.

В середине IV в. в Аквилее имел место интересный факт. Епископ Фортунатиан составил в письменном виде комментарии к евангелию на так называемом сельском языке («sermone rustico»), т. е. на той латыни, на которой в то время говорили аквилейцы. Это означает, что народ не-

⁵⁰ P. Paschini, Указ. раб., стр. 31.

⁵¹ Там же.

⁵² G. Valussi, Указ. раб., стр. 33.

⁵³ P. Paschini, Указ. раб., стр. 33.

понимал в должной степени латинский язык школы и официальных актов. Труд Фортунатиана потерян, но сам факт, что епископ счел необходимыми написать его, показывает, что язык римлян Аквилей, смешавшихся с карнами и венетами, явно выделялся среди других говоров империи⁵⁴.

Область Венеция и Истрия была одной из первых областей Римского государства, на которую обрушились варварские нашествия. В 167 г. н. э. сюда вторглись германские племена маркоманнов. Римскому войску удалось справиться с ними под стенами Аквилей и отбросить их за границы империи. В III и IV вв. в область неоднократно вторгались другие германские племена. От этих вторжений особенно пострадал юг Фриули, т. е. район глубокой романизации. На севере области, т. е. в Альпах и Предальпах, где римляне обжили лишь места размещения их гарнизона, основная масса населения оставалась кельтской и лишь формально сменила господина⁵⁵.

В 401 г. с Балкан на Италию двинулись полчища вестготов во главе с избранным ими в 395 г. вождем Аларихом. Во Фриули они появились со стороны Юлийских Альп. Пройдя по долине р. Изонцо, Аларих в ноябре 401 г. достиг Аквилей и затем осадил и взял город. В середине V в. Фриули испытала еще одно нашествие варваров. Гунны под предводительством Атилы, разбитые на Каталаунских полях, отступили в Паннонию, откуда их орды начали наступление на север Италии. В 452 г. они уже были под стенами Аквилей. Осада города, обороняемого слабым гарнизоном, длилась три месяца, после чего Аквилей была взята и сожжена⁵⁶.

Вторжения маркоманнов, вестготов и гуннов опустошили Фриули, но не оставили никаких следов, кроме развалин и кровопролитий. Аквилей, разграбленная и сожженная гуннами, уже никогда больше не смогла достичь своего былого значения. Дж. Маркетти метко заметил, что этот населенный пункт до недавних мелиоративных работ «был ни чем иным, как бедной деревней, которая дышала воспоминаниями о славе и малярийными испарениями»⁵⁷.

После гуннского нашествия фриульская низменность обезлюдела, так как население спасалось бегством в горные долины и на острова прибрежной лагуны, куда завоеватели не проникали. Центральное положение в заселенной после гуннских разрушений области стал занимать г. Форум Юлии (современный Чивидале), в устье р. Натизоне. Он и стал главным городом Фриули в средние века.

В 488 г. на Италию из Паннонии начали наступление остготы под предводительством Теодориха. Поход остготов не был просто военным набегом, но переселением на Апеннинский полуостров большой массы германских и некоторых других племен, до этого подчиненных готам. В Италию двинулось не только войско остготов, но и женщины, старики, дети со всем своим имуществом⁵⁸. Большинство историков считает, что с Теодорихом в Италию прибыло около 100 тысяч остготов и около 50 тысяч человек из других племен⁵⁹. Фриули и на этот раз была первой областью, которую захватили варвары⁶⁰. После взятия Равенны в 493 г. Теодорих был провозглашен королем готов и италиков. Вся область Венеция и Истрия стала частью остготского королевства⁶¹.

⁵⁴ G. Marchetti, *Lineamenti...*, p. 12, 13.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Иордан, О происхождении и деяниях готы, М., 1960, стр. 109—110.

⁵⁷ G. Marchetti, *Studi sulle origini...*, p. 128.

⁵⁸ П. Н. Кудрявцев, Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим, М., 1889, стр. 14.

⁵⁹ О. Л. Вайнштейн, Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха, «Историк-марксист», 1938, № 6, стр. 134—158.

⁶⁰ Иордан, Указ. раб., стр. 125.

⁶¹ P. Paschini, Указ. раб., т. I, стр. 81.

Королевство остготов, охватывавшее главным образом земли Северной и Центральной Италии и доходившее на севере до Дуная, просуществовало до 555 г. Завоевание остготами Фриули (как и всей Италии) не было временным и разрушительным вторжением, как все предшествующие завоевания. Между властителями и подчиненным населением возникли новые юридические отношения⁶². Теодорих постоянно подчеркивал свое уважение к римской культуре и обычаям. Чтобы избежать столкновений между романизованным населением Северной Италии и готами, которых он хотел приобщить к высокой римской культуре, Теодорих около 500 г. обнародовал эдикт (*Edictum Theodorici Regis*), действительный как для готов, так и для местного населения. Этот законодательный документ, основанный на римском праве, был написан на латинском языке, принятом готами в качестве официального языка⁶³.

Следует, однако, отметить, что и готский язык, в свою очередь, оказал некоторое влияние на язык населения тех районов, где впоследствии сложилась фриульская народность. Готы внесли свой вклад во фриульскую лексику. В средневековых документах фриулов встречаются, например, такие слова готского происхождения: *taropado*, *triuva*, *banderas*, *furnit*, *varnaşa*, *ione*, *inflodra*, *tigar* и другие⁶⁴.

После смерти Теодориха (в 526 г.) Фриули долго была полем сражений между византийцами и готами, которых поддерживали племена франков. Византийцы построили во Фриули несколько военных дорог, от которых во фриульской топонимике остались некоторые следы.

В 568 г. в Северную Италию из Паннонии вторглось германское племя лангобардов с королем Альбуином. Первым населенным пунктом, который они встретили, перейдя Юлийские Альпы, был Форум Юлии (Чивидале на Натизоне).

Лангобардский период истории области Фриули нам известен лучше, чем другие, благодаря произведению средневекового историка Павла Диакона «История лангобардов»⁶⁵. В шести книгах этого труда излагается лангобардская история с древнейших времен до середины VIII в. Произведение Павла Диакона — весьма ценный источник для изучения этнической истории фриулов, потому что автор его — лангобард, родившийся во Фриули и хорошо знавший как страну и ее народ, так и существовавшие в его время исторические документы.

Приход лангобардов в Италию, подобно остготскому, представлял собой не военный набег, а переселение значительной части этого народа на Апеннинский полуостров. По утверждению римских авторов этого времени, вместе с лангобардами в Италию вторглись и другие племена различного происхождения — саксы, свевы, гепиды и др. Предполагают, что пришельцы вместе с детьми, женщинами и стариками насчитывали около 200 тысяч человек⁶⁶.

Альбуин оставил во Фриули большой гарнизон под командованием своего племянника Гизульфа, который встал во главе первого учрежденного лангобардами в Италии дуката (герцогства). Главным городом дуката стал Форум Юлии.

Когда лангобарды появились во Фриули, здесь было, по-видимому, уже несколько епископств. Павел Диакон сообщает об условиях, в которые попала аквилейская церковь в последующий период подчинения области лангобардами. Он пишет: «Когда лангобарды были еще язычниками, они присвоили себе почти все имущество церквей. Но король решил

⁶² G. Marchetti, Studi sulle origini..., p. 128.

⁶³ F. Landogna, Storia d'Italia dal 476 d. Cr. ai giorni nostri, Rocca San Casciano, 1957, p. 19.

⁶⁴ G. Marchetti, Studi sulle origini..., p. 180.

⁶⁵ Pauli Diaconi, Historia Langobardorum, Hannoverae, 1878, p. 92.

⁶⁶ Дж. Луццато, Экономическая история Италии, М., 1954, стр. 163.

утвердить католическую веру, дал много владений церкви Христа и **вновь** поставил на места епископов, которые находились в унижении!...» (IV, 6) ⁶⁷.

Как и в других областях Италии, во Фриули место римской земельной аристократии заняла лангобардская верхушка. Часть ее представителей жила в Форуме Юлии при герцогском дворе, но большинство лангобардов — собственников земли обосновались в замках (бургах), выстроенных ими по всей области. Здесь они находились в окружении подчиненного населения ⁶⁸.

В период лангобардского завоевания свободное население Италии стало сливаться со свободными лангобардскими общинниками, римские же колонны сдвигались с полусвободным слоем лангобардского общества — с альдиями ⁶⁹. Думается, что подобные процессы происходили и во Фриули. Смешению романского населения с лангобардами весьма способствовало и лангобардское право, предоставляющее альдиям свободу заключения браков с другими социальными и этническими группами ⁷⁰.

Герцогству Гизульфа суждено было сыграть в истории лангобардов в Италии довольно важную роль. Этому пограничному дукату, достигшему большой независимости от королевства, в течение двух веков пришлось отражать набеги аварских и славянских племен. Павел Диакон пишет об аварском нашествии 610 г.: «... авары несметной толпой вошли в Венецию. Гизульф, герцог Фриули, мужественно защищался с теми лангобардами, которых смог собрать, и не уступал с отчаянным мужеством несметному множеству до тех пор, пока не был окружен и убит со всеми своими... Авары пересекли всю Фриули, опустошили все, превратив в пожарища и руины, осадили Чивидале, решив завоевать его любыми средствами...» (IV, 37) ⁷¹.

В дальнейшем авары некоторое время не тревожили Фриули, и опустошенная область была восстановлена и отстроена лангобардами ⁷².

Под властью аваров находились славянские племена, жившие в Нижней Паннонии и в Карантании (Хорутании), расположенной в Альпах. Они, по всей вероятности, участвовали в походе аваров на Фриули и в осаде Чивидале ⁷³.

В конце VII в. карантанские славяне снова появились на границах фриульского дуката. Хотя они и были отброшены лангобардами, однако обосновались недалеко от границ и затем снова заняли долины Юлийских Альп ⁷⁴.

Есть свидетельства, что в VIII—IX вв. славяне стали проникать и на фриульскую равнину. По-видимому, в это время образовалась полоса славянских поселений, тянущаяся южнее Чивидале к западу от окрестностей Порденоне (через Пальманово, Кодрайпо и реку Тальяменто). Это доказывается топонимикой перечисленных районов ⁷⁵.

Лангобарды господствовали во Фриули свыше двухсот лет (до 774 г.) и, несомненно, оставили здесь более глубокие следы, чем все предшествующие завоеватели ⁷⁶. Фриульский дукат — почти независимое государство, был в значительной мере оторван от латинского мира остальной Италии. Язык лангобардов оказал определенное влияние на фриульский

⁶⁷ Paulus Diaconus, Указ. раб., стр. 92.

⁶⁸ C. F. v. Czoernig, Die alten Völker Oberitaliens, Wien, 1885; P. S. Leicht, Указ. раб., стр. 57, 58.

⁶⁹ «Всемирная история», т. III, М., 1957, стр. 180.

⁷⁰ П. Н. Кудрявцев, Указ. раб., стр. 221.

⁷¹ Paulus Diaconus, Указ. раб., стр. 161.

⁷² G. Valussi, Указ. раб., стр. 23.

⁷³ M. Kos, Developpement historique de la frontière slovene occidentale, Ljubljana, 1946, стр. 12, 13.

⁷⁴ M. Kos, Указ. раб., стр. 12, 13.

⁷⁵ Л. Нидерле, Славянские древности, М., 1956, стр. 70—71.

⁷⁶ G. Marchetti, Studi sulle origini..., pp. 128, 129.

диалект. В нем со времени средневековья сохранились такие слова, как *balchon, bariglar, varis, breys, brege, spirona, castalt* и др.⁷⁷ Язык лангобардов повлиял лишь на лексику диалекта Фриули, грамматические же основы последнего по-прежнему оставались романскими. Это доказывает, в первую очередь, несомненной принадлежностью современного фриульского языка по лингвистическим характеристикам к романской группе⁷⁸. Ведь если современный фриульский язык сохранил романские черты, то, вероятно, на нем в течение веков, когда область была завоевана и удерживалась германцами, говорила преобладающая масса населения.

Подчиненное лангобардами романское население, по-видимому, действительно составляло большинство в области Фриули. Подтверждает это, по мнению некоторых историков, и тот факт, что лангобардские герцоги Форума Юлии признавали высокое положение аквилейского патриарха. Это говорит о большом политическом влиянии патриарха, обусловленном многочисленностью католической паствы⁷⁹.

Католицизм к тому же вообще сыграл большую роль в постепенном усвоении лангобардами языка и обычаев местного романского населения. В первый век лангобардского владычества католиками были только римляне. В этот период ариане-лангобарды сохраняли собственный язык и обычаи и имели своих епископов, что для области Фриули подтверждается Павлом Диаконом. В VII в. при королеве Теодолинде (умерла в 628 г.) лангобардская верхушка приняла католичество. Арианство стало постепенно вытесняться католичеством, и к концу VII в. основная масса лангобардов была католического вероисповедания.

Исчезновение различия в религии покоренного романского населения и лангобардов-завоевателей способствовало сближению между ними. И в последний век лангобардского королевства завоеватели стали усваивать римские обычаи и навыки во многих ремеслах. Лангобарды усвоили и язык покоренного народа. Официальным языком лангобардского королевства стала латынь. По-латыни записан главный документ лангобардского права, так называемый Эдикт короля Ротари (643 г.). Известно, что на латинском литературном языке получали образование дети лангобардской знати. Масса же населения, очевидно, говорила на диалектах народной латыни. Во Фриули таким диалектом была так называемая аквилейская сельская латынь.

Очевидно, в лангобардское время зарождается этноним «фриулы» (латинское *Foroiulani*, итальянское *Friulani*). Корни его уходят в романский период истории рассматриваемой области. Как уже упоминалось, основанный римлянами в I в. до н. э. Форум Юлии в V в. н. э. стал главным городом области. Постепенно его название распространилось на всю область⁸⁰. В «Истории лангобардов» Павла Диакона много раз встречается слово *Foroiulani*. Так, автор этого труда называет жителей всей области Форума Юлии. Позднее *Foroiulani* изменилось в *Friulani* и с веками превратилось в этническое название.

Таковы кратко основные этапы этнической истории фриулов с начала I тысячелетия до н. э. до середины VIII в. н. э.

SUMMARY

The ethnic history of the Friulani is considered, beginning with the first coming of the Veneti to the present Friuli region and up to its conquest by the Langobards. The Veneti made their first appearance in northern Italy in the beginning of the I Millenium B. C. Having occupied the Adriatic coastal area they subjugated part of the aboriginal popula-

⁷⁷ G. Marchetti, *Studi sulle origini ...*, p. 180.

⁷⁸ P. S. Leicht, *Указ. раб.*, стр. 58.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ G. Valussi, *Указ. раб.*, стр. 2

tion — the Euganean tribes — and pushed the other part back into the mountains. About 400 B. C. the Carni (probably a Gallic tribe) entered this region from the north. They subjugated the Veneti but did not destroy their culture or their language. The mixed Veneti — Carni population spoke a language in which both Gallic and Venetan linguistic elements were present. This linguistic substratum directly anteceded Latin. In the III—II centuries B. C. the region was invaded by the Romans who subdued the Veneti and the Carni and founded Aquilea (183 B. C.) which became a centre for the propagation of Roman culture and the Latin language, and later — of Christianity. The Carni and the Veneti were gradually assimilated by the Romans. In the first centuries A. D. the population of Aquilea and its province spoke one of the dialects of popular Latin which probably originated in a mixture of Roman colonists' Latin with the dialects of the subjugated peoples. The contribution of the Westgoth and Ostgoth conquerors (401—402 and 488 A. D., respectively) to the language and the culture of the population was insignificant, while the Langobards who dominated Friuli for over 200 years (568—774 A. D.) left profound traces in local culture. It was in the times of the Langobards that the ethnonym «Friulani» originated.

Д. Д. Тумаркин

ПРОСВЕЩЕНИЕ В ПАПУА — НОВОЙ ГВИНЕЕ

Четверть века, отделяющие нас от окончания второй мировой войны, — период революционных изменений в самых разных сторонах жизни человечества в мировом масштабе. Важная составная часть этих изменений — глубокие сдвиги в области просвещения, особенно заметные в развивающихся странах Азии, Африки, Латинской Америки и Океании¹. Эти сдвиги связаны прежде всего с борьбой против колониализма за свободу и демократию. Народы развивающихся стран видят в подъеме образования непереносимое условие ликвидации экономической и культурной отсталости, движения по пути прогресса. Преодоление отставания в области просвещения особенно необходимо в связи с нарастающей научно-технической революцией.

Проблемы образования приобрели ныне огромное социально-политическое значение и в крупнейших капиталистических государствах, и в странах, недавно освободившихся от колониальной зависимости, и в последних осколках колониальных империй. Вокруг этих проблем разворачивается острая борьба. В развивающихся странах просвещение пытаются поставить себе на службу неокolonизаторы. Вот почему изучение этой проблематики весьма актуально и в научном, и в политическом отношениях.

Если в европейских государствах школьное образование сводится главным образом к передаче знаний от поколения к поколению, то в большинстве развивающихся стран оно означает прежде всего прививку элементов «западной» цивилизации людям с иным культурным наследием. Для нормального функционирования систем просвещения в таких странах (как и успешного школьного обучения ряда национальных меньшинств в более развитых государствах) необходим должный учет этнической специфики, традиций и т. д. Поэтому для глубокого исследования очерченного круга проблем и выработки научно обоснованных рекомендаций нужны совместные организованные усилия ученых разных специальностей, в том числе этнографов. Нам представляется, что изучение указанной проблематики, а также исследование традиционных национальных форм и методов воспитания и обучения подрастающего поколения могло бы стать предметной областью специальной научной дисциплины — этнопедагогике, фактически уже возникающей на стыке педагогики, этнографии, лингвистики и некоторых других наук². Этнопедагогический подход действительно необходим, в частности, при исследовании просвещения в океанийском островном мире.

¹ См.: сб. «Проблемы образования в зарубежных странах», вып. 1, М., 1968; В. А. Кондратьев, Национальные кадры и прогресс Африки, «Сов. педагогика», 1969, № 1; О. К. Дрейер, Проблемы образования и подготовка кадров в Пакистане, «Народы Азии и Африки», 1969, № 2; Р. Н. Соомбс, The global revolution, «The Education Digest», vol. 33, № 3, 1967.

² См.: Г. Н. Волков, Этнопедагогика чувашского народа, Чебоксары, 1966; J. van Baal, Education in non-Western countries, «International Review of Education», vol. X, № 1, 1964.

Нам уже довелось опубликовать краткий очерк истории образования в Океании и его состояния в начале 60-х годов³. В предлагаемой статье, не претендующей на сколько-нибудь полный охват этнопедагогической проблематики, рассматриваются некоторые аспекты просветительной политики австралийских колониальных властей в Папуа — Новой Гвинее (ПНГ). Эта административно-территориальная единица включает восточную часть огромного острова Новая Гвинея, архипелаг Бисмарка и два острова (Бугенвиль и Бука) в группе Соломоновых островов. Ее общая площадь — 475 тыс. кв. км, население (1967 г.) — 2,3 млн. человек, из которых примерно полтора процента составляют некоренные жители (англо-австралийцы, китайцы и др.). В ПНГ обитает около половины всего коренного населения Океании.

Низкий уровень социально-экономического развития аборигенов ПНГ, находившихся к началу контактов с носителями «западной» цивилизации на различных ступенях общинно-родового строя, лингвистическая дробность, труднодоступность многих глубинных районов⁴ — все это, конечно, затрудняло развитие просвещения на рассматриваемой территории, и было бы неправильно абстрагироваться от местной специфики при оценке сделанного здесь в области образования. Но главная причина нынешнего крайне неудовлетворительного состояния просвещения в ПНГ заключается все же в особенностях колониальной политики Австралии на протяжении текущего столетия. История развития школьного дела в ПНГ может служить яркой иллюстрацией к словам В. И. Ленина о том, что капитализм превратил образование и науку «...в орудия эксплуатации, в монополию, для того чтобы громадное большинство людей держать в рабстве»⁵.

* * *

Европейцы появились в восточной части Новой Гвинеи в 70-х годах XIX в. Это были торговцы, плантаторы и миссионеры, подготовлявшие колониальные захваты. Попытки замечательного русского путешественника и исследователя Н. Н. Миклухо-Маклая защитить права папуасов и даже создать независимое государство Папуасский Союз (этот утопический для того времени проект предусматривал в качестве одной из первоочередных мер открытие школ⁶) потерпели неудачу. К 1885 г. вся Новая Гвинея оказалась поделенной между тремя державами — Голландией, Великобританией и Германией. Юго-восточная часть острова — современное Папуа — была аннексирована Великобританией, передавшей ее в 1906 г. своему доминиону Австралии. Северо-восточная часть Новой Гвинеи с прилегающими островами сделалась немецкой колонией, а после первой мировой войны досталась в качестве подмандатной территории той же Австралии.

Австралийские колониальные власти до второй мировой войны фактически не занимались просвещением коренного населения, предоставив это поприще христианским миссиям.

Стремясь завоевать авторитет у островитян и обеспечить насаждение христианства, миссионеры, как и в других районах мира, изучили некоторые местные языки, создали для отдельных этно-лингвистических

³ Д. Д. Тумаркин, Просвещение на островах Океании, «Сов. педагогика», 1966, № 1.

⁴ См.: Н. А. Бутинов, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», М.—Л., 1962; его же, Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство и общественный строй), М., 1968; П. И. Пучков, Население Океании, М., 1967, стр. 49—69.

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 443—444.

⁶ Д. Д. Тумаркин, Великий русский ученый-гуманист, «Сов. этнография», 1963, № 6, стр. 10.

групп письменности, перевели на эти языки молитвы и отрывки из Библии и начали учить коренных жителей их читать. При миссионерских станциях, а затем и в некоторых других селениях в конце XIX в. начали появляться «пасторские школы», в которых преподавали миссионеры и их помощники из местного населения. Занятия проводились в самих церквях (легких сооружениях из местных материалов) или по соседству с ними и были полностью подчинены пропаганде «слова божьего». Письменные принадлежности как правило отсутствовали, а буквари и другие учебные пособия являлись большой редкостью. Поэтому и методы обучения были самые примитивные: ученики хором повторяли за наставником произносимые им буквы и слова. Обучение нередко сводилось к заучиванию на память алфавита, некоторых библейских имен и отрывков из священного писания. Лишь отдельным ученикам удавалось научиться по складам читать библейские тексты, переведенные на местный язык, но и эти навыки обычно утрачивались, когда ученик переставал посещать «школу».

Миссионеры как правило не имели педагогической подготовки, а их помощники из местного населения («тичеры») сами оканчивали лишь «пасторскую школу» и в лучшем случае еще курсы при миссионерской станции, где главное внимание уделялось опять-таки «закону божьему». Учителей-профессионалов в миссионерских «школах» не было вовсе. «Преподавание в Папуа еще должно развиваться в особую профессию», — писал в 1945 г. австралийский лингвист и этнограф А. Кэпелл. — До сих пор должности учителя и пастора или катехиста совмещаются в одном лице»⁷.

Масштабы даже такого «просвещения» были весьма ограниченными. Так, миссионерские «школы» подмандатной территории, в которых в 1935 г. числилось 55 тыс. учащихся, концентрировались в прибрежных районах Новой Гвинеи и крупных островов архипелага Бисмарка, тогда как во многих глубинных районах не было ни одной даже «пасторской школы». Миссионерские «учебные заведения» не получали никаких субсидий от территориальной администрации и функционировали совершенно независимо от нее. Кроме того, на островах Новая Британия и Новая Ирландия (архипелаг Бисмарка) имелось 6 государственных «элементарных» школ. Все расходы властей подмандатной территории на «просвещение» составили в 1935 г. мизерную сумму — 3903 австрал. фунтов⁸.

В колонии Папуа в рассматриваемый период не было ни одной государственной школы, а в миссионерских «учебных заведениях» накануне второй мировой войны состояло только 3 тыс. учащихся. За пятнадцать лет (1921—1935) администрация колонии сочла нужным израсходовать на «просветительские цели» (в форме субсидий миссиям) лишь 59 тыс. австрал. фунтов, т. е. в среднем менее 4 тыс. австрал. фунтов в год⁹.

К началу второй мировой войны на обеих территориях не было ни одного коренного жителя со средним образованием и лишь небольшой горсточке островитян удалось пройти курс начальной школы¹⁰. Учитывая специфические цели миссионерской активности на низшем просвещении и уровень преподавания в «пасторских школах», Дж. Маккарти, сорок лет проработавший в австралийской колониальной администра-

⁷ A. Capell, The future of education in Papua, «Oceania», vol. XV, № 4, 1945, p. 288.

⁸ W. C. Groves, Native education and culture contact in New Guinea. A scientific approach, Melbourne, 1936, p. 161—162.

⁹ B. Essai, Papua and New Guinea. A contemporary survey, Melbourne, 1961, p. 172.

¹⁰ P. V. Meere, The development and present state of mission education in Papua and New Guinea, «Education in Papua and New Guinea» («Australian Journal of Education», vol. 12, № 1, 1968, special issue), p. 47.

ции, вынужден был недавно признать: «До 1946 г. в Папуа — Новой Гвинее практически не было школ»¹¹.

Столь позорные результаты австралийской колониальной политики в области просвещения — одиозные даже по сравнению с низким уровнем образования в колониях других государств — объяснялись крайне реакционным, неприкрыто расистским подходом австралийских правящих кругов к коренному населению ПНГ. Губернатор Папуа в 1907—1940 гг. Х. Мэррей неоднократно заявлял, что для папуасов самое лучшее образование — работа на плантациях и рудниках, принадлежащих «белым» поселенцам. Мэррей считал островитян неполноценными людьми и стремился создать в колонии иерархическое общество, разделенное прежде всего по расовому признаку: богатства и власть должны были находиться в руках европейцев, «расы господ», а коренным жителям отводилась роль колониальных рабов¹².

«Господствовало мнение, — вспоминает Дж. Маккарти, — что папуас и новогвинеец не нуждаются в образовании. А если человек хоть немного проучился в миссионерской или правительственной школе, его зачастую считали подозрительным — таким, которому нельзя доверять. Про него говорили: „Он знает слишком много“. Туземца не поощряли обрабатывать принадлежащую ему землю и добывать деньги в качестве производителя товарных культур. Короче говоря, в основе политики лежала предпосылка, что туземному населению уготована участь труженников — неквалифицированных рабочих, используемых белым человеком, — а раз так, образование почиталось излишним»¹³.

«Теоретическую базу» под колониальную политику Австралии в области просвещения попытался подвести австралийский этнограф У. Гроувз — автор единственной до второй мировой войны книги о проблемах просвещения на Новой Гвинее. Опираясь на теории этнографов-функционалистов и практику британских колонизаторов в Тропической Африке, он рекомендовал и впредь давать островитянам самое минимальное образование, якобы для того, чтобы не подрывать их образа жизни. Вслед за «правительственным антропологом» колонии Папуа Ф. Уильямсом Гроувз выдвинул идею «нейтивизации» образования, предусматривающую упор не на распространение среди островитян положительных знаний, а на привитие им навыков и моральных качеств, выгодных колонизаторам. Гроувз считал, что «просвещением» на Новой Гвинее и в будущем следует заниматься миссионерам, правда под некоторым правительственным контролем, ибо, как он писал, важнейшей задачей просветительной политики должно быть внедрение христианства¹⁴.

Гроувз одобрил политику «сочетания культур», которую проводили Х. Мэррей и Ф. Уильямс. Ее суть состояла в консервации местного отсталого жизненного уклада; допускались лишь такие, строго дозированные «инъекции» европейской культуры, которые диктовались непосредственными интересами колонизаторов. В рамках этой расистской политики, как признает Б. Эссей, образование призвано было обеспечить «гармонические отношения» между эксплуатируемыми и эксплуататорами и подготовить коренных жителей к «исполнению возложенных на них обязанностей»¹⁵.

¹¹ J. K. Mc Carthy, *New Guinea. Our nearest neighbour*, Melbourne — Canberra — Sydney, 1968, p. 124.

¹² B. Essay, Указ. раб., стр. 167—169.

¹³ J. K. Mc Carthy, *Forty years in New Guinea*, «Australian External Territories», vol. 8, № 3, 1968, p. 31.

¹⁴ W. C. Groves, Указ. раб., стр. 79—90, 104—108, 135, 144 и др.

¹⁵ B. Essay, Указ. раб., стр. 169. Остро критикуя довоенный австралийский колониализм, Б. Эссей и Дж. Маккарти в то же время пытаются обелить послевоенную колониальную политику Австралии.

Вторая мировая война непосредственно затронула рассматриваемый район: в 1942 г. Япония оккупировала подмандатную территорию Новая Гвинея и часть колонии Папуа; изгнание японских войск затянулось до 1945 г. Война оказала двойное влияние на просвещение в ПНГ. С одной стороны, прекратились занятия во многих «пасторских школах». С другой стороны, события этих лет (военные неудачи «белых» колонизаторов, длительные боевые действия с использованием крупных армейских соединений, вооруженных новейшей техникой, участие в войне значительных групп местного населения) способствовали расширению кругозора и росту сознательности островитян, увеличили у них тягу к знаниям, к получению образования. Во многих деревнях жители сами строили школы и требовали присылки учителей¹⁶. Общее соотношение сил в мире к концу второй мировой войны, открывшее более благоприятные перспективы перед угнетенными народами, поставило в повестку дня перемены в ПНГ.

Еще до окончания войны с Японией, в июне 1945 г., в австралийском этнографическом журнале «Океания» появилась статья А. Кэпелла «Будущее просвещения в Папуа». Кэпелл подчеркивал, что новая обстановка требует проведения новой политики, целью которой должна быть «подготовка папуасских народов к адекватному развитию их собственной страны, а не сохранение навечно их подчинения правящему классу белых людей», что, следовательно, нужно изменить подход к просвещению коренных жителей, ибо до войны оно было нацелено на воспитание «хороших слуг для белых хозяев»¹⁷. Кэпелл не был последователен в своих взглядах и практических рекомендациях. Так, он солидаризировался с некоторыми теоретическими установками У. Гроувза и Ф. Уильямса, рекомендовал, чтобы все изменения в системе просвещения были медленными и постепенными, высказывался за сохранение ведущей роли миссионеров в школьном обучении. Но вместе с тем он предложил наметить в качестве долгосрочной цели введение всеобщего начального образования и даже позволил себе поразмышлять о тех, как ему казалось, далеких временах, когда на Новой Гвинее появятся средние школы и — о ужас! — папуасы начнут требовать и получать университетское образование¹⁸.

Демократический подъем во всем мире в результате победы антигитлеровской коалиции, создание системы социалистических государств, мощный напор национально-освободительных движений на разных континентах заставили австралийские правящие круги в какой-то мере пересмотреть свою политику в ПНГ, а в сфере просвещения вступить на путь, предсказанный Кэпеллом. Но в первые десять-двенадцать лет эти сдвиги не были значительными.

В 1946 г. по соглашению Австралии с ООН бывшая подмандатная территория Новая Гвинея была объявлена подопечной территорией, но это не принесло никаких льгот местному населению. Более того, еще во время войны Австралия установила *de facto* единое управление Папуа и Новой Гвинеей, а в 1949 г. парламентским актом оформила этот «административный союз». В 1946 г. в объединенной администрации был создан департамент просвещения, которого не было ни в Папуа, ни в Новой Гвинее. Этот шаг, казалось, предвещал серьезные реформы. Но во главе нового департамента был поставлен не кто иной, как У. Гроувз.

Гроувз сразу же наладил тесное сотрудничество с миссиями и дал заверение, что их роль в «просвещении» будет сохранена. В 1947 г. началось государственное субсидирование всех «признанных» миссионерских школ. В 1952 г. было разработано «Положение об образовании», которое узаконило широкое участие миссий на всех стадиях обучения

¹⁶ J. K. McCarthy, *New Guinea*, p. 122, 124.

¹⁷ A. Capell, *Указ. раб.*, стр. 277—278.

¹⁸ Там же, стр. 290—292.

и регламентировало отношения миссионерских школ с властями. Это «Положение» вступило в силу в 1955 г. В том же году австралийский министр внешних территорий П. Хэзлак официально провозгласил насаждение христианства одной из основных целей просветительной политики в ПНГ и обещал еще более расширить финансирование миссионерских школ¹⁹.

Поощряя деятельность миссионеров в сфере просвещения, австралийские власти руководствовались, кроме идеологических мотивов, соображениями экономии: расчеты показали, что обучение ребенка в субсидируемой миссионерской школе обходится намного дешевле, чем в государственной. И поскольку до 1957 г. размер субсидий «признанным» миссионерским школам определялся количеством учащихся, а не качеством преподавания, и миссии нередко использовали часть этих субсидий на другие цели, начался, по крайней мере на бумаге, быстрый рост таких школ²⁰.

Однако в послевоенных условиях власти ПНГ уже не могли позволить себе оставить школьное дело целиком в руках миссионеров. Идея провести разграничение по горизонтали (низшая ступень — в ведении миссий, последующие стадии, ранее отсутствовавшие — в ведении администрации) оказалась нереальной и была почти сразу же отвергнута. Между миссионерскими организациями и властями была достигнута договоренность «избегать конкуренции», т. е. не создавать параллельные школы в одних и тех же деревнях или местностях²¹. Началось медленное развертывание государственной школьной сети, преимущественно в поселках городского типа и окружных центрах, а также при некоторых «правительственных станциях» в глубинных районах. Если верить официальным данным, с 1948 по 1958 г. количество учащихся в миссионерских школах всех типов увеличилось с 90 тыс. до 130 тыс., в государственных — с 2,1 тыс. до 16 тыс.²².

Система образования, разработанная в начале 50-х годов департаментом Гроувза, отличалась типично колониалистскими чертами: многоступенчатостью, наличием тупиковых школ, сложными конкурсными экзаменами при переходе из одного типа школ в другой, тщательным отбором учащихся, расовой дискриминацией и сегрегацией. Теоретически эта система должна была состоять из трех ступеней: четырехлетней деревенской школы, четырехлетней «старшей» деревенской школы, а также трехлетней «центральной» школы, дающей «промежуточное» (неполное среднее) образование. Но в действительности в ПНГ все еще преобладали «пасторские школы» довоенного типа, кое-где появились двух-четырёхлетние деревенские школы, а в ряде районов практически не было никаких школ. Характерно, что в 1958 г. из 130 тыс. детей, числившихся в миссионерских «просветительных учреждениях», только 27 тыс. учились в «признанных» школах; остальным приходилось посещать такие учреждения, которые даже весьма снисходительные чиновники Гроувза отказывались признать школами²³.

Как отмечает австралийский исследователь Р. Паркер, в начале 50-х годов ни один коренной житель ПНГ не учился в средней школе, а в местных начальных учебных заведениях можно было, как правило,

¹⁹ «Accelerated development in education in Papua and New Guinea», «Australian Territories», vol. 1, № 1, 1960, p. 30; P. V. Meere, Указ. раб., стр. 48.

²⁰ K. B. McKinnon, Education in Papua and New Guinea: twenty post-war years, «Education in Papua and New Guinea», p. 5; P. V. Meere, Указ. раб., стр. 48—52.

²¹ K. R. McKinnon, Education..., p. 8.

²² «The economic development of the Territory of Papua and New Guinea. Report of a mission organized by the International Bank for Reconstruction and Development at the request of the Government of the Commonwealth of Australia», Baltimore, 1965, p. 290.

²³ K. R. McKinnon, Education..., p. 8; «Accelerated development in education in Papua and New Guinea», p. 32.

приобрести только «скудные начатки грамоты». Лишь в середине 50-х годов появились первые неполные средние школы и государственные курсы, сделало первые шаги профессионально-техническое обучение. Кроме того, с 1954 г. колониальные власти стали ежегодно посылать по 20 подростков-аборигенов в Австралию для учебы в средних школах²⁴.

Итак, в 1946—1958 гг. произошло некоторое расширение доступа к образованию, но его уровень оставался крайне низким, не соответствующим современным требованиям. Политика постепенного (фактически — замедленного) распространения начального образования вытекала из общего политического курса, которого придерживались в этот период колониальные власти. Они все еще рассматривали коренное население главным образом в качестве резервуара дешевой рабочей силы и, прикрываясь туманными рассуждениями об «увеличении роли туземцев в развитии их страны», фактически отвергали возможность предоставления PNG самоуправления и тем более независимости.

Лед тронулся в конце 50-х годов, когда австралийская политика медленных и ограниченных изменений в PNG превратилась в зловеющий анахронизм в условиях распада мировой колониальной системы империализма. Как справедливо подчеркивает советский исследователь С. Н. Морозов, к 1960 г. политика Австралии в PNG обнаруживала явное несозвучие с тактической линией основных колониальных держав, пытавшихся приспособиться к «ветру перемен». 1960 г. — «год Африки» — требовал выводов от колонизаторов даже в самых далеких уголках колониального мира. Менялось соотношение сил и в ООН, где защитники колониализма уже не могли рассчитывать на послушное большинство²⁵.

В 1959—1960 гг. Генеральная Ассамблея ООН приняла известные резолюции, требующие установления конкретных сроков движения подопечных территорий к самоуправлению или независимости и подчеркивающие недопустимость отсрочки предоставления независимости какой-либо колониальной территории под предлогом ее «недостаточной подготовленности» в политическом, экономическом или культурном отношении. По инициативе советского и индийского делегатов Совет по опеке принял в 1960 г. соответствующие рекомендации, которые касались специально Новой Гвинеи²⁶. Как сообщала печать, эти документы произвели ошеломляющее впечатление на австралийских колонизаторов²⁷.

Вместе с тем на ход событий в PNG не могло не оказать влияния стремление австралийских правящих кругов наладить отношения с молодыми независимыми государствами Азии, чтобы подготовить условия для развертывания в будущем экспансии в этом регионе. В интересах азиатской политики необходимо было избегать репутации твердолобых колонизаторов. Правительству Мензиса приходилось также считаться с нажимом прогрессивных сил в самой Австралии и нарастанием освободительных тенденций в PNG²⁸.

В этой «штормовой» обстановке в Канберре была разработана политика, предусматривающая: 1) хитроумные маневры вокруг вопроса о сроке предоставления независимости PNG, 2) административные реформы, создающие видимость движения этой территории по пути самоуправления, 3) срочное расширение там сети государственных начальных школ.

Поспешное открытие администрацией новых школ преследовало вполне очевидные цели. Оно должно было ослабить недовольство ко-

²⁴ R. S. Parker, *The advance to responsible government, «New Guinea on the threshold»*, ed. by E. K. Fisk, Canberra, 1966, p. 245.

²⁵ С. Н. Морозов, *Австралийский колониализм*, М., 1967, стр. 181.

²⁶ С. Н. Морозов, *Указ. раб.*, стр. 181—182.

²⁷ «Pacific Islands Monthly», November, 1960, p. 18.

²⁸ И. А. Лебедев, *Экономика и политика Австралии после второй мировой войны*, М., 1966, стр. 197—217; С. Н. Морозов, *Указ. раб.*, стр. 162—174.

ренного населения и показать мировой общественности «альтруизм» австралийской политики в ПНГ. Что же касается качества обучения, то оно меньше всего волновало колониальные власти.

И все же перемены были налицо. Гроувза заменили другим чиновником лучше понимающим новую обстановку. Министр внешних территорий П. Хэзлак в 1961 г. объявил о пятилетнем плане, согласно которому общая численность учащихся в школах ПНГ к 1967 г. должна была почти удвоиться и достигнуть 350 тыс. С учетом роста населения это означало бы охват обучением 67% детей соответствующих возрастов. А всеобщее начальное обучение намечалось ввести к 1976 г.²⁹

В связи с этим колониальным властям пришлось увеличить расходы на образование. С 1950 по 1963 г. они возросли в 14 раз — с очень низкого уровня в 303 тыс. австрал. фунтов до 4 млн. 150 тыс. австрал. фунтов. Доля указанных расходов в бюджете ПНГ увеличилась за те же годы с 7 до 17 процентов. Но этот относительный рост был достигнут за счет сокращения удельного веса ассигнований на здравоохранение³⁰.

Расширению начального образования препятствовало отсутствие учителей. Поэтому началась их спешная подготовка из коренных жителей, окончивших начальную школу. К концу 1963 г. в 4 правительственных и 18 миссионерских (получающих государственные субсидии) центрах педподготовки на одногодичных курсах обучалось 872 островитянина³¹. Одновременно началась усиленная вербовка учителей в Австралию. Среди завербованных наряду с честными труженниками, искренне стремившимися помочь местным жителям, оказалось немало таких, которые отпраздновали в ПНГ ради более высокого заработка или из желания поводить экзотическую страну. Такие «гастролеры» работали спустя рукава, не пытаясь понять обычаи и нравы местного населения, и по истечении двух-трехлетнего контракта обычно возвращались в Австралию.

Стремясь добыть учителей «числом поболее, ценою подешевле» и обеспечить их длительное пребывание в ПНГ, колониальные власти с 1960 г. стали вербовать в Австралии молодых людей, окончивших неполную среднюю школу, пропускали их через шестимесячные курсы и затем посылали в папуасские деревни. Таким «авральным» методом была подготовлена значительная часть «белых» учителей, работающих ныне в государственных и миссионерских школах ПНГ³². Разумеется, польза от таких «преподавателей» была, особенно на первых порах, невелика.

Как признает известный австралийский исследователь О. Слейт, департамент просвещения ПНГ в эти годы «ради количества жертвовал качеством». «Цель, — пишет он, — по-видимому, состояла в том, чтобы как можно шире распространить хоть какое-нибудь, пусть самое примитивное, школьное обучение»³³. В результате в 1963 г. в государственных учебных заведениях всех типов числилось уже 41 тыс. учащихся, в миссионерских — 179 тыс., в том числе 110 тыс. в «признанных» школах. Значительное увеличение удельного веса «признанных» школ по сравнению с 1958 г. объяснялось не столько повышением уровня преподавания, сколько еще более «гибким» подходом к ним нового руководства департамента просвещения³⁴.

²⁹ «Доклад Совета по опеке. 20 июля 1961 года — 20 июля 1962 года», Нью-Йорк, 1962, стр. 44; R. Pearse, *Economic growth and formal education in Papua and New Guinea*, «Education in Papua and New Guinea», p. 18; J. Cooper, *Education in New Guinea*, «Australian Left Review», 1967, № 2, p. 61.

³⁰ R. Pearse, Указ. раб., стр. 27; O. H. K. Spate, *Education and its problems*, «New Guinea on the threshold», p. 123.

³¹ «Handbook of Papua and New Guinea», 4th ed., Sydney, 1964, p. 182.

³² «Accelerated development in education in Papua and New Guinea», p. 33—34; «Pacific Islands Year Book and Who's Who», 10th ed., Sydney, 1968, p. 364.

³³ O. H. K. Spate, Указ. раб., стр. 123.

³⁴ Там же, стр. 118—119; «Accelerated development in education in Papua and New Guinea», p. 32.

Третий этап в послевоенном развитии просвещения в ПНГ начался в 1963—1964 гг. и продолжается до настоящего времени. Как и предыдущий, он тесно связан с особенностями международной обстановки. В эти годы несколько замедляется ликвидация последних остатков колониальных империй, кое-где колонизаторы и неокolonизаторы, пытаются переходить в контрнаступление. В такой обстановке австралийские правящие круги оправились от психологического шока, вызванного резолюциями ООН 1959—1960 гг. Например, преемник Хэзлака Ч. Барнс заявил в марте 1967 г.: «Независимость Папуа и Новой Гвинеи не будет достигнута в течение очень многих лет, а может быть, не будет достигнута никогда»³⁵. Вместе с тем в Канберре стали задумываться о необходимости подготовить почву для проведения неокolonиалистской политики, чтобы обеспечить сохранение австралийских интересов и влияния в ПНГ при любых условиях, даже в случае предоставления этой территории независимости.

Если раньше колониальные власти стремились помешать появлению папуасской интеллигенции, то существу лишая коренных жителей доступа не только к высшему, но даже к среднему образованию, то теперь был взят курс на ускоренное создание местной элиты, на «папуасизацию» низшего и среднего звеньев территориального аппарата управления и «социальных служб», т. е. здравоохранения и просвещения. Следуя примеру британских колонизаторов в Африке, австралийские правящие круги вознамерились создать таким путем в ПНГ социальный слой, тесно связанный с чужеземцами, свою социальную опору там в будущем. Это позволило бы также существенно сократить расходную часть территориального бюджета. Так, бывший помощник администратора ПНГ Дж. Гантер заявил в 1968 г., что замена двух тысяч «белых» служащих с высшим образованием островитянами принесла бы австралийской казне ежегодную экономию в 8 млн. долларов³⁶. Характерно, что, взяв курс на «папуасизацию» кадров, колониальные власти не постеснялись одновременно еще более увеличить разрыв в оплате труда австралийцев и коренных жителей, в том числе учителей. Эта дискриминационная мера вызвала массовые протесты по всей территории, не утихающие и поныне³⁷.

Другая важная особенность современного этапа австралийской колониальной политики состоит в стремлении привлечь к разработке естественных богатств ПНГ крупный частный капитал, включая английские и американские монополии. Одновременно властями прилагаются усилия дополнить подготовку местной служилой элиты созданием прослойки мелких и средних предпринимателей из коренного населения. Невольно раскрывая социальный смысл этой политики, Ч. Барнс в 1966 г. заявил, что «система свободного предпринимательства — это наш образ жизни», а потому необходимо всемерно поощрять и развивать ее в ПНГ³⁸.

С этой особенностью австралийской колониальной политики непосредственно связана также наблюдающаяся в последние годы тенденция постепенно расширять профессионально-техническое обучение коренного населения. Вопреки сопротивлению наиболее твердолобых «белых» чиновников, плантаторов и горнопромышленников колониальная администрация взяла курс на подготовку полуквалифицированных и квалифицированных рабочих и техников, а в дальнейшем и некоторого количества инженеров из местного населения, чтобы, не меняя коло-

³⁵ «Правда», 10 марта 1967 г.

³⁶ «Pacific Islands Monthly», August, 1968, p. 29.

³⁷ R. S. Parker, Указ. раб., стр. 212—216; D. Davis, P. J. Galvin, U. N. Mission visits New Guinea, «Australian External Territories», vol. 8, № 3, 1968, p. 17.

³⁸ C. E. Barnes, Twelve months after the World Bank Report, «Australian Territories», vol. 6, № 6, 1966, p. 27.

ниальной сущности экономики ПНГ, обеспечить эффективную эксплуатацию естественных ресурсов территории в условиях научно-технической революции.

Для выработки рекомендаций по социально-экономическому развитию ПНГ в 1965—1969 гг. австралийские власти пригласили в 1963 г. миссию экспертов Международного банка реконструкции и развития (МБРР), тесно связанного с американскими монополиями. Миссия представила свои заключения в 1964 г., и этот доклад был официально принят правительством Австралии в качестве руководства к действию³⁹. Одобрив политический курс австралийских правящих кругов, предусматривающий постепенное обогащение традиционной колониалистской «палитры» некоторыми неоколониалистскими приемами и методами, миссия предложила программу конкретных мероприятий, рассчитанных на повышение эффективности колониально-капиталистической экономики ПНГ. Один из разделов доклада был посвящен проблемам просвещения⁴⁰.

Курс австралийского правительства на ускоренное выращивание папуасской элиты и практические рекомендации миссии МБРР существенно повлияли на просветительную политику колониальной администрации. Суть изменений состояла в повороте к более быстрому развитию среднего образования за счет искусственного сдерживания роста сети начальных школ: чтобы дать среднее образование тщательно отобранному меньшинству, колониальные власти обрекли на неграмотность большую часть нынешнего подрастающего поколения. В результате лозунг «всеобщее начальное образование к 1976 г.» был снят, а контрольные цифры пятилетнего плана 1962—1967 гг. в области просвещения попросту игнорировались. Так, общее количество учащихся, включая учеников пресловутых «непризнанных» школ, едва превысило в 1967 г. 250 тысяч вместо запланированных 350 тысяч⁴¹. В соответствии с рекомендацией миссии МБРР открытие новых начальных школ стало допускаться как правило лишь в тех глубинных районах, где ранее почти не было школьной сети, причем часть расходов на строительство и содержание этих школ была возложена на местное население. Кроме того, в 1967 г. во всех правительственных школах и миссионерских учебных заведениях, получающих государственные субсидии, власти начали взимать небольшую плату за обучение⁴².

За счет этой «экономии» в ПНГ начали открываться средние школы для коренного населения, появились средние специальные (учительские и технические) учебные заведения. В 1963 г. в столице территории г. Порт-Морсби открылся Административный колледж, готовящий государственных служащих; характерно, что он имеет также отделение для подготовки бизнесменов. Были также основаны два сельскохозяйственных колледжа, Школа лесоводства, Медицинская школа. Эти учреждения занимают промежуточное положение между средними и высшими учебными заведениями. Наконец, в 1966 г. начался прием на подготовительное отделение открывшегося в Порт-Морсби университета, а в следующем году — Высшей технической школы в г. Лаэ. Тогда же начал функционировать учительский институт в г. Горока, построенный при финансовой помощи ООН.

³⁹ С. Е. В а г н е с, Указ. раб., стр. 23.

⁴⁰ «The economic development of the Territory...», p. 287—331.

⁴¹ «Pacific Islands Year Book and Who's Who», 10th ed., p. 364, 403; K. R. M c K i n p o n, Education..., p. 9, 12.

⁴² R. P e a r s e, Указ. раб., стр. 27; P. V. M e e g e, Указ. раб., стр. 50. Плата за обучение, на первый взгляд, весьма невелика: 1 доллар в год с семьи, имеющей детей в начальной школе, 3 доллара — в средней школе. Но в районах с отсталым натуральным хозяйством эта плата довольно ощутима. В некоторых миссионерских учебных заведениях взимается более высокая плата за обучение.

В настоящее время система школьного обучения коренного населения ПНГ официально предусматривает две ступени: семилетнюю начальную школу и четырехлетнюю среднюю школу. Как же функционирует эта система на практике?

Австралийские специалисты по-разному оценивают степень охвата начальной школой детей соответствующих возрастов (6—14 лет). Так, нынешний директор департамента просвещения К. Маккиннон утверждает, что 50% детей этих возрастов посещает школу, тогда как другой колониальный чиновник, Дж. Маккарти, и директор одного из миссионерских педучилищ П. Мире считают, что охвачено не больше 40%, а профессор Спейт — немногим более 30% ⁴³. Но чтобы судить об истинном состоянии начального образования в ПНГ, нужно учитывать: 1) содержание и качество обучения; 2) распределение учащихся по классам; 3) географическое распределение учащихся.

Начнем с того, что более двух третей учащихся начальных школ и теперь посещает миссионерские учебные заведения. Из них 45 тысяч (почти четверть всех учащихся миссионерских начальных школ) состоит в «непризнанных» школах — пасторских заведениях довоенного типа, которые, по признанию П. Мире, фактически не дают даже начатков современного образования и используются для примитивной проповеди христианства. В остальных миссионерских начальных школах, тоже преследующих прежде всего религиозные цели, 24% преподавателей не имеет никакой педагогической подготовки (это полуграмотные катехисты, евангелисты и т. д.), а среди «дипломированных» учителей четыре пятых занимались только на курсах «А» (одногодичные педкурсы при миссиях для выпускников деревенских школ). Ввиду низкого общеобразовательного уровня и крайне слабой профессиональной подготовки эти учителя придерживаются косных, механических методов преподавания, не умеют организовать учебный процесс; им официально запрещено преподавать дальше второго класса. Положение еще больше осложняется острой нехваткой и низким качеством учебных пособий, а также требованием властей, чтобы преподавание велось на английском языке, который, как правило, плохо знают сами учителя-aborигены ⁴⁴.

В государственных начальных школах большинство учителей-aborигенов тоже окончили курсы «А» (но не при миссиях, а в правительственных центрах педподготовки). Однако около 30% персонала этих школ составляют «белые» преподаватели разной, преимущественно невысокой квалификации. В миссионерских начальных школах учителей-иностранцев значительно меньше, причем среди них немало всякого рода «добровольцев» (в том числе членов пресловутого американского «корпуса мира»), вообще не имеющих педагогической подготовки ⁴⁵.

Один из главных пороков существующей системы начального образования заключен в ее направленности, в содержании обучения. Отказавшись от концепции «сочетания культур», предусматривающей консервацию местного отсталого жизненного уклада, австралийские колониальные власти по существу ударились в другую крайность. Как зая-

⁴³ K. R. McKinnon, *Education...*, p. 9; J. K. McCarthy, *Forty years in New Guinea*, p. 33; O. H. K. Spate, *Указ. раб.*, стр. 125. Эти различия отчасти связаны с неодинаковой оценкой численности детей школьных возрастов. При наличии довольно точных данных об общей численности населения ПНГ его возрастная структура известна пока недостаточно.

⁴⁴ P. V. Meere, *Указ. раб.*, стр. 46, 52—53; K. R. McKinnon, *Education...*, p. 10, 15; *The economic development of the Territory...*, p. 302—304. Миссия МБРР рекомендовала закрыть курсы «А» и постепенно заменить их выпускников более подготовленными учителями, окончившими курсы «В» и «С» (двухгодичные педкурсы после окончания соответственно двух или трех классов средней школы). Но эта рекомендация пока не выполняется.

⁴⁵ О зловещей деятельности американского «корпуса мира» в области просвещения см.: И. К. Эггольм, «Международное образование» — средство идеологической экспансии американского империализма, «Сов. педагогика», 1968, № 7.

вил К. Маккиннон, основная задача нынешних школьных программ — максимально содействовать культурным изменениям, ускорить аккультурацию⁴⁶. Такой подход на практике ведет к пренебрежению местными традициями, обычаями и т. д. угрожает всему культурному наследию коренного населения. В начальных школах ПНГ действуют австралийские школьные программы, кое-как приспособленные департаментом просвещения к местным условиям. «Творческий подход» проявился прежде всего в сфере идеологической обработки учащихся: элементарный курс «социальных наук» используется для пропаганды «цивилизаторской роли» колонизаторов и «неразрывной связи» ПНГ с Австралией, для воспитания уважения к частной собственности и т. д. Кроме того, с 1961 г. во всех государственных школах ПНГ введено обязательное преподавание «закона божьего», а также христианской этики и морали⁴⁷.

В докладах миссии МБРР и выездной миссии ООН, посетившей в 1968 г. ПНГ, отмечалось, что учащиеся начальных школ получают неправильную профессиональную ориентацию. Эти школы рассматриваются властями в качестве фильтра для отбора меньшинства, которое продолжит учебу в средних школах, духовных семинариях и педучилищах, а также как учреждение, готовящее служащих низшего звена для администрации и частных компаний. Этим целям и подчинена программа обучения. Между тем многие подростки, проучившись в начальной школе, возвращаются домой и включаются в традиционную хозяйственную жизнь деревни. Такой исход кажется им крушением всех надежд, возлагавшихся на пребывание в школе. Те из них, которые учились в интернатах вне родной деревни (одна школа обычно обслуживает несколько деревень), особенно остро чувствуют свою отчужденность от семьи и всей массы неграмотных соотечественников. Утратив часть корней, связывавших их с родной культурной средой, эти подростки лишь поверхностно и непрочно усвоили некоторые, порой отрицательные, атрибуты «западной» цивилизации⁴⁸.

Отметив, что «система образования на Новой Гвинее построена по образцу той, которая существует в Австралии, и почти все учебные пособия — австралийские», выездная миссия ООН подчеркнула, что колониальным властям следовало бы не пытаться превращать новогвинейцев в австралийцев, а воспитывать активных и сознательных граждан Новой Гвинеи. С этой целью миссия рекомендовала: 1) подготовить по всем предметам учебные пособия, ориентированные на новогвинейскую специфику, 2) ввести в школах ПНГ изучение природы, истории и традиционной культуры Новой Гвинеи, а также соседних стран Юго-Восточной Азии и Океании⁴⁹.

Для начальных школ ПНГ характерно крайне неравномерное распределение учащихся по классам, что объясняется как неполнокомплектностью большинства школ, так и огромным отсевом уже на самых ранних стадиях обучения. В докладе миссии МБРР изображена пирамида, широкое основание которой обозначает учащихся приготовительных классов, а узкая вершина — шестых классов. Как видно из этой схемы, в 1963 г. в приготовительных классах числилось 45 064 ученика (6873 — в государственных, 38 191 — в «признанных» миссионерских школах), а в

⁴⁶ K. R. McKinnon, Указ. раб., стр. 6.

⁴⁷ «Teaching of ethics and morals in Papua», «Oversea Education», vol. XXXIV, № 1, 1962.

⁴⁸ «Report of the United Nations Visiting Mission to the Trust Territory of New Guinea 1968», [New York], 22 May 1968, p. 90; «The economic development of the Territory...», p. 299—302.

⁴⁹ «Report of the United Nations Visiting Mission...», p. 93. В 1966—1967 гг. департамент просвещения ПНГ приступил к частичному пересмотру школьных программ, чтобы в большей мере приспособить их к потребностям развития колониально-капиталистической экономики ПНГ. Но, судя по имеющимся сведениям, эта работа пока не дала ощутимых результатов.

шестых — 4975 учащихся (соответственно 2803 и 2172)⁵⁰. Положение существенно не изменилось до настоящего времени.

П. Мире в 1968 г. писал, что многие деревенские начальные школы «имеют только один или два класса, обычно приготовительный или приготовительный и первый»⁵¹. Квалификация учителей таких школ обычно настолько низка, что они не в состоянии вести более продвинутые классы, да им и не разрешается это делать. Многие дети, проучившись пару месяцев, перестают посещать школу и либо совсем бросают учебу, либо начинают его сначала в следующем учебном году. Впрочем, в одноклассных школах занятия каждый год все равно начинаются с азов.

Отсев из начальных школ весьма велик и там, где есть старшие классы. По подсчетам экспертов МБРР, в полнокомплектных миссионерских начальных школах до выпускного класса доходит немногим более 30% учащихся, по данным П. Мире — около половины. Каждый четвертый ученик миссионерских школ прекращает учебу уже в приготовительном классе. Несколько лучше обстоит дело в немногочисленных государственных полнокомплектных начальных школах, которые оканчивает в среднем 78% их учеников. Слабое развитие школьного образования, особенно до конца 50-х годов, неполнокомплектность большинства школы массовый отсев привели к тому, что в 1967 г. лишь один процент коренных жителей PNG в возрасте 15 лет и старше (около 23 тыс. чел.) имел законченное начальное образование⁵².

Столь же неравномерно географическое распределение учащихся. Если в некоторых прибрежных районах, особенно в городах и крупных поселках, большинство детей соответствующих возрастов числится в начальной школе, то в округах Центрального Нагорья, где обитает две пятых всего населения PNG, лишь 15% детей имеют возможность учиться хотя бы в «непризнанной» школе⁵³. Поэтому не удивительно, что миссия ООН, посетившая в 1968 г. многие районы PNG, почти везде выслушивала горькие жалобы на отсутствие или острую нехватку школ⁵⁴.

Одна из наиболее острых просветительных проблем заключается в почти полном отсутствии материалов для чтения на местных языках, а также литературы на английском языке, доступной основной массе коренного населения. Не находя применения своим познаниям, многие островитяне в новогвинейских условиях утрачивают даже ту элементарную грамотность, которую они приобрели в деревенских школах⁵⁵. «Рецидив неграмотности» наряду с другими рассмотренными выше причинами привел к тому, что, по официальным оценкам, лишь один из десяти коренных жителей PNG в возрасте 15 лет и старше считается грамотным⁵⁶. Но действительное положение, возможно, еще хуже. Так, по сообщению газеты «Саут Пэсифик пост», во время выборов в Палату ассамблеи PNG, впервые проведенных в 1964 г., выяснилось, что 98% избирателей (островитяне обоего пола в возрасте от 21 года) неграмотны⁵⁷. Тем более непростительно почти полное бездействие властей PNG в таком важном вопросе, как просвещение взрослых⁵⁸.

⁵⁰ «The economic development of the Territory...», p. 291.

⁵¹ P. V. Meere, Указ. раб., стр. 52.

⁵² K. R. McKinnon, Current directions and future challenges, «Education in Papua and New Guinea», p. 104.

⁵³ K. R. McKinnon, Education..., p. 11.

⁵⁴ «Report of the United Nations Visiting Mission...», p. 14—16, 20, 23—26, 37—39, 40—44.

⁵⁵ См.: Д. Д. Тумаркин, Просвещение на островах Океании, стр. 20—23.

⁵⁶ «Report of the Trusteeship Council. 27 June 1963—29 June 1964», New York, 1964, p. 21; K. van der Veur, P. Richardson, Education through the eyes of an indigenous urban elite, Port Moresby, 1966, p. 3.

⁵⁷ См.: С. Н. Морозов, Указ. раб., стр. 154.

⁵⁸ J. Cooper, Указ. раб., стр. 63.

В 1963 г. в ПНГ насчитывалось менее ста коренных жителей с законченным средним образованием; почти все они окончили школу в Австралии. С 1963 по 1967 г. контингент учащихся средних школ увеличился с 3158 до 11 668 человек. Большинство этих школ — интернаты с раздельным обучением, причем мальчиков в них в три раза больше, чем девочек⁵⁹. Средней школе ПНГ присущи многие из пороков начальной школы.

В 1967 г. 42% всех учащихся средних школ состояло в миссионерских учебных заведениях, так как теперь каждая церковная организация, действующая в ПНГ, из соображений престижа стремится иметь свою среднюю школу. По признанию П. Мире, эти заведения в большинстве своем являются средними только по названию: в них нет старших классов, необходимой материальной базы и, главное, квалифицированных учителей⁶⁰. В роли преподавателей здесь подвизаются главным образом всевозможные «добровольцы», которых, как мы уже знаем, немало и в начальных миссионерских школах.

В государственных средних школах работают учителя, завербованные в Австралии. По мере увеличения числа таких школ нехватка преподавателей в них становится все более острой, ибо первые учителя-аборигены придут в эти школы едва ли раньше 1971 г. Уровень преподавания здесь несколько выше, чем в миссионерских учебных заведениях. Но и тут, и там занятия ведутся по сокращенным, «адаптированным» австралийским программам, мало приспособленным к местным условиям, причем еще большее внимание, чем в начальной школе, уделяется идеологической обработке учащихся. Характерно, что в отличие от аналогичных средних учебных заведений Австралии в государственных средних школах ПНГ в число обязательных предметов включено «религиозное обучение»⁶¹.

Средняя школа ПНГ призвана готовить местную элиту. Поэтому в ней принята система сложных отборочных экзаменов: вступительных, в третьем классе (на получение Intermediate Certificate) и в четвертом классе (School Leaving Certificate). Вследствие неполнокомплектности многих школ, отбора и отсева в 1967 г. в четвертых (последних) классах занимались лишь 823 юноши и девушки — 7% учащихся средних школ⁶².

Все без исключения средние школы, созданные для обучения коренных жителей ПНГ, являются неполными, тупиковыми. Диплом об их окончании не дает права поступить в австралийский университет. А в трех вузах ПНГ созданы специальные подготовительные курсы, которые, по признанию К. Маккиннона, заменяют недостающий класс средней школы. На эти курсы принимают «благонадежных» островитян, выдержавших конкурсные экзамены. Только окончившие годичный подготовительный курс аборигены допускаются к приемным экзаменам в соответствующий вуз⁶³.

В 1967 г. на более чем двухмиллионное население ПНГ приходилось лишь 4 коренных жителя с высшим образованием, полученным в Австралии. Что же касается вузов, открытых в ПНГ в 1966—1967 гг., то они выпускают первых специалистов-аборигенов не ранее 1971 г. Следует отметить, что как в среде колониальных чиновников и предпринимателей, так и в правительственных кругах в Канберре велись острые споры о том, следует ли вообще открывать эти учебные заведения. А когда они все же были учреждены, власти стали затруднять их деятельность, урезая ассигнования и строго ограничивая прием студентов. Профессор универ-

⁵⁹ «Economic development of the Territory...», p. 287—288; K. R. McKinnon, Education..., p. 12—13; E. Roe, The development of tertiary education in T. P. N. G., «Education in Papua and New Guinea», p. 70.

⁶⁰ P. V. Meere, Указ. раб., стр. 55.

⁶¹ K. R. McKinnon, Education..., p. 13.

⁶² E. Roe, The development of tertiary education in T. P. N. G., p. 59.

⁶³ K. R. McKinnon, Education..., p. 13; «Pacific Islands Year Book and Who's Who», 10th ed., p. 365.

ситета в Порт-Морсби Э. Роз даже задал в 1968 г. в австралийском педагогическом журнале вопрос, не был ли открыт этот университет для того, чтобы ввести в заблуждение ООН⁶⁴. А десять его коллег направили в австралийскую прессу письмо с призывом начать кампанию в поддержку университета⁶⁵.

В кругах австралийских этнографов, лингвистов и педагогов, в миссионерских и административных сферах уже много лет дебатировался вопрос о языковых аспектах школьного обучения в ПНГ. Лингвистическая карта страны чрезвычайно пестра, ибо здесь насчитывается около 500 языков и диалектов. Но все же картина не столь сложна и запутана, как казалось раньше: 1) послевоенными исследованиями установлено, что более трети жителей ПНГ говорит на 37 языках, причем 34 из них составляют три группы более или менее тесно связанных между собой языков, 2) по всей подопечной территории широко распространился в качестве языка межгруппового общения неомеланезийский язык (пиджин-инглиш), а в Папуа — моту; кроме того, выделилось 8 региональных разновидностей *lingua franca* (кате, ябем, грагед, ведау, добу, куануа, тоарипи, киваи); 3) группу сравнительно крупных родственных языков в глубинных районах обычно окружает множество мелких изолированных, причем носители последних часто свободно владеют одним или несколькими крупными языками; 4) двуязычие и многоязычие вообще чрезвычайно характерны для обитателей ПНГ⁶⁶. Специалисты считают, что радиовещание на 30—40 языках и диалектах в принципе позволяет охватить большинство коренного населения ПНГ⁶⁷.

Ссылаясь на лингвистическую дробность населения территории, дороговизну подготовки учебных пособий на многочисленных местных языках и необходимость обеспечить аборигенам доступ к современной «западной» культуре, колониальные власти требуют, чтобы обучение как в государственных, так и в миссионерских школах велось на английском языке. Это единственный вопрос, по которому департамент просвещения расходится с миссиями: создав письменности для ряда местных языков, переведя на них богослужебные тексты и развернув на них проповедь христианства (причем не только в соответствующих этно-лингвистических группах, но и нередко в обширных районах с пестрым в языковом отношении населением), миссионеры предпочитают, чтобы и преподавание в школах велось на тех же языках. Если в первые послевоенные годы власти снисходительно относились к такого рода «нарушениям», то затем их политика изменилась. В 1959 г. департамент просвещения запретил какое бы то ни было употребление даже в миссионерских школах родных местных языков и поставил условием выплаты государственных субсидий преподавание разговорного английского языка уже в подготовительном, а английской грамоты в первом классе начальной школы. В результате в большинстве «признанных» миссионерских школ и во всех государственных школах обучение с самого начала ведется на английском языке, а родной язык, по крайней мере официально, употребляется в первых двух классах лишь для объяснения английских слов⁶⁸.

Против этих установок департамента просвещения выступает большинство этнографов и лингвистов, знакомых с местными условиями. Почти все они согласны с тем, что в ПНГ английский должен быть языком преподавания в средней и высшей школе. Но эти исследователи

⁶⁴ E. Roe, The development of tertiary education in T. P. N. C., p. 62, 65.

⁶⁵ «Pacific Islands Monthly», August, 1968, p. 29—30.

⁶⁶ S. A. Wurm, Language and literacy, «New Guinea on the threshold», p. 135—136, 141.

⁶⁷ I. K. MacKay, Administration broadcasting in Papua and New Guinea, «Australian Territories», vol. 7, № 1—3, 1967, p. 32.

⁶⁸ P. V. Meere, Указ. раб., стр. 49—50; «Handbook of Papua and New Guinea», 4th ed., p. 180.

считают, что аборигенам целесообразно сначала овладевать чтением и письмом на родном или другом местном языке, получать на нем первоначальное образование и лишь примерно на третьем году обучения приступать к изучению английского. Как показывают многочисленные эксперименты, такой подход не только облегчает усвоение английского языка, но и значительно повышает успеваемость по другим предметам на более продвинутых стадиях обучения. Важно подчеркнуть, что предварительное овладение грамотой на местном языке оказывает благоприятное влияние не только на сам учебный процесс: оно предотвращает или хотя бы ослабляет отрыв учащихся от местной среды, способствует сохранению у них этнического самосознания и уважения к самобытной культуре⁶⁹. Не потому ли колониальные власти, взявшие курс на ускоренную аккультурацию школьников в ПНГ и создание элиты, преданной «идеалам западной цивилизации», занимают столь жесткую позицию в отношении использования в школах местных языков?

Крупнейший знаток лингвистической ситуации в ПНГ австралийский профессор С. Вурм выступил в 1966 г. с практическими рекомендациями, отвергнутыми департаментом просвещения. По мнению Вурма, наиболее предпочтительно начинать с обучения чтению и письму на родном языке. Если это невозможно из-за слабой изученности родного языка или крайней малочисленности его носителей, следует в зависимости от конкретных условий использовать один из соседних языков, известных в данной деревне, региональный *lingua franca*, пиджин-инглиш или моту. Вурм призвал широко развернуть изучение аборигенных языков ПНГ с помощью бригад местных жителей, возглавляемых опытными лингвистами. Он опроверг утверждение о дороговизне подготовки элементарных учебников и материалов для чтения на местных языках, указав на возможность использования в этих целях современных дешевых множительных аппаратов, на которых будут работать сами островитяне⁷⁰. Основные рекомендации Вурма были поддержаны в журнале австралийских коммунистов педагогом-исследователем Дж. Купером, подчеркнувшим особую важность обучения грамоте на местных языках для борьбы с неграмотностью среди взрослых⁷¹.

В настоящей статье нет возможности остановиться на проблемах школьного обучения некоренного населения ПНГ. Отметим лишь, что для «белых» детей здесь существуют специальные государственные начальные школы, которые работают по программам австралийского штата Новый Южный Уэльс, оснащены несравненно лучше, чем школы для аборигенов, и имеют квалифицированных преподавателей. По окончании этих школ все дети австралийцев, живущих в ПНГ, получают государственные стипендии для продолжения образования в средних школах-интернатах Австралии. Территориальные власти расходуют на школьное обучение «белого» ребенка во много раз больше средств, чем на обучение аборигена.

Сегрегация в школах ПНГ, по существу являющаяся одной из форм расовой дискриминации, не раз подвергалась острой критике в ООН. Это проявление старомодного колониализма довольно прозрачно осудила даже миссия МБРР, рекомендовавшая организовывать там, где нужно, два потока (для «белых» и для аборигенов) в рамках единой школы. Однако, по данным выездной миссии ООН, власти ПНГ уклоняются от выполнения этой рекомендации⁷².

⁶⁹ S. A. Wurm, Указ. раб., стр. 137, 148; J. K. Harris, *Linguistics and aboriginal education*, «Australian Territories», vol. 8, № 1, 1968 (см. здесь литературу по этой проблеме).

⁷⁰ S. A. Wurm, Указ. раб., стр. 136—148.

⁷¹ J. Cooper, Указ. раб., стр. 63.

⁷² «The economic development of the Territory...», p. 299; «Report of the United Nations Visiting Mission...», p. 92—93.

Правда, пытаясь ослабить недовольство коренных жителей и критику в ООН, колониальная администрация начала допускать в некоторые начальные школы, обслуживающие «белое» население, отдельных, тщательно отобранных детей местной элиты и богатых китайцев. Кроме того, в пропагандистских целях были учреждены три средние школы австралийского образца (в Порт-Морсби, Рабауле и Лаэ), формально открытые для подростков всех цветов кожи. Но, как сообщает Э. Роэ, в этих трех широко разрекламированных заведениях «интеграция является не более чем жестом»⁷³.

В очередном пятилетнем плане развития ПНГ, принятом австралийским правительством, предусматривается увеличить в 1968—1973 гг. численность учащихся в государственных и «признанных» миссионерских школах с 200 до 240 тыс., в средних учебных заведениях всех типов — с 12 до 24 тыс.⁷⁴ Это меньше тех показателей (254 тыс. и 25 тыс.), которые миссия МБРР рекомендовала достичь к 1969 г.! Судя по имеющимся прогнозам, за время действия нового плана численность коренного населения ПНГ увеличится примерно на 16—17%, причем прирост детского населения школьных возрастов будет, несомненно, еще более значительным. Это означает, что процент детей, посещающих начальную школу, в 1968—1973 гг. не только не возрастет, а скорее даже понизится⁷⁵.

Министр внешних территорий Ч. Барнс в своих публичных выступлениях стремится оправдать острую нехватку школ и низкий уровень преподавания необходимостью направлять львиную долю ассигнований на развитие экономики ПНГ. Колониалистскую подоплеку аргументации Барнса убедительно вскрыл Э. Роэ. «Не секрет, — пишет этот австралийский профессор, — что в министерстве территорий преобладает точка зрения, согласно которой нужно положить все золотые яички в корзинку экономического развития; отсюда следует, что с социальным и политическим развитием придется подождать и что лишь небольшая доля ассигнований пойдет на просвещение... Однако нужно постоянно помнить, что экономическое развитие — если только оно не эксплуататорское в старом колониальном смысле этого слова — зависит от крупных капиталовложений в просвещение ничуть не меньше, чем развитие социальное и политическое. Будет ли австралийское правительство форсировать экономическое развитие (а оно, разумеется, обязано это делать), не обеспечивая обитателям территории такое образование, которое позволило бы им играть более важную роль в этом развитии, извлекать из него выгоду и в конечном счете его контролировать? В этом вопросе заключены многие острые проблемы будущего»⁷⁶.

Развитие событий в Папуа — Новой Гвинее, в том числе в сфере просвещения, будет зависеть от общей международной обстановки и соотношения сил в ООН, от размаха освободительной борьбы коренного населения ПНГ и поддержки этой борьбы прогрессивными силами в самой Австралии.

В защиту прав и интересов аборигенов ПНГ активно выступают австралийские коммунисты. Они последовательно разоблачают колониальную политику правящих кругов своей страны, высказываются за полную независимость Папуа — Новой Гвинее, политическое и экономическое самоопределение населяющих ее народов. В 1968 г. в журнале КПА была опубликована уже упоминавшаяся нами статья Дж. Купера, содержащая

⁷³ E. Roe, Current directions and future challenges, «Education in Papua and New Guinea», p. 108.

⁷⁴ «Papua and New Guinea development program», «Australian External Territories», vol. 8, № 5, 1968, p. 41.

⁷⁵ N. McArthur, The demographic situation, «New Guinea on the threshold», p. 113; R. Pearse, Указ. раб., стр. 29. Директор департамента просвещения ПНГ признает, что «нынешние темпы увеличения приема в начальные школы едва успевают за ростом численности детей соответствующих возрастов» (K. R. McKinnon, Education..., p. 9).

⁷⁶ E. Roe, Current directions and future challenges, p. 110.

марксистскую оценку «просветительной» политики Австралии на Новой Гвинее. Отвергая официальные утверждения об отсутствии у австралийских властей финансовых возможностей для подъема образования на этой территории, Купер напомнил, что Австралия расходует гораздо больше средств на участие в грязной войне во Вьетнаме⁷⁷.

В настоящее время в ПНГ быстро растет политическая активность островитян, их борьба против колониальной эксплуатации приобретает все более сознательные и зрелые формы. Освободительное движение народов ПНГ, пользующееся сочувствием и поддержкой мировой прогрессивной общественности, приближает осуществление теперь уже не утопической мечты Н. Н. Миклухо-Маклая о Папуасском Союзе — независимом и демократическом государстве, входящем во всемирное содружество свободных стран и народов.

SUMMARY

The organization of education in Papua — New Guinea is considered. Before the Second World War the «education» of the indigenous population was wholly in the hands of Christian missions. After the war the Australian colonial administration was obliged to start developing a state school system. In 1966 a university was inaugurated at Port Moresby. But even now the majority of school age children are unable to get even a rudimentary education. The educational policy of the Australian administration serves two objects: 1) to train a local elite devoted to the dominant state, in order to consolidate Australia's position in the case of Papua — New Guinea's independence; 2) to secure the greatest advantages in exploiting the Territory's natural resources under conditions generated by the science-technology revolution. The article suggests that a special branch of research should be distinguished — that of ethnopedagogics.

⁷⁷ J. Cooper, Указ. раб., стр. 64.

Ю. В. Бромлей

ЭТНОС И ЭНДОГАМИЯ

Этнос вообще и отдельные его типы в частности в нашей научной литературе обычно определяются как совокупность различных общностей: территориальной, языковой, культурной и т. д. Если основные из этих составляющих этнос общностей — язык и особенно культуру — представить пространственно, то во многих случаях обнаружится явное несовпадение границ их распространения. Об этом, в частности, весьма наглядно свидетельствуют историко-этнографические атласы. Достаточно, скажем, самого беглого знакомства с картографическими материалами атласа «Русские», чтобы убедиться в несовпадении в ряде случаев ареалов распространения отдельных компонентов традиционных форм материальной культуры русского населения.

Все это довольно хорошо известно. Но отсюда неизбежно возникает вопрос: каким образом отдельные пространственно несовпадающие элементы интегрируются в одно целое — этническую общность, этнос, народ?

Нередко, отвечая на этот вопрос, в качестве интегратора основных компонентов этноса — народа называют этническое самосознание. Действительно, оно как бы фокусирует отдельные этнические свойства, объединяя их в целостность. Однако эта интеграция происходит в сфере сознания. Между тем этносы как определенные целостности существуют объективно, вне сознания.

Отсюда, в свою очередь, встает вопрос: каков же объективный механизм этнической интеграции?

Некоторый свет на этот вопрос, на наш взгляд, может пролить разработка гипотезы, согласно которой непременным свойством этнических общностей в устойчивом, т. е. типичном для них состоянии, является эндогамия в широком смысле слова, т. е. понимаемая как преимущественное заключение браков внутри своей общности¹. Эта гипотеза в связи с вопросом о механизме интеграции этнических общностей, насколько нам известно, еще не привлекла внимания исследователей. Более того, хотя сама гипотеза о взаимозависимости между эндогамностью общностей и их устойчивостью уже выдвигалась ранее², однако она нуждается в обосновании конкретными данными, ибо без этого остается всего лишь предположением. С такого обоснования, очевидно, и следует начать рассмотрение интересующей нас проблемы.

Что касается основных этнических ячеек первобытного общества — племен, то их эндогамность, кажется, общепризнана. И это признание не могут поколебать ссылки на отдельные случаи адаптации родопле-

¹ В узко специальной трактовке эндогамия — обычай, запрещающий заключение браков за пределами данной общественной группы.

² В частности, наше внимание к ней привлекло одно устное выступление К. В. Чистова.

менными организациями иноплеменников и на межплеменные браки³, ибо хорошо известно, что в общественной жизни (как и в природе) ни одно явление не выступает в чистом виде. Тенденция к преимущественному заключению браков внутри своей общности прослеживается и в раннеклассовых обществах. К примеру, в Афинах при Перикле (V в. до н. э.) запрещение заключать браки с «варварами» было оформлено в виде специального закона⁴.

Но если представление об эндогамности сравнительно небольших этнических общностей, в первую очередь племен, звучит довольно привычно, то тезис о брачной замкнутости крупных этносов, таких как, например, современные нации, может показаться достаточно неожиданным. Стало быть, он нуждается в специальной проверке. А это представляется вполне возможным, ибо для современных этносов в ряде случаев мы располагаем данными, позволяющими замерить соотношение внутриэтнических и межэтнических браков.

В интересующей нас связи, очевидно, особенно показательны статистические материалы, относящиеся к регионам, где процессы этнического смешения протекают сравнительно интенсивно.

Один из таких регионов представляет Югославия — многонациональная страна, населенная близкими по языку и культуре народами. Согласно югославской статистике, у славянских народов страны в 1961 г. однопациональные браки на территории их основного расселения составляли в среднем от 87% (мужчины-черногорцы в Черногории) до 97,3% (мужчины-словенцы в Словении) всех заключенных браков⁵.

Примером другого региона со смешанным в национальном отношении населением может служить Северный Кавказ. Для этого региона мы располагаем материалами, относящимися к 1963 г. Они свидетельствуют, что карачаевцы заключают в среднем около 95% однопациональных браков, осетины — около 94%, адыгейцы — около 93%, черкесо-абазинская группа, консолидирующаяся в одну народность, а также ногайцы — около 90%⁶.

В регионах, где процессы этнического смешения менее интенсивны, удельный вес однопациональных браков, естественно, еще более значителен. Так, в 1925 г. мужчины-русские на территории Европейской части РСФСР заключили 99,1% однопациональных браков, мужчины-белорусы в БССР — 98%, мужчины-украинцы в УССР — 96,9%, мужчины-татары и мужчины-башкиры в РСФСР — 97,9%, мужчины-марийцы в РСФСР — 97,5% и т. д.⁷.

Одним словом, в современных условиях этносы обычно по крайней мере на 90% эндогамны. А этот факт сам по себе весьма показателен, поскольку нарушение эндогамии в пределах 10%, как правило, не сопряжено для этноса со сколько-нибудь заметными и при том немедленными последствиями⁸.

³ Так, специальное обследование показало, что у аборигенов Австралии браки, заключаемые между племенами, составляли в среднем 15% (N. B. Tindale, *Tribal and inter-tribal marriage among the Australian aborigines*, «Human Biology», 1953, vol. 25, pp. 169—190).

⁴ В. И. Козлов, *Динамика численности населения*, М., 1969, стр. 315.

⁵ «Demografska statistika za 1961», Beograd, 1964.

⁶ Я. С. Смирнова, *Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкессии*, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 140; сб. «Культура и быт народов Северного Кавказа», М., 1968, стр. 290.

⁷ «Национальная политика ВКП(б) в цифрах», М., 1930, стр. 41.

⁸ Насколько значительными для данного этноса окажутся последствия этих 10% смешанных браков, зависит прежде всего от того, какая доля детей, рожденных в таких браках, сохранит принадлежность к нему. Но даже если допустить, что все эти дети будут причислены к другой этнической общности, то при условии 10% межэтнических браков и при «простом» воспроизводстве потомства для сокращения данного этноса наполовину потребуется не менее 5—6 поколений, т. е. по крайней мере лет

В то же время существенным подтверждением важной роли эндогамии в сохранении устойчивости этноса может служить то обстоятельство, что значительное нарушение эндогамии неизбежно влечет за собой в конечном счете коренную его модификацию (вплоть до полного исчезновения). Ведь общеизвестно, что как раз смешанные браки являются одним из основных инструментов формирования новых этносов на основе синтеза двух или нескольких этнических общностей. При этом, с одной стороны, происходит как бы прорыв эндогамности каждой из синтезирующихся общностей, с другой — они вместе как бы охватываются новым эндогамным кругом. Так, уже упоминавшийся процесс консолидации абазин и черкесов в одну народность получил, в частности, выражение в том, что в 1963 г. смешанные браки между ними достигли 26,8% (абазины с черкешенками)⁹; в целом же черкесско-абазинская группа, как уже говорилось, заключила с представителями других народов не более 10% всех браков.

Еще более наглядны материалы, относящиеся к лесным энцам, которые давно начали сливаться с местными ненцами, причем процесс этот имел двусторонний характер. К настоящему времени энцы в большинстве своем усвоили ненецкую материальную культуру, а ненцы восприняли их язык¹⁰. Между тем, по наблюдениям Б. О. Долгих, уже в конце 20-х годов более 60% жен энцев составляли ненки и, наоборот, около 70% жен ненцев — энки. При этом существенно, что в своей совокупности браки мужчин ненцев с представителями других национальностей (тунгусами и русскими) не превысили 4% всех заключенных ими браков¹¹.

100—150. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что уже в случае, если 50% детей, рожденных в смешанных браках, сохраняя принадлежность к данному этносу, то при «простом» воспроизводстве потомства заключение таких браков не отразится на численности данного этноса (объясняется это тем, что при межэтнических браках их число для данного этноса как бы удваивается: так, если 50 мужчин и 50 женщин данного этноса могут заключить лишь 50 «гомозитических» браков, то с представителями других этнических групп они же могут заключить 100 браков). Поэтому же, если, например, 75% детей, рожденных в смешанном браке, будет постоянно выбывать из данного этноса, то при 10% таких браков потребуются для его сокращения наполовину смена не менее 10 поколений.

При строгом соблюдении определенной локальности браков (матрилокальности или патрилокальности), дети, рожденные в смешанных браках, скорее всего окажутся почти поровну поделенными между соответствующими этносами, стало быть, в этом случае межэтнические браки не могут сколько-нибудь заметно повлиять на величину этносов.

Следует также иметь в виду, что из двух этносов, представители которых вступают в смешанные браки, в результате таких браков обычно увеличивается тот, для которого характерно численное преобладание в соответствующем регионе. Об этом, в частности, наглядно свидетельствуют собранные (под руководством Л. Н. Терентьевой) группой сотрудников Института этнографии АН СССР в столицах Прибалтийских республик материалы об определении национальной принадлежности по достижении шестнадцатилетнего возраста лицами, рожденными в национально-смешанных браках. Из этих материалов, относящихся к 1960—1968 гг., следует: 1) национально-смешанные браки представителей коренной национальности не превышают 10% всех заключенных ими браков (от 4,6% в Таллине, до 7,4% в Риге), 2) свыше 50% детей, рожденных в смешанных семьях, в которых один из родителей — представитель основной для соответствующей республики национальности, избирали национальность именно этого родителя (в Вильнюсе — 52%; в Риге — 57%; в Таллине — 62%), 3) более 60% детей, рожденных в смешанных семьях, в которых один из родителей русский (т. е. представитель второй по численности национальности), а другой — представитель остальных не основных для данной республики национальностей (украинец, белорус, поляк, еврей), определились как русские (например, в Риге: в русско-украинских семьях — 74,7%; в русско-белорусских — 80,5%; в русско-польских — 75,0%; русско-еврейских — 93,3%). См.: Л. Н. Терентьева. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 20—30.

⁹ Я. С. Смирнова, Указ. раб., стр. 140.

¹⁰ «Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 140.

¹¹ Б. О. Долгих, Родовая эндогамия у нганасан и энцев, «Сибирский этнографический сборник», IV, ТИЭ, т. LXXVIII, М., 1962, стр. 222.

О роли прорыва эндогамии в формировании новых этнических общностей наглядно свидетельствуют также материалы по истории образования народностей в раннесредневековой Западной Европе. Из них следует, что заметные сдвиги в процессе образования этих народностей сопровождались в VII—VIII вв. во всех варварских королевствах отменной запретов на заключение смешанных браков¹². Еще одной не менее яркой иллюстрацией могут служить этно-расовые смешения в Латинской Америке, сыгравшие здесь огромную роль в формировании большинства современных наций. Так, в Бразилии в результате заключения межрасовых браков менее чем за 100 лет (с 1819 г. по 1910 г.) удельный вес лиц смешанного происхождения (главным образом мулатов) возрос с 20% до 60% общей численности жителей¹³.

О значении эндогамии в жизни этнических общностей свидетельствуют и процессы этнической ассимиляции. Весьма характерно, например, что именно брак выступает в качестве одного из наиболее радикальных путей включения в этнос «чужеродных элементов». Ведь обычно первое поколение лиц, поселившихся в другой этнической среде, сохраняет свою прежнюю этническую принадлежность на протяжении всей жизни и, как правило, лишь их дети и внуки, особенно рожденные в смешанном браке, могут рассчитывать на сравнительно быструю и полную этническую адаптацию.

Весьма показательно также, что при этнической ассимиляции в массовых масштабах удельный вес смешанных браков у поглощаемого этноса обычно значительно выше, чем у этноса, выступающего в роли ассимилятора. Иными словами, этнос-ассимилятор почти сохраняет эндогамию¹⁴.

Приведенные материалы, очевидно, позволяют прежде всего констатировать, что прорыв эндогамии того или иного этноса обычно сопровождается либо включением данного этноса в эндогамную систему той этнической общности, которая выступает его основным брачным партнером, либо возникновением нового, более широкого эндогамного круга, как бы объединяющего два взаимосвязанных брачными отношениями этноса. Вместе с тем, из сказанного также следует, что если, с одной стороны, эндогамия оказывается присущей этносу с момента его зарождения, то, с другой, — значительное нарушение эндогамии этноса — предвестник его разрушения¹⁵.

Таким образом, тесная взаимосвязь эндогамии и этноса, очевидно, не подлежит сомнению.

Но самой по себе констатации такой взаимосвязи, разумеется, еще недостаточно для ответа на поставленный выше вопрос о значении эндогамии для интеграции этнических общностей.

Для ответа на данный вопрос особенно существенно, на наш взгляд, уяснить роль эндогамии в «вычленении» целостных этнических комплексов из различных пространственно сопряженных, но не вполне совпадающих общностей (как языковой общности, так и общностей, образуемых отдельными сферами материальной и духовной культуры). С этой целью надлежит прежде всего обратиться к рассмотрению факторов, образующих границы эндогамии.

В качестве таких факторов могут выступать как природные, так и общественные явления. В первом случае роль изолирующего фактора выполняют горы, леса, реки, пустыни и тому подобные естественные

¹² См. А. Р. Корсунский, Государство и этнические общности в раннефеодальный период в Западной Европе, сб. «Средние века», вып. 31, М., 1968, стр. 128.

¹³ В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 350—351.

¹⁴ Это обусловлено прежде всего тем, что в такой роли, как правило, выступают более многочисленные этносы.

¹⁵ Однако и при сохранении этносом эндогамии не исключена возможность коренной его модификации, включая появление нового этнического самосознания.

преграды, а также просто отдаленность одного этноса от другого. Эти естественные рубежи особенно существенное значение имели на ранних этапах истории общества¹⁶. С увеличением плотности населения и развитием средств связи их значение постепенно снижалось. Что касается общественных этноизолирующих факторов, то одним из них в данном отношении постоянно принадлежала существенная роль, у других — она не оставалась неизменной. К числу первых, конечно, следует отнести прежде всего язык, издревле выступающий серьезной помехой для межэтнических браков. Не случайно двуязычие населения, снимая этот барьер, существенно облегчает заключение таких браков.

Из общественных факторов, играющих на разных исторических этапах далеко не одинаковую роль в установлении эндогамных барьеров, в первую очередь необходимо назвать государственно-политические границы. Со временем их фиксация становится более четкой, а охрана более совершенной, вследствие чего они превращаются в существенное препятствие для заключения браков между разделенным ими населением. Впрочем, если на процессы образования этносов политические, как и природные рубежи, могут оказать немалое влияние, то на уже сложившиеся этносы воздействие этих «внешних» по отношению к ним факторов обычно сказывается далеко не сразу¹⁷.

Среди же «внутриэтнических» факторов, помимо языка, очень существенную роль в формировании границы эндогамии может играть религия. Определенное влияние на эндогамность этноса могут оказывать также самые различные сферы общественной жизни: те или иные элементы культуры и быта, обряды, обычаи (особенно эндогамные ограничения и запреты), законодательство, стереотипы поведения, внешний облик (в том числе расовые различия), представления о красоте и т. п. Несомненно, особенно важно в интересующем нас отношении значение этнического сознания, в том числе самоопределения этнической принадлежности. Важную роль также играет государственно-политическая принадлежность — гражданство (подданство), подчас совпадающее с этнической принадлежностью.

Обычно если не все, то по крайней мере многие из указанных факторов в своей совокупности и создают эндогамный барьер каждого этноса, отделяющий его от других этносов. При этом на одном из рубежей, в одной зоне соприкосновения данного этноса с другим в качестве основного барьера может выступать язык, на втором этническом рубеже того же этноса — религия, на третьем — государственная граница и т. д.¹⁸. В целом же все эти факторы образуют как бы замкнутый круг. И чем большее число их одновременно составляет эндогамную границу, тем, разумеется, она резче.

Действие эндогамии как своеобразного «стабилизатора» этноса связано с тем, что замкнутость круга брачных связей обеспечивает ему сохранение семей однородного этнического состава. Между тем, как правило, именно семья в большинстве обществ выступает в качестве важнейшего канала передачи традиционной культурной информации (как и овеществленных результатов ее реализации в прошлом). В результате, сохраняя этническую однородность семей внутри этноса, эндогамия тем самым обеспечивает поколенную преемственность характерной для него специфики культуры. При этом эндогамия одновременно выступа-

¹⁶ См. П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XV, М., 1951, стр. 21.

¹⁷ Показательно, что при расщеплении этноса политической границей обе его части обычно образуют отдельные замкнутые в брачном отношении единицы, т. е. как бы регенерируют эндогамный барьер.

¹⁸ Например, хорваты в Австро-Венгрии были отграничены от венгров и немцев преимущественно языковым барьером, от сербов — религиозным и государственным.

ет как фактор культурного обособления данного этноса от других этносов.

Однако значение эндогамии для сохранения устойчивости этноса не сводится лишь к простому воспроизводству этнической специфики и оградительной функции. Она оказывает также внутреннее интегрирующее воздействие на составляющие этнос компоненты. Заключение из поколения в поколение браков в пределах замкнутой в брачном отношении общности людей неизбежно влечет за собой усиление единообразия в самых различных сферах ее культуры.

Наконец еще одно важное последствие эндогамии для этноса. Она выступает в качестве его своеобразного генетического барьера. А это, в свою очередь, придает этносу характер популяции. Ведь популяция, как известно, представляет основную единицу генетики¹⁹.

Степень воздействия генетического барьера на популяцию во многом зависит от ее величины. И, разумеется, в малых популяциях оно играет особенно заметную роль. По наблюдениям В. В. Бунака, количественный предел такой малой популяции, обычно обозначаемой термином «дем», составляет 4—5 тыс. человек²⁰. Возможно, эту количественную грань не следует абсолютизировать. Но так или иначе, весьма показательно, что дальнейшее увеличение численности ведет либо к разделению дема на обособленные малые демы, либо к превращению вместе со смежными демами в фрагменты одного большого дема.

Стало быть, большая популяция не обладает возможностью свободного равновероятного во всех направлениях скрещивания ее членов. И все же в этносах, представляющих такие популяции, прослеживается воздействие генетического барьера; при этом оно становится тем ощутимее, чем больше сменяется поколений. Пожалуй, особенно показательны в данном отношении уже приводившиеся выше материалы об этно-расовом смешении в странах Латинской Америки.

Таким образом, в силу эндогамии, создающей генетический барьер, этнос нередко в той или иной степени выполняет одну из функций биологической единицы. Обращая внимание на это обстоятельство, необходимо, однако, сразу же подчеркнуть неправомочность попыток рассматривать популяцию как сущность и первооснову этноса²¹. Нельзя забывать, что этнос выполняет функции популяции лишь благодаря своей эндогамности, которая, как мы выше убедились, сама — явление производное от многих факторов, обычно в первую очередь социального характера. К тому же следует учитывать, что далеко не всегда эндогамия и генетический барьер полностью совпадают: они могут быть всего лишь в большей или меньшей мере сопряжены друг с другом²².

Значительная роль эндогамии в формировании и стабильном функционировании этнических общностей неизбежно выдвигает вопрос: не является ли она вообще их характерной чертой?

¹⁹ Согласно одному из определений, генетическая популяция представляет собой «репродуктивное сообщество разнополых и перекрестно оплодотворяющихся особей, обладающих неким общим генофондом» (Дж. Харрисон, Дж. Уайнер, Дж. Таннер, Н. Барнико, Биология человека, М., 1968, стр. 131).

²⁰ См. V. V. Bunak, Der Verwandtschaftsgrad der Bevölkerung kleiner ländlicher Gemeinden, «Acta Geneticae, Medicae et Gemellologiae», vol. XIV № 2, Aprilis, 1965, S. 174—180; V. V. Bunak, The evolution of the elementary unit of population (dem) and its anthropological significance, М., 1968, p. 1; В. В. Бунак, Комментарии. В кн. Дж. Харрисон и др. Указ. раб., стр. 163.

²¹ См. Л. Н. Гумилев, О термине «этнос», «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1967, стр. 14—15.

²² Наглядным примером этого могут служить негры США, обладающие высокой степенью эндогамности, поскольку смешанные в расовом отношении семьи представляют очень редкое явление (официальные браки между неграми и белыми — исключение), и в то же время слабо изолированные в генетическом отношении, о чем свидетельствует высокий процент метисов.

Для ответа на этот вопрос, очевидно, прежде всего следует выяснить, представляет ли эндогамия обязательное свойство каких-либо иных социальных общностей?

Вопрос этот имеет под собой определенное основание. Ведь известно, что помимо этносов и в некоторых других социальных общностях можно наблюдать преобладание внутригрупповых браков. Более того, подчас такое преобладание имеет характер почти полной эндогамии. Среди социально-классовых групп одной из наиболее ярких иллюстраций этого может служить эндогамия индийских каст. Эндогамией обычно обладают и конфессиональные общности, поскольку почти все религии относятся негативно к бракам с инаковерующими. Это характерно как для мировых религий, так и для отдельных вероисповеданий и религиозных сект (например, мусульман суннитов, сикхов, старообрядцев и т. д.). Впрочем, как правило, у каждой социальной общности, обладающей устойчивой эндогамией, обнаруживаются те или иные этнические черты²³. Даже классы, а тем более сословия в тех случаях, когда они в большей или меньшей степени эндогамны, приобретают некоторые этнические свойства. В этой связи вспоминается ленинское указание о том, что при капитализме «есть две нации» в каждой нации²⁴.

В то же время существенно подчеркнуть, что в отличие от этносов для всех остальных социальных общностей (за исключением конфессиональных общностей и каст) эндогамия в большинстве случаев вообще не характерна и, следовательно, она не может рассматриваться как их непереносимый признак.

Что касается территориальных общностей (в первую очередь поселений), то почти для каждой из них характерен значительный удельный вес унилокальных браков (кроме, конечно, экзогамных общностей). И в этом смысле все они могут рассматриваться как популяции. Однако у большинства этих популяций степень эндогамности обычно все же невелика. Это особенно ярко проявляется в наши дни, когда резко возросли межтерриториальные контакты. Но и в прошлом, как правило, значительная часть брачных связей охватывала жителей нескольких соседних поселений²⁵, создавая своеобразную брачную непрерывность.

Исключение представляют, с одной стороны, так называемые изоляты — малые популяции²⁶, с другой — такие крупные популяции, как этносы-народы. Как и для последних, для изолятов характерна высокая степень эндогамной замкнутости, составляющая обычно не менее 90% всех браков. При этом, если изоляты оказываются сравнительно устойчивыми, то они неизбежно приобретают определенные этнические свойства. В таком случае это как бы субэтноты основного этноса, представляющие или еще не до конца отделившиеся от него части, или остатки еще не полностью ассимилированной другой этнической группы. В такой роли могут выступать и территориальные изоляты (например, так называемые этнографические группы) и социальные изоляты (например, касты).

²³ При этом либо такого рода черты следствие ее эндогамии, либо сама эндогамия — результат того, что данная общность изначально представляла собой этнос.

²⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

²⁵ Так, по данным В. К. Жомовой, в конце XIX в. в одном из сел. Подмосковья (село Угрюмово, Серпуховского уезда) лишь 20% браков заключалось в том же селе, а около 70% — в соседних селах, расположенных в радиусе 10 км (В. К. Жомова, Материалы по изучению круга брачных связей в русском населении, «Вопросы антропологии», вып. 21, 1955, стр. 112). Правда, В. К. Жомова указывает примеры, когда унилокальность браков в одном селении достигала 80% (там же, стр. 111—113). Но, по ее собственному признанию, она сбросила со счета все случаи, когда заключение брака с представителем другого селения сопровождалось переездом в него. Стало быть, в рассматриваемых примерах унилокальные браки составляли не 80%, а лишь около 2/3 всех браков.

²⁶ Изолятами обычно именуют небольшие популяции, не превышающие 1 тыс. чел. (См. Дж. Харрисон и др., Указ. раб., стр. 163).

Разумеется, и другие популяции, находящиеся в пределах этноса, могут рассматриваться в качестве его субструктурных подразделений, имеющих свою, хотя и слабо выраженную, специфику этнического характера. Этнос в этом смысле — явление иерархичное. Но интенсивность эндогамных границ этих внутренних субструктур неизмеримо слабее, чем у субэтносов-изолятов, а тем более у самого этноса. Именно этнос-народ в устойчивом состоянии обладает во всей иерархии эндогамных границ наиболее резкими рубежами, отчетливо отделяющими его от других подобных общностей, даже если он расположен череполосно с ними.

Таким образом, из всех типов социальных общностей (за исключением конфессиональных общностей и каст) наибольшей степенью замкнутости круга брачных связей обладают этносы. Следовательно, мы можем рассматривать эндогамию как характерную для этносов особенность.

Это наблюдение представляется тем более существенным, что все другие отличительные признаки этносов (территориальная, языковая, культурная общности) присущи большинству других видов социальных институтов.

Другими словами, мы получили существенный дополнительный ориентир для выделения этнических общностей.

Мы рассматриваем, однако, этот ориентир лишь в качестве дополнительного, поскольку он не столь самоочевиден, как большинство отличительных признаков этноса и для его установления необходимы, как правило, специальные обследования. К тому же ориентир этот не абсолютен, ибо он, во-первых, имеет силу лишь применительно к этносам, находящимся в типичном, т. е. устойчивом состоянии, во-вторых, характерен также для каст.

И тем не менее сама возможность использовать данные об эндогамии для выделения этнических единиц из других общностей людей представляется весьма существенной. Особенно она важна в спорных случаях. Так, например, этот критерий, на наш взгляд, позволяет решить давний спор — является ли основной этнической единицей первобытности род или племя — не в пользу экзогамного рода, а эндогамного племени.

SUMMARY

According to the author the actual process of ethnic integration may be understood by interrelating ethnic endogamy and the stability of ethnic communities. Significant departures from endogamy lead in the end to radical changes in the ethnic community. Endogamy boundaries may be determined both by geographical and by social factors; the role of the latter rises steadily with the approach to modern times. The endogamy boundary usually serves as a genetic barrier. That is why an ethnic community is at the same time an anthropological group. However this role of ethnic communities as anthropological groups is a secondary phenomenon derived to a great extent from social factors. In conclusion it is suggested that endogamy may be regarded as one of the indicators characterizing ethnic communities.

А. С. Давыдов

ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ ТАДЖИКОВ ВЕРХНЕГО ЗЕРАВШАНА

Верхний Зеравшан — часть бассейна р. Зеравшан от его истоков до г. Пенджикента. В Верхний Зеравшан входит ряд исторически сложившихся районов: Ягноб, Фан, Матча, Фальгар, Кштут, Магиан, Офтобруя и Пенджикент с его окрестными кишлаками. По современному административному делению здесь расположены Пенджикентский и Айнинский районы Таджикской ССР.

Жилищу таджиков Верхнего Зеравшана посвящен ряд работ¹, но все же до сих пор оно в одних районах этнографически не изучено (Кштут, Магиан, Офтобруя и Пенджикент), а в других (Ягноб, Фан, Матча, Фальгар) не достаточно прослежено его развитие, не выделен традиционный для данной местности тип. Неудачными представляются и попытки определения ареала типа жилища Верхнего Зеравшана.

Данная статья посвящена важным, с нашей точки зрения, вопросам внутренней планировки и устройства традиционного жилища таджиков Верхнего Зеравшана².

В высокогорных кишлаках встречаются жилые дома традиционного типа, построенные, быть может, более ста лет назад, которые были слегка модернизированы; иногда они используются в качестве хозяйственных помещений. Для остальной части Верхнего Зеравшана характерны дома, представляющие собой несколько измененный и развитый вид традиционного типа. Большой материал был также собран благодаря беседам со старейшими жителями кишлаков. Эти данные легли в основу изучения традиционного жилища Верхнего Зеравшана в двух его видах — старом, наиболее архаическом, и позднем, несколько измененном и развитом.

Традиционное жилище по всему Верхнему Зеравшану представлено одним типом. Оно состоит здесь из одного основного помещения и двух подсобных — кладовой и веранды. Остановимся сначала на старом традиционном жилище. Это одноэтажное каменное строение с плоской односкатной земляной крышей; перекрытие основного помещения обычно двойное, двухрядное, т. е. имеет три поперечных прогона — два пристенных и один промежуточный, на которые в два ряда кладутся балки. Основное помещение делится на две части — чистое и очажное отделения, и смежную с ними

¹ И. И. Зарубин, Отчет об этнографических работах в Средней Азии летом 1926 года, «Изв. АН СССР», 6-я серия, 1927, № 5, 6; А. Н. Кондауров, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, М.—Л., 1940; В. Л. Воронина, Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана, «Сов. этнография», 1953, № 3; М. Хамиджанова, Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли, Автореферат канд. дисс., Душанбе, 1965 (рукопись диссертации хранится в библиотеке Таджикского гос. ун-та им. В. И. Ленина); «Народы Средней Азии и Казахстана», I (серия «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1962).

² Материал собирался во время экспедиций в этот район этнографических отрядов Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР в 1957—1962, 1965 и 1966 гг.

часть, названную нами прихожей: только через нее можно попасть с улицы в два упомянутых выше основные отделения.

Между очажным отделением и остальной частью жилища строится капитальная стена, в которой имеется небольшой проем (проход). Иногда стеной отгораживают и чистое отделение, причем проем здесь значительно больше, чем в очажном отделении — высотой во всю стену и шириной до ее половины. Перегородки создают впечатление, что жилище состоит из двух, иногда из трех комнат. Изредка в связи с неров-

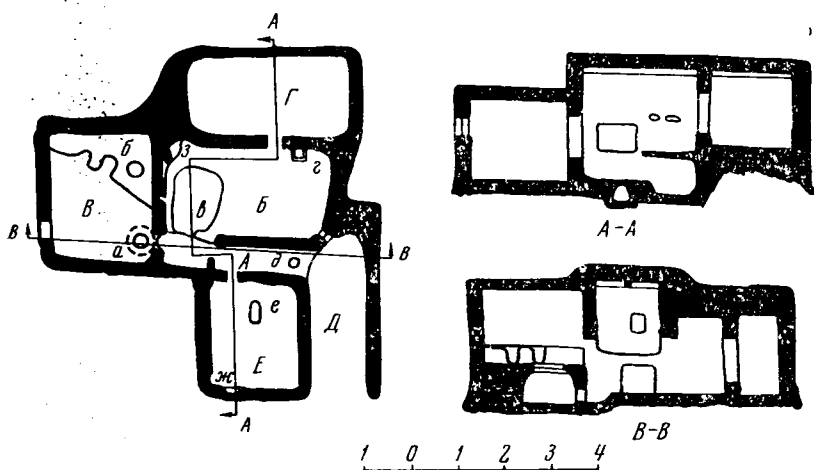

Рис. 1. План и разрезы восточного варианта старого традиционного жилища, дом Нунова Касима, к. Бидев (Ягноб); А — прихожая — *куча*; Б — чистое отделение — *канна*; В — очажное отделение — *мур*; Г — кладовая — *пстик*; Д — веранда — *фарвор*; Е — помещение нового вида — *хучра*; а — очаг — *инкир*, вкопанный в полу; б — возвышение с очагом на полу мур; в — ниша для дров в толще пола канны; г — яма для педалей ткацкого станка; д — яма-поглотитель — *тахоратхона*; е — яма-зернохранилище — *чагора*; ж — свето-дымовое отверстие — *руча*; з — ниша-углубление в стене — *чорах*

ностями горного рельефа отдельные части жилища конструктивно не представляют собой одного помещения. В действительности же все три отделения являются неотъемлемыми слагаемыми единого целого жилого помещения традиционного жилища. Они связаны друг с другом единством назначения. Существование же перегородок объясняется функциональной необходимостью.

Очажное отделение обычно расположено ближе к выходу, поэтому его считают нижней половиной жилища. Сюда же включается и прихожая. Чистое отделение называют верхней половиной жилища. В тех домах, где имеется промежуточный прогон перекрытия, он служит линией, разделяющей жилище на нижнюю и верхнюю половины.

Очажное отделение — важнейшая часть жилища, оно служит дымарем и кухней. Кроме того, очажное отделение используется как зимнее жилье: здесь зимой едят, занимаются домашними делами, отдыхают и спят. Хотя, как уже было сказано, по всему Верхнему Зеравшану традиционное жилище в основных чертах едино, однако в отдельных районах отмечены локальные особенности, которые проявляются в устройстве очажного отделения, в количестве и форме очагов и в некоторых других деталях. Нами выделено два основных варианта: восточный (Ягноб, Фан, Матча и Фальгар) и западный (Кштут, Шинг, Магиан, Пенджикент с его окрестными кишлаками и Офтобруя). Восточный вариант традиционного жилища больше всего сохранился в Ягнобе, а западный в Кштуте. Поэтому первый мы назовем ягнобским, а второй — кштутским.

Восточный (ягнобский) вариант (рис. 1). По-ягнобски жилище называется *кат*, его очажное отделение — *мур*, чистое отделение — *канна*, прихожая — *куча*, кладовая — *пстик* и веранда — *фарвор*, *долун*. У таджикоязычных ягнобцев (кишлак

Хшартоб) жилище называется *хона*, очажное отделение — *мури*, чистое отделение — *руй боло*, прихожая — *кучаги* кладовая — *казнок* — веранда — *айвон*, *долон*.

Очажное отделение (*мури*) ягнобского варианта (рис. 2) имеет пол, представляющий собой возвышение-лежанку: он приподнят относительно пола примыкающей к нему прихожей на 70—80 см, на высоту очага — *инкир* (рис. 2, 1, 2), который вкопан прямо у входа так, что слегка выступают только его края (рис. 2, 3). Это обычно низенькое

Рис. 2. Очаг и очажное отделение восточного варианта старого традиционного жилища к. Думзой (Ягноб); 1 — универсальный очаг — *инкир* (на этом экземпляре отсутствуют две шишки — *чица*, которые наклепываются по бокам нижнего выреза); 2 — половина инкира; 3 — внутренность мур; 4 — вид на мур изнутри жилища

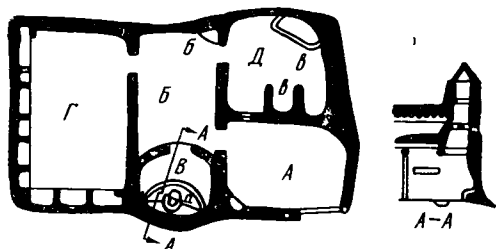
(150—160 см), почти квадратное в плане небольшое помещение (длиной и шириной около трех метров) часто с неровными углами и линиями стен. Задней и боковыми стенами мур служат стены самого жилища. По переднему краю возвышения также возводится капитальная стена. В этой стене, обычно посередине, имеется небольшой проем (70×80 см). Он начинается от поверхности очажного возвышения. В мур через этот проем входят почти ползком; при этом надо соблюдать осторожность, чтобы не попасть ногой в очаг.

В потолке или в стене под потолком имеется одно (иногда два) небольших (приблизительно 40×40 см) отверстия — *руча* для выхода дыма, через них также поступают свет и воздух.

Прихожая (куча) в ягнобском жилище — это обычно очень узкое (около 1 м в ширину), относительно длинное (до 3 м) помещение, примыкающее к выходу. Оно связывает очажное и чистое отделения. Высота кучи больше, чем остальной части жилища, так как пол здесь ниже, чем в муре и канне.

Чистое отделение и прихожая — смежные помещения. В тех случаях, когда их не разделяет капитальная стена с проемом, они составляют как бы одну комна-

Рис. 3. План и разрез западного варианта старого традиционного жилища. Дом Абуева Азима, к. Вору (Кштут); А — веранда — айвон; Б — прихожая — кавшпарто; В — очажное отделение — мурри (алавхона); Г — чистое отделение — руй боло; Д — кладовая — амбор; а — очаг; б — яма-поглотитель — обрез; в — ларь — хамба; г — ниши на стене — ток

ту, но с разным уровнем пола. Канна обычно имеет 2—3 м в ширину и 3—4 м в длину. Иногда она достигает ширины 4—5 м и длины 6—7 м. Пол канны почти всегда приподнят либо до уровня пола мур, т. е. на 70—80 см выше пола кучи, либо (что бывает чаще) на высоту 15—20 см от уровня пола куча. Под потолком в одной из стен канны, как и в муре, имеется отверстие (иногда несколько) для доступа света и воздуха, которое также называется руча. На полу канны расположено глинобитное возвышение для складывания постельных принадлежностей — *пича*. В ряде случаев тут же находится яма — зернохранилище — *чигора*. Часть пола канны, смежная с прихожей, используется для стряпни. Женщина, работая у очага, стоит на полу куча. Проем в мур очень мал и находится прямо над очагом, вкопанным в его полу. Женщина не имеет возможности пользоваться полом мур: расстилать скатерть для просеивания муки, ставить корыто для замешивания и доску для раскатывания теста и т. д. Для этих целей служит часть пола канна (*нонгеша* — место для раскатывания лепешек) поблизости от куча и мур. Обычно нонгеша никак не отделена от остальной части канны. Только иногда здесь повышают уровень пола или каким-либо другим способом отгораживают эту часть. Стены и пол канны, прилегающие к нонгеша, отводятся под кухонную утварь.

И. И. Зарубин считает канну мужской парадной половиной³. Однако этот вывод не подтверждается нашими данными. Использование части канны для чисто женского занятия — стряпни убедительно опровергает это утверждение. Во всем Верхнем Зеравшане жилище не разделяется на женскую и мужскую половины. А. Н. Кондауров указывает, что в настоящее время чистое отделение используется для различных целей: в качестве летней спальни, для хранения запасов пищи, как место для приготовления теста и подготовки продуктов для варки пищи⁴.

Западный (кштутский вариант) (рис. 3). В ущелье Кштут население таджикоязычное и термины жилища здесь таджикские. Жилище называется *хона*, или *хонаи шиит* (помещения для проживания), или же *хонаи шаҳпули* (помещение с центральным прогоном — *шаҳпул*), чистое отделение — *руи хона* (буквально лицо, верх помещения), очажное отделение — *алавгаҳ* (место для огня) или *алавхона* (помещение для огня), *хобхона* (помещение для сна, спальня), прихожая — *кавшпарто* (место для снятия обуви), *паци дар* (место за дверью), кладовая — *амбор*, веранда — *айвон*.

Как уже отмечалось, варианты традиционного жилища Верхнего Зеравшана отличались друг от друга в основном устройством очажного отделения. Очажное отделение кштутского варианта, как и ягнобского, отделено от остальной части жилища капитальной стеной с небольшим (шириной около 70 см и высотой 1 м) проемом посередине внизу. Отличие кштутского варианта заключается в том, что пол очажного отделения не приподнят, а имеет одинаковый уровень с полом прихожей. Высота очажного отделения в кштутском варианте поэтому больше. Для этого варианта характерны не один

³ И. И. Зарубин, Указ. раб., стр. 352, 353.

⁴ А. Н. Кондауров, Указ. раб., стр. 43 и сл.

универсальный очаг, а два: один для приготовления пищи и второй для печения лепешек (рис. 4). Причем очаги расположены не у входа в очажное отделение, а в глубине, у стены напротив входа, на специальной глинобитной площадке высотой около 40 см. Это позволяет женщинам работать внутри очажного отделения. Специальной площадки и вообще определенного места для стряпни здесь нет. Поэтому скатерть для просеивания муки и другие предметы кладут на полу в каком-нибудь углу. Глинобитное возвышение вдоль одной, а иногда и двух стен в очажном отделении неширокое (40—50 см) и используется только для хранения кухонной утвари.

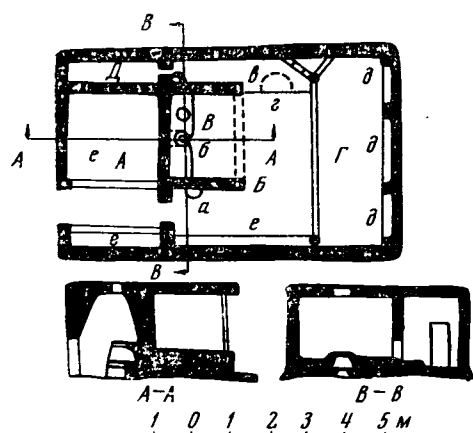

Рис. 4. План и разрезы восточного варианта позднего традиционного жилища. Дом Рахматулаева Х., к. Маргиб (Фан); А — веранда — айвон, Б — прихожая — кучаги; В — очажное отделение — мури; Г — чистое отделение — пасти боло; Д — кладовая — казнок; а — яма-зернохранилище — чагора; б — очаг; в — возвышение для стряпни — ошхона; з — ниша для дров в толще возвышения ошхона; д — стенные ниши — ток; е — глинобитное возвышение — суфа

Отверстие для выхода дыма, доступа света и воздуха — *мури* находится посередине потолка очажного отделения.

Чистое отделение кштутского варианта обычно имеет в плане форму прямоугольника шириной и длиной до трех-четырех метров. Оно отгорожено от прихожей капитальной стеной с входным проемом шириной до 1 м и высотой во всю стену. Приподнятый пол представляет собой ровное сплошное возвышение высотой до 0,5 м относительно уровня пола прихожей и очажного отделения. Так как пол в чистом отделении приподнят, оно ниже, чем другие помещения жилища.

В чистом отделении у одной из стен устанавливается скамейка для складывания постельных принадлежностей — *тахтапо*. Под потолком сделано отверстие для доступа света и воздуха — *ток*. В полу часто имеется яма для хранения зерна — *чо*.

В отличие от ягнобского варианта, чистое отделение кштутского варианта не используется в качестве места для стряпни.

Прихожая в кштутском варианте, как правило, отгорожена от обоих основных отделений жилища и представляет собой как бы самостоятельное помещение. В отличие от ягнобской прихожей, она менее вытянута и имеет относительно большую площадь. На полу здесь часто имеется небольшое глинобитное возвышение для складывания дров — *суфаи хезумгири*. Рядом с ним — яма-поглотитель — *обрез*.

В кштутском варианте двухрядное перекрытие с промежуточным прогоном — явление обычное. Промежуточный прогон приходится обычно на стену-перегородку между верхней и нижней половинами.

Позднее традиционное жилище Верхнего Зеравшана также состоит из одного основного универсального помещения и двух подсобных — кладовой и веранды.

Основное помещение не имеет сплошных стен, разделяющих его на отделения, и представляет собой одно целое (*хонаи якрав*, т. е. целое). Помещение это обычно прямоугольное в плане, реже — квадратное. Перекрытие всегда имеет центральный прогон, по линии которого помещение делится на две половины — верхнюю и нижнюю. Верхняя половина — это модернизированный вариант чистого отделения старого традиционного жилища. Уровень пола здесь выше (до 50 см), чем в прихожей. Существенной новой деталью является *сандали* — широко распространенное в Средней Азии устройство для обогрева, которое в Верхнем Зеравшане начало распространяться приблизительно в середине XIX в. Благодаря сандали верхняя половина используется и зимой.

Нижняя половина делится на очажное отделение и прихожую. Очажное отделение перестает быть зимним жильем, его площадь уменьшается, оно служит теперь дымарем над находящимися под ним очагами.

Устройство очажного отделения в восточном и западном вариантах жилища Верхнего Зеравшана изменялось в соответствии со своеобразием двух указанных выше вариантов старого традиционного жилища. Поэтому каждый вариант и позднего традиционного жилища следует рассматривать отдельно.

Восточный вариант позднего традиционного жилища (рис. 5) является развитием ягнобского варианта. Названия жилища и его частей в основном совпадают с названиями жилища в таджикоязычных ягнобских кишлаках, однако имеются и некоторые отличия. Для обозначения основного помещения, кроме обычного термина *хона*, применяется выражение *хонаи бош* (помещение для пребывания) или *хонаи миенахари*, а в Матче — *хонаи бохари* (помещение с проходом — *хари*). Кладовая называется *казнок*, веранда — *айвон*, а в Матче и *долун*. Нижняя половина основного помещения называется *лаби оштон* (край очага), а верхняя в Матче и Фальгаре — *руи боло*, в Фане — *пасти боло* или *болои суфа*.

Нижняя половина делится на очажное отделение — *мури* и прихожую — *рохрав* (Фальгар, Матча), *кучаги* (Фан).

Очажное отделение позднего традиционного жилища — это уже небольшое возвышение, длиной 2 м, шириной до 1 м и высотой — 60—70 см, где посредине, спереди вмонтирован очаг, над которым устроен дымарь-короб. Оно устраивается у стены. Колпак-дымоход имеет форму прямоугольной в сечении трубы, с вырезом-проемом внизу для доступа к очагу. Очаг в восточном варианте позднего традиционного жилища отличается от старого — в нем появляется клинообразный вырез спереди. По обеим сторонам очага между боковыми стенками дымаря и соответствующими стенами помещения образуются две ниши. В полу ближайшей к выходу ниши устраивается яма-поглотитель — *ташнов*. Ее перекрытие служит местом для складывания дров — *хезум-гири*. На стенках дальней от входа ниши развешивается кухонная утварь, а пол ее является частью глинобитного возвышения для стряпни, длиной 2—3 м, шириной 2 м и высотой, равной возвышению верхней половины жилища. Оно устраивается на нижней половине жилища, другим концом доходит до верхней половины и сливается с ней. Возвышение для стряпни называется в Верхней Матче *кавдунгари* (вероятно искаженное таджикское *кайвонугари* — стряпня или место для стряпни), в остальной части Матчи, в Фальгаре и Фане — *тахтахона*, или сокращенно *тахона* (место доски для раскатывания теста — *тахта*).

Западный вариант позднего традиционного жилища (рис. 6), является развитием кштутского варианта старого традиционного жилища. Здесь сохранились старые названия жилища и его частей. В этом жилище между чистым отделением (верхней половиной) и нижней половиной строится перегородка, идущая от ближайшей к входу стены до центральной колонны перекрытия и называемая *нимта* (половина). По-видимому, ее воздвигают для того, чтобы не дать холодному воздуху проникнуть из двери в чистое отделение. В тех домах, где чистое отделение не находится против входа, такая перегородка может отсутствовать.

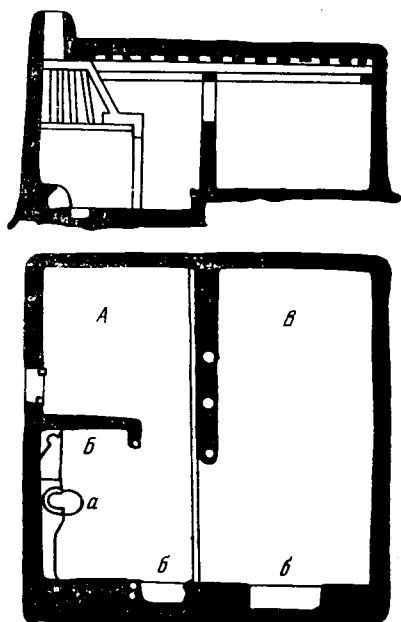

Рис. 5. План и разрез западного варианта позднего традиционного жилища. Дом Хасановой Муслимы, к. Вору (Кштут); А — прихожая — *кавишпарто*; Б — очажное отделение — *мури*; В — чистое отделение — *руи хона*; а — очаг для приготовления пищи; б — стенные ниши

Очажное отделение устраивается у примыкающей к выходу стены. Вдоль нее тянется возвышение, в котором находятся очаги. В 2 м от этой стены, а иногда и дальше, возводится перегородка, в большинстве случаев соединяющая противоположные стены. Когда эта перегородка бывает короче, строится еще и боковая стенка очажного отделения. Поскольку очажное отделение уже не служит зимним жильем, его площадь значительно уменьшилась.

В позднем традиционном жилище западного варианта, как и в старом, отсутствует специальное место для стряпни.

В прихожей располагается яма-поглотитель, которая встречается почти во всех домах, и имеется место для складывания дров — *хезумгири*; иногда для этой цели делается небольшая глинобитная площадка — *суфай хезумгири*.

Трансформация старого вида традиционного жилища в поздний является, несомненно, результатом культурного развития населения Верхнего Зеравшана.

Что же послужило непосредственной причиной, вызвавшей изменения в структуре и планировке жилища? Существенным новшеством для позднего вида является *сандали*, устраиваемый в чистом отделении (верхней половине). Для него используется бездымный жар из очага, в котором варится пища или пекутся лепешки. Сандали позволяет, согреть ноги и тело, дышать чистым воздухом. Благодаря ему эта часть помещения служит жильем в течение всего года. После появления сандали очажное отделение еще некоторое время строилось так, чтобы там могли спать дети и старики. Особенно долго сохранялось в жилище западного варианта очажное отделение значительных размеров, которое использовали как кухню.

Требуется более подробное обоснование правомерности объединения жилища всего Верхнего Зеравшана в один тип с разделением его на два вида — старый и поздний. По отношению к жилищу западного варианта такой подход не вызывает сомнения: старый и поздний виды этого варианта по устройству и планировке внешне довольно схожи. Причем оба вида кштутского традиционного жилища встречаются рядом в одних и тех же кишлаках.

В жилище восточного варианта очажное отделение старого вида представляет собой комнату (ягнобский мур), а в позднем жилище это только очаг с дымарем-коробом (мури Фана, Матчи, Фальгара). Следует также отметить, что там, где сохранился старый вид традиционного жилища, не встречается поздний вид (Ягноб); там же, где распространен поздний вид, не обнаружено старого традиционного жилища (Фан, Матча, Фальгар).

Несмотря на все это, заключение о генетическом единстве этих двух видов жилища восточного варианта представляется нам верным. Такого же мнения придерживается И. И. Зарубин, также относивший жилище Ягноба, Фана, Матчи и Фальгара к одному общему типу⁵. Для нас важно замечание И. И. Зарубина о том, что очажное отделение в верхних частях долины (как можно догадаться по контексту — в Верхней Матче и Фане) имеет значительные размеры и «...служит обычным местом пребывания для женщин и детей, составляя основную часть жилища»⁶.

Таким образом, лет сорок назад в жилище Фана и Матчи очажное отделение еще не превратилось в дымарь, хотя оно уже не служило полноценным зимним жильем — в нем спали не все члены семьи, а только дети и женщины. Жилище с таким очажным отделением, несомненно, является промежуточным звеном между старым и поздним видами, причем в том районе, где нам не удалось зафиксировать старое традиционное жилище.

Генетическое родство этих двух видов очажного отделения признает и В. Л. Воронина, но она считает, что очажное отделение-комната развилось из очажного отделения-дымаря только в Ягнобе из-за суровой зимы⁷. Такая точка зрения, по-видимому, неправильна. Об этом говорит, в первую очередь, приведенное И. И. Зарубиным свидетельство о существовании очажного отделения, почти схожего с ягнобским, за пределами Ягноба — в других местах распространения жилища восточного варианта, а также факт существования очажного отделения такого типа в Кштуте, где зима далеко не такая суровая.

⁵ И. И. З а р у б и н, Указ. раб., стр. 352.

⁶ Там же.

⁷ В. Л. В о р о н и н а, Указ. раб., стр. 184.

Почему же восточный вариант старого традиционного жилища сохранился только в Ягнобе и совершенно отсутствует в остальных местах распространения жилища восточного варианта? Ягнобцы были изолированы не только труднодоступными горными хребтами; из-за отличий в языке, а в недавнем прошлом, возможно, и в религии, их контакты с окружающим населением были ограничены. Это препятствовало проникновению в Ягноб новшеств, появившихся у соседей, в том числе и сандалей, который способствовал развитию жилища позднего вида. Социальные причины усугублялись природно-климатическими условиями Ягноба. Возможно, что недостаток дерева затруднял применение сандалей и делало более выгодным пользование ягнобским очагом, который топят кизяком.

По-видимому, процесс трансформации старого традиционного жилища в позднее в Верхнем Зеравшане начался задолго до присоединения этого района к русским владениям в Средней Азии, возможно еще в начале или середине XIX в., но так полностью и не завершился до наших дней.

Несколько слов о параллелях верхнезеравшанского жилища с жилищем других районов Таджикистана и Средней Азии, а также об ареалах этого типа жилища. И. И. Зарубин, один из первых исследователей жилища Верхнего Зеравшана, считает, что этот тип отличается от жилища как равнинной части Средней Азии, так и памирско-гиндукушской культурной области. В то же время, по его мнению, наличие очага внутри помещения сближает с памирским жилищем Верхнего Зеравшана и отличает его от равнинного, где внутри жилого помещения нет очагов⁸.

В. Л. Воронина также выделяет жилище Верхнего Зеравшана как своеобразный тип, отличный от жилища других районов⁹.

Действительно, между жилищем Верхнего Зеравшана и других горных районов Таджикистана — Припамирья, Дарваза и Каратегина мы находим в основном отличие. Однако было бы неверно считать, что тип жилища, характерный для Верхнего Зеравшана, распространен только в этом горном районе.

Верхний Зеравшан является частью древнего Согда, в который входили долины Зеравшана и Кашкадарьи, а Согд, в свою очередь, вместе с Ферганой (древней Парканой) составлял северную историко-культурную область сложения таджикского народа. Южные горные районы Таджикистана, расположенные в верховьях Амударьи, и ряд других районов в бассейне этой реки объединились в южную историко-культурную область сложения таджикского народа — Бактрию-Тохаристан. Поэтому отличие типа жилища Верховного Зеравшана от жилища соседних южных горных районов является вполне закономерным, как и однотипность его с жилищем районов, составляющих северную историко-культурную область. Именно такой взгляд делает необходимыми поиски характерных черт верхнезеравшанского жилища в районах (как горных, так и равнинных), составляющих вместе с ним единую историко-культурную область.

Н. А. Кисляков указывает, что объединяющая черта жилищ районов северной области — преобладание жилища с камином¹⁰.

Камин, или очаг с дымоходом (повсеместно называемый *мурӣ*), является далеко не единственной общей чертой жилища районов северной области. Как сообщает А. К. Писарчик, в Фергане в хозяйственных постройках городов, жилых домах кишлаков, а в старину и в жилых домах городов применялось двойное перекрытие крыши: поперек или вдоль помещения клался прогон — *хари*, на него опирались открытые балки потолка, противоположные концы которых лежали на верхней обвязке стены¹¹. Е. М. Пещерева, свидетельствует, что такая конструкция перекрытия, называемая *дупушиш*, применялась для хозяйственных построек и ремесленных мастерских во всей Фергане и в тех районах, которые некогда составляли Согд¹².

⁸ И. И. Зарубин, Указ. раб., стр. 352—353.

⁹ В. Л. Воронина, Указ. раб., стр. 183.

¹⁰ «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 534.

¹¹ А. К. Писарчик, Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX в., «Среднеазиатский этнографический сборник», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXI, М., 1954, стр. 274.

¹² Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева и С. П. Русаякина, Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, М.—Л., 1954, стр. 116.

Много общего во внутренней планировке и устройстве жилища районов северной области, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные. Прежде всего отметим, что только старое, традиционное жилище может представлять этнографическое лицо того или иного района. Наиболее характерными для традиционного жилища являются его внутренняя планировка и устройство, хотя показательны и другие моменты. К сожалению, именно эти вопросы до сих пор в литературе освещены очень слабо, так как жилище здесь в основном изучалось в последние десятилетия, когда происходил активный процесс отмирания старого жилища, особенно на равнинах. Это затрудняет решение нашей задачи по установлению аналогии жилища Верхнего Зеравшана с жилищем остальной части долины Зеравшана, Кашкадарьи и Ферганы.

Относительно лучше изучено старое жилище Ферганы. Имеющиеся сведения показывают, что по внутренней планировке оно сходно с восточным вариантом позднего традиционного жилища. По сведениям Е. М. Пещеровой, в Костакозе, в селении Западной Ферганы, жилые дома наиболее старого типа, встречающиеся теперь очень редко, представляют собой одно помещение, прямоугольное в плане, с входной дверью, расположенной в продольной стене, всегда очень близко к углу. Световые проемы в таких домах — это одно или два отверстия неправильной формы, размером 30×30 см, расположенные в стене почти под потолком. Часть комнаты, ближайшая к двери, где уровень пола делается ниже, называется *пойги* или *дахлез*. Часто границу пойги образует бревно, которое кладется поперек помещения. На нем ставится один или два столба, поддерживающих балку потолка. На нижней половине в пойге располагаются яма-поглотитель *обрез* и камин, под коробом которого имеются один или два очага — большой для котла и маленький для кипячения воды. Камин устраивается в продольной стене, против входа или у ближайшей к ней торцевой стены¹³.

Таково же жилище Исфары: «Комнаты разделены на две части невысокой (40 см) деревянной перегородкой *равок*, идущей поперек комнаты, между столбами, поддерживающими главную балку; эта стена тянется примерно на $\frac{2}{3}$ ширины комнаты. Перегородка эта отделяет переднюю часть комнаты *дахлиз*, служащую как бы прихожей, от основной, внутренней ее части *хона*... В полу *дахлиза* устроен *образ*... Характерной особенностью дома являются камины..., в комнатах они располагаются в *дахлизе*»¹⁴.

По материалам В. Л. Ворониной, старое жилище Западной Ферганы — Ура-Тюбе, Ленинабада, Исфары было аналогичным восточному варианту жилища Верхнего Зеравшана¹⁵.

В другой работе В. Л. Воронина пишет о распространении и в Андижане, т. е. в Восточной Фергане, «...домиков из одной комнаты, разделенной прогоном и стойками на переднее и жилое помещения»¹⁶.

Относительно старого жилища остальной (равнинной) части долины Зеравшана сведения имеются лишь в одной неопубликованной работе А. К. Писарчик, и то только по Самарканду¹⁷. Автор указывает, что в конце XIX — начале XX в. в Самарканде жилая ячейка дома состояла из одного помещения — *хона* или одной комнаты и передней — *дахлез*, или из комнаты, передней и айвана. По рассказам старожилов, в середине и начале второй половины XIX в. были очень распространены дома из одного помещения совсем без передней. Часть пола, примыкавшая к выходу, в таком помещении представляла собой прямоугольное углубление, называемое *пога*. На схематическом плане комнаты, который приводится в работе, пога занимает приблизительно одну треть площади. Здесь входящие снимали обувь, здесь же находились яма-погло-

¹³ Н. Н. Ершов и др., Указ. раб., стр. 114.

¹⁴ Н. А. Кисляков, Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков, «Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР», вып. 5, 1954, стр. 51.

¹⁵ В. Л. Воронина, Народная архитектура Северного Таджикистана, М., 1959, стр. 25.

¹⁶ В. Л. Воронина, Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана, стр. 188.

¹⁷ А. К. Писарчик, Самаркандские жилые дома и квартальные мечети XIX—XX вв., Рукопись (хранится в секторе этнографии Ин-та истории им. А. Дониш АН ТаджССР).

титель (*ташнав*) и очаг (*оштон*) с дымоходной трубой над ним, оформленный в виде камина *мури* ¹⁸.

Очень мало сведений в литературе и о старом жилище Кашкадарьи. Описано главным образом новое жилище этого района. Удалось только выявить наличие в старом жилище Кашкадарьи камина (*мури*) ¹⁹.

Несмотря на это, представляется возможным предположить родство старого жилища Кашкадарьи и Верхнего Зеравшана. Основанием для этого служит полное сходство жилища кишлака Фароб, расположенного в истоках Кашкадарьи, с жилищем Верхнего Зеравшана. Население одного квартала этого кишлака составляют выходцы из кишлака Гелан, который расположен значительно ниже по течению Кашкадарьи, чем Фароб. Они до сих пор сохраняют тесные связи со своей прежней родиной. По полученным от них сведениям, в Гелане старое жилище такое же, как в Фаробе, Магнане и других кишлаках западного подрайона Верхнего Зеравшана.

Выше было отмечено сходство жилища Ферганы с восточным вариантом позднего традиционного жилища Верхнего Зеравшана. Бедность материала по жилищу равнинной части долины Зеравшана и долины Кашкадарьи не позволяет с полной уверенностью сопоставить его с определенным вариантом верхнезеравшанского жилища. Все же имеющиеся материалы, а также географическое расположение равнинной части долины Зеравшана и долины Кашкадарьи относительно Верхнего Зеравшана позволяют допустить, что жилище этих районов сходно с западным вариантом позднего традиционного жилища Верхнего Зеравшана.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволили нам провести аналогии, особенно по внутренней планировке и устройству верхнезеравшанского жилища с жилищем других районов, составляющих вместе с Верхним Зеравшаном северную историко-культурную область.

Приведенные, хотя и далеко не исчерпывающие сравнительные сведения, по жилищу северной историко-культурной области позволили нам предположить, что жилище всей этой области, как и в изученном ее районе — в Верхнем Зеравшане, представлено одним типом с двумя вариантами: восточный вариант верхнезеравшанского жилища распространен в Фергане, а западный — в долине Кашкадарьи и равнинной части долины Зеравшана.

Безусловно, жилище северной области имело локальные различия и в каждом из районов распространения его двух основных вариантов. Это обязывает более углубленно изучать старое жилище различных районов этой области. Конечно, процесс отмирания старого жилища, ускорившийся в наше время, весьма затрудняет эту задачу, особенно на равнине. Поэтому изучать старое традиционное жилище целесообразнее в горных районах, где оно в настоящее время лучше сохраняется.

¹⁸ А. К. Писарчик, Самаркандские жилые дома и квартальные мечети XIX—XX вв., стр. 13, 14, 22.

¹⁹ В. Л. Воронина, Материалы по народной архитектуре Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР, «Среднеазиатский этнографический сборник», 2, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XLVII, М., 1959; Н. А. Кисляков, Некоторые материалы по этнографии таджиков верховья Кашка-Дарьи, сб. «Памяти М. С. Андреева», Душанбе, 1960.

С. И. Вайнштейн, Г. А. Остроухов

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ А. М. ОСТРОУХОВА К ПРИКОСОГОЛЬСКИМ ТУВИНЦАМ В 1903 ГОДУ

В конце XIX — начале XX в. в России значительно возрос интерес к этнографическому изучению тувинцев¹. Особенно плодотворной была экспедиция в Туву Ф. Кона, совершенная им по заданию Русского географического общества в 1903—1904 гг.² Однако изучение различных территориальных групп тувинцев велось далеко неравномерно. Собранные к началу XX в. этнографические сведения о тувинцах касались главным образом населения долины Енисея и низовьев Хемчика, а также тоджинцев. Некоторые же территориальные группы тувинцев оставались вне поля зрения исследователей. К таким можно отнести и тувинцев Прикосоголья. И хотя у них в середине XIX в. побывали краевед Пермикин и член Русского географического общества Г. П. Гельмерсен, материалы о бытовых особенностях этой группы тувинцев остались не опубликованными.

Между тем существенным источником для суждения о некоторых сторонах культуры и быта тувинцев Прикосоголья в начале XX в. могут служить материалы, собранные в 1903 г. врачом, членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Алексеем Михайловичем Остроуховым. О своей поездке и ее результатах он рассказал в докладе на заседании Общества. Об этом сообщалось и в печати³. Собрannую во время поездки этнографическую коллекцию, насчитывающую около 200 предметов быта, А. М. Остроухов подарил Антропологическому музею при Московском университете⁴. Впоследствии эта коллекция была передана в Государственный музей этнографии народов СССР в Ленинграде. В 1904 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии присудило А. М. Остроухову серебряную медаль с дипломом⁵.

Дневник экспедиции А. М. Остроухова, содержащий ценные сведения о прикосогольских тувинцах, хранится в личном архиве Г. А. Остроухова — племянника путешественника. Этот дневник содержит 135 страниц убористого текста. В нем приведены самые разнообразные сведения. Рассказывается о физическом облике исследованной группы тувинцев, образе жизни, скотоводстве, использовании в хозяйстве кожаных изделий, одежде, пище, церемониях сватовства, гигиене, погребальном обряде, верованиях и т. д.

По данным А. М. Остроухова, прикосогольские тувинцы разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, в том числе яков-сарлыков. Для транспортных целей использовали не только лошади, но и крупный рогатый скот; бедняки при перекочевках грузили поклажу также на коров.

В пище была особенно велика роль молочных продуктов, причем молоко крупного и мелкого рогатого скота и кобылиц перед употреблением обычно смешивали. Вместо чая малоимущее население использовало настои различных растений — белоголовника, шиповника, коры лиственницы. Хотя прикосогольские тувинцы жили вблизи богатого

¹ С. И. Вайнштейн, Краткая история этнографического изучения тувинцев, «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968, стр. 240—255.

² Ф. Кон, Экспедиция в Сойотию, «За пятьдесят лет», т. 3, М., 1934.

³ См.: «Землеведение», 1904, т. 2, кн. 1, 2; см. также «Русские ведомости», № 338 от 9 декабря 1903 г., «Исторический вестник», т. 95 (№ 21), СПб., 1904, стр. 819.

⁴ Этнографический отдел Антропологического музея МГУ, регистр. список № 18.

⁵ Архив МГУ, ф. 61, оп. 1, лл. 7, 8, 9.

рыбой озера, ловлей ее почти не занимались, лодок не имели. Голод был здесь нередким явлением, А. М. Остроухов сообщает, например, что вблизи Дархоя нашли тувинцев, «едва двигавшихся и питавшихся одной только корой лиственницы» (стр. 89).

Интересные сведения приведены о свадебной обрядности. Помимо «избегания» невестой общения с отцом жениха, А. М. Остроухов наблюдал у прикосогольских тувин-

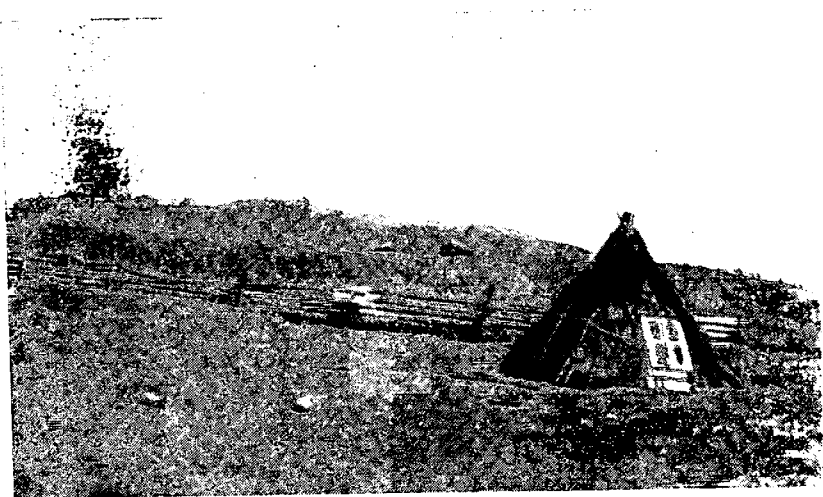

Рис. 1. Чум, покрытый кошмами. Фото А. М. Остроухова 10 июня 1903 г.

Рис. 2. Старик и мальчики 12 и 9 лет у костра. Сзади виден остров Чулун-куй.
Фото А. М. Остроухова 4 июля 1903 г.

цев любопытный обычай: «в течение года невестка ничего не берет непосредственно из рук отца мужа, но берет через другие руки» (стр. 118). Весьма интересно свидетельство А. М. Остроухова о том, что при разводе к отцу переходили мальчики, к матери — девочки (стр. 118). Исследователь ярко описывает тяжелые условия жизни тувинцев в начале XX в., показывает антисанитарные условия, в которых росли дети. Особенно подчеркивает А. М. Остроухов отсутствие квалифицированной медицинской помощи жителям.

Дневник А. М. Остроухова иллюстрирован фотографиями. На одном из снимков мы видим вышедший ныне из употребления чум прикосогольских тувинцев, крытый войлоком, с деревянной дверью. В чумах жили исключительно бедняки, в то время как более обеспеченные скотоводы пользовались юртами. Владельцы чума, изображенного на снимке, как отмечает А. М. Остроухов, были бедняками, совершенно не имевшими скота. На другом снимке сфотографированы старик и два тувинских мальчика в старинной одежде. Любопытно то, что у одного из них виден пояс с нашивными бляхами. Подобные металлические бляхи, восходящие к древнетюркскому времени, были широко распространены у тувинцев еще во второй половине XVIII в.⁶, встречаются они и в погребениях XVII—XVIII вв.⁷, однако ни одного изображения поясов с такими бляхами у тувинцев пока не было обнаружено, так как еще в XIX в. они, видимо, почти полностью вышли из употребления. Указанная фотография, выполненная 4 июля 1903 г. А. М. Остроуховым, является, таким образом, единственным свидетельством сравнительно позднего бытования в Туве поясов с нашивными металлическими бляхами и дает представление о способе их ношения.

Естественно, что А. М. Остроухов, не будучи этнографом и не ставя перед собой задачи детального описания быта и культуры народа, не дал систематического и достаточно полного материала о прикосогольских тувинцах в своем дневнике. Тем не менее даже отрывочные сведения об этой группе тувинцев, приведенные путешественником, представляются нам ценным источником для историко-этнографического изучения тувинского народа.

⁶ Е. Пестерев, Примечания..., «Новые ежемесячные сочинения», т. 80, СПб., 1793, стр. 38.

⁷ В. П. Дьяконова, Поздние археологические памятники на территории Западной Тувы, «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. 2, М.—Л., 1961, рис. 23, 7.

В. А. Гро м о в

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ РАССКАЗА И. С. ТУРГЕНЕВА «БЕЖИН ЛУГ»

«Дело о похождениях разбойников»

Из двух созданных И. С. Тургеневым «шедевров русского художественного фольклоризма», — как определил М. К. Азадовский рассказы «Бежин луг» и «Певцы»¹, исследователь подверг специальному рассмотрению лишь второе произведение, посвятив ему большую статью.

Творческая же история и реальные источники «Бежина луга» до настоящего времени не раскрыты сколько-нибудь убедительно и полно. Поэтому даже в примечаниях к академическому изданию «Записок охотника» один из наиболее социально заостренных и этнографически точных эпизодов антикрепостнического произведения трактуется как рассказ об антихристе².

Чтобы понять, насколько такая трактовка далека от истинного содержания этого эпизода, следует обратиться к «Путевым письмам» известного собирателя фольклора П. И. Якушкина, земляка Тургенева. В письме от 7 апреля 1861 г. среди народных легенд о «благородных разбойниках» приводится рассказ о Тришке³. Н. Л. Бродский впоследствии включил его в сборник «К воле. Крепостное право в народной поэзии» (М., 1911, стр. 100—105) под названием «Разбойник Тришка Сибиряк». Оттуда он перешел, правда, почему-то уже без указания на запись Якушкина, а лишь с отсылкой к названному сборнику Бродского, в известное издание: «Русские народные сказки. Барин и мужик. Редакция и предисловие Ю. М. Соколова» («Academia», М.—Л., 1932, стр. 41—46). С тех пор «Разбойник Тришка Сибиряк» включается и в массовые фольклорные издания как русская народная сказка.

Первоисточником этой легенды как в художественном рассказе Тургенева, так и в этнографическом очерке Якушкина, были реальная русская жизнь 1840—1850-х годов и конкретное историческое лицо того же времени. В. П. Тургенева — мать будущего автора «Записок охотника» — в бытность его студентом Берлинского университета сообщала ему из Спасского-Лутовинова в середине февраля 1839 г.: «Тришка у нас проявился вроде Пугачева — то есть он в Смоленске, а мы трусим в Болхове». Через месяц с небольшим она извещала своего сына, что «Тришку поймали, и слухов более о нем нет»⁴.

«То, что говорят между собой тургеневские мальчики о Тришке..., — писал в 1856 г. анонимный автор забытой рецензии на «Бежин луг», — в некоторых губерниях, например, в Калужской и Рязанской, рассказывается об одном разбойнике, который когда-то уж был, разумеется, в воображении суеверных. Кандалы, говорят там, между прочим, он, бывало, помажет соком, или посыплет порошком разрыв-травы, тряхнет, и они тотчас

¹ М. К. Азадовский, Статьи о литературе и фольклоре, М.—Л., 1960, стр. 398.

² И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Сочинения, т. IV, М.—Л., 1963, стр. 553 (далее ссылка дается в тексте: Соч. с указанием тома и страницы).

³ П. И. Якушкин, Соч., СПб., 1884, стр. 298—303.

⁴ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 795 (И. С. Тургенев), № 92. На сходство разговоров мальчиков из «Бежина луга» о Тришке с фольклорной записью легенды о нем в «Путевых письмах» Якушкина впервые обратил внимание В. Г. Базанов в кн.: «Павел Иванович Якушкин», Орел, 1950, стр. 15—16.

рассыплются золою; иногда его, бывало, ловят, а он вдруг представится в двух совершенно одинаковых видах и бежит в разные стороны: погонятся всегда за его призраком, а настоящий, подлинный разбойник уйдет. Однажды, говорят, он увел с собою из тюрьмы и всех своих товарищей, именно, вот каким образом: разбойники разговаривали между собою, как бы им вырваться из тюрьмы; он говорит им: извольте, я вас выведу из тюрьмы: принесите уголь. Принесли уголь. Он взял, нарисовал на стене лодку и на лодке столько весел, сколько было в тюрьме разбойников. Товарищи смотрят и смеются. «Чего смеетесь,— говорит он им,— садитесь в лодку, беритесь каждый за весло и гребите проворней». Они сели, ударили веслами, запели разбойничью песню: «Вниз по матушке по Волге, по широкому раздолю»; лодка с гребцами помчалась по стене, и они очутились на воле».

Много подобных рассказов бродило в старину. И всем им так искренне, так охотно верили, что никто и не думал противоречить. «Поэтому естественно,— замечал далее безымянный рецензент,— что Ильюша рассказывает положительно, смело, с полным убеждением и настойчивой убедительностью, которая не допускает и тени сомнения. Он даже пристыдил Костю и осмеял всю его деревню за то, что они Тришки не знают. Не знать Тришки — выходит уж не знать ровно ничего, то же, должно быть, что в школе не знать Александра Македонского»⁵.

Фольклорно-этнографическую достоверность ночных разговоров мальчиков у костра на Бежином лугу, который, как отмечено в рассказе, находится «в Чернском уезде, Тульской губернии», подтверждает и архивный документ — «Дело о помещенном в Тульских губернских ведомостях описании города Черни и его уезда, с рассказами о похождениях разбойников». Оно возникло в анналах печально знаменитого цензурного комитета периода «мрачного семилетия» в истории русской литературы и журналистики. Начало дела датировано 10 апреля 1850 г., окончание — 13 апреля того же года. Это цензурное разбирательство предшествовало возвращению Тургенева из-за границы в Россию, в родовую отцовскую усадьбу Чернского уезда Тульской губернии, где был написан рассказ «Певцы» и обдуман творческий план «Бежина луга», осуществленный в самом начале 1851 г. в Петербурге.

В названном документе, который был в апреле 1850 г. представлен на рассмотрение Николая I и получил его одобрительную резолюцию, обращалось внимание на то, что в «Тульских губернских ведомостях» помещено описание г. Черни и его уезда, в которое были включены рассказы о разбойниках Кудеяре и Ваньке Казяеве, обитавших вблизи Черни.

«Комитет далек от мысли,— говорилось там,— чтобы предполагать какое-либо дурное намерение; но смеет однако же думать, что по распространяющейся ныне грамотности между простонародом, лучше было бы не помещать в губернских газетах, читаемых во всех сословиях, описания походов разбойников и их удачества, а тем более безнаказанности злодея, оставившего несметное богатство, зарытое в кладах. Если подобные поверья существуют у нас в народе и живут в сказках и преданиях, то поддержка их не может, однако же, входить в цели правительства, а губернские газеты имеют характер изданий официальных, назначением которых во всяком случае должно бы, кажется, быть распространение одних вещей и понятий полезных или по крайней мере, безвредных, а не таких нелепых басен, особенно же с оставлением их без опровержения...»⁶.

Заключение цензурного комитета по поводу публикации в «Тульских губернских ведомостях» преданий о кладах Кудеяра и похождениях Ваньки Казяева не оставляет ни малейших сомнений в причинах полного изъятия цензурой разговоров, мальчиков о Тришке при первой публикации «Бежина луга» в февральской книжке «Современника» за 1851 г. Положение не спасло и явно маскировочное примечание автора: «В поверье о «Тришке», вероятно, отозвалось сказание об антихристе» (Соч., IV, 1106), по неведению,

⁵ «Журнал для детей. Духовное, нравственное, историческое, естествоиспытательное и литературное чтение, издаваемое М. Чистяковым и А. Разиным», 1856, № 1, январь, стр. 98—100.

⁶ Центральный государственный исторический архив, ф. 1611, оп. 1, ед. хр. 99. Впервые на этот документ обратил внимание В. Базанов в статье «Поэма «Кому на Руси жить хорошо» и крестьянское политическое красноречие», «Русская литература», 1959, № 3, стр. 42 (примеч.).

до сих пор принимаемое в работах о Тургеневе за чистую монету. Пропуск отдельного издания «Записок охотника» в 1852 г. с восстановлением этого и других ранее не пропущенных эпизодов, как известно, стоил цензору князю В. В. Львову отстранения от службы, а Тургеневу — месячного ареста и почти двухлетней ссылки в Спасское-Лутовиново.

«У меня на праздниках,— писал он оттуда 16 (28) января 1853 г. С. Т. Аксакову,— были маскарады: дворовые люди забавлялись; а фабричные с бумажной фабрики брата (из села Тургенево Чернского уезда.— В. Г.) приехали за 15 верст — и представили какую-то, ими самими сочиненную разбойничью драму»⁷.

Из числа фабричных был, как известно, и главный рассказчик о Тришке — двенадцатилетний Идьюша, который вместе «с братом, с Авдюшкой, в лисовщиках» состоял («Соч., IV, 99»). Вполне возможно, что именно от старших рабочих бумажной фабрики он и услышал впервые о похождениях неуловимого Тришки и проникся к нему восхищением и глубокой, искренней симпатией, перенятой, разумеется, опять же от взрослых.

Неподдельное сочувствие народа к «благородным разбойникам» отмечалось и П. И. Якушкиным, и Н. С. Лесковым. «Замечательно, как живуч и как верно повторяется этот тип Дон-Кихота...», — писал Н. С. Лесков. — Рогальский похож на Кармелюка, Кармелюк на Тришку и т. д. У всех один принцип, исповеданный Тришкой в словах: «Богатых разоряем, а бедных наделяем». По закону все они преступники, это так; но, вникая в их психические задачи, нельзя по поводу их не припомнить слишком известной критической статьи И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», по которой Дон-Кихот правильно поставлен стоящим больших симпатий, чем Гамлет. Тришка, Кармелюк и Рогальский не могли смотреть взглядом горюшечного в «Ревизоре», что все же «это так самим богом устроено, и вольторьянцы напрасно против этого восстают, а, как дети степей, живут своей правдою... И вот народ передает деянья их в сказках, воспевают в песнях, выплакивает о них с ярмарочными слепцами под стонущие звуки бандур...»⁸.

Как же тут было пытливым тургеньским мальчикам не потолковать о столь необычном, волнующем воображение человеке, по имени Тришка, у костра, в ночном, на Бежином лугу? Вполне понятно, что и Тургенев никак не мог обойти в своей антиклерикальной книге этот, по определению его земляка Лескова, «любопытный тип новейшего Дон-Кихота».

Уже в рассказе «Певцы» история Моргача, содержащая «темные пятна, места, как выражаются книжники, покрытые глубоким мраком неизвестности», привлекает к себе внимание почти полным совпадением одного эпизода с бытовавшими в Чернском уезде народными рассказами об удалстве Ваньки Казяева — бывшего кучера помещика Казяева. Несмотря на расчетливую осторожность и скрытность Моргача, Тургенев узнал о нем, что он «некогда был кучером у старой бездетной барыни, бежал со вверенной ему тройкой лошадей, пропал целый год и, должно быть, убедившись на деле в невыгодах и бедствиях бродячей жизни, вернулся сам, но уже хромым...» («Соч., IV, 235»). В заключение своей характеристики этого выдавшего вида человека автор замечал, что сынишка Моргача, «воспитанный таким отцом, вероятно, пойдет далеко. «А Моргаченок в отца вышел», — уже и теперь говорят о нем вполголоса старики, сидя на завалинках и толкуя меж собой в летние вечера; и все понимают, что это значит, и уж не прибавляют ни слова» («Соч., IV, 236»).

То, о чем взрослые говорили вполголоса при свете дня или же вовсе предпочитали помалкивать, как раз и стало одним из предметов оживленной детской беседы в ночном. «Содержание Вашего нового рассказа шире, нежели во всех Ваших прочих произведений», — писал Тургеневу о «Бежином луге» Е. М. Феоктистов из Москвы вскоре после получения февральской книжки «Современника» за 1851 г. — Задача была огромная и превосходная <...> Вы взяли наш народ со всеми его таинственными поверьями, суеверием и т. д.»⁹. Следовательно, даже полное изъятие цензурой в журнальной публи-

⁷ И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма, т. II, М.—Л., 1961, стр. 110 (далее ссылка дается в тексте: Письма, с указанием тома и страницы).

⁸ Н. С. Лесков, Наша провинциальная жизнь, «Биржевые ведомости» 1869, 11 ноября, № 307. См. также: Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева, III, М.—Л., 1967, стр. 121.

⁹ Архив Ин-та русской литературы АН СССР, ф. 166 (Л. Н. Майков), ед. хр. 1539, л. 3 об., 4.

кации рассказа эпизода с Тришкой не помешало иным читателям уловить в авторском замысле то, что так настораживало в ту пору официальные власти. Ведь в реальной жизни того времени, чуть только назревала потребность, в каждом селе мог отыскаться свой «питомец Пугачева», как был назван в «Орловских губернских ведомостях» (1846, № 50) один «пробеспокойный человек», который с помощью четырех товарищей, таких же буйнов, успел возмутить остальных. Перепечатав эту статью и снабдив ее подробным комментарием, некрасовский «Современник» в мартовской книжке 1847 г. (отд. IV, стр. 62) с видом недоумения спрашивал: «Что разумеет автор под словами: питомец Пугачева? Был ли то удалец, уцелевший из шайки исторического разбойника, или просто человек, обуреваемый беспокойным духом своеволия?».

Видимо, недаром, односельчане Павлуши приняли за Тришку своего же бочара Вавилу, который «Жбан себе новый купил да на голову пустой жбан и надел» (Соч., IV, стр. 107). Больше всех испугались Тришки те, кто прямо или косвенно был виновником народных бед и страданий: «Староста наш в канаву залез; старостиха в подворотне застряла, благим матом кричит, свою же дворную собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес...» (Соч., IV, стр. 107). Как было ясно видно из приведенных ранее строк письма В. П. Тургеневой к сыну, трусила и мать будущего автора «Бежина луга», когда прослышала о настоящем Тришке.

Коронованный деспот Николай I был надежнее защищен и укрыт, чем какая-то крепостница из сединой России. Но трусил и он, когда налагал одобрительную резолюцию на дело цензурного комитета о промахе «Тульских губернских ведомостей», пропустивших вместе с этнографическим описанием города Черни и его уезда народные рассказы о похождениях разбойников, полные искренней симпатии к их благородству и восхищения их удалством.

Живя с середины июля по конец сентября 1850 г. в родовом поместье своего отца — селе Тургенево Чернского уезда Тульской губернии, куда, конечно, поступала местная газета, писатель едва ли мог пропустить печатавшиеся в ней любопытнейшие сведения об особенностях говора этой округи, вековых суевериях ее поселян, их быте, нравах, привычках, пословицах и поговорках, свадебных и иных песнях, а также преданиях о благородных разбойниках и т. д.

Такого рода фольклорно-этнографические материалы для своих произведений Тургенев чаще всего черпал из первых рук — путем непосредственного изучения народной жизни. Но он умело использовал также и многие другие источники, в том числе печатные. Среди них, несомненно, был и появившийся в пору возникновения замысла «Бежина луга» этнографический очерк «Город Чернь и его уезд», печатавшийся в неофициальной части «Тульских губернских ведомостей» в течение января—февраля (№ 2—6) и августа—сентября (№ 31—35) 1850 г.¹⁰ Автором его был член-корреспондент Тульского губернского статистического комитета штатный смотритель чернских училищ А. Г. Зеленецкий. Помимо великолепного комментария к одному из шедевров русского художественного фольклоризма, этот очерк может служить и как самостоятельное произведение документального жанра, сохраняющее донныне научно-познавательный интерес.

Предания и были Бежина луга

Все те названия деревень, лесов и урочищ, с которыми читатель постоянно сталкивается в «Записках охотника», в 1916 г. упоминались в статье М. А. Щёпкина «Село Спасско-Лутовиново, усадьба И. С. Тургенева». «Вы уже слышите от крестьян на поприществе между Спасским и Тургеневым и вокруг них... «Чаплыгино», «Колотовка» «Варнавицы», и в уме восстают вереницы образов и событий, вызываемые этими именами... Вот и «Бежин луг», на котором заблудившийся после охоты Тургенев, лежа под обглоданным кустиком, изучал бесхитростное, полное чарующей прелести мирозерцание крестьянских детей... Вот и «Колотовка», где в «Приютинном» происходило знаменитое состязание певцов и где автор подметил у русского народа чувство высшей эстетической красоты...»¹¹.

В последний приезд на Родину летом 1881 г. Тургенев, по сcheidательству Е. Гаршина, «откровенно заявлял, что ему ужасно не хочется оставлять Спасского и вообще

¹⁰ Далее в тексте указываются номер газеты и страница.

¹¹ «Исторический вестник», 1916, № 2, стр. 558.

Россию». Когда в один из праздничных дней во дворе усадьбы собралась по приглашению писателя «громкая толпа стариков, взрослых, женщин и детей» из нескольких деревень и «начались хороводы и пляски», то Иван Сергеевич «всем одинаково восхищался и видно было, что в нем, под влиянием этого широкого веселья, говорила истинно русская кровь; и действительно, обратившись к нам,—вспоминал Е. Гаршин,—он, показав рукой на веселящихся (после обеда мы сидели на балконе), сказал:

— И про меня говорят, что я не люблю России и русских!.. Для меня это высокое наслаждение, лучше всякой оперы и чего хотите.

А в воздухе громко раздавалось: «Сергеевич, воротись, голубчик, наш воротись!...»¹². Он еще в юности, чуть бывало слышит в деревне песни, вместе с дворовым Иваном Кубышкиным «исчезал из дома в ореховые кусты, густо росшие в то время между сараем и деревней, близ которых деревенские девушки водили хоровод.

Там Иван Сергеевич ложился ничком, подслушивал и записывал слова песен. Там иногда удавалось ему быть свидетелем сцен, которые он помещал впоследствии в своих сочинениях»¹³.

Вот почему для правильного понимания многих произведений И. С. Тургенева большое значение имеет современный им конкретный фольклорно-этнографический материал.

На эту диалектическую взаимосвязь своего творчества с реальной жизнью не раз указывал сам Тургенев. О ней он говорил и в последний приезд на родину, прогуливаясь по спасскому парку с Е. Гаршиным, который вскоре после его смерти писал: «Мне почему-то вспомнилась заключительная сцена «Певцов» и я вполне пропел это прелестное восклицание «Антропка, Антропка-а». Иван Сергеевич как-то восторженно весь, точно будто сразу надвинули на него свежие, молодые воспоминания, и он сказал:

— Ведь вот говорят творчество это такая громадная сила, а между тем создайте вы сами из себя все эти превосходные места, которые навсегда запечатлеваются в памяти читателей и всеми признаются за шедевры. Ведь я же не выдумал этого Антропку. Ведь я в самом деле слышал, как они перекликались. И в конце концов мастерство художника в этом и состоит, чтобы суметь принаблюдать явление в жизни, и затем уже это действительное явление представить в художественных образах»¹⁴.

Не выдумал Тургенев и мальчиков в ночном, их непринужденные разговоры, а также самый Бежин луг. Жизненную достоверность рассказа и нарисованных в нем характеров подтвердила, например, зная автора «Записок охотника» с ранних лет бывшая крепостная Тургеневых В. А. Невзорова, отец которой был одним из дворовых в Спасском-Лутовинове. «Почтенная старушка,— писала о В. А. Невзоровой, урожденной Ивановой, газета «Урал» в 1899 г. (692, 11 июня),— знает Бежин луг и читала о нем творение писателя, о чем без слез не может говорить. Она уверяет, что это не описание, а прямо картина Бежина луга. «Кто видел его,— говорит она,— тот лучше Ивана Сергеевича не опишет, не передаст этой местности. Я и мальчишек-то всех помню тех, о которых писал Иван Сергеевич, точно живые стоят передо мной».

Более конкретные представления о том времени и той реальной среде, которые нашли художественное воплощение в рассказе «Бежин луг», дает уже упомянутый нами этнографический очерк А. Г. Зеленецкого.

Благосостояние жителей Чернского уезда, как самих помещиков, так и крестьян, зависело прежде всего от урожая. Следовательно, делал вывод Зеленецкий, хлебопашество было основным, если не единственным источником богатства уезда, где, правда, по реке Снежети, особенно в деревне Ветрово, добывалась гsrшенная глина, из которой крестьяне выделывали горшки и прочую посуду и вели «весьма значительный промысел, сбывая товар свой даже в соседних уездах». Кроме того, по всему Чернскому уезду насчитывалось в ту пору 14 «фабрик и заводов», в том числе в селе Тургеневе бумажная и в селе Спасском на Зуше бумагопрядильная фабрики. Вот почему, по статистическим данным 1848 г., среди населения уезда «мастеровых и рабочих людей находилось 861 человек» на 86 834 жителя, из которых помещичьих крестьян было 72 707, т. е.

¹² Е. Гаршин, В имени И. С. Тургенева, «Нива», 1883, № 42, стр. 1007.

¹³ О. Аргамкова, Семейство Тургеневых (Отрывок из воспоминаний), «Исторический вестник», 1884, № 2, стр. 335.

¹⁴ Е. Гаршин, Воспоминания об И. С. Тургеневе, «Исторический вестник», 1883, № 11, стр. 384.

подавляющее большинство. Примерно на троих жителей приходилась одна лошадь. А всего по уезду насчитывалось в ту пору 29 218 лошадей (№ 2, стр. 8).

«Крестьянин,— писал Зеленецкий,— преимущественно занимается хлебопашеством. У крестьянина топор, а у жены его игла есть единственный инструмент для всех подделок домашнего быта. Крестьянин трудится целый год. Труд — его занятие и развлечение» (№ 5, стр. 20).

Для крестьянских детей ночное было разновидностью барщины, хотя и несколько опозитизированной самой обстановкой и частично смягченной временной независимостью от старших. Но если это и доставляло ребятам удовольствие, то все-таки для большинства из них выезд в ночное был не просто приятным времяпрепровождением, а прежде всего необходимостью, которая диктовалась экономическими условиями сельского быта: взрослые крестьяне с утра и до ночи работали на лошадях, ночью же надо было отдохнуть и набраться новых сил для нового трудового дня и тем и другим. Дети тут были незаменимыми помощниками и встретить их в ночном сидящими гурьбой у костра было обычным делом. Неизмеримо труднее оказалось бы застать их вместе в какой-либо другой обстановке и столь внимательно вникнуть во все то, что переполняло их души.

В школу ребята не ходили. Тульский статистик Зеленецкий в своем очерке с горечью констатировал, что «в помещичьих имениях, и даже нигде в целом уезде, к сожалению, доселе нет учебных школ, кроме одной, близ города, для казенных крестьянских мальчиков. Между тем давно уже замечено, что крестьяне охотно бы отдавали своих детей в школы, если бы они были заведены; тем более, что некоторые из них (крестьян.— В. Г.), привозя детей своих из дальних мест уезда, верст за 40 и более, помещают их в городском приходском училище и даже в уездном; а другие обучают у церковного причта или у своих земских. Заведение школ в уезде было бы благодеянием для крестьян» (№ 33, стр. 160—161).

В устах Зеленецкого эта мысль звучит тем более искренно и достоверно, что чуть ли не половина его обширного очерка посвящена описанию того, что было прямым следствием непросвещенности крестьянского ума и сердца. Характеризуя «вековые суеверия поселян», он начинает с того, что, по их убеждениям, «в воде живут водяные, а особенно под мельницами, в домах — домовые, в лесах — лешие. Поселяне вообще боятся купаться после заката солнца: «какое теперь купанье, теперь зажил водяной!» Самое опасное время для купанья — неделя перед днем Ильи пророка: в это время, говорят они, водяной ищет себе жертв. Они также говорят, что водяной не любит, чтобы кто-либо побеспокоил его сон свистом; если свистящий плывет в лодке, он опрокидывает лодку и увлекает пловца на дно; если он идет по берегу, водяной хватает его с берега...

Домовые также играют не меньшую роль на сцене своего демонологического театра у поселян.

Крестьянин, покупая домашний скот, соображает с цветом шерсти покупаемых: нравится ли он (т. е. цвет.— В. Г.) домовому того дома, где живет он, или нет. Цвет шерсти, противный домовому, поселяне зовут цветом не по двору; цвет же, приятный ему, называют любимым...

Лешие гораздо меньше имеют силы над грешною природою человека, нежели как два первые (т. е. водяные и домовые.— В. Г.), и следовательно, не так опасны для него. По мнению поселян, это суть оборотни, принимающие на себя различные виды, как-то: человека, свиньи, зайца, кошки и т. п., и бывшие первоначально людьми, но обращенные, силою чар знахаря-колдуна, в какое-нибудь животное,— живут в лесах. Говорят, что они даже любят человека, стараются с ним встретиться, особенно на перекрестках дорог или в лесу, разговаривают с ним под видом знакомых; но вспомянув, наконец, долг свой, на который осуждены, они заводят человека в незнакомое, дурное, как говорят, место в овраг или чашу леса, и тотчас скрываются и исчезают. Почему крестьяне места такие, где кому-нибудь из них приходилось сбиваться с дороги, особенно в зимнее время, называют местами дурными.

Лесное эхо, отвечающее на свист или крик человека, селяне называют лешим, тешащимся над человеком и передразнивающим его.

Крик голодной совы, в лесу в морозную лунную ночь, подражающий крику животных, как-то: ...лошади, собаке, петуху или кошке, они почитают за лешего.

запущенного. Отчего крестьянин в лес этот, хотя бы ему нечем было истопить избы, или осветиться, ни за что не пойдет ночью...

За всем тем, крестьянин все-таки имеет свое материальное средство от нечистой силы. Старухи или старики, травоведы верят, что нечистый дух боится не одного лада-на: кто при себе носит траву «чертополог», того он не посмеет коснуться.

Гроном и молнией, по мнению поселян, управляет Илья Пророк. Он ездит на огненной колеснице, везомой парю огненных коней. От колесницы происходит гром, а от красного платка, находящегося в руках Пророка, рождается молния. Стрелами громовыми он поражает нечистую силу. Крестьяне, при сильном громовом ударе, кладут крестное знамение и творят молитвы. Огненные воздушные явления они почитают за летучих змей, посещающих женщин в отсутствие их мужей, и потому при появлении их говорят: «Аминь, аминь, рассыпся!» Падающие звезды считают предвестниками смерти какого-нибудь родного или знакомого того села или деревни, куда упала звезда. Затмение солнца или луны, также явление на небе звезды с хвостом служит худым предзнаменованием.

Звезды на небе, по мнению поселян, суть ангелы божии, покровительствующие сельским работам. Солнце считают оком Божиим. О красном солнце говорят: «Худое лето, когда солнца нету!» Между крестьянами существует поверье, что старый месяц бог крошит на звезды. Пятна на луне означают Каина и Авеля, перенесенных на нее богом. Млечный путь одни из поселян называют дорогой в Киев и Иерусалим, другие дорогою татар на святую Русь и, наконец, Батыевою, который, желая покорить свет, по мнению их, шел по этой дороге, но, дойдя до моря, остановился и далее не пошел. Земля, по понятию поселян, основана на двух больших китах, а там, где земля с небом сходится, конец света...» (№ 32, стр. 155—156).

Суеверия подобного рода были свойственны не только крестьянам. Так, Тургенев уже в 1882 г. подробно рассказывал своим юным соотечественницам, обучавшимся у Полины Виардо, о «суеверии отца, о его боязни домовых, которых от времени до времени изгоняли из усадьбы. Приходил священник, освящал все углы в обширном доме. Это происходило в поздние вечерние часы, и Иван Сергеевич, — как вспоминала позднее его слова С. Ромм, — испытывал сильный страх, идя вслед за отцом и батюшкой по всему большому дому, при колеблющемся пламени свечей. Иван Сергеевич рассказывал, что он, не видевший никогда домовых, по ночам ожидал их появления, силась не засыпать»¹⁵.

Как справедливо заметил А. В. Луначарский, «тяжелый уклад помещичьей семьи часто ставил нелюбимых сыновей отцов-деспотов (например, Некрасова) или матерей-тиранов (например, Тургенева) в положение угнетенных, тем самым как бы поставленных в большую близость к рабам, чем к господам»¹⁶. С простонародным бытом и устно-поэтическим творчеством Тургенев встречался с детских лет не только во время самовольных отлучек из дому, за которые ему частенько попадало, но и в самом «родительском ковчеге», как называл Я. П. Полонский главный усадебный дом в Спасском-Лутовинове. «Стоит только вообразить себе, — писал он о той среде, в какой рос будущий художник слова, — сколько двуногих существ там жило на господском иждивении, усердствовало, подслушивало, шушукалось, сплетничало, лестило и интриговало, молодело и старилось! Сколько поверий, преданий, сказок, прибауток, пословиц, прозвищ говорилось и выслушивалось! Сколько гаданий, суеверных страхов, мелких страстей и всяких иных ощущений волновало и разнообразило этот крепостной мирок, это маленькое государство, — стоит только это вообразить себе, чтоб тотчас же, невольно подумать: сколько пищи или материала давал этот дом для наблюдательности и памяти впечатлительного ребенка, будущего писателя!»¹⁷.

Недаром в устных рассказах Тургенева юным собеседницам писателя — русским ученицам Полины Виардо — «о своем детстве, о строгости матери, о своих играх с деревенскими мальчиками» слышались отклики «Записок охотника»¹⁸.

¹⁵ С. Ромм, Из далекого прошлого. Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе, «Вестник Европы», 1916, № 12, стр. 104—105.

¹⁶ А. В. Луначарский, Собрание сочинений в восьми томах, т. I, М., 1963, стр. 280.

¹⁷ Я. П. Полонский, И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину, в кн.: Я. П. Полонский, На высотах спиритизма, СПб., 1889, стр. 497—498.

¹⁸ С. Ромм, Указ. раб., стр. 104.

«Западник» Тургенев, как он сам именовал себя во вступлении к «Литературным и житейским воспоминаниям», объясняя происхождение «Записок охотника» и той «части русского духа, которая в них замечается», там же с полной убежденностью заявлял, что «нас хоть в семи водах мой,—нашей, русской сути из нас не вывести. Да и что бы мы были, в противном случае, за плохонький народец!» (Соч., XIV стр. 9—10).

В поэтических образах крестьянских детей автор «Записок охотника» прежде всего увидел и с большой художественной силой и искренней любовью воссоздал «частицу русского духа», «русской сути», которые с ранних лет были органически свойственны и ему самому.

Вот это-то родство «крепостных душ» с лучшими людьми из дворян — и в понимании прекрасного, как в человеке, так и в природе, и в умении выразить сложный мир своих мыслей и чувств средствами истинной народной поэзии, и в неизжитых предрассудках, «суевериях моей милой родины» — убеждало Тургенева, а затем, благодаря ему, и читателей «Бежина луга» в громадных возможностях духовного развития угнетенного народа, в необходимости его освобождения от помещичьего гнета.

Тургенев потому столь решительно и отверг совет Феокистова придать «Бежину лугу» «какой-нибудь фантастический характер», что «это не немецкие мальчики сошлись — а русские» (Письма, II, стр. 22). В русском же человеке, по его убеждению, вы сказанному в рецензии на «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского» (В. И. Даля), «таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития...» (Соч., I, стр. 300—301). Фольклор, подобно языку, был для Тургенева одним из главных выразителей духовных сил народа ¹⁹.

¹⁹ См. Т. И. Орнатская, Фольклористические интересы Тургенева, «Тургеневский сборник. Материалы к „Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева“» IV, Л., 1968, стр. 240—250.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. Н. Садовская

У ПОРОГА КОРРИДЫ

«Милостивый государы! Бой быков все еще пользуется фавором в Испании...», — писал Проспер Мериме в 1830 г. редактору «Ла Ревю де Пари»¹.

В то время, когда проницательный французский литератор с некоторым удивлением отмечал живучесть этого необычайного зрелища, цирки Испании были полны народу. На аренах царил Франсиско Монтес — один из самых отважных и интеллектуальных тореро, творческий гений которого реформировал и создал многие классические приемы корриды. И все же... Иностранцев да и многих просвещенных испанцев не оставляло ощущение некоторой атавистичности этого зрелища, его несовместимости с понятной ясностью окружения, чувство удивления по поводу того, что оно существует. Это удивление, как тень, сопровождает корриду и сейчас, рождая настоянные «почему?», в то время как бездумная толпа продолжает кричать «оле!» вокруг залитых солнцем песчаных арен².

* * *

В 1775 г. в стене старинного деревенского дома в Клунии был обнаружен камень с непонятной надписью и рельефным изображением. На камне были высечены фигуры довольно понурого бычка и стоящего против него человека с мечом и большим круглым щитом. Надпись была признана иберийской, поэтому камень датировали приблизительно II тысячелетием до н. э. Само изображение вызвало много толков среди ученых, и некоторые увидели в нем возможное доказательство местного и очень древнего происхождения корриды.

В конце XIX в., через сто лет после находки «клунийского камня» Георг Шлиман начинает раскопки на Пелопоннесе. Артур Эванс в 1890—1920-х годах открывает удивительный мир доэллинического Крита, в искусстве которого (3000—1200 гг. до н. э.) почетное место отводится образу быка. Изображения быка, приносимого в жертву, сосуды для культовых возлияний в форме бычьих голов, алтари с жертвенными рогами — все это говорило о том, что бык, несомненно, был здесь предметом поклонения. На фресках дворцов в Кноссе и в Агия-Триаде (Крит), в Тирифе (Микены), на сосудах из деревни Вафио (Спарга), на печатках колец, в мелкой пластике из слоновой кости, бронзы, серебра и глины мы встре-

¹ Проспер Мериме, Избр. соч., т. II, М., 1957, стр. 93.

² В Испании более 400 арен. В Мадриде и Барселоне они собирают до 30 тыс. зрителей. Коррида завоевала и Латинскую Америку. В Мехико построена арена с 50 тыс. мест.

чаемся с изображением удивительных по мастерству и рискованности игр с быками.

На одной из стен тронного зала кносского дворца изображен почти в натуральную величину огромный скачущий бык и три акробата — юноша и две девушки с перетянутыми талиями и длинными волосами. Одна из девушек повисла на рогах быка, другая, вытянув руки, ждет акробата, делающего сальто на спине животного. Эванс реконструировал на основании сопоставления множества изображений последовательность движений акробатов. Пользуясь его схемой, А. Н. Дальский описывает их так: «Навстречу стоящему на арене акробату стремительно мчится «летучим галопом» бык. В тот момент, когда он склоняет свою голову, чтобы пронзить рогами стоящую перед ним фигуру, акробат пропускает у себя под руками рога быка и моментально повисает на них как на параллельных брусках. Затем он, ухватившись руками за рога быка, толчком отрывается от земли и закидывает ноги и корпус вверх. Бык, не встречая на своем пути сопротивления, пронесется дальше, неся на своих рогах акробата. Чувствуя тяжесть человеческой фигуры, которая клонит голову быка книзу, животное поднимает голову с находящейся на его рогах

Рис. 1. Прославленный магадор Антонио Ордоньес — герой повести Э. Хемингуэя «Опасное лето»

фигурой акробата. В следующий момент... перегнувшись фигура акробата касается ногами спины животного... Затем акробат, крепко упираясь ногами в спину животного, отрывается от рогов, выпрямляется и спрыгивает на арену, где ему протягивает руки для поддержки первый совершивший прыжок через быка акробат»³. Существуют и другие описания вольтижировки на быках, основанные на тех же критских материалах. Дальский, в частности, предлагает свой, более сложный вариант, в котором участвуют две девушки и юноша.

Техническая сложность ритуальных игр с быками привела исследователей к мысли, что быков для игр тщательно тренировали.

Изображений этих игр так много, пластика акробатов так хорошо изучена и с таким искусством воплощена, что возникает уверенность в том, что эти зрелища были привычны и любимы в быту критян и микенцев. А. Н. Дальский считает их «производственно-магическими» играми, связанными с культом быка, символизировавшего плодородие.

Понятно, что открытия на Крите и в Микенах рождали предположения о происхождении культа быка и связанных с ним зрелищ из восточного Средиземноморья. Это как-то напрашивалось само собой. Испанская коррида была уже широко известна всему миру, и Эванс сразу же назвал открытые им фрески «корридами», а прыгунов — «тореадорами». Так они и фигурируют в его многотомном описании кносского дворца. Соблазняло и то, что изображение первого «боя быков» в Испании (на «клунийском камне») и наиболее яркие крито-микенские находки относились приблизительно к одному времени (II тысячелетие до н. э.). Торговые отношения между Критом и Иберийским полуостровом были вполне возможны. Критяне были прекрасными мореходами. На Балеарах, этом островном мостике между восточным и западным Средиземноморьем, найдено немало критских изделий из металла и среди них изображения бычьих голов, очень похожие на критские. Критяне вообще могли быть первыми колонистами в Южной Испании. Крито-микенские купольные могилы сходны по своей конструкции с могилами в Альмерии, Малаге, Севилье, Альгарве (2000—1200 гг. до н. э.). В них находят двусторонние топоры, идентичные с восточносредиземноморскими по форме, вперемежку с костями быка⁴.

Однако не стоит торопиться с выводами. Есть и существенные возражения против концепции заимствования.

Прежде всего, на Пиренейском полуострове не найдено никаких следов акробатических игр с быками (ни изображений, ни каких-либо описаний). В то же время следов культового отношения к быку в древней Испании довольно много.

В VII в. до н. э. были созданы знаменитые каменные изваяния четырех быков в Гисандо (Авила). Высотой почти в человеческий рост, они

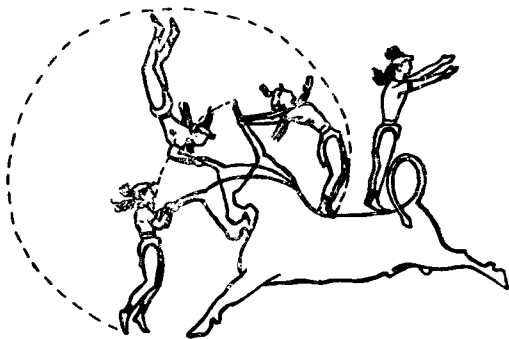

Рис. 2. Схема последовательных движений акробата в играх с быками на Крите. Схема по Эвансу, измененная в деталях

³ А. Н. Дальский, Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах, М.—Л., 1937, стр. 126—127.

⁴ J. Caro Baroja, España primitiva y romana, Barcelona, 1957, p. 58.

стоят в ряд, выгнув шеи, мрачные черные идола, про которых Гарсиа Лорка писал:

«Дикие быки Гисандо —
полусмерть и полукамень —
промычат с тоски, что надо
землю попить веками»⁵

В провинциях Куэнка, Теруэль, Сарагоса, в знаменитом иберийском святилище Серро де лос Анхелес и в других местах найдено множество votивных бронзовых бычков, хранящихся ныне в Национальном музее археологии в Мадриде.

До сих пор крестьяне провинции Куэнка пьют вино и воду из «ботихо»⁶, удивительно напоминающих своей формой этих древних бронзовых бычков. Деревенские гончары делают их с незапамятных времен. Многие из них утверждают, что «бык был когда-то у нас священным животным».

Такого же мнения придерживается большинство испанских этнографов. Хулио Каро Бароха, например, предполагает, что культ быка продолжался во многих областях Испании вплоть до прихода римлян (III в. до н. э.)⁷. Однако характер обрядов, связанных с этим культом, был, по-видимому, очень далек от критских игр с быками. И в сохранившихся доньше в Испании народных развлечениях с быками также нет ничего сходного с играми на Крите. Кроме того, в Испании, в отличие от древнего Крита, быков для каких-либо зрелищ не тренируют. Напротив, в народе любят, чтобы зверь был сильным и необузданным, а состязание с ним — опасным.

Тренированных быков вряд ли и на Крите приносили в жертву. Скорее всего, игры и жертвоприношения разделялись, а сами игры носили спортивный характер. Напротив, в современной корриде в Испании наиболее загадочным моментом все-таки остается традиция убийства быка (без чего, например, обходятся в Португалии и Провансе, куда коррида пришла позже). Конечной акции убийства подчинен весь бой с быком и эту традицию интересно проследить в современных народных обычаях, сохраняющих пережитки древнейших слоев культуры.

Например, в селении Эспаррагалехо (провинция Бадахос) в праздник «Доминго Гордо» всадники прогоняют быка по улицам селения, а затем закалывают его копьями⁸.

Перед тем как заколоть быка, во многих деревнях устраивают развлечения, называемые «торо либре», или «бык на свободе». Быка на страх и радость всей деревни пускают носиться галопом по улицам и производить всякие разрушения. Все прячутся, закрывают окна, захлопывают двери. Те, кого бык застанет на улице, залезают на заборы, цепляются за балконы. И только немногие смельчаки высовываются за порог и перебегают быку дорогу. Ужас и радостное возбуждение попеременно сменяются в настроении жителей. Нечто похожее представляют собой так называемые «энсиерро» — пробег быков по улицам из корраля в загон арены.

«Энсиерро» (*encierro*) устраивают, например, до сих пор в Альмодовар дель Кампо, где в течение пятидневных коррид пробег быков через город (его наблюдают с балконов, из дверей, из-за решеток окон, из переулков) пользуется особенным успехом.

⁵ Ф. Гарсиа Лорка, Лирика, М., 1965, стр. 18 (перевод О. Савича).

⁶ Ботихо (*botijo*) — глиняный сосуд для питья с ручкой и двумя горлышками, из которого пьют, не касаясь губами края.

⁷ J. Caro Baroja, Указ. раб., стр. 58.

⁸ Сведения взяты из книги: L. de Hoyos Sainz, N. de Hoyos Sancho, Manual de folklore, Madrid, 1947, p. 401 и сл.

Рис. 3. Энсерро

«Энсиерро», подобные описанному Хемингуэем в «Фиесте», до сих пор оставляют немало жертв в июльские дни праздника Святого Фермина в Памплоне⁹.

Вот часть этого описания: «Вдоль всего забора, который тянулся до самого цирка, стояла толпа, а наружные балконы и крыша цирка были сплошь усеяны людьми. Я услышал взрыв ракеты и понял, что не поспею в цирк к приходу быков, и потому протиснулся сквозь толпу к забору. Меня плотно прижали к деревянным доскам. В проходе, огороженном забором, полиция подгоняла толпу. Люди шли или трусили рысцой в сторону цирка. Потом появились бегущие люди. Какой-то пьяный поскользнулся и упал. Двое полицейских подхватили его и оттащили к забору. Теперь люди бежали быстро. Потом раздался дружный крик толпы, и, просунув голову между досками забора, я увидел, как быки сворачивают с улицы в длинный загон, ведущий в цирк. Быки бежали быстро и нагоняли толпу. Вдруг еще один пьяный отбежал от забора, держа обеими руками куртку, словно плащ матадора. Он хотел поработать с быками. Оба полицейских ринулись к нему, один схватил его за шиворот, другой ударил дубинкой, потом пригиснули его к забору и стояли, прижавшись к доскам, пока не пробежали последние из толпы и быки. Впереди быков бежало так много народу, что в воротах цирка образовалась пробка, и когда быки, тяжелые, забрызганные грязью, сбившись в кучу, крутя рогами, набежали на толпу, один бык вырвался вперед, всадил рог в спину бегущему впереди человеку и поднял его на воздух»¹⁰.

Быку на деревенских корридах всякий раз дают разгуляться, пока зать свою силу, чтобы затем попать ее и сделать это в максимально торжественной, а иногда и унижительной для него форме. Особенно ярко это стремление выражается в обычаях «торо энсогадо» (связанный бык) или «торо дель фуэго» (огненный бык).

В Альярисе (Галисия) в праздник Тела господня связанного быка волокут по улицам и все дразнят и колют его палками. Затем быка привязывают за ошейник к кольцу, ввинченному в стену, и храбрецы целуют его в морду. После этого быка проводят под аркой монастыря Санта Клара, мимо муниципалитета и домов почетных участников фиесты. Подобные же процессии до последнего времени существовали и в многочисленных селениях Арагона, Кастилии, Ла Манчи и Басконии.

«Торо дель фуэго» еще более усиливает эффект устрашения и торжественного попраения страшилища. Представьте себе ночную процессию, в центре которой бык. Его сопровождают жители с поднятыми копьями, на концах которых полыхают факелы (верховья р. Эбро). Или центральную площадь города, на которой горят пять громадных костров, а между ними мечется, как фантастический дракон, бык с огнем на голове и спине. Зрителем овладевает мистический страх перед зверем, и когда его, наконец, закалывают кинжалом, все вздыхают с облегчением (эту фиесту устраивают в день Святых мучеников, 11 ноября, в Медина-на-Сели, в Кастилии).

Луис де Ойос Сайнс полагает, что эти обычаи могут быть пережитками традиционных загонов быка горящими копьями, которые еще сохранялись у кельтиберов, когда их завоевали римляне¹¹.

Во многих селениях пережиточное отношение к быку как к священному животному выражается в том, что быка включают в религиозные процессии на местных праздниках (Бросас, провинция Касерес). А в некоторых деревнях Тьерра де лос Баррос (Эстремадура) на фиесту Сан Маркоса быка даже подпивают вином, чтобы он был смиренным и послушно участвовал в праздничном шествии.

⁹ См. Г. Бояджиев, В. Комиссаржевский, Коррида в Памплоне, «Театр», 1967, № 2, стр. 90.

¹⁰ Э. Хемингуэй, Избр. соч., т. II, М., 1959, стр. 135.

¹¹ L. de Hoyos Sainz, N. de Hoyos Sancho, Указ. раб., стр. 403.

До недавнего времени в селении Тордесильяс на берегу р. Дуэро, где когда-то томилась в изгнании королева Хуана Безумная, раз в год устраивался праздник, на котором быка, заколотого в бою, съедали на общем пиру всех поселян. Но самое интересное, что быка убивали... перед образом безумной королевы. Иначе говоря, его не просто съедали, а предварительно посвящали почитаемому лицу. Точно так же в провинции Сория на фиесте в день Святого Хуана быка после игр закалывали и съедали.

Как видим, в этих обычаях нет и помина об отношениях между человеком и быком, как между партнерами. Не видно здесь и следов предварительной тренировки животных для общественных зрелищ. Бык выступает, с одной стороны, в роли устрашающей, необузданной силы, а с другой — как существо, предопределенное к умерщвлению. Но этого мало. Того, кого только что боялись, гнали, унижали, а затем закололи, с ликованием поедают, совершая это в максимально торжественной обстановке.

Джон Фрезер в «Золотой ветви» приводит множество убедительных примеров того, как в древних религиях самых различных народов вера в умирающих и воскресающих богов была связана с обрядами обязательного их умерщвления, символизирующими ежегодное умирание природы. Вот что, например, пишет Фрезер о культе Диониса: «Согласно мифу, Дионис именно в облике тельца был растерзан титанами. Критяне, когда они инсценировали страдания и смерть Диониса, разрывали зубами живого тельца. В обрядах Диониса, как будто, вообще было правилом терзать и пожирать живых быков и тельцов.

Обычай изображения бога в виде тельца или с характерными чертами этого животного, вера в то, что бог являлся своим поклонникам в священных обрядах в образе тельца, миф о том, что в образе тельца бог был растерзан врагами, — все это убеждает нас, что разрывая и пожирая живого тельца на празднике Диониса, его поклонники верили, что они убивают бога, едят его плоть и пьют его кровь»¹².

Я не утверждаю, что именно Дионис почитался в облике быка в древней Иберии, хотя культ его могли занести сюда греческие колонисты уже в VII в. до н. э.

Вполне допустимо, что в обряды, связанные с культом быка или с культом какого-нибудь божества, воплощавшегося в нем (как это было с Дионисом или Озирисом, или с духами хлеба в Северной Европе), входили и процессии с быком, и избивание его, и предоставление ему на время полной свободы, и заключительное заклинание его с коллективным поеданием «божества». Связный когда-то ритуал мог распасться со временем на отдельные фрагменты, сохранившиеся в изолированном виде в разных местностях. Где убивание быка, а где просто процессия с быком, где свободный галоп по улицам, а где проволакивание и унижение связанного животного. Так или иначе, кажется допустимым, что некоторые народные фиесты сохраняют до сих пор пережитки культового отношения к быку. Современное название боя с быком *corrida de toros*, означающее буквально «бег быков», пришло от собирательного названия народных развлечений с быками, в которых пробеги и процессии, как мы видели, занимали такое важное место.

Предание, которому многие историки не доверяют¹³, рассказывает о том, как кельтиберы использовали диких быков во времена Пунических войн. Гамилькар Барка осадил в 228 г. до н. э. город, впоследствии названный по его имени Барселоной (Баркинон). Тогда жители выпустили на осаждающих стадо диких быков, которые опрокинули колесницу Гамилькара, растоптали его и заставили бежать его войска. Карфагеняне

¹² Д. Фрезер, Золотая ветвь, вып. III, М., 1928, стр. 105.

¹³ L. Ortiz Cañavate, El toreo español, «Folklore y costumbres de España», t. I, Barcelona, 1934, p. 388.

и римляне были поражены тем, как местные жители справляются с дикими быками и копьями убивают их¹⁴.

Уже при Цезаре римляне не только удивлялись этим способностям иберийцев, но и охотно использовали их для своих цирковых зрелищ. Юлий Цезарь как будто бы был первый, кто устроил представление в Риме, на котором люди сражались с быками¹⁵: Между 41 и 45 гг. Тиберий Клавдий устроил спектакль, на котором фессалийские конники бились с дикими быками («которых они гоняют по всему цирку, вскакивают обессиленным на спину и за рога швыряют их на землю»)¹⁶. Тогда же он пригласил иберийцев, которые использовали шкуры или одежду для того, чтобы отводить повторяющиеся атаки этих диких быков.

Даже из этих кратких сообщений видно, что фессалийцы представляли «спортивную» традицию в играх с быками, а иберийцы — «боевую». Иберийцы использовали шкуры и одежды для того, чтобы «отводить атаки» диких животных. Фессалийцам это было не нужно: у них быки, видимо, были дрессированы. Как известно, маневры с плащом составляют существеннейшую часть современной корриды. Именно в работе с плащом проявляется искусство «управления» быком, его временного обуздания. В изображениях игр с быком на Крите, в сообщениях об играх с быками у греков, у фессалийских конников, мы нигде не встречаем упоминаний об этих вспомогательных орудиях отвлечения животных, о самом приеме отвлечения. Возможно потому, что критяне и фессалийцы имели дело с тренированными быками, что у них эти игры были цирковым представлением, а не состязанием с заранее непредвиденным финалом, часто (а может быть обязательно) заканчивающимся смертью одного из противников.

При римлянах (III в. до н. э. — V в. н. э.) в Испании было построено много цирков и амфитеатров: в Толедо, Мериде, Таррагоне, Мурвьедро и др. В них, возможно, наряду с боями гладиаторов устраивались и бои с быками.

После первых веков нашей эры и вплоть до арабского завоевания (VIII в.) сообщения о боях с быками в Испании прерываются. Сохранился лишь один забавный документ вестготской эпохи. В нем говорится о выговоре, полученном от начальства неким епископом за его необычайную страсть к простонародным забавам — *taurorum*. Где-то рядом с официальной, оставляющей письменные следы жизнью, пульсировала другая, народная, не прерывающая своих старинных привычек.

Мусульмане не сразу обратили внимание на полюбившееся им позднее зрелище. Началась Реконкиста, война надолго стала главным в жизни и мавров, и христиан. Но постепенно границы владений стабилизировались, стала устраиваться жизнь в мавританских княжествах, расцвели ремесла и науки, нашлось время и для развлечений.

Кажется вероятным, что именно арабам Испания обязана возрождением искусства боев с быками в его «рыцарской» форме. Дело в том, что к этому времени идеи христианства уже настолько сильно пропитали культуру домусульманской Испании, что к варварским народным культам и забавам высшие классы относились с предубеждением и отвращением. Но в мусульманской Севилье уже в начале XI в. бои с быками устраивают по поводу каждого торжества. Восстанавливаются римские цирки и амфитеатры, расчищаются новые площадки. Вплоть до падения Гранады в XV в. арабы устраивали поединки на специально оборудованной площади Биль-Рамбла. Несколько позднее усваи-

¹⁴ D. Tapia, Breve historia del toreo, México, 1947.

¹⁵ Caius Secundus Plinius, Naturalis Historia, v. III, l. VIII, London, MCMXLVII, p. 127.

¹⁶ Caius Tranquillus Suetonius, De vita caesarum, l.V, XXI, 3, London, MCMXLVII, См. также отсылки в «Enciclopedia Britanica», London, 1960, v. 4, p. 371.

вают корриду и христианские рыцари, подражавшие во многих своих развлечениях мусульманским аристократам. Нередко арабские воины и испанцы устраивали поединки, выступая в паре и по очереди сражаясь с быком. Правда, многочисленные легенды и романсы утверждают, что не мавры, а Родриго Диас де Бивар, непобедимый Сид Кампеадор (XI в.), был первым рыцарем, поразившим быка копьём. Изображений Сиды, сражающегося с быком, до сих пор очень популярны в Испании (Гойя посвятил ему один из своих офортов серии «Тавромахия»).

Среди христиан рыцарские корриды были событием исключительным, и устраивали их только в дни королевских торжеств. В сознании современников они запечатлевались как настоящие исторические события. О них долго помнили, их записывали в хрониках и воспевали в романсах. В 1124 г. в г. Сальданья корридой была отмечена свадьба Альфонсо VII, в 1144 г. в Леоне — свадьба доньи Урраки Астурийской с Гарсиа VI Наваррским, в 1148 г. в Логроньо — коронация Альфонсо VII Наваррского и т. д. Любопытно, что как только коррида становится развлечением знати, сразу же появляется тенденция к монополии на это зрелище. Альфонсо X Мудрый (XIII в.) уже преследовал народные корриды и одновременно поощрял рыцарские.

Постепенно бык из культового животного превращается в соперника на турнире. Ведь это было время Реконксты — с ее рыцарской этикой чести, с ее идеалом мужской красоты воина-победителя. Недаром именно Сиду — первому рыцарю Реконксты — приписывала легенда и первого павшего от копья быка. Бык стал в ту эпоху символом силы, которую надо победить, подставным врагом, которому изображение дорисовывало чуть ли не доспехи. Это снижало его роль как объекта различных магических церемоний, еще державшихся в народе, но зато возвышало до роли равного соперника, необходимого воину для демонстрации своей отваги.

Судя по миниатюрам в книге песен Альфонсо X Мудрого, тореро того времени сражались и пешими, и конными, но чаще конными. Всадник был одет и вооружен почти так же, как в бою или на турнире.

Доспехи были постепенно сняты, так как затрудняли действия тореро. Были оставлены только специальные поножи на ногах. Пикадоры и сейчас их надевают. Для поражения быка употребляли копьё, длинный меч и кинжал. Мечом пользовались в редких случаях, он был слишком короток для всадника. Кинжалом добивали раненого быка. Главным оружием было копьё или, точнее говоря, «рехон» (*reión*). Отличался он от копья тем, что на его конце был укреплен короткий широкий нож, которым быка и убивали. Сами всадники назывались рехонеадоры, а «рехонеар» — означало бороться с быком, не сходя с коня.

Нынешние копьё пикадоров отличаются от рехонов тем, что колют быка коротким наконечником, раздраживая и распаяя его для боя с пешим матадором.

Убивали быков в те времена самыми варварскими способами, для которых, однако, требовалась необычайная физическая сила и хладнокровие. Чтобы кабальеро мог сохранять достойный вид в схватке с противником, который норовил пропороть лошади брюхо или скинуть всадника на землю, нужно было много помощников. Оруженосцы — «чуло» (*chulo*) должны были поднимать кабальеро, если бык выбивал его из седла, и ловить его коня (считалось плохим тоном бегать за конем по арене). Они должны были отвлекать быка от всадника, подавать ему оружие, подсаживать его в седло, добивать быка кинжалом или подрезать ему поджилки, убирать тушу убитого животного. Одеть чуло были гораздо легче наездника, и главными их достоинствами

Рис. 4. Пикадор

Рис. 5. Қапеа

считались увертливость и легкость ног (как и сейчас у пешеходов ассистентов тореро). Группа чуло — прообраз современной квадрильи, хотя, как мы увидим дальше, роли пешеходов и конных тореро переменялись.

Принято считать (хотя такой знаток как Коссио, относится к этому скептически)¹⁷, что бандерильи были введены арабами¹⁸. В то время арабы их называли гарпунами. В начале XVII в. их стали украшать флажками, отсюда и название *banderilla* (флажок). Всаживать разжигающие ярость гарпунчики в шею животному было делом чуло. Эта традиция сохранилась и поныне — в квадрилье всегда есть специальный бандерильеро, хотя матадоры иногда сами проводят эту опасную операцию. Вооружены чуло были лишь кинжалом и легким ярким плащом (*capa*). Боевой плащ был необходимым орудием для пешего боя и в те времена. Во всяком случае с плащом в левой руке и с копьем или мечом в правой изображены тореро на капители колонны в соборе Пласенсии (XV в.) и на фреске в монастыре Сан Доминго де Силос (XVI в.). Возможно, что именно искусство чуло в работе с плащом породило форму простонародных игр с быками — «капеа» (от *capear* — играть с плащом), до сих пор популярных во всей Испании и особенно в Кастилии. А может быть, наоборот, чуло использовали народные приемы игры с плащом в рыцарских корридах.

«Капеа» отличается тем, что быка не убивают. Часто капеи называются «новильядами», так как в них участвуют двух-трехлетние бычки «новильо» или «бесерро». Ортис-Каньявате, ссылаясь на средневековые хроники, рассказывает так о происхождении новильяд. В царствование короля Энрике III Болезненного (1390—1406 гг.) вспыхнула эпизоотия. Падеж был настолько велик, что скот запретили убивать в течение года. Первое время после этого устраивались только корриды молодых бычков — «новильос», без убоя. Потом аристократические корриды возобновились, а в народе привились более дешевые «новильяды» или «капеи»¹⁹.

Участники «капеи» — все жители селения, которые из зрителей могут превратиться в тореро, а потом снова, нырнув в толпу, стать зрителями.

В день фиесты к полудню все сбегается к центральной площади. Выходы с нее баррикадируются повозками, бревнами, ларьками и разной рухлядью. Иногда огораживают площадь забором. Один проход, ведущий к загону, оставляют открытым: через него на площадь стремительно вбегает бык. Предварительно он пробежался по пустым улицам селения, все двери которого крепко заперты, окна задвинуты ставнями.

Но вот бык в центре площади, и тут к нему через загородку прыгают один или сразу несколько добровольцев-тореро, одетых кто во что горазд, но почти все с плащами в руках. Правила отсутствуют и быка не убивают. Хорошо, если есть красный плащ. Если же нет, сойдет любая яркая тряпка, которая все равно называется «капа». Когда бык разъярен, он реагирует не только на красный цвет. Если животное теснит легконогих тореро, они улепетывают от него через загородку, чтобы потом снова перепрыгнуть ее и возобновить опасную игру.

Сами же тореро — либо парни этой деревни, либо странствующие полупрофессионалы, чаще всего очень юные. Они путешествуют целой квадрильей и разыгрывают представление за угощение или небольшую плату. Многие знаменитые матадоры, как например Хуан Бель-

¹⁷ M. Cossio, Los toros, t. 1, Madrid, 1951, p. 872.

¹⁸ Бандерилья — металлическая палочка типа дротика, с зазубринами.

¹⁹ L. Ortiz-Cañavate, Указ. раб., стр. 396.

монте, начинали свой путь к славе на деревенских «капеа». Нередко эти тореро получают серьезные раны, но это только увеличивает популярность зрелища, внося в него захватывающий элемент игры с реальной опасностью.

В ранний период средневековой корриды бои устраивались чаще всего на центральной площади города или селения — Пласа Майор. Это название перешло затем и на специальные цирковые арены «*пласас де торос*» и сохранилось до сих пор. Как правило, план средневекового испанского городка или деревни сохраняет где-нибудь рядом с собором или замком квадратную Пласа Майор, обрамленную балконами и «сопорталями»²⁰ для зрителей.

Первые огороженные арены были деревянные, разбиравшиеся после каждой фиесты. Постоянные, но тоже деревянные цирки стали строить приблизительно с XIV в. при Хуане I Кастильском (1379—1390 гг.), страстном любителе боев с быками. При нем, по мнению Каньявате, эти бои превратились из своего рода охоты на диких животных в изысканное развлечение для знатных кабальеро. Кончился порожденный Реконкистой рыцарский турнирный период в истории боя быков в Испании. При абсолютистских дворах коррида превращается в блестящее представление, сопровождавшее помпезные придворные праздники. В роли рехонеадоров выступают теперь только очень знатные гранды, а иногда и короли. Парча и бархат костюмов, цветы и драгоценности на туалетах дам, музыка — все это уводит от суровой сосредоточенности поединков раннего средневековья в атмосферу парадной декоративности королевских забав.

Само зрелище становится более продуманным и изящным, сила все больше уступает место ловкости, а неприятные неожиданности тщательно страхуются для того, чтобы не оскорбить утонченного зрителя. Все более скрупулезно разделяются функции главного тореро и его свиты, чтобы быстро, избавив быка от мучений, убить его одним ударом в загривок.

В те времена пристрастием к «торео» отличались самые высокопоставленные сеньоры. Сам император Карл I (1516—1555 гг.) демонстрировал благоволение к знати личным участием в королевских корридах. Король португальский, дон Себастьян, убил быка на корриде в Кадисе. Завоеватель Перу, дон Фернандо Писарро, говорят, был очень храбр в поединках с быками и устраивал корриды в Америке. Увлечение этим зрелищем среди аристократии было настолько велико, что одна из девушек знатного рода Гусман вышла замуж за кабальеро по прозвищу «Эль Торeadор».

Король Филипп II (в XVI в.) приказал даже открыть в городах школы для обучения конному бою с быками.

Филиппу III (1598—1621 гг.) пришлось подумать о постройке более просторной арены, чем тесный внутренний двор старинного мадридского замка Алькасар.

Строительство специальной площади для королевских фиест в Мадриде было поручено придворному архитектору Гомесу Мора. Квадратное брусчатое поле Пласы Майор было окружено четырехэтажными домами с арочными сопорталями и тремя рядами сплошных железных балконов. Единственный дом, где эти три пояса прерывались, был дом с королевской ложей, выше которой никому не разрешалось сидеть, так как никто не мог быть выше короля. Около 50 тысяч зрителей умещалось в то время на балконах и у окон домов. Владельцы комнат с окнами на площадь должны были покидать их во время представлений. Они имели право смотреть только утренние представления.

²⁰ *Soportal* — открытая наземная галерея.

У окон и на балконах были устроены сиденья, плата за которые голы-вужительно возрастала из года в год. Распределением мест ведали церемонимейстеры двора. Интриги из-за мест на корриду служили постоянной темой разговоров за королевским столом. Накануне корриды по дворцу бегали фрейлины и лакеи с записочками о «контрамарках». Немало придворных щеголей обогатилось за счет мадридских толсто-сумов, плативших бешеные деньги за место на балконе. Публика победнее занимала ступеньки в сопорталях еще накануне вечером. Не дожда-вшись окончательной застройки площади, король устроил в 1617 г. пер-вую королевскую корриду на Пласа Майор.

На рассвете начиналось энсиерро — прогон быков с загородных пастбищ в загон, соединенный с площадью узким проходом. Быки бе-жали плотной массой, окруженные всадниками с копьями, среди ко-торых было немало добровольцев из знати. Множество дам и кавале-ров наблюдали энсиерро из окон экипажей, стоявших у загороженных проходов в боковые улицы.

В первый день фиесты выступали только пешие бойцы из свит знат-ных тореадоров. Это сражение перемежалось пантомимами и буффо-надами — мохигангас (*mojigangas*) и служило как бы прологом к на-стоящему бою.

Подвиги пеших ассистентов почти не замечались, и они привлекали к себе внимание акробатическими сальто и комическими падениями. Когда впоследствии, в XVIII в., пешие тореро заняли первое место в корриде, она некоторое время еще сохраняла этот цирковой (в нашем смысле), трюкаческий характер, который был традицией свиты при конном рехонеадоре. Период этот, когда прославился любимый Гойей Мартинчо, так и назывался периодом «мохигангас».

Только на следующий день начиналась настоящая коррида, в ко-торой принимала участие аристократия. Бой посвящался королю или прекрасным дамам, которые бросали на арену платки, кольца и веера в знак восхищения мужеством тореро. Риск был велик. Смертные слу-чай и ранения были очень часты, коррида еще не была делом профес-сионалов, искусство товромахии только создавалось. И все же в доб-ровольцах, рискующих жизнью, молодых, красивых, знатных и незнат-ных недостатка не было. Бросить вызов воплощению силы в образе огромного зверя считалось за великую честь. Сделать это максимально изящно в обстановке пышного праздника было вполне в духе нравов Испании того времени.

Ведь и Дон Хуан Тенорьо, бросая вызов Командору, своей судь-бе встречает страшного гостя роскошным ужином при ярком свете свечей.

Между тем популярность корриды все больше раздражала церков-ные власти, видевшие в них возрождение худших языческих забав им-ператорского Рима. В 1567 г. папа Пий V проклял «корриду де торос» в особой булле. Сменивший его Григорий XIII ограничился, однако, в 1575 г. запрещением участвовать в корридах кавалерам духовно-ры-царских орденов, Сикст V в 1586 г. запретил присутствовать на корри-дах духовным лицам. Но все эти запреты наталкивались на такую сильную оппозицию в Испании, что Клемент VIII, оказавшийся терпи-мее своих предшественников, довольно откровенно заявил о том, что запреты создают лишь атмосферу скандала вокруг церкви и ничего больше не достигают. Любопытно, что когда Пий V издал свою за-претную буллу, Филипп II не очень-то торопился с ее опубликовани-ем. Он выжидал целых 6 лет и обнародовал ее только в португальском городе Эвора, где корриды вообще были непопулярны. Когда в 1566 г. кортесы под давлением Рима обратились к нему с просьбой запретить поединки с быками, Филипп II ответил, что он не может этого сделать,

Рис. 6. Тьента

как как коррида «...старинный и общепринятый обычай в наших Королевствах...»²¹.

И действительно, хотя аристократия забрала в свои руки развлечения с быками, ощущение связи их с народными традициями не пропадало даже у самых высокопоставленных ее представителей. По-видимому, народное окружение с его обычаями не очень-то давало это забыть.

Сохранилась любопытная переписка каталонского епископа Антонио Паскуаля и вице-короля Каталонии маркиза Леганес по поводу коррид быков, очень популярных в XVII в. в Каталонии. Епископ жаловался на беспорядки во время фиесты, «когда среди людей, вышедших на улицу, были ранены двое мужчин и одна женщина»²², и требовал запрета корриды быков. Маркиз Леганес отвечал, что вообще корриды запретить будет очень трудно, но в дни фиест он постарается это сделать. Тогда же, когда корриды будут устраиваться, с площадей надо будет удалять женщин, детей и стариков.

Запрещение коррид в праздничные дни было единственным, чего время от времени удавалось добиться духовенству в деревнях. В противовес этим запрещениям многие местные законодательства (северного графства Собрарбе, например) специально фиксируют разрешение коррид.

Средневековые приемы корриды проглядывают и ныне то тут, то там во многих местных развлечениях с быками. Таков обычай «тьен-

²¹ Цит. по L. Ortiz-Sañavate, Указ. раб., стр. 408.

²² Там же, стр. 421.

тас» — пробных боев с быками прямо на пастбищах, во время которых всадники, вооруженные копьями «гаррочами» врезаются в стадо, отделяют какого-нибудь быка и стараются заставить его слушаться и подчинить его бег своей воле. Это — излюбленная забава пастухов в громадных скотоводческих поместьях Андалусии и Кастилии.

Средние века оставили нам и фарсовое, пародийное переосмысление древних обычаев, связанных с культом быка. Они распространены в Испании, чуть ли не шире, чем корриды «всерьез». Вот типичная «пантомима таурина» в Овехар (провинция Сория). Два парня, покрытые шкурами быков, изображают кровавый бой, в котором, однако, оба быка держатся крепко. Неожиданно раздается выстрел и один из них падает, у него из бока течет кровь. Все бегут подставлять стаканы, так как это красное вино из бурдюка, спрятанного под шкурой. «Быки-соперники» тут же выпивают вместе со всеми.

В средние века некоторые из самых почитаемых в Испании святых как-то стихийно (во всяком случае, без вмешательства церковных властей) стали считаться патронами тавромахии. В дни Сан Маркоса, Сан Хуана, Сан Фермина, Сант-Яго, Сан Роке даже папы не могли запретить корриду.

Как мы видели, Сан Маркос (Эстремадура), Сан Хуан (Сория) и особенно Сан Фермин в Памплоне до сих пор почитаются в этом качестве.

Так и сосуществовали рядом вплоть до XVIII в. эти две линии в развитии корриды — народная, почти не скованная каким-либо ритуалом, и аристократическая — придворная, апеллирующая к традициям рыцарства, но давно и безвозвратно их утратившая. Их пути время от времени скрещивались в непринужденном заимствовании тех или иных приемов битвы.

После войны за «испанское наследство» (1701—1714 гг.) испанская корона перешла к французским Бурбонам. Французский двор, воспитанный на изящных версальских празднествах, отверг с отвращением

Рис. 7. Пласа де Торос в Мадриде

мужественные забавы испанской знати, и королевские корриды были запрещены. Но с народной корридой не так-то легко было справиться. На время она замерла для горожан и ушла в деревню, но только для того, чтобы вернуться победительницей, завоевавшей и народ, и аристократию.

Уже в конце первой трети XVIII в. по деревням Испании стали бродить самодельные «квадрильи», которые устраивали корриды, представлявшие собой сочетание народных «капей» и аристократических поединков. Во главе их стал пеший чуло — матадор, вооруженный шпагой, а бывшему герою — рехонеадору отвели декоративные задворки. Вскоре появились антрепренеры, которые стали организовывать выступления этих квадрилий на аренах, брать деньги за места и оплачивать «работу» тореро. Матадор-простолудин стал профессионалом-артистом, а все зрелище стало отливаться в форму особого рода театра, самого популярного сейчас театра в Испании.

Давно исчезли, скрылись под напластованиями современной культуры те культовые мотивы, которые побуждали древних людей убивать своих богов. Уже давно ушли в прошлое и рыцарские героические черты боя быков времен Реконкисты. Коррида стала всенародным, общенациональным обычаем, утратив средневековый словесный смысл.

И все же сохранилась невидимая нить, связывающая современное зрелище с его сложной и многогранной предысторией. Эта нить и создает то психологическое единство восприятия древнего обрядового действия и современной битвы человека со зверем, которое называют традицией.

В основе этого единства — вызов силе, судьбе, богу в далекие времена. Создание этой силы, возвеличивание ее и попрание, упорная победа над ней, как над воплощением всего, что противостоит свободной воле человека, — вот что проходит перед распаленным воображением зрителя корриды.

Матадор, герой романа Карлоса Рейлеса «Чары Севильи», говорит: «Я уверен, что публика представляет себе, что тореро — это Испания, а торо — это Судьба, и она безумствует, вызывая Судьбу на поединок, смеясь над зверем, унижая его и, наконец, заставляя его умереть у своих ног». Не так ли и юноши, кидающиеся под ноги быку на памплонском энсиерро, бросают вызов страху смерти, живущему в душе каждого из нас?

ДВЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ АЗИИ¹

В мае 1969 г. на двух научных конференциях, близких по задачам и составу участников, обсуждались проблемы первоначального заселения и ранних этапов этнической истории Северной Азии, формирования сибирских народов и их современного этнического развития. Изучение столь широкого круга проблем имеет не только чисто региональное, но также общеметодологическое и методическое значение, что нашло свое отражение в докладах (их было около 200) и в дискуссиях. На конференции в Томске преобладали доклады лингвистов, в Новосибирске — археологов и этнографов, но на каждой из них были представлены также антропологи и палеогеографы, историки и социологи. Наш обзор не исчерпывает всей проблематики, материалов и методов, доложенных на конференциях, работа которых, бесспорно, еще привлечет внимание специалистов. Тем более, что было принято решение опубликовать материалы, непосредственно относящиеся к проблемам этногенеза и этнической истории Северной Азии.

Наиболее четко и последовательно прозвучали на конференциях принципы историзма в современных исследованиях этногенетического характера. При анализе отдельных элементов культуры и этнических комплексов в центре внимания были их носители — современные народы и их предшественники — со всей совокупностью окружающих факторов. Отсюда и привлечение нового круга источников, и разнообразные методы их анализа, включая формализацию массовой информации и ее обработку на электронно-вычислительных машинах. Участников конференции в Томске заинтересовало, например, широкое использование в качестве источника данных топонимики (школа А. П. Дульзона), в Новосибирске — данных петроглифов (А. П. Окладников, В. Н. Чернецов, Н. Н. Диков).

Переходя к обзору некоторых конкретных результатов этногенетических исследований, доложенных на конференциях, следует подчеркнуть довольно последовательно проводившуюся идею о преемственности между археологическими провинциями прошлого и современными историко-этнографическими областями (А. П. Окладников). При всем разнообразии подходов и самой терминологии можно с достаточной определенностью говорить о пяти крупных региональных подразделениях, три из которых относятся к южной части Северной Азии (юго-запад, юг и юго-восток) и два к приполярной (северо-запад и северо-восток). Если южная часть относится к зоне становления *homo sapiens*, то приполярная не только заселена значительно позже, но и освоена человеком слабее.

Для ранних этапов этногенеза представляют интерес новые сведения о палеолитических находках на сопредельных территориях Средней и Восточной Азии (В. А. Ранов, В. Е. Ларичев) и непосредственно в Северной Азии (З. А. Абрамова, Ю. А. Мо-

¹ Межвузовская конференция в Томске организована Государственным педагогическим институтом; академическая конференция в Новосибирске — Институтом истории, филологии, философии СО АН СССР. См. тезисы докладов: «Происхождение аборигенов Сибири», Томск, 1969; «Этногенез народов Северной Азии», Новосибирск, 1969.

чанов). Существенно новым представляется вывод З. А. Абрамовой о двух пластах культур на Енисее — афонтовской и кокоревской — с различным бытовым укладом каменным и костным инвентарем. По-видимому, о древнейших этапах этногенеза говорят данные лингвистов об отдаленном родстве урало-алтайских и индоевропейских языков (А. П. Дульзон, К. И. Петров) и особом месте кетского языка, связанного, как с этой, так и с отдаленной тихоокеанской языковой общностью (А. П. Дульзон, Г. К. Вернер, В. Н. Топоров). Большое значение для изучения последующих этапов этногенеза имеют выводы археологов и этнографов об этнической принадлежности петроглифов Северной Азии (А. П. Окладников) и выделение субстратных элементов в культуре тунгусов, самодийцев (Г. М. Васильевич, Г. И. Пелих).

Самое оживленное обсуждение на конференциях вызвали проблемы этногенеза и этнической истории сибирских народов, начиная со II—I тыс. до н. э.

В южной части Северной Азии подробнее была рассмотрена территория верхнего и, частично, среднего Обь-Енисейского междуречья. Здесь, по общему мнению, складывался очаг автохтонного развития не только современных южносибирских, но и ряда других народов, ныне расположенных на сопредельных и отдаленных территориях. Этнокультурная дифференциация проходила несколькими большими волнами, в которых принимали участие аборигены и новые иммигранты.

Особое внимание исследователей привлекают проблемы карасукской культуры, которая связана с местным неолитом (А. П. Окладников), но имела и достаточно широкий ареал (Н. Л. Членова, В. А. Посредников и др.). Одним из компонентов сложной в этническом плане карасукской культуры были предки современных кетов (Э. Б. Вадецкая, А. Н. Липский). Важную роль в этногенезе аборигенов Южной Сибири, включая и бурят, сыграло тюрко-монгольское влияние, устанавливаемое лингвистическими и этнографическими материалами (М. И. Боргояков, Ш. Ч. Сат, Ц. Б. Цыдендамбаев, И. А. Батманов, Л. П. Потапов и др.). Интерес, в частности, вызывают выводы И. А. Батманова и Ц. Б. Цыдендамбаева о двух хронологически датируемых пластах монгольского влияния в языке бурят и тюрков Южной Сибири.

Этнические связи Южной Сибири с сопредельными территориями рассматривались преимущественно в северном и северо-западном направлениях — в связи с проблемами этногенеза угуров и самодийцев. Весьма убедительной была аргументация археологов в пользу некоей единой угро-самодийской общности (М. Ф. Косарев, А. И. Мартынов) и возможном ее разграничении в бассейне Иртыша на рубеже старой и новой эры (В. А. Мотильников)². Заслуживают внимания выводы о заселении северо-запада легендарными «сиртя» и о их связях с гипотетическими протоуральцами (Л. В. Хомич). В то же время предположение о древнем проникновении самодийцев на крайний север — порядка II тыс. до н. э. (Л. П. Хлобыстин) требует еще дополнительных доказательств.

Привлекли внимание новые данные о втором в Северной Азии очаге автохтонного развития — в южной части Дальнего Востока. Преемственность и взаимодействие культур в процессе этногенеза южных тунгусов и палеоазиатов прослежены на материалах археологии и этнографии не только в Приамурье — Приморье, но также на Сахалине, Камчатке и Чукотке (А. П. Деревянко, Э. В. Шавкунов, Д. Л. Бродянский, Е. И. Деревянко, С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев, В. А. Голубев, Р. С. Васильевский). Интерес, в частности, вызвал вывод С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева о длительном взаимодействии и в прошлом более южном расселении двух вероятных общностей: нивхско-айнской и эскимосско-алеутской. Не менее важным и длительным в этногенезе северо-восточных палеоазиатов были западное (центрально-сибирское) и восточное (североамериканское) влияния. Об этом, по-видимому, свидетельствуют не только новые изыскания археологов на северо-востоке (Р. С. Васильевский, Н. Н. Диков), но также и находки палеоэскимосского типа на Таймыре (Л. П. Хлобыстин), подмеченные аналогии чукотской яранги и монгольской юрты (И. С. Гурвич). В решении данной проблемы важное значение имеют новые сведения лингвистов и этнографов о чукотско-камчатской этнолингвистической общности и, в частности, об особом положении ительмен-

² В этом направлении интересно указание на угорскую топонимику в Северном Казахстане (В. Н. Попова).

ского языка (П. Я. Скорик, А. П. Володин, П. И. Инэнликэй, Г. А. Меновщиков, И. С. Вдовин, А. П. Дульзон).

Важной вехой в этногенезе и этнической истории народов Северной Азии становится превращение ее в органическую часть Русского государства. Русское заселение и освоение внесли не только изменения в этническую карту региона уже в XVI—XVII вв., но также весьма существенно повлияли на последующий ход этнических процессов (Е. М. Залкинд, Н. А. Мииненко, Ч. М. Таксами, Ю. А. Сэм). Особого внимания заслуживает вывод Е. М. Залкинда (его точку зрения разделяет также Ц. Б. Цыдендамбаев) о сложении бурят в народность в XVIII веке именно в результате русского влияния. Интенсификации этнических процессов способствовали плановые социалистические преобразования у народов Сибири и Дальнего Востока. Причем, наряду с явлениями дальнейшей консолидации, в жизни аборигенов Северной Азии усиливаются и тенденции интернационализации (Е. П. Орлова, Ю. Б. Стракач, В. А. Тимохин, В. И. Бойко). В этом диалектическом процессе важная регулирующая роль принадлежит национально-территориальной автономии, предоставленной народам Сибири и Дальнего Востока в виде автономных республик, областей и национальных округов в соответствии с принципами ленинской национальной политики.

В выводах заключительного заседания в Новосибирске, где подводились итоги двух конференций, помимо единодушно высказанного мнения о целесообразности повторения подобных мероприятий, отмечена также желательность проведения промежуточных рабочих симпозиумов по проблемам отдельных крупных этапов этногенеза и этнической истории в рамках историко-этнографических областей Северной Азии.

Р. С. Васильевский, Ю. Б. Стракач

ТРЕТЬЯ ЕЖЕГОДНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

С 10 по 13 июня 1969 г. в Ленинградском отделении Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР состоялась третья ежегодная научная сессия, посвященная исполняющемуся в будущем году 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса и итогам работы коллектива за 1968 г.¹ На семи заседаниях Ученого совета было заслушано 29 докладов по различным проблемам этнографической науки. Значительная часть докладов была посвящена анализу общественного строя у различных народов, раскрытию вклада Ф. Энгельса в изучение социально-экономических отношений у народов мира.

Доклад «Ф. Энгельс и некоторые вопросы социального строя кочевых обществ» прочитал С. М. Абрамзон. Последний период истории первобытного общества (период военной демократии) был, по мнению докладчика, одновременно периодом максимального развития патриархально-родовой организации. Эта организация как промежуточное звено в социальном развитии кочевников принимала у них форму кочевых общин разной величины, в которых еще сохраняли свое значение отношения родства. Важную роль играла большая патриархальная семья. Как полагает докладчик, эта семья не была продуктом разложения отцовского рода, а возникла и укрепилась одновременно с процессом образования и укрепления такой же новой в качественном отношении общности — отцовского рода, составляя одну из сторон этого процесса. Узы родства постепенно превращались не только в «оболочку» для возникавших видов эксплуатации, но и вместе со всем комплексом вытекавших из них внутривидовых и внутривидовых отношений закаливались, не успевая регистрировать прогресс, сделанный обществом. Постепенно в кочевых общинах формировались территориальные связи. Решающее значение в развитии общин имели частнособственнические отношения.

¹ О предыдущих сессиях см.: Ч. М. Таксами, Научная сессия Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1967, № 6; А. М. Решетов, Вторая ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР; «Сов. этнография», 1968, № 6.

Патриархальное племя (или отцовский род) являлось в условиях классового общества прежде всего социально-политическим образованием.

Ю. В. Маретин в докладе «К вопросу о роде и родовой общине в трудах классиков марксизма» отметил выдающийся вклад, который внесли К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин в изучение первобытного общества, и особо остановился на огромном значении труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». По мнению докладчика, внимательное изучение трудов классиков марксизма позволяет утверждать, что род является определенной формой существования общественных отношений первобытности, но не основной производственной ячейкой. Такой социально-экономической ячейкой, несшей производственные функции, была община. Отметив наличие различных точек зрения на род и родовую общину в советской этнографической литературе, докладчик высказал мнение, что такие выделенные классиками марксизма ключевые понятия, как род и община, означают основные ячейки общества на определенном этапе развития, отражая разные стороны существования этого общества. По мнению докладчика, родовая община и род являются собой пример диалектического единства, ибо ни один из этих институтов не мог тогда существовать отдельно. Ю. В. Маретин показал на ряде примеров, что некоторые дискуссии вокруг проблем рода в нашей этнографической науке были вызваны неточными переводами отдельных мест книги Энгельса на русский язык.

В своем докладе «Ранний этап процесса классообразования (по материалам северо-западной Меланезии)» Н. А. Бутин в проследил на конкретном материале один из путей классообразования, связанный с выделением внутри общин должностных лиц; эти должности постепенно становятся наследственными. В северо-западной Меланезии этот процесс к моменту колонизации еще не был завершен (должность общинного вождя еще не стала наследственной), но уже имелось обособление вождей, превращение их из слуг общин в господ над общинами. Докладчик проследил процесс продвижения к должности вождя, функции вождей. В заключение он остановился на роли вождей в современной жизни северо-западной Меланезии.

Л. П. Потапов выступил с докладом «Роль и значение рода у алтайцев (по материалам XIX — начала XX в.)». Род у северных алтайцев был основной общественной ячейкой несмотря на официальное административное деление, несовпадающее с родом. Род имел самоуправление в рамках официальных административных единиц. Он был строго экзогамным и патрилинейным. Сородичи считали себя «карындаш» (единоутробными). Характерной чертой рода была родовая собственность на охотничьи угодья, охраняемая обычным правом и признаваемая другими родами. Нарушение ее вызывало санкции рода-собственника по отношению к чужеродцам. Дети женщины, ушедшей в другой род по браку, могли охотиться на территории рода матери вместе с ее братьями, т. е. дядями по матери, особенно в годы, когда на территории рода их отца зверя было мало. Докладчик видит в этом пережитки рода, организованного по материнскому праву.

С. А. Маретина прочитала доклад «Особенности общественной организации кадаров (к проблеме доземледельческих обществ)». Южноиндийские собиратели — кадары представляют интерес как пример сохранения одной из наиболее ранних социальных структур, а также как характерный случай адаптации в условиях взаимодействия с более высокоразвитым обществом. Процессы адаптации наиболее ярко проявляются в хозяйстве и материальной культуре кадаров: нарушение их длительной изоляции привело к изменению их экономики, выразившемуся в том, что предметы собирательства стали товаром, а обмен стал основой существования кадаров. Эти изменения непосредственно сказались на материальной культуре. Социальные же институты, по мнению докладчицы, в значительной мере сохраняют свои традиционные особенности.

С докладом на тему «Структура системы возрастных групп у галла Эфиопии (на примере галла тулама)» выступила К. П. Калиновская. Основываясь на данных хроники «История талла» (Эфиопия, XVI в.) и на материалах исследований европейских ученых, докладчица попыталась реконструировать систему возрастных групп эфиопских галла, объяснить ее структуру и механизм действия².

² См.: К. П. Калиновская, К характеристике системы возрастных групп у галла Эфиопии, «Сов. этнография», 1969, № 4.

А. М. Решетов выступил с докладом «Некоторые вопросы изучения систем родства». Докладчик выразил мнение, что эти системы первоначально отражали сложный комплекс социальных отношений между группами людей в первобытном обществе, прежде всего в области экономики, обязанности определенных возрастных групп в первобытной общине.

К. В. Вяткина прочитала доклад «Концепция Ф. Энгельса о развитии семьи и рода в применении к монгольским народам», подчеркнув, что эта концепция подтверждается монгольскими этнографическими материалами. В системе родства и свадебных обычаях монголов отражаются древние формы семьи и рода, дуальная организация.

Анализу социального строя были посвящены также доклады Ю. В. Ионовой «Древняя община в Корее», Р. К. Чанба «Некоторые черты общинного землепользования в Абхазии в XIX в.», Р. Я. Рассудовой «Формы организации труда в сельскохозяйственном хозяйстве некоторых областей Узбекистана в конце XIX — первой четверти XX вв. и их связь с общинными отношениями».

Вторая по численности группа докладов была посвящена проблемам этнической истории.

В. Р. Кабо прочитал доклад «Этнос как социальное и биологическое явление (по австрало-океанийским материалам)». Как отметил докладчик, еще К. Маркс и Ф. Энгельс, подчеркивая специфичность общественных закономерностей, признавали единство природы и общества, взаимодействие биологических явлений с явлениями социальной жизни. В комплексном подходе к проблеме этногенеза, с привлечением данных как социальных, так и естественных наук, объективно отражается диалектическое взаимодействие социально-исторических и биологических процессов, принимающих участие в формировании этносов. Это взаимодействие особенно очевидно на ранних стадиях этногенеза. Докладчик привел конкретные примеры из истории формирования современных антропологических и этнографических особенностей обществ Австралии и Тасмании, которые можно понять только с учетом перемен, происшедших в естественно-географической среде (катастрофическое ухудшение условий существования в связи с термическим максимумом).

«Формы этнических общностей Северо-Востока Сибири и их развитие в XVIII—XX вв.» — тема доклада И. С. Вдовина. Разным уровням разложения первобытно-общинного строя у населения Северо-Востока Сибири (от патриархальных общин, высшей формой общественно-экономического объединения которых были селения, до зачатков сложения военной демократии с патриархальным рабством, с общественным разделением труда, с началом формирования социальных прослоек — богатые, бедные, торговцы, патриархальные рабы) соответствовали разные формы этнических общностей. Простейшими и, следовательно, более ранними формами таких общностей следует считать этно-лингвистические группы (коряки, ительмены). У территориально разобщенных эскимосов сложились три эскимосские этно-лингвистические общности: науканцы, чаплинцы, сирениковцы. У чукчей в значительной мере была сглажена территориальная обособленность отдельных групп, развивались экономические связи, сложился один общий язык без диалектов, т. е. формировался новый тип этнической общности — народность. На Северо-Востоке Сибири образование народностей как нового типа этнической общности коренного населения произошло лишь в советское время в результате претворения в жизнь национальной политики партии и правительства, когда этническое развитие коренного населения выравнивалось, и коряки, чукчи, эскимосы, ительмены превратились в социалистические народности.

Доклад М. А. Толмачевой был посвящен характеристике понятия «эфиоп» в средневековой арабской науке и определению передающих его терминов. Докладчица отметила особенности связи арабских сообщений об Эфиопии с античными свидетельствами. Использование этих многочисленных литературных источников помогло установить, что при передаче античной традиции помимо обычного в арабской географии термина «ал-хабаша» мог быть использован и термин «аз-зиндж».

Конкретные вопросы изучения этнической истории рассматривались в докладах А. И. Мухлинова «Этнографическая характеристика бронзовой культуры Донгшона (Вьетнам)», Р. Ф. Итса «Государство Наньчао и его этнический состав», Т. А. Бернштам «Ранний этап этнической истории европейского севера (IX — конец XV вв.)»; Л. Г. Нечаевой «Некоторые вопросы этногенеза в эпоху средневе-

ковья на территории Карачая», В. Г. Трисман «Двуязычие в Индонезии» и Г. Н. Грачевой «Распространение одного из видов погребального сооружения на территории Сибири».

Вопросы истории материальной культуры народов мира заняли скромное место в программе конференции. Эта тематика была представлена двумя докладами по таким частным сюжетам, как «Городские поселения маньчжуров и их особенности» (В. С. Стариков) и «Некоторые традиционные элементы японской столовой утвари» (Р. А. Ксенофонтова).

Ряд докладов был посвящен проблемам изучения духовной культуры. В докладе Б. Н. Путилова «Энгельс и проблемы фольклористики» основное внимание было обращено на некоторые методические аспекты трудов Энгельса, имеющие актуальное значение для современной фольклористики. Докладчик показал теснейшую взаимосвязь фольклористических и этнографических исследований Энгельса. В фольклорных памятниках Энгельс видел отражение и обобщение типовых, закономерно обусловленных отношений и связей действительности. Памятники фольклора разных народов и эпох Энгельс сопоставлял не по историко-хронологическому признаку, а на основе принципов, которые в наше время получили наименование историко-типологических. Фольклорная общность была для Энгельса в первую очередь отражением общности в основах быта, в истории социальных институтов и представлений народа.

Доклад И. К. Федоровой «Некоторые особенности кохау ронгоронго» посвящен проблеме происхождения рапануйского иероглифического письма. Согласно сведениям информаторов и фольклорным памятникам, на о. Пасхи имелись те исторические предпосылки возникновения письма, на которые указывал Ф. Энгельс в ряде своих работ. Рапануйское письмо было создано самими рапануйцами на основе пиктографии, от которой до нас дошли лишь петроглифы. Особенности рапануйских текстов, записанных на дощечках кохау ронгоронго показывают, что письмо жителей о-ва Пасхи представляет собой примитивную иероглифику. Это письмо, возникшее в период, когда на острове начала складываться государственность, отражало особенности переходного периода. Оно тоже находилось в стадии становления. Сопоставление петроглифов острова Пасхи и знаков письма показывает, что рапануйская иероглифика возникла довольно рано, задолго до XVI вв., и отражает, следовательно, особенности старорапануйского языка.

Проблемы истории развития религиозных представлений получили отражение в докладе Э. Е. Фрадкина «Опыт палеоэтнографического исследования двух землянок из палеолитической стоянки Костенки I», и докладе Н. Г. Краснодембской «О роли буддизма в культуре сингалов по материалам литературы XIII—XVIII вв.»

Л. И. Лавров выступил с докладом «О первобытных войнах». Докладчик рассмотрел мотивы и военные цели этих войн, применявшиеся тактические приемы и другие детали военного искусства, проследил их эволюцию на поздних этапах доклассового общества.

Новые материалы по истории Кунсткамеры содержались в докладе Т. К. Шафрановской «Кунсткамера в Петербурге и Западная Европа (по известиям иностранцев XVIII в.)».

В источниковедческом по своему характеру докладе О. С. Томазовской «Страна Гвинея в представлениях средневековой Европы» сделаны интересные новые выводы.

К конференции была издана программа заседаний сессии и книжка «Тезисы докладов годичной научной сессии 1969 г.». Конференция прошла интересно, с активным обсуждением докладов, на высоком научном и теоретическом уровне. Большую подготовительную работу провела комиссия под председательством Л. И. Лаврова. Удачно составлена была программа заседаний: доклады группировались тематически, все доклады читались на заседаниях Ученого совета, поэтому не было параллельных заседаний.

Однако в подготовке и проведении сессии были недостатки. Основным из них является малое количество проблемных докладов. Это надо учесть при подготовке очередной, четвертой ежегодной сессии, которая будет посвящена столетию со дня рождения В. И. Ленина.

XI НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

В течение ряда лет музеи и научные учреждения, занимающиеся вопросами этнографии, союзных республик Прибалтики и Кавказа, Белоруссии, Украины и Молдавии, а также Институт этнографии АН СССР составляют региональные «Историко-этнографические атласы». Обсуждению этой работы и была посвящена II научная конференция, проходившая в г. Тарту с 14 по 16 апреля 1969 г. В работе конференции приняли участие этнографы г. Тарту, Москвы, Ленинграда, Таллина, Риги, Вильнюса, Минска, Киева, Кишинева, Еревана, Тбилиси, Саранска, Уфы и др.

Открывая конференцию, директор музея А. Ю. Петерсон рассказал о научных исследованиях сотрудников, о вышедших за последние 10 лет работах, об укреплении связи с зарубежными этнографами, в частности со шведскими и венгерскими, о серьезной работе над «Историко-этнографическим атласом Прибалтики», в котором будут использованы полевые материалы не только сотрудников музея, но и корреспондентов, работающих по заданию музея в разных районах Эстонии.

Присутствующие минутой молчания почтили память академика Х. А. Моора, оказавшего большую помощь музею.

Ежегодно музеем проводится конкурс по сбору этнографического материала на местах. В нем принимают участие многие корреспонденты и члены краеведческих кружков. Сотрудница Тартусского государственного музея Х. Эйслер сделала сообщение об итогах конкурса минувшего года. На конкурс поступила 61 работа (около 3000 страниц) различной тематики. Присуждено 3 основных премии и 29 поощрительных.

На конференции было заслушано 20 докладов. С. И. Брук (Москва) в докладе «Принципы составления общеевропейских атласов» подчеркнул важность работы по составлению региональных атласов, в которых следует показать исторические этапы развития культуры различных районов нашей страны. Докладчик рассказал о том, что во всех странах Европы проводится большая работа по созданию единого «Этнографического атласа Европы», особенно успешно она идет в Югославии, Польше, Венгрии. Очень высоко оценен атлас «Русские», подготовленный Институтом этнографии АН СССР.

Л. Н. Терентьева (Москва) в докладе «О историко-этнографическом атласе Прибалтики» дала характеристику материалам, использующимся при составлении этого атласа. Она остановилась на вопросе методики картографирования, ознакомила присутствующих с общим ходом работы над атласом и сроками, принятыми объединенной редакцией по завершению отдельных этапов работы. Предложила ориентировочные темы для следующих атласов: «Обряды», «Ремесла», «Транспорт».

М. Г. Рабинович (Москва) сообщил о работе над историко-этнографическим атласом Украины, Белоруссии, Молдавии. Докладчик обратил внимание присутствующих на то, что при сборе полевого материала для составления атласа происходит взаимное изучение народов (на Украине — белорусов, на территории Белоруссии — украинцев и т. д.). Национальные различия в элементах культуры будут отражены на картах.

Г. Читай (Тбилиси) подробно охарактеризовал принципы составления историко-этнографического атласа Грузии.

Вопрос о технической стороне работы над составлением атласа был одним из основных на повестке дня. Этому вопросу был посвящен доклад А. Вийрес (Таллин) «О вопросах методики составления карт для этнографических исследований», который вызвал оживленное обсуждение. Основой для создания историко-этнографического атласа является уже существующий атлас «Русские». Значковый метод, применяемый при составлении карт, дает представление о распространенности явлений, но не дает представления о их густоте. Для типологических карт нужно применять метод значков и штриховку, для статистических — заливку и штриховку. От хорошего технического оформления зависит успех раскрытия того или иного явления.

В. Наулко (Киев) предложил вниманию собравшихся доклад «Эстонское население Крымской области УССР» (этностатистическое исследование).

Несколько докладов было посвящено картографированию сельскохозяйственных орудий в Прибалтике: Л. Х. Феоктистова (Москва) «О картографировании традиционных пахотных орудий»; В. Милюс (Вильнюс), И. Лейнасар (Рига), Э. Кару (Таллин), «Молотильные катки»; Э. Яагосильд (Тарту), «Вейание в Прибалтике»; В. Калит (Тарту), И. Лейнасар (Рига), А. Вишняускайте (Вильнюс) «О картографировании первичной обработки льна». В них авторы рассказали об этапах исторического развития различных типов орудий сельского хозяйства, их распространении и бытовании в настоящее время. Так например, молотильный каток явился промежуточным звеном между цепом и молотильной машиной. Появился он в Латвии, затем в Эстонии, в Литву проник в середине XIX в.

Впервые создаются карты «Первичная обработка льна». Автор предложил показать на них не только виды обработки льна, но и указать время их появления.

В. Горленко в докладе «К вопросу об унификации номенклатуры сельскохозяйственных орудий (на примере традиционного украинского плуга)» предложил при состав-

лении «Историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии, Молдавии» пользоваться единой терминологией для обозначения земледельческих орудий.

О картографировании жилища было сделано 2 доклада: «О картографировании основных типов жилища народов Прибалтики», авторы Л. Н. Терентьева, А. Крестыня (Рига), А. Петерсон (Тарту), И. Буткявичюс (Вильнюс) и «Эскизы карт по планировке жилища, строительной технике и материалу молдаван», автор М. Я. Салманович (Москва).

В своем докладе Л. Н. Терентьева отметила динамику развития жилища, выделила 4 их типа, продемонстрировала пробные карты распространения. Указала на важность учета социальных и национальных признаков при составлении карт.

Положительной оценки заслуживало то, что на данной сессии впервые демонстрировались карты, составленные по всему региону Прибалтики — Литве, Латвии и Эстонии. Институтом этнографии АН СССР были подготовлены для этого специальные бланки.

М. Я. Салманович подчеркнула единообразие строительного материала жилища молдаван. Она попыталась показать распространение строительного материала и строительной техники жилища на одной карте.

Очень интересным был доклад А. Ю. Петерсона (Тарту) «Опыт Государственного этнографического музея Эстонской ССР по использованию новейших методов картографирования построек». Метод машинной обработки полевых материалов, которым пользовались сотрудники музея, дает возможность значительно сократить время их обработки. Машина может давать ответ сразу в процентах.

В докладе «Опыт составления карт по поселениям Эстонии» Н. В. Шлыгиной (Москва) и Г. Троски (Таллин) говорилось о том, что специфика эстонского сельского поселения вызывала ряд трудностей при составлении карт. Изучая историю развития поселений по материалам старых шведских карт, авторы пришли к выводу, что для Эстонии наиболее старой является рассеянная форма поселений.

С сообщениями «О картографировании хлевов» выступили Л. Думпе (Рига), Р. Меркме (Вильнюс), Т. Хабихт (Тарту).

Вопросу картографирования одежды было посвящено 3 доклада: М. К. Слава (Рига), М. Мастоניתе (Вильнюс), А. Воолмаа (Тарту), Э. Куйго (Тарту). В докладе «Типы женских рубах в Прибалтике» дали характеристику использованным при составлении карт материалам. М. Мастоניתе (Вильнюс) остановилась на локальных особенностях литовских передников. Л. А. Молчанова (Минск) рассказала о картографировании традиционной белорусской одежды, о том, что в результате анализа собранного материала появилась возможность составить карты, которые не планировались ранее, например, карту «Распространение терминов одежды в Белоруссии».

По окончании работы участникам конференции была предоставлена возможность ознакомиться с богатыми фондами Государственного этнографического музея ЭССР.

Р. А. Григорьева

ВЫСТАВКИ «СОВРЕМЕННОЕ ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО ЯПОНИИ» И «ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ СКУЛЬПТУРА ЯПОНИИ»

В мае 1969 г. в залах Государственного музея искусства народов Востока экспонировалась выставка современного декоративного искусства Японии. Она, как и организованная в 1958 г. первая выставка японского прикладного искусства¹, явилась значительным вкладом в развитие японо-советских культурных связей и была тепло встречена советскими людьми.

Японскому искусству всегда было свойственно особое отношение к предметам быта. Не случайно до конца XIX в. в Японии не существовало деления искусства на «прикладное» и «изящное», ибо любое произведение мастера — будь то сосуд для чайной церемонии или подставка для цветов, веер или детская игрушка, лаковая шкатулка для письменных принадлежностей или вырезанный из кости маленький брелок-нэцке, прикрепляемый к поясу, — творения высокого искусства. Задачей мастера было передать через гармонию формы предмета, через его орнаментику и цвет — передать тому, кто соприкоснется с этим предметом, свой душевный настрой, глубокую мысль, приятное пожелание. Эта главная традиция японского прикладного искусства — традиция

¹ С. А. Арутюнов, Н. М. Ильчук, Выставка «Современное японское прикладное искусство», «Сов. этнография», 1959, № 1. Значительная часть экспонатов выставки 1958 г. поступила в собрание Государственного Эрмитажа в Ленинграде. Характеристике декоративно-прикладного искусства Японии по материалам выставки посвящена работа: В. Т. Дашкевич, Декоративно-прикладное искусство современной Японии в собрании Эрмитажа, Л.—М., 1965.

одушевления казалось бы простых вещей — живет и в современном, сегодняшнем искусстве японских мастеров.

Отличительной чертой быта японцев наших дней является неповторимый синтез глубоко национальных традиций с достижениями современной мировой культуры. Этот синтез присущ и современному прикладному искусству Японии. В этом его своеобразие, неуловимый аромат изящества и гармонии. Ощущение радости от приобщения к большому искусству — главное впечатление от выставки. Изделия из лака, керамика, вышитые панно, поделки из бамбука, художественная обработка металла, панно из бумаги. — словом почти все основные виды японского прикладного искусства были представлены на выставке. И хотя, очевидно, устроителям и организаторам этой выставки хотелось большее ударе-ние сделать на слове «современное», звучание слов «японское» прикладное искусство не стало от этого менее насыщенным. Во всем, что представлено на выставке, видна искони характерная для японского искусства собранность, сдержанность, лаконичность, законченность, до предела отточенное профессиональное мастерство. Ничего случайного, лишнего, недоделанного, недоконченного, ничего неряшливого, хотя бы в целях «живописности» или «артистического беспорядка», здесь не увидишь.

Пожалуй, наиболее многочисленными на этой выставке были лаковые панно. Обращают на себя внимание их размеры. Те панно, которые нам доводилось видеть раньше как на выставках, так и в японских домах, были сравнительно небольшого размера, особенно ограниченного в высоту. Это определялось их назначением — быть украшением интерьера японского жилого дома, небольшого и очень невысокого помещения.

Здесь же все панно большие, нередко квадратные. Они созданы для того, чтобы украшать большие светлые помещения — фойе современных театров, конференц-залы, холлы гостиниц. Создание больших лаковых панно — явление новое в современном прикладном искусстве Японии. Оно связано с развитием новых форм архитектуры в стране — начиная с 1950-х годов. Не случайно японские искусствоведы называют этот период «бумом билдингов»². Среди проблем, которые должны были решить японские архитекторы, важное место занимали две: синтез архитектуры и природы, а также проблема синтеза архитектуры и традиционного прикладного искусства. Так, в интерьере современных зданий с их глухими поверхностями стен стали появляться декоративные росписи, керамические или лаковые панно. Но в отличие от традиционной декоративной живописи, искони украшавшей стены дворцов и феодальных замков и выполнявшейся по пейзажным мотивам, современные декоративные панно имеют своей основной целью создание своеобразного цветового акцента³. Обычно это бессюжетные, абстрактные композиции, броские и яркие. В современной Японии наблюдается переход лаковой живописи от прикладного к станковому типу. Пример такого перехода уже известен в искусстве народов Востока: в 1930-е годы он произошел во Вьетнаме, где сложилась и процветает по сей день обширная школа станковой живописи по лаку.

Тематика лаковых панно, представленных на выставке, весьма разнообразна. Вот панно Такахаси Сэцуру «Окаменевшая зона» (рис. 1). На красном фоне два цветовых пятна неопределенных контуров; тут и там разбросаны силуэты птиц, изображения растительных остатков, в которых угадываются коробочки семян лотоса. В работе чувствуется почерк именно японского мастера. Традиционно уже само сочетание красного и черного лака и изображение плодов лотоса. Одно из самых красивых панно, выставленных в залах музея, работа Кадоно Ивадзи «Хромосфера». На черном фоне золотые сияющие столбы, нимбы. Намеченные очень тонкими неназойливыми линиями, они действительно создают впечатление то ли северного сияния, то ли электрического свечения.

Рис. 1. Такахаси Сэцуру. Окаменевшая зона (лак)

² «История японского искусства», М., 1965 (пер. с японск.), стр. 130.

³ Н. Николаева, Современное искусство Японии, М., 1969, стр. 54—55.

наподобие огней святого Эльма. И невольно, когда стоишь перед этой картиной, на память приходят старые чернолаковые шкатулки, на которых пейзажи и в особенности ветви и хвоя сосен нанесены точно такими же золотистыми веерными штрихами. Совсем уже в традиционном духе японской живописи «нихонга» выполнено панно Митани Гоити «Лес» (рис. 2). В неярких, темно-серых, переливающихся красках — туман, оголенные ветви, стволы деревьев и большая одинокая птица. С древними росписями на стенах буддийских храмов и дворцов, замков императоров и сегунов перекликается панно Ямадзакки Какитаро «Обезьяны».

Сочетание традиционных мотивов с новыми веяниями характерно и для современной японской керамики. Она насчитывает многовековую историю своего развития и отличается необычным разнообразием форм. Оригинальными формами и богатством украшений до сих пор поражают и восхищают посетителей Токийского Национального Музея большие сосуды из золотисто-коричневой или голубоватой глины — сосуды периода Дзёмон⁴.

Рис. 2. Митани Гоити. Лес (лак)

Их расширяющиеся венчики, нередко украшенные рогообразными выступами, их фантастические орнаменты, как застывшие звуки древних саг, повествуют о многовековых связях древних предков японцев с южным миром. Своим золотистым, теплым тоном и необычной формой эти сосуды напоминают какие-то диковинные южные цветы.

На рубеже нашей эры в период Яёи в Японии появляются сосуды, сделанные с помощью гончарного круга. В VI—XI вв. намечается подъем японской керамики, связанный с установлением тесных культурных контактов с Кореей, мастера которой оказали значительное влияние на развитие японского прикладного искусства. В период средневековья особенно славилась художественная керамика из города Сэто в провинции Овари. Не случайно в тот период наиболее известные сосуды для вина, цветочные вазы назывались «Сэто-моно» — вещь из Сэто. В XVI—XVII вв. в связи с распространением чайной церемонии возрос интерес к народной керамике, в которой наиболее ярко была выражена гармония красоты и пользы предмета.

И сейчас этот принцип функциональной красоты вещей является основным для всего прикладного искусства Японии; особенно ярко он проявляется в керамике. Развитию этого вида искусства способствует огромный интерес во всем мире к японской керамике, а также постоянный внутренний рынок в стране.

Вазы, представленные на выставке в Москве, в первую очередь свидетельствуют о поисках японских керамистов в области формы. Наиболее многочисленными были монохромные вазы округлых форм, где поиск художника шел по линии новых способов выявления фактуры материала, новых пропорций и сечений. В этом отношении особенно интересной представляется ваза для цветов Камия Эйсуке, форма которой имитирует обрубок или кусок какой-то металлической конструкции (рис. 3). Но уже в совершенно традиционном духе выполнена чаша Аоки Тосио, особая прелесть которой в простосердечной наивности формы и в как бы случайно сменяющих друг друга цветовых линиях: от черных, через сероватые к белым (рис. 4). Мастер не боится показать зрителю, как идет его кисть, и в ее линиях есть что-то от линий каллиграфа. Размытые темного пятна, его подтеки на фоне белой линии придают сосуду особую артистичность и настроение.

Поиски новых форм, пожалуй, более всего присущи мастерам, работающим по металлу. Вот выгнутая, прорванная в нескольких местах металлическая плита — произведение Ясухара Еситака. Она могла бы, ничем особенно не выделяясь, занять место в любой галерее абстрактного искусства. Но автор назвал ее «садовое украшение», одновременно и подчеркнув этим, что он не пытается вложить в абстрактную композицию какой-либо сокровенный смысл, и четко определив место, которое должна занимать эта плита. И действительно, стоит только мысленным взором представить эту плиту в маленьком японском саду, где всякая искусственность направлена на тщательное вос-

⁴ J. E. K i d d e r, Japan before buddhism, London, 1959, p. 219.

произведение естественности, и она сразу обретает жизнь. Там она будет выглядеть уже не как творение скульптора, а скорее как игра природы, настолько естественны все эти вмятины и разрывы.

Художественная вышивка в Японии, в Китае и Корее по своей тематике и сюжетам нередко связана с живописью. В традиционном духе исполнено панно Ямага Сейка «Феникс» (рис. 5). В народном стиле, воспроизводящем потешные крестьянские детские игрушки, создана работа Кисида Такэси «Кони» (рис. 6). Автору прекрасно удалось передать не только ярмарочную красочность игрушек, но и кажущуюся бесхитрость их плетения.

Рис. 3. Камия Эйсуку. Ваза для цветов (керамика)

Рис. 4. Доки Тосио. Чаша (керамика)

Пейзажи, сюжетные и бытовые сцены использовались и для украшения ширм. Сложные пейзажи нередко передаются разными оттенками одного цвета. В синей тональности сделана ширма Минагава Тайдзо «Дворец Кацура». Индиговые краски присущи и ширме Накай Тэйдзи, изображающей в очень обобщенной форме морской пейзаж. Обе эти ширмы выполнены классической для подобного рода вещей техникой батик «рокэцуудзомэ».

До сих пор во многих районах Японии сохраняется один из древнейших видов народного ремесла — плетение из бамбука. Пожалуй, именно в этом виде прикладного искусства наиболее отчетливо видна неразрывная связь утилитарности предмета с изысканной утонченностью исполнения. Такова золотистая корзина для цветов «Взморье» работы Адзута Тикуэнсай (рис. 7) и покрытая черным лаком корзина Суэмура Собун «Музыка моря» (рис. 8). Этим двум произведениям, которые можно отнести к лучшим образцам японского художественного плетения, присущи изящество, лаконичность и пропорциональность.

Рис. 5. Ямага Сэйка. Феникс (вышивка)

Рис. 6. Кисида Такэси. Кони (вышивка)

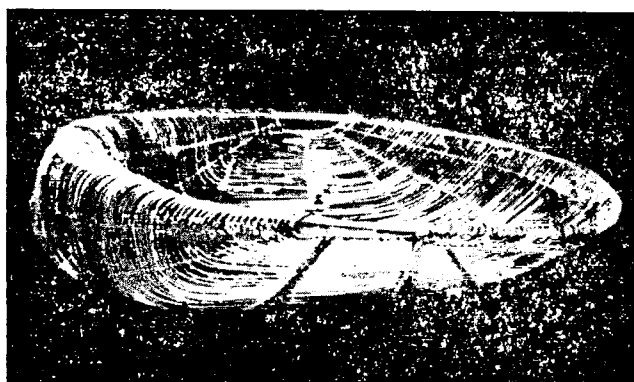

Рис. 7. Адзута Тикуэнсай. Взморье (плетение)

Рис. 8. Суэмура Собун. Музыка моря (плетение)

Сильное впечатление производит работа Огава Есикадуз — панно «Японская бумага». Это действительно всего лишь японская грубоватая бумага, с ее шершавостью, волокнистостью, раскрашенная несколькими полосами разных цветов — черного, серого, розового. Ничего, кроме любования фактурой привычного материала, подчеркивания его декоративных возможностей в цвете. И в этом выявлении внутренней сущности материала самого по себе — притягательная сила этой работы.

Выставка 1969 г., несмотря на ее скромные размеры, несомненно, отразила сегодняшний этап развития японского прикладного искусства. Представленные на ней экспонаты интересны и искусствоведам, и этнографам, и всем, кто интересуется культурой японского народа.

Еще не успели убрать залы в Музее искусства народов Востока, как в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина распахнулись двери второй выставки японского искусства, на сей раз не современного, а отделенного от нас многими веками. Выставка «Древняя и средневековая скульптура Японии», которая до Москвы экспонировалась в ленинградском Государственном Эрмитаже, — явление уникальное. На ней представлено немногим более 60 экспонатов, но среди них такие произведения искусства, которые Государственной художественной комиссией Японии отмечены как «выдающиеся памятники культуры» и «национальное сокровище». Большинство из них происходит не из коллекций музеев, а впервые покинуло стены своих святилищ и храмов для далекого путешествия за рубеж.

Вся представленная на выставке скульптура — культовая, но весьма разнообразного назначения.

Открывают выставку «догу» — миниатюрные статуэтки из обожженной глины периода Дзёмон, еще более фантастичные, чем сосуды этой эпохи. Все «догу» — женские статуэтки, скорее всего, связанные с культом плодородия или прародительниц. Части тела в них тракуются крайне условно, часто глаза и рот обозначены как три одинаково оформленных круглых или овальных медальона. Оформление глаз в форме раковины (свойственное, между прочим, и некоторым образцам африканской скульптуры) в конце прошлого и начале нашего века дало повод к трактовке их как защитных очков и к сопоставлению населения периода дзёмон с эскимосами (рис. 9) ⁵. Однако орнамент одежды «догу», изображенный нередко очень тщательно, весьма схож с узором современных айских халатов.

Особняком стоит выполненная совершенно в другом стиле сидячая скульптура-оссуарий периода Яёи, т. е. уже бронзового века Японии. Оссуарные захоронения характерны для многих районов Юго-Восточной Азии (современного Вьетнама, островов Рюкю) и для древней Японии. Но оссуарий такой формы для этих районов совершенно необычен и скорее вызывает в памяти зороастрийские оссуарии Средней Азии.

За «догу» идут «ханива» — культовая скульптура «курганной культуры» эпохи раннего железа в Японии (III—VI вв.). Ханива — большие глиняные изображения, украшавшие курганные насыпи могил племенной знати ⁶. По стилю они совершенно противоположны «догу», их наивный, но очень последовательный реализм достигается весьма скупыми изобразительными средствами. Благодаря своему реализму ханива — ценнейший этнографический источник. На них нередко отражены самые мелкие детали материальной культуры того времени — покрое одежды, форма завязок, типы оружия и орудий, доспехи, конская сбруя и т. д. Интересна история ханива. Первоначально (IV в. н. э.) это были полые внутри глиняные цилиндры, назначение которых заключалось в том, чтобы отделить одно погребение от другого. Начиная с V в. н. э. появляются предметные ханива: изображения щитов, колчанов, домов, лодок. На выставке представлена ханива в форме щита, украшенного своеобразным орнаментом (сочетание прямых и дугообразных линий). Подобный орнамент встречается и на других бытовых предметах эпохи Кофун («древние курганы»). Несомненно, что ханива в виде щитов

Рис. 9. Догу периода дзёмон

⁵ С. Цубои, Коропок-гуру должны были жить на Хоккайдо, «Дзинруйгаку дзаси» («Антропологический журнал», т. 2, № 12, Токио, 1887 (на японск. яз.).

⁶ R. K. Beardsley, Japan before history, «Far Eastern Quarterly», vol. 14, No 3, Lancaster, 1955.

Рис. 10. Бодисатва Каннон. Бронза, период Нара

хранилищем буддийских сокровищ, эти храмы, как и монастыри Киото, до сих пор берегут в своих стенах творения великих японских скульпторов древности — Тори (VII в.), Дзётё (XI в.), Кобэна, Ункэя, Канкэя и Дзэнсюна (XIII в.).

Японская буддийская скульптура имеет длительную историю. Работы мастеров периода Асука (VI—VII вв.) и раннего периода Нара (VII—VIII вв.) принято относить к героическому стилю. Величественность и грандиозность фигур божеств этого периода еще несет на себе сильное влияние индийских традиций, но в спокойных, округлых

и колчанов, установленные на курганах, служили регалиями власти умерших правителей. На последнем этапе появляются ханива, изображающие людей. Вот перед нами женщина. У нее на голове сосуд, возможно с водой. За спиной — засыпающий ребенок. С губ чуть приоткрытого рта кажется вот-вот польется тихая колыбельная песенка. С наивной и неподдельной искренностью и мягким юмором мастера ханива умели передавать различные настроения своих персонажей. Не случайно одна скульптура и получила название «Улыбающийся мужчина». Плоское лицо с чуть вздернутым носом, прямые палочки бровей, большой улыбающийся рот и смеющиеся глаза. Да, человек улыбается, как бы мы сказали, во весь рот, и ничего, что на голове у него шляпа, полагающаяся большому чину, а на плече — щит. Глиняный человек улыбается нам через века. Лукавой улыбкой освещено и лицо крестьянина. Его устремленные прямо на зрителя глаза и прижатые к груди, как бы в едином порыве, руки — невольно заставляют остановиться и прислушаться: не сорвется ли с его губ веселая шутка или остроумный анекдот.

Воины в полном боевом облачении и танцоры, женщины в сложных головных уборах и крестьяне с мотыгой на плече и серпом на поясе — серьезные и улыбающиеся, задумчивые и сосредоточенные. Такими встают перед нами люди древней Японии в творениях мастеров ханива. Созданные для того чтобы сопровождать умерших в потустороннем мире, они, так же как и ханские погребальные статуэтки и персонажи древнекогурёских гробниц, пережили века и донесли до нас дыхание и трепетность жизни того далекого времени. И в этой «связи времен», пожалуй, самая притягательная сила древних глиняных скульптур — ханива.

С VI в. начинается история буддизма в Японии. Одновременно японское искусство, до этого относительно изолированное от материковых влияний, включается в широкую область восточноазиатских культурных традиций, развивает весьма далекие культурные связи и контакты, идущие не только в соседние Корею и Китай, но и в Юго-Восточную Азию, Индию, Центральную Азию и Иран.

На выставке представлены почти все основные направления средневековой японской буддийской скульптуры. Монументальные, исполненные величия и строгости статуи божеств, украшавшие центральные залы храмов, и произведения малых форм — творения японских мастеров, выполненные из дерева, лака, отлитые из бронзы. Среди экспонатов выставки художественные шедевры из древнейших японских храмов: Хорюдзи, Якусидзи, Тосёдайзи, Кофукудзи в Нара. Являясь в течение многих веков

лица будд и бодисатв, в любовании художника плавно стекающими складками одежды (рис. 10) видны уже те приемы, которые будут использованы и развиты через несколько веков в совсем ином жанре японского искусства — в гравюрах XVIII—XIX вв., особенно в женских портретах.

Период Хэйан (VIII—XII вв.) отмечен появлением скульптур, выполненных в национальном стиле. Особая заслуга принадлежит скульптору Дзётё, который создал фигуру Будды в храме Бёдоин, около Киото. Ему же приписываются рельефные изображения летящих в облаках бодисатв (пятьдесят одна фигура). Две из этих скульптур экспонируются в Москве. В мягкой, изысканной форме переданы непринужденные движения божеств. Эмоциональный настрой бодисатв, летящих в облаках, легко и свободно передан мастером. Строгим, нерасчлененным контурам скульптур более раннего периода здесь противопоставлена асимметричность силуэтов.

В период Камакура (XII—XIII вв.) большое развитие получила портретная скульптура. Изображение учеников Будды и наиболее прославленных монахов давало простор творческой инициативе скульпторов. В XIII в. прославился мастер Канкэй. Его резцу принадлежит десять фигур — десяти учеников Будды, установленные в храме Дайхондзи (Киото). Две из этих статуй на время покинули тихий и величественный зал храма и прибыли в Москву. Это портреты двух учеников Будды — Субодая и Дайкасё. Канкёю удалось передать внутреннюю индивидуальность и душевный настрой каждого из героев.

Бурный расцвет буддийской скульптуры способствовал тому, что уже в период Хэйан стали появляться скульптурные изображения божеств японской народной религии — синто. Не подчиненные строгим канонам буддийской иконопластики, они сразу же приобрели гораздо большую свободу выражения и светскость форм, чем собственно буддийская скульптура. Такова фигура молящегося мальчика, с простыми детскими чертами лица, облаченного в кимоно с самым обычным японским узором. Особенно впечатляет статуя Маваранё, изображающая пожилую женщину с добрым и усталым, много пережившим лицом.

Совершенно по-современному, никак не связанным с религиозным видением мира, выглядит редкий образец анималистической скульптуры — собачка периода Камакура из монастыря Кодзандзи.

Особый жанр японской скульптуры — театральные маски. Самые древние из них относятся к периоду Нара и были связаны с пантомимами «Гигаку» (маски «Конран» и «Барамон»). Большая сила экспрессии и гротеск, заключенные в них, получили дальнейшее развитие в масках для представлений «Бугаку» (маска «Батто») и для спектаклей театра «Но». Лаконизм и подлинный юмор характерны для масок «старик» и «старуха» (рис. 12). В позднем средневековье (XVII—XIX вв.) монахи секты Дзэн создали немало прекрасных творений как в живописи, так и в скульптуре. Особенно выделяется в это время талантливый скульптор-самоучка, странствующий монах Энку (XVII в.). Его произведения, разбросанные по малоизвестным провинциальным и сельским храмам, лишь сравнительно недавно стали известны японской общественности, но сразу же привлекли к себе всеобщее внимание своей исключительной непосредственностью,

Рис. 11. Энку. Небесный страж. Дерево, период Эдо

тонким чувством материала — простых, грубо обработанных деревянных обрубков и исключительной человечностью и теплотой⁷ (рис. 11). Произведения Энку, его «улыбающиеся будды» с их наивным реализмом и точностью характеристик, чем-то удивительно напоминающие человеческие изображения ханива, — прекрасное завершение экспозиции выставки «Древняя и средневековая скульптура Японии»⁸.

Рис. 12. Маска театра «Но» «старуха». Дерево, период Муромати

Вот и закончилось наше путешествие в чудесный мир японского искусства, в мир прекрасного. Эти две выставки, казалось бы столь различные, удачно дополняют друг друга. Первая осветила нам современную жизнь японских культурных традиций, а вторая на небольшом конкретном материале скульптуры показала, как эти традиции возникали и развивались. При этом особенно ценной представляется возможность видеть, что те черты современного искусства Японии, которым поверхностное наблюдение порой готово приписать нарочитый модернизм, на деле были давно заложены в удивительно «по-современному» выглядящих сегодня древних ханива, раннесредневековых синтоистских статуях, позднесредневековых скульптурах Энку.

Выставки японского искусства в СССР, как и выставки советского искусства в Японии, давно стали хорошей традицией в культурных контактах стран-соседей. Эти выставки стали важными культурными событиями, помогающими делу дружбы и взаимопонимания народов.

С. А. Арутюнов, Р. Ш. Джарылгасинова

⁷ Творчеству Энку в советском искусствоведении посвящена специальная работа: Г. Комаровский, Пять тысяч будд Энку, М., 1968.

⁸ Успеху выставки немало способствовал изданный на русском языке подробный каталог со статьями японских искусствоведов Бун Курата и Ёсимаро Ногуты и с множеством черно-белых иллюстраций («Скульптура древней и средневековой Японии». Каталог выставки. Л., 1969. Пер. с японск. В. Т. Дашкевич). Иллюстрации к данной статье взяты авторами из каталогов: «Exhibition of modern decorative arts of Japan», Tokyo, 1969; «Скульптура древней и средневековой Японии», Л., 1969.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТОКАРЕВ

(К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

29 декабря 1969 г. советская научная общественность отмечает 70-летие со дня рождения Сергея Александровича Токарева — крупнейшего советского этнографа, ученого с необыкновенно широким кругом интересов, человека энциклопедических знаний во всех областях истории и этнографии.

Начиная с 1926 г. трудовая деятельность Сергея Александровича тесно связана с этнографией. После окончания в 1925 г. Московского государственного университета он поступил в аспирантуру при Институте истории РАН ИИОН по секции этнологии. В 1935 г. ему была присуждена степень кандидата исторических наук (без защиты диссертации), а в 1940 г. он защитил докторскую диссертацию. Сергей Александрович длительное время работал в Музее народов СССР, в Музее истории религии, в те годы называвшемся Центральным антирелигиозным музеем, возглавляя там ведущие отделы, был профессором кафедр этнографии исторических факультетов МГУ и МИФЛИ. С 1943 г. С. А. Токарев работает в Институте этнографии АН СССР, первоначально возглавляя сектор народов Австралии, Океании и Америки, а с 1957 г. — сектор народов Зарубежной Европы. Сергей Александрович успешно руководит кафедрой этнографии исторического факультета Московского университета.

Трудно найти проблемы этнографической науки, в которые С. А. Токарев не внес бы принципиально новых решений; еще в 1920-е годы он интенсивно разрабатывает проблемы общественного строя, этногенеза, истории, материальной культуры народов Австралии и Океании, и его работы, написанные в то время, не потеряли своего значения и в наши дни. Важным теоретическим вкладом в изучение истории первобытного общества была его работа «Родовой строй в Меланезии» (1933). По существу С. А. Токарев — создатель советской школы океанистики.

Многие годы своей научной деятельности Сергей Александрович посвятил изучению мало разработанных проблем отечественной этнографии. Его перу принадлежат фундаментальные исследования этнографии народов СССР. Впервые после труда И. Георги, опубликованного в конце XVIII в., мировая наука получила первоклассную систематическую сводку по этнографии народов СССР («Этнография народов СССР», М., 1958). Большой вклад внес С. А. Токарев своими трудами в исследование истории этнографии народов Сибири — алтайцев, бурят, хакасов, якутов. В 1940 г. вышел в свет написанный им «Очерк истории якутского народа». В этой работе С. А. Токарев на основе разнообразных источников впервые дал последовательное изложение истории якутов, по-новому подошел к вопросу о происхождении якутского народа. Углубленная разработка обширных архивных материалов XVII в. позволила С. А. Токареву осветить раннюю историю якутов. Заслуженной известностью среди сибиристов пользуется его фундаментальная монография «Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв.» (Якутск, 1945).

Особенно большое место в теоретических изысканиях С. А. Токарева занимают проблемы религиоведения. Им посвящен ряд исследований юбиляра. В труде «Религия в истории народов мира» (1964) Сергей Александрович, на основе огромного фактического материала, строит свою классификацию религиозных систем. Здесь дан поистине всеобъемлющий обзор религии с древнейших времен до наших дней в неразрывной связи с историческим развитием. Другая книга юбиляра посвящена ранним формам религии (1964). Несмотря на проблемность и спорность ряда положений, этот труд является одним из лучших марксистских исследований в области религиоведения. Особенно ценно то, что автору удалось дать здесь строго научную классификацию религиозных верований, впервые выделить некоторые их формы, показать их историческую преемственность.

Одна из тем исследований С. А. Токарева, к которой он постоянно обращается, история мировой и отечественной этнографической науки. Всеобщее признание получил его фундаментальный труд «История русской этнографии» (1968), удостоенный в

1969 г. премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. В настоящее время Сергей Александрович заканчивает крупное исследование по истории зарубежной этнографии; в нем дается марксистский анализ различных школ и направлений в этнографической науке Запада.

Наряду с напряженной научно-исследовательской работой Сергей Александрович, не жалея сил и времени, ведет большую редакционную работу. Здесь и постоянное его участие в издании главного научного органа советских этнографов — журнала «Советская этнография» (в качестве члена редколлегии), и подготовка к изданию многочисленных трудов Института этнографии АН СССР, кафедры этнографии МГУ, республиканских академий, Сибирского отделения АН СССР и др. Неоценимый вклад как автор и редактор внес Сергей Александрович в подготовку и издание крупнейшей в мировой науке сводки по всемирной этнографии (серия «Народы мира»).

Много сил и энергии С. А. Токарев отдает подготовке квалифицированных ученых-этнографов. Среднее и молодое поколения советских этнографов в той или иной степени формировались под идейным влиянием Сергея Александровича. Десятки его бывших учеников — ныне кандидаты и доктора — работают в центральных и местных научных учреждениях, учебных заведениях, а также за пределами нашей страны.

Отмечая юбилей этого выдающегося советского ученого, нельзя не сказать о его чисто человеческих качествах, проявляющихся как в научной работе, так и в педагогической деятельности. Все мы, знающие С. А. Токарева по совместной работе, высоко ценим его научную принципиальность, бескомпромиссность, душевную щедрость, сердечную теплоту, готовность всегда и во всем помочь коллегам по работе, исключительное трудолюбие.

Заслуги С. А. Токарева получили высокую оценку не только у нас в Советском Союзе, но и за рубежом — одно из свидетельств тому избрание юбиляра в 1965 г. иностранным членом Сербской Академии наук и искусств. Многие труды Сергея Александровича приобрели широкую известность, они многократно переиздавались за границей. С 1966 г. С. А. Токарев избран членом редакции международного журнала «Этнология Эуропеа».

Заслуги Сергея Александровича перед советской наукой отмечены рядом правительственных наград, среди которых орден Трудового Красного Знамени. За труды по изучению истории и этнографии народов Сибири и подготовку местных кадров С. А. Токарев награжден почетными грамотами Президиумов Верховных Советов Якутской и Бурятской АССР; в 1956 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Якутской АССР.

Товарищи и ученики юбиляра желают ему многих лет жизни, крепкого здоровья и новых больших успехов в развитии советской этнографической науки.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

СТРАНА ИДЕТ К РАСКОЛУ...

«Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders». New York, 1968, 609 p.

В последние годы мир является свидетелем непрерывной эскалации «расовых волнений» в городах США. Если в 1965 г. было отмечено пять крупных восстаний в негритянских гетто, то в 1967 г. — уже около восьмидесяти. «Расовые мятежи достигли в 1967 г. новой силы, приобретая масштабы партизанской войны. Не менее 118 человек было убито и тысячи человек ранены. 23 раза приходилось вызывать национальную гвардию, чтобы восстановить порядок. В Детройт на подавление беспорядков была отправлена американская армия»¹. Особой остроты положение достигло во второй половине июля, когда волнениями были охвачены сорок городов в 20 штатах.

В этих условиях президент Джонсон 29 июля 1967 г. учредил специальную Комиссию по расследованию гражданских беспорядков, поставив перед ней задачу ответить на три основных вопроса: «Что произошло? Почему это произошло? Что может быть сделано для предотвращения этого в будущем?» Комиссия из 11 человек, возглавляемая губернатором штата Иллинойс Отто Кернером, включала двух сенаторов (в том числе негра Э. Брука) и двух членов палаты представителей, мэра Нью-Йорка, бизнесмена — директора и члена правлений ряда компаний, профсоюзного босса из АФТ — КПП, шефа полиции г. Атланта, председательницу ряда «деловых» женских организаций, лидера Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения Р. Уилкинса. Отмечая факт включения в комиссию двух негров, Том Уикер (из газеты «Нью-Йорк Таймс») — автор предисловия к ее отчету, опубликованному нью-йоркским издательством «Бэнтам букс», подчеркивает их «умеренность».

Комиссия создала в 23 городах, из числа охваченных волнениями, специальные группы «в целях общего расследования беспорядков». Члены комиссии сами посетили эти города, заслушали показания многих свидетелей, консультировались со специалистами. Кроме того, поскольку президент предложил также выяснить, «в какой степени имели место планирование или организация тех или иных беспорядков», был образован особый следственный аппарат, изучивший тысячи документов, собранных федеральными ведомствами и комиссиями конгресса, а также ФБР и полицейскими властями. Было опрошено более 1200 человек — от мэров и полицейских до сотен участников «беспорядков». К началу марта 1968 г. комиссия опубликовала отчет, насчитывающий четверть миллиона слов. Первые три части его отвечают на поставленные перед комиссией вопросы, четвертая — содержит дополнения и приложения.

Однако свой основной вывод члены комиссии сообщают уже во введении. «Наша страна, — говорится на первой странице отчета, — идет к расколу на два общества, одно — черное, другое — белое, разделенных и неравных по своему положению». И далее, отвергнув миф о том, что негритянские волнения якобы результат «красного заговора», авторы отчета были вынуждены признать, что «беспорядки в городах летом 1967 года не являлись результатом или следствием проведения в жизнь какого-либо организованного плана или заговора». Комиссия признает также, что она «не обнаружила никаких данных, подтверждающих, что все или хотя бы некоторые вспышки беспорядков, либо вызвавшие их инциденты, были запланированы или организованы какой-нибудь международной, национальной, либо местной организацией или группой» (стр. 20—21).

В первой части отчета, называющейся «Что произошло?», содержится описание наиболее крупных «беспорядков» (в Ньюарке, Детройте, Цинциннати, Атланте и др.), анализ их развития, характера, состава участников и причин недовольства негритянского населения в данных городах. Факты, приведенные там, не оставляют камня на камне от утверждений реакционной прессы о «чужаках-подстрекателях», «уголовниках» и

¹ «United States News and World Report», 25 IX. 1967, p. 46.

«черных снайперов», якобы истреблявших белых американцев. «Как правило,— говорится в отчете,— в гражданских беспорядках 1967 года принимали участие негры, выступавшие против местных символов общества, власти и собственности белых американцев в негритянских кварталах, а не против самих белых как таковых» (стр. 110). Большинство из них составляли молодые люди от 15 до 20 лет. Примерно пятая часть их совсем не имела работы, остальные имели, как правило, временную, низкооплачиваемую работу (стр. 128—129, 414). Подавляющее большинство убитых и раненых также составляли негры, в том числе женщины и дети.

Комментируя первую часть отчета, упомянутый уже Т. Уикер в своем предисловии пишет: «Мифы, естественно, разбиты. Больше не приходится говорить о негритянских снайперах в мятежах 1967 года; большинство стрелявших — напуганные солдаты национальной гвардии и полицейские. Не было и организованного заговора, как склонен был считать президент Джонсон, когда назначал комиссию» (стр. IX—X).

Для того чтобы как-то объяснить миру причину хронических кровавых столкновений в городах «демократической Америки», некоторые органы американской прессы еще до событий 1967 г. пытались вслед за полицейскими властями взвалить всю вину на «долгое жаркое лето» и «пороки большого города», на... самих негров, якобы «склонных к насилию», на особенности сабурбанизации в США (связанные с оттоком белого населения из крупных городов в пригороды) и т. д. Однако выводы комиссии подтвердили мнение объективных исследователей о том, что причины волнений следует искать в социальном, экономическом и политическом бесправии негритянского населения.

«Социальные и экономические условия в городах, где произошли беспорядки,— говорится в отчете,— ставят негров в явно проигрышное положение в сравнении с белыми, независимо от того, живут ли негры в районе, где произошли эти беспорядки, или за его пределами. Негр кончает в начальной школе меньше классов, чем белый, и несравненно меньше негров, чем белых, имеют возможность посещать среднюю школу. У негров вдвое больше шансов оказаться без работы и втрое больше шансов получить неквалифицированную работу или какую-нибудь должность в сфере обслуживания. Доход негра в среднем составляет 70 процентов дохода белого², и у него было вдвое больше шансов оказаться в условиях бедности. Хотя квартирная плата для негров сравнительно выше, чем для белых, они живут в худших условиях; у них втрое больше шансов оказаться в обстановке скученности и в более ветхих домах с плохими бытовыми условиями» (стр. 8).

Отметив, что «наиболее трудными и серьезными проблемами, неразрывно связанными с проблемой гражданских беспорядков», являются «повсеместная расовая дискриминация при найме на работу», безработица, жилищные условия и произвол полиции, комиссия вынуждена признать, что «многие виды работы, доступной неграм,— это неквалифицированная работа. Доля мужчин-негров, занятых на низкооплачиваемой работе, работающих в качестве чернорабочих и в сфере обслуживания, примерно в три с лишним раза превышает долю белых мужчин, выполняющих такую же работу. Подобная концентрация негритянского труда на самых низких ступенях квалификационной лестницы является единственной наиболее важной причиной бедности среди негров» (стр. 255).

Отсутствие квалификации в условиях научно-технической революции, развернувшейся в послевоенные десятилетия в США, превращает большинство потерявших работу негритянских рабочих не просто в безработных, но часто в «вечных» безработных. «500000 живущих в городских центрах «безнадежных» безработных, не имеющих начального образования и лишенных возможности иметь постоянную работу, это главным образом мужчины-негры в возрасте от 18 до 25 лет» (стр. 414).

Американская официальная статистика обычно значительно преуменьшает подлинные масштабы безработицы в стране и особенно среди негритянского населения. Исследование, при котором учитывались не только стоящие на учете безработные, но и занятые частично, а также люди, потерявшие всякую надежду и давно переставшие искать работу, показало, как свидетельствует комиссия, что «процент недостаточной занятости» в 8,8 раза выше официального среднего уровня безработицы по стране (стр. 257).

Хроническая безработица в немалой степени способствует тому, что в США называют «процессом разрушения негритянской семьи». Об этой проблеме американские социологи написали уже немало, показав, как каждый этап трагической негритянской одиссеи в Америке усугублял этот процесс. Начало ему положили рабство и работорговля. Массовое переселение негров в XX в. с Юга в большие города Севера и Запада привело к еще большей дезорганизации семейной жизни. Мужья и отцы, отправляясь на Север, часто бросали семьи навсегда. Да и семьи, переселившиеся с Юга, нередко распались в городах Севера. Невозможность для негра-мужчины найти работу, чтобы прокормить семью и утвердить свое положение в ней и свое достоинство, нередко приводит к отчаянию, пьянству, преступности. Еще чаще отцы семей уезжают на поиски работы в другие города и штаты, надолго или вообще бросая семью.

² Авторы отчета имеют в виду заработок одного работающего; средний доход негритянской семьи в 1950—1960-х годах не превышал 54—58% дохода белой семьи.

Отмечая связь между ростом безработицы среди негров-мужчин и ростом числа негритянских женщин, покинутых своими мужьями, авторы отчета приводят данные, из которых следует, что в 1950 г. женщины возглавляли 8,5% всех белых и 17,6% негритянских семей, а в 1966 г. соответственно, 8,9% белых и 23,7% негритянских семей. Удельный вес «незаконнорожденных» в общей массе родившихся негритянских детей в 1940 г. составлял 16,8%, а в 1966 г. — 26,3%, достигая в некоторых негритянских гетто 50%! (стр. 261, 262).

«Трудности, испытываемые детьми, растущими без отцов в обстановке бедности и лишения», — говорится в отчете, — усугубляются тем, что матери вынуждены работать, чтобы иметь средства к существованию. Бедность, вызванная безработицей, и дезорганизация семейной жизни порождают систему жестоких, безжалостных отношений в негритянских гетто. Проституция, употребление наркотиков и преступность создают атмосферу «джунглей», для которой характерны отсутствие личной безопасности и напряженность» (стр. 262).

«Дезорганизация семейной жизни», как ни странно, способствует и характер системы пособий по безработице, по существу подбивающей бедняков на развод: во многих штатах семье, не имеющей средств к существованию, отказывают в пособии на детей, если в доме есть работоспособный. Это правило нередко понуждает безработного негра к официальному разводу с женой, если он не хочет, чтобы дети его продолжали голодать.

В то же время система пособий по безработице, как свидетельствуют авторы отчета, не охватывает «многих терпящих большую нужду людей, которые при условии надлежащей помощи могли бы стать полезными в производстве и материально независимыми гражданами». Комиссии пришлось также признать, что эти пособия «значительно меньше необходимого минимума для приемлемого уровня жизни» и что они «унижают человеческое достоинство» (стр. 457).

Все это объясняет, почему в 1966 г. ниже официально определенного «уровня бедности» жило, как сообщает в отчете, 40,6% негритянского и только 11,9% белого населения США. Причем две пятых негритянского населения, живущего «ниже уровня бедности», сконцентрировано в крупнейших городах страны (стр. 258).

И в этой связи комиссия отмечает чрезвычайную остроту жилищной проблемы. С 1910 по 1966 г. число негров в городах северных и западных штатов возросло в 41 раз. Только в 1940—1960-х годах с Юга на Север и Запад перебраслось 4 млн. негров, и сейчас в двадцати крупнейших городах сосредоточена треть негритянского населения США (из них в семи негры составляют свыше 30%, а в Вашингтоне — даже 66% всего населения) (стр. 241).

Основной поток негритянских мигрантов, по данным, приведенным в журнале «Fortune», идет из Флориды, Джорджии, Южной и Северной Каролины и Виргинии в Нью-Йорк и Филадельфию. Три четверти негров, живших в 1960 г. в Нью-Йорке, но родившихся вне его, прибыли из этих штатов, а также из Делавэра, Мэриленда и Западной Виргинии. Второй поток переселенцев-негров идет из Миссисипи, Алабамы, Теннесси, Кентукки главным образом в Чикаго и Детройт. Половина проживавших в 1960 г. в Детройте и три пятых проживавших в Чикаго, но родившихся вне этих городов негров, были выходцами из указанных штатов. Наконец, третий поток мигрантов направлен из Луизианы, Техаса, Арканзаса и Оклахомы в Калифорнию. Так, в Лос-Анджелесе выходцы из этих штатов составляли в 1960 г. более половины негров — жителей этого города, родившихся вне его³.

Обычно негритянские семьи не покидают сразу свою ферму или поселок на Юге, а посылают сначала «разведчика» — отца или старшего сына. После ищется сельское Юга северные города первое время кажутся переселенцам чуть ли не раем. Однако действительность очень скоро показывает им, насколько ошибочны были первые впечатления. Из-за жесточайшей расовой сегрегации переселенцы вынуждены селиться в возникших еще в 1920—1930-х годах в городах США негритянских гетто, как правило, представляющих собой районы трущоб. «В настоящее время, — констатирует комиссия, — две трети негритянских семей, обитающих в центральных районах городов, живут в кварталах, явно не соответствующих нормам». Крайняя перенаселенность «дает домовладельцам возможность делить квартиры на меньшие и, уплотняя таким образом их обитателей, брать за плохие квартиры в гетто более высокую плату, чем они могли бы брать в условиях действительно свободного рынка жилья» (стр. 473). Отмечается также, что «в магазинах, расположенных в гетто, товары продаются по явно более высоким ценам, чем в других районах» (стр. 275).

Еще в 1954 г. Верховный суд США запретил расовую сегрегацию в области образования. Однако она не только не исчезла, но в связи с сегрегацией в жилищном вопросе даже возросла, ибо дети обычно ходят в школу по месту жительства. В Нью-Йорке в 1964 г. число фактически сегрегированных (где более девяти десятых учеников — негры либо белые) школ стало вдвое больше, чем в 1954 г. В Вашингтоне в 1953/54 учебном году насчитывалось 45 тысяч белых школьников, а в 1966/67 учебном году — только 13,5 тысяч; 90% учащихся городских школ Вашингтона сейчас негры. Белые вашингтонцы предпочитают переселяться в пригороды и там обучать своих детей в «белых» школах. Так одна форма расовой сегрегации порождает другую. И,

³ «Fortune», 1968, vol. 78, N 2, pp. 151, 152.

конечно, материальное положение школ, находящихся в гетто, состав учителей, качество обучения там несравнимы со школами в районах, где проживают белые американцы. «Жалкий уровень школьного образования детей гетто,— констатирует комиссия,— опускается все ниже» (стр. 425). И это также является одной из причин огромной безработицы среди негритянской молодежи.

Комиссия вынуждена также признать, что в результате превращения гетто в очаги нищеты, антисанитарии и отчаяния, а также в связи с расовой дискриминацией в области здравоохранения, уровень заболеваемости и смертности населения, в том числе среди детей, там выше в 2—3 раза, чем в «белых» районах (стр. 269).

Наконец, в отчете подчеркивается, что в половине расследованных случаев «беспорядки» начались с инцидентов, вызванных действиями полиции: «Полиция играет не только роль „искры“, вызвавшей вспышку насилия... В глазах многих негров она стала олицетворять власть белых, белый расизм, репрессии. И дело в том, что во многих случаях действия полиции подтверждали представление о ней. Атмосфера враждебности и цинизма еще больше обостряется широко распространенным среди негров убеждением в применении полицией жестоких методов обращения и «двойном подходе» к осуществлению правосудия и защите прав граждан — одним для негров и совсем другим — для белых» (стр. 206, разрядка наша — Э. Н.). И далее сама комиссия недвусмысленно подтверждает обоснованность подобного убеждения, констатируя, что «во многих городах, где прошлым летом были беспорядки, наблюдались неоднократные нарушения процедуры привлечения арестованных к суду, их судебного преследования и защиты... В тех городах, где происходили массовые аресты, многие из арестованных были лишены основных прав, предусмотренных законом» (стр. 19, разрядка наша — Э. Н.).

В целом, свидетельствуют члены комиссии, «сегрегация и нищета создали в расовых гетто такую губительную среду, о которой не имеют ни малейшего представления большинство белых американцев. Белые никогда полностью не понимали, что белое общество ответственно за появление гетто, а негры этого никогда не смогут забыть. Белые институты породили гетто, белые институты поддерживают его, белое общество мирится с ним». И далее: «Расовые предрассудки решающим образом очертили историю нашей страны, а теперь угрожают нашему будущему. Именно белый расизм — основная причина появления той взрывчатой смеси, которая накопилась в наших городах после второй мировой войны» (стр. 203). А детонатором, воспламенившим эту «взрывчатую смесь», послужили «терроризм белых», жертвами которого стали участники движения «ненасильственного сопротивления» и «открытое нарушение закона и постановлений федеральных властей должностными лицами администрации штатов и муниципалитетов, противившимися процессу десегрегации» (стр. 203).

Таким образом, президентская комиссия заклеила «демократическую Америку», как глубоко пропитанную расизмом страну, которой, если не принять немедленных мер, грозит расовый раскол и апартеид южноафриканского типа.

Напомним, что к 1985 г. негритянское население крупнейших городов США достигает 21 млн. чел. и составит там большинство населения, комиссия рекомендует отказаться, пока не поздно, от нынешней политики и взять курс на повышение жизненного уровня негритянской бедноты в сочетании с политической интеграции, которая привела бы к постепенной ликвидации гетто. С этой целью она, в частности, рекомендует: резко увеличить ассигнования на коммунальное обслуживание и социальное обеспечение обитателей гетто, дотации и другую помощь им; создать в гетто отделения местной администрации и увеличить в них представительство негритянского населения; устранить дискриминацию «при выборе работы, образования, жилья» и «развивать контакты между расовыми группами»; «принять немедленные меры к созданию в течение ближайших трех лет двух миллионов новых рабочих мест»; «создать экономические стимулы» в сельских районах, чтобы остановить переселение сельской бедноты в города; «ликвидировать сегрегацию не только в южных, но и в северных школах», а также неграмотность среди взрослого населения; «строить больше дешевых квартир... за пределами гетто» и «сделать доступными в течение ближайших пяти лет для семей с низким и умеренным доходом шесть миллионов новых и уже имеющихся квартир... начиная с 600 тысяч квартир в будущем году»; «расширить программу обновления городов» и т. д. (стр. 390—482).

В то же время комиссия рекомендовала целый ряд мер по «предотвращению беспорядков», таких, как разработка специальных инструкций для действия полиции в «критических ситуациях»; выделение для службы в гетто наиболее опытных полицейских; вербовка в полицию большего числа негров и особенно негритянской молодежи; создание в гетто «эффективной системы разведки»; обучение полиции методам быстрого подавления «беспорядков» и оснащения ее для этого новейшими «техническими средствами» и химическим оружием; готовность к возможному использованию частей национальной гвардии, армии и пожарной охраны и подготовка соответствующих планов на этот случай; принятие более жестких законов против участников «беспорядков» и т. п. (стр. 301—357).

Таким образом, никаких революционных или «радикальных» мер комиссия отнюдь не предлагала. Ее рекомендации не выходят за рамки старой политики кнута и пряника и выдержаны в строгом соответствии с интересами американского капитала.

Какова же была реакция общественности и властей на отчет и рекомендации комиссии?

Рэп Браун — один из молодежных негритянских лидеров, сидевший тогда в тюрьме, иронически заметил, что «членов президентской комиссии тоже следует посадить в тюрьму, ибо в основном они говорят то же самое, что говорил я». По словам Мартина Лютера Кинга, «почти до мельчайших подробностей схожие рекомендации выдвигались и раньше и с такой же тщательностью игнорировались»⁴. А негритянский ученый-психолог Кеннет Кларк, приглашенный комиссией в качестве свидетеля, вспомнил отчеты аналогичных комиссий, созданных после чикагского «расового мятежа» 1919 г., волнений 1935 и 1943 г. в Гарлеме, 1965 г. — в Лос-Анджелесе, и сказал, что все это напоминает ему «одну и ту же картину, показываемую снова и снова: тот же самый анализ, те же самые рекомендации, и то же самое бездействие» (стр. 483).

Примерно такая же была реакция американской буржуазной прессы. Газета «Нью-Йорк пост», отметив, что отчет повторяет все, «уже сказанное раньше», сомневалась в том, что «важнейшие выводы и рекомендации не постигнет участь прежних подобных расследований». Газета «Нью-Йорк таймс» без обиняков назвала добронамеренные рекомендации комиссии «утопическими», ибо осуществление их потребовало бы колоссальных средств, а их поглощает война во Вьетнаме⁵.

Ход событий подтвердил эти оценки и предсказания. Отнюдь не спеша выполнять рекомендации комиссии в области улучшения жизненных условий негритянского населения, правительство и власти штатов куда внимательнее отнеслись к ее рекомендациям об укреплении и специальной подготовке полицейских сил. В 1968 г. численность полиции была увеличена, на вооружение ее поступили новейшие «технические средства»; насчитывающая 400 тысяч человек национальная гвардия штатов стала проходить специальное обучение и также получила специальную технику; были разработаны «координированные» планы подавления «городских волнений» силами полиции, национальной гвардии и армии и даже создан макет «типичного американского городского района» для практической отработки приемов такого подавления. Заметно усилились травля и преследования борцов за гражданские права, расистский террор.

За год, прошедший со времени опубликования отчета Комиссии по расследованию гражданских беспорядков, этот отчет, по данным прессы, разошелся невиданным для Америки тиражом в 2 млн. экземпляров. Однако рекомендации комиссии о повышении жизненного уровня негритянского населения так и остались лишь на бумаге. Результатом было дальнейшее «повышение температуры» на фронте борьбы за гражданские права: злодейское убийство Мартина Лютера Кинга вызвало в апреле 1968 г. такой взрыв «гражданских беспорядков», что на подавление их властям пришлось бросить более ста тысяч полицейских и солдат национальной гвардии и армии. В 1968 г. негритянские волнения в США охватили в полтора раза больше городов, чем в 1967 г.

1 марта 1969 г. возглавляемая Кернером комиссия опубликовала новый отчет, озаглавленный «Год спустя», в котором вынуждена была констатировать, что Соединенные Штаты «находятся еще на год ближе к расколу на два общества — черное и белое, еще более разделенные и по-прежнему неравные». Заместитель председателя комиссии — мэр Нью-Йорка Дж. Линдсей заявил в связи с этим: «Для Америки было бы лучше, если бы сделанное год назад предостережение не оказалось эпитафией будущему»⁶. Однако, судя по деятельности пришедшего к власти в США в 1969 г. правительства республиканцев, это предостережение имеет сейчас еще меньше шансов быть услышанным, чем в годы правления президента Л. Джонсона.

Э. Л. Нитобург

⁴ Цит. по газ. «Известия», 9.III.1968; «Правда», 12.IV.1968.

⁵ См.: «Правда», 3.III, 12.IV.1968.

⁶ См. «Newsweek», 10.III.1969, p. 29.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

A. Parpola, S. Koskeniemi, S. Parpola and P. Aalto. *Decipherment of the Proto-Dravidian inscriptions of the Indus civilization. A first announcement*, Copenhagen, 1969

В коллективной работе финских авторов, опубликованной Скандинавским Институтом азиатских исследований, излагаются некоторые наблюдения над протондийскими текстами. Эти наблюдения касаются, в основном, двух областей, а именно: вопроса о передаче протондийскими знаками некоторых грамматических показателей и вопроса об истолковании отдельных знаков.

Публикация финских авторов, широко освещенная в международной прессе, была встречена советскими исследователями с живым интересом. Методы, примененные финскими учеными для исследования протондийских текстов, во многом совпадают с на-

шими методами и в ряде пунктов (направление письма, расчленение текстов, языковая принадлежность протоиндийских надписей и т. д.) выводы наших финских коллег перекликаются с выводами, содержащимися в наших публикациях¹. Мы должны вместе с тем подчеркнуть, что работы финских авторов в целом характеризует, как нам кажется, тенденция к слишком широкому и слишком поспешному обобщениям. В результате многие утверждения финских авторов представляются либо недостаточно обоснованными, либо прямо сомнительными. Финские авторы почти не ссылаются на предыдущие работы, а советские публикации, как они сами указывают, остались им неизвестными (стр. 8).

Письмо определено как логографическое. Мы предпочитаем воздерживаться от этого термина, так как в точном смысле логографическое письмо должно передавать словоформы, например, имя существительное в родительном падеже — один знак, в дательном падеже — другой знак и т. д. Такого письма, конечно, никогда не существовало, потому что потребовалось бы несуразно большое число знаков. Финские авторы считают, что в протоиндийском письме существовали знаки, передающие корень или основу слова, и знаки, передающие аффиксы. Это соответствует и нашим наблюдениям. Таким образом, характер письма определен, в общем, одинаково, и различие только в терминах. Следует, однако, отметить, что мы не исключаем категорически, как это делают финские авторы (стр. 21), возможности употребления syllabических знаков для написания основы слова. Кривая абсолютной частоты знаков, характерная для иероглифической (морфемно-силлабической) системы письма, у финских авторов (стр. 9) совпадает с полученной нами². Пиктографическое письмо дает совершенно иную кривую.

Финские авторы, как и предыдущие исследователи, считают, что в протоиндийском алфавите было около 300 знаков (включая варианты написания — до 400) и отмечают наличие лигатур и диакритики. Нет расхождений и в определении последовательности чтения знаков в строках — справа налево (с редкими исключениями).

Чтобы расчленил непрерывные (без словоразделов) строки протоиндийских надписей авторы прослеживают повторяющиеся сочетания знаков (стр. 11), называя их «словами». Мы предпочитаем называть такие повторяющиеся сочетания знаков не «словами», а «блоками», так как во многих случаях они передают не слова, а словосочетания.

Как показал формальный анализ, в состав протоиндийского блока входят постоянные и переменные знаки. Постоянные знаки (от 1 до 3) передают корневую часть слова. В их число входят морфемные знаки (соответствующие логографическим финских авторов), а также syllabические (наличие которых финские авторы отрицают), звуковые подтверждения или фонетические комплементы (о них финские авторы не упоминают) и детерминативы (наличие которых допускают и финские авторы).

В начале протоиндийских блоков часто стоят 1—2 знака (в том числе цифры) — в нашей терминологии полуперемennые — передающие определение, обычно имя прилагательное и числительное без морфологического оформления. В этих случаях блоку соответствует не слово, а устойчивое сочетание 2—3 слов.

Переменные знаки в конце блока передают суффиксы — словообразующие (вторая группа полуперемennых) и словоизменяющие (собственно переменные знаки). Из последних финские авторы рассматривают 5 знаков (табл. 1—5) — «ашваттха», «стрела», «гребенка», «мужчина» и «носилищик», сопоставляя их с дравидийскими суффиксами.

Таблица знаков

(в скобках указаны толкования финских авторов)

𑀓 — дерево ашваттха («корабль»)

𑀡 — носилищик

𑀆 — стрела или дротик («стрела»)

𑀇 — («барабан»)

𑀈 — («гребенка»)

𑀉 — четвероногое животное («скорпион»)

𑀊 — мужчина

¹ «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов». М., 1966; Рецензии: Н. В. Гуров и Т. Е. Катенина, «Сов. этнография», 1967, № 2; Н. Knizkova, One more Step towards the Deciphering of the Proto-Indian Script, «New Orient», 1966, vol. 5; Proto-Indica: 1968. Brief Report on the Investigation of the Proto-Indian Texts. VIII International Congress of the Anthropological and Ethnographical Sciences (Tokio, September, 1968), М., 1968.

² И. К. Федорова, К вопросу о характере языка текстов острова Пасхи, «Сов. этнография», 1963, № 2, стр. 86—87. Федорова работала на половине материала (только первая публикация текстов), поэтому числа вдвое меньшие, чем у финских авторов.

Финские авторы считают априорно, на основании косвенных историко-культурных данных, что язык протоиндийских надписей — дравидийский (стр. 5—6). Советские исследователи пришли к выводу о том, что протоиндийские тексты написаны на дравидийском языке на основе формального (позиционно-статистического) изучения протоиндийских блоков. При этом выяснилось, что в языке протоиндийских надписей отсутствуют префиксы, имеются суффиксы, которые могут соединяться по два (иногда по три), определение (морфологически не оформленное) стоит перед определяемым. В связи с этим отпали, с одной стороны, языки мунда, индоарийские и хеттский, имеющие развитую префиксацию, а с другой — шумерский, эламский и хурритский, в которых определение стоит после определяемого. Таким образом, советские исследователи решали вопрос о языковой принадлежности протоиндийских надписей на основе формального анализа путем последовательного перебора вероятных языков. Язык протоиндийских надписей обладает специфическим сочетанием признаков, свойственным только дравидийским языкам. Установление языковой принадлежности протоиндийских надписей составило первый этап работы советских исследователей, отраженный в соответствующей публикации (1965) и рецензиях. Знак «ашваттха» финские авторы толкуют как показатель родительного падежа. Аналогичным образом толковали этот знак П. Мерджи³, Дж. Р. Хантер⁴ и Х. Эрас⁵, который сопоставил его с соответствующим дравидийским суффиксом. По нашим данным, этот знак передает дравидийскую морфему косвенного (применного) падежа, выполняющую функцию родительного падежа и являющуюся основой для образования падежных словоформ. Следует учитывать, что на ранней стадии развития дравидийских языков косвенный падеж часто мог выступать в значении различного рода конкретных падежей — местного, инструментального, отложительного и т. п.⁶

Финские авторы считают этот знак изображением корабля, ссылаясь на протошумерские знаки (№№ 216—219 каталога Фалькенштейна⁷). Однако протошумерские знаки весьма мало подходят на протоиндийский знак. К тому же известно и протоиндийское изображение корабля (МП, 30)⁸, также непохожее на данный знак. По нашим данным, этот знак является стилизованным изображением дерева ашваттха. На протоиндийских изображениях в середине такой раздвоенной ашваттхи помещается богиня. Раздвоенная ашваттха изображений весьма похожа на данный знак, особенно на некоторые его декоративные варианты.

Нельзя признать удачным и фонетический эквивалент, выбранный финскими авторами для данного знака (PDr. *uṭai *, oṭai «обладание, богатство»-PDr. *ōṭa(y) «корабль»=PDr. *oṭa «соединение, сочетание»). Нет никаких данных, позволяющих предположить, что в дравидийских языках существовал когда-либо суффикс косвенного (родительного) падежа близкий к типу *uṭ-, *oṭ- по своему фонологическому облику. Привлеченные финскими авторами сопоставления касаются лишь суффиксов конкретных падежей, существующих в некоторых, сравнительно немногих дравидийских языках (тамилское — oṭi всегда выступает, например, только в значении суффикса социатива).

Предложенная нами в 1965 г. интерпретация этого знака позволяет сопоставить его с широко распространенной в дравидийских языках морфемой косвенного падежа *-t-, -(V)tt(V)-⁹ (ср. DED¹⁰, 123 *att-(y) V «ашваттха»).

Знак «стрела» финские авторы толкуют как показатель дательного падежа (стр. 22). Мерджи¹¹ толковал этот знак как показатель именительного падежа, Хантер считал его функционально близким к «ашваттхе», то-есть показателю родительного падежа, а Эрас — суффиксом локатива. По нашим данным знак «стрела» передает суффикс косвенного падежа.

Финские авторы считают этот знак изображением стрелы, ссылаясь на протошумерский знак № 221 каталога Фалькенштейна. Протоиндийский знак, действительно, похож на стрелу с наконечником или дротик. Протошумерский знак, изображающий стрелу, значительно отличается от протоиндийского. Последний совпадает с вариантами шумерского знака «глаз», как отметил Хантер, хотя совпадение здесь чисто случайное. Непонятно в то же время, почему именно в качестве фонетического эквивалента этого знака финские авторы избрали PDr. *koṭ(i) (DED 1704). Обращаясь к данным срав-

³ P. Meriggi, Zur Indus-Schrift, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig, 1933, p. 217.

⁴ G. R. Hunter, The Script of Harappa and Mohenjodaro and its Connection with other Scripts, London, 1934, p. 27.

⁵ H. Heras, Further Excavations at Mohenjo-Daro, Calcutta, 1939, и др.

⁶ K. Zvelebil, Yu. Glasov, M. Andronov, Introduction to the Historical Grammar of the Tamil Language, M., 1967; P. S. Subramanya Sastri, Historical Tamil Reader, Annamalai, 1943.

⁷ A. Falkenstein, Archaische Texte aus Uruk, Berlin, 1936.

⁸ E. J. H. Mackay, Further Excavations at Mohenjo-Daro, Delhi, 1938.

⁹ Bh. Krishnamurti, Telugu Verbal Bases, Berkeley, 1961, p. 259; J. Bloch, The Grammatical Structure of Dravidian Languages, Poona, 1954, p. 14—17.

¹⁰ T. Burrow, M. B. Emeneau, Dravidian Etymological Dictionary, Oxford, 1961; Supplement, Oxford, 1968.

¹¹ P. Meriggi, Указ. раб., стр. 226; G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 105.

нительно-исторической реконструкции, следует быть очень осторожным в постулировании всякого рода семантических и фонологических переходов. Дравидийский этимон привлеченный финскими авторами означает «кончик, наконечник, гребень (петуха) макушка, вершина» и т. п. Отождествляя этот знак с изображением стрелы нужно было бы учитывать, во-первых, наличие целого ряда общедравидийских терминов со значением «стрела» (DED, 150, 691, 1852, 4098, 4405, 4449 и др.) и, во-вторых, тот факт что эти термины, как правило, семантически связаны либо с лексемами («заостренная» палка, копье, меч, игла (дикобраза)) и т. п. (DED, 150, 979, 1852, 4405), либо же с глаголом «стрелять, пускать стрелы» (DED, 691). Выводить же непосредственно аффикс дательного падежа, восстанавливаемый на протодравидийском уровне — $*(n)k(V)$ ¹² из архетипа $*kot(i)$, как это делают финские авторы (стр. 44) решительно невозможно как с фонологической, так и с морфологической точки зрения.

Финские авторы не объясняют, для чего могли понадобиться многочисленные печати с наименованием профессии в дательном падеже, например, «начальнику писцов» (стр. 37). По нашей интерпретации, в дательном падеже (выраженном «гребенкой») стоят имена богов в жертвенных надписях (где и следует ожидать дательного падежа).

Знак «мужчина» финские авторы толкуют как показатель мужского рода или детерминатив мужского рода (стр. 28—29). Мериджи и Хантер¹³ толковали этот знак, как изображение мужчины. По нашим данным, этот знак передает не только детерминатив «мужчина», но и словообразующий суффикс мужского рода, обычно комбинируясь со знаком косвенного падежа («ашваттха»)¹⁴. Различие состоит в том, что, например, блок «б — рыба» (созвездие Плеяд) с финальными знаками «ашваттха» — «мужчина» означает, по нашему толкованию «сын Плеяд» (Сканда), а по финским авторам — Плеяды в мужском роде, что представляется несообразным.

Знак «гребенка» финские авторы толкуют как показатель женского рода (стр. 29). Хантер полагал, что этот знак передает послелог «из, от»¹⁵. По нашим данным это показатель дательного падежа¹⁶. Для этого существует ряд формальных оснований, в частности этим знаком, обычно в сочетании со знаками косвенного падежа, часто заканчиваются блоки, передающие имена богов в жертвенных надписях, где явно должен быть дательный падеж. Очевидно, запутывающим было то обстоятельство, что в ряде случаев в жертвенных надписях блоки, передающие имена богов оканчиваются только знаками косвенного падежа («ашваттха», «стрела»), без показателя дательного падежа («гребенка»). Однако в этом случае, очевидно, не существуют варианты жертвенной формулы, вполне соответствующие дравидийским. Сочетание двух суффиксов — косвенного и дательного падежа — характерно для дравидийских языков.

Знак «носильщик» финские авторы толкуют как показатель множественного числа (стр. 23), в явном противоречии с данными формального анализа. Этот знак передает не морфологический показатель, а отдельное слово, истолкованное нами «бог-хранитель» или «защита»¹⁷. Запутывающим в данном случае было то обстоятельство, что знак «носильщик» стоит в конце многих блоков, передающих имена богов. Однако в дравидийских языках вслед за корневой морфемой может находиться не только аффикс, но и полнозначный синтаксический элемент, например, приложение. Знак «носильщик», судя по всему, и является в жертвенных надписях приложением, означающим «защитник, хранитель» (в надписях апотропеического типа он означает, соответственно, «защита, охрана»). Вместе с тем знак «носильщик» употребляется не только в качестве приложения к именам богов, но и самостоятельно, с различными эпитетами и без них. Особенно показателен случай, когда вся надпись (МП, СIII, 1) состоит из двух знаков — «носильщик» (в лигатуре с «ашваттхой») и знак человека с поднятой рукой («благословляющий» жест), где речь идет явно о боге-хранителе, связанном со стразами света. Знак «носильщик» сочетается с финальными переменными знаками косвенного («ашваттха», «стрела») и дательного («гребенка», «ашваттха», и «гребенка») падежей. Финские авторы полагают, что лигатуры «носильщик» — «ашваттха» и «носильщик» — «стрела» читаются в обратном порядке («ашваттха» — «носильщик»). В действительности в протондийских лигатурах наверх или в середину знака вписывается последующий. Случай, когда знак «носильщик» стоит после имени божества в косвенном падеже с финальным знаком «ашваттха» отнюдь не являются разверткой лигатуры «носильщик» — «ашваттха», и могут вполне убедительно интерпретироваться обычным путем (например, «красной богини защита» и т. п.).

Если следовать финским авторам в толковании знаков «гребенка» и «носильщик», то получается, что в протондийском языке морфологические показатели идут в следующем порядке: показатель родительного падежа — показатель множественного числа — показатель женского рода («ашваттха» — «носильщик» — «гребенка») и т. п. Одна-

¹² М. С. Андронов, Дравидийские языки, М., 1965, стр. 53—55; J. Bloch, Указ. раб.

¹³ P. Meriggi, Указ. раб., стр. 226; G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 105.

¹⁴ Proto-Indica: 1968, p. 34.

¹⁵ G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 113.

¹⁶ Proto-Indica: 1968, p. 37.

¹⁷ Proto-Indica: 1968, p. 38—40.

то, как отмечают сами финские авторы (стр. 21), в дравидийских языках суффикс множественного числа предшествует падежному суффиксу. Финским авторам приходится сделать парадоксальное допущение, что в протоиндийском языке было наоборот. Такое допущение ничем не оправдано, так как последовательность суффиксов в морфологической цепочке относится к числу весьма консервативных явлений и не имеет тенденции изменяться в самых различных языках мира, в том числе и дравидийских. Финские авторы совершенно игнорируют тот факт, что знак «гребенка» (показатель женского рода, по их утверждению) часто встречается после знака «стрела» (передующего, по их утверждению, показатель дательного падежа). Подобный порядок — показатель дательного падежа — показатель женского рода — является абсолютно невысказанным не только для дравидийских языков, но и для любых агглютинативных языков. Весьма трудно понять, если принять толкования финских авторов, что означают сочетания финальных переменных знаков «ашваттха» — «мужчина» — «гребенка» (по финским авторам, показатель родительного падежа — показатель мужского рода — показатель женского рода).

Например, блок «шесть — рыба» истолкован Эрасом и нами «6 звезд» (название созвездия Плеяд у дравидов)¹⁸. Это толкование принимают и финские авторы (стр. 44). Этот блок встречается 10 раз. Знак «носильщик» (показатель множественного числа, по финским авторам) стоит в конце этого блока только 1 раз. В 3 случаях в конце блока стоит знак «гребенка» (показатель женского рода, по финским авторам), а в 3 других случаях — знак «мужчина» (показатель мужского рода, по финским авторам). Отметим, между прочим, что две надписи из трех, где этот блок имеет финальный знак «гребенка» — жертвенные, в которых следует ожидать дательного падежа. Блок «двенадцать» встречается 10 раз с финальным знаком «ашваттха» и только 1 раз со знаком «носильщик». Блок «семь» встречается 6 раз с финальным знаком «ашваттха», 1 раз с финальным знаком «гребенка» и ни разу со знаком «носильщик». Число подобных примеров можно, конечно, значительно увеличить. Таким образом, формальный анализ не подтверждает толкования финскими авторами знаков «носильщик» и «гребенка» как показателей множественного числа и женского рода.

Заканчивая рассмотрение предложенной финскими авторами интерпретации переменных знаков, следует отметить, что отождествление знаков «носильщик» и «гребенка» с показателями множественного числа и женского рода не соответствует тому, что до сих пор известно об исторической морфологии дравидийских языков. Аффикс множественного числа — *kaI (точнее — *(n)kVl(V), с которым они отождествляют знак «носильщик», по имеющимся данным является скорее всего вторичным стяжением двух протодравидийских аффиксов — *(n)kV и -(V)IV, так или иначе связанных с категорией числа. В «сложном варианте» этот аффикс встречается лишь в некоторых дравидийских языках (тамилский, малаялам, каннада, телугу, колами, парджи), причем во всех этих языках он сочетается прежде всего с именами «среднего рода»¹⁹. В таких условиях представляется крайне опасно реконструировать «сложный» аффикс для протодравидийского состояния да еще в качестве показателя имен одушевленного (мужского и женского) рода. Разумеется, точная схема протодравидийской морфологии остается нам до сих пор неизвестной и даже в тех пределах, в каких мы ее знаем — является во многом результатом научной абстракции. Тем не менее сопоставляя неизвестную письменность с данными искусственно реконструированного праязыкового состояния, мы оказываемся вынужденными учитывать прежде всего наиболее типичные для данной группы языков явления — как в области фонологии, так и в области морфологии и синтаксиса. Иной путь лишает нашу аргументацию всякой научной убедительности.

На этом основании нельзя признать удачной и реконструкцию суффикса женского рода, производного от корня *rep- — «женщина» (DED, 3608). Такой суффикс не зарегистрирован ни в одном дравидийском языке. Слова, этимологически связанные с корнем *rep-, употребляются либо как самостоятельные (полнозначные) — там. rīpāi «самка», кодагу roppi «жена» и т. д., либо же — в качестве своего рода лексических детерминативов, образующих названия женских особей животных и растений. В этом случае, однако, «детерминатив» неизменно предшествует корню (ср. там, rep. rapai «женское (плодоносящее) пальмировое дерево», repulī «тигрица» и т. д.).

Следует добавить, что и чисто фонологически идентификация слова «гребенка» (DED, 3607) с корнем *rep кажется весьма сомнительной. Из всех дравидийских слов, приведенных в статье DED, 3607 корневой гласный — е — отмечается только в парджи и гонди — т. е. как раз в тех языках, где протодравидийское — *a — постоянно реализуется как — е — (наряду с — а —)²⁰. Все остальные слова, добавленные к этой статье

¹⁸ «Предварительное сообщение...», стр. 51.

¹⁹ М. С. Андронов, Указ. раб., стр. 49—52, ср. Bh. Krishnamurti, Указ. раб., стр. 257—258. Финские ученые отмечают этот факт (стр. 57), но почему-то не делают из него никаких выводов.

²⁰ K. Zvelebil, Comparative Study of the Dravidian Family of Languages, «Archiv Orientalni», 1965, vol. 33, pt. 3.

в DEDS в качестве корневого гласного имеют —а—, а не —е— (каннада panile, тегулу rappe и др.). Этимон DED, 3607, очевидно, восходит не к протодравидийскому *rep-, а к *rap- (к архетипу *ra—C, *va—C восходят многие слова со значением «гребенка», «зубчатый инструмент», семантически связанные с глаголами «чесать, скрести, царапать»; см., например, DED, 3313, 3364, 3607, 4255, 4302, 4333, 4357, 4388, 4393, 4407. DEDS, 855).

Далее финские авторы уделяют значительное внимание толкованию отдельных знаков, передающих корневую часть блоков, следуя при этом следующей методике: опознание изображаемого знаком предмета — установление смысла знака — поиск соответствующих дравидийских омофонов (например, слово «рыба» и «звезда» звучат в дравидийских языках одинаково, отсюда можно заключить, что знак «рыба» в некоторых случаях может означать «звезда»). Такая методика не вызывает возражений, однако остается весьма неясным, насколько успешно ее можно реализовать.

Советские исследователи полагали, что более целесообразно придерживаться несколько иной линии изучения. Прежде всего следует выделить определенные типы надписей, установив их общий смысл (вторая советская публикация посвящена, в основном «жертвенным» надписям), а затем переходить к анализу отдельных блоков и составляющих их знаков. Таким путем нам удалось установить серию имен богов и интерпретировать некоторые из них.

Не вызывая возражений опознание финскими авторами знаков «мужчина», «носильщик», «рыба», «краб», «горы», «лук со стрелой», «стрела», «сосуд», «барабан». Большинство этих знаков опознается просто по внешнему виду и одинаково толковалось всеми предыдущими авторами. Сомнительным представляются знаки, опознанные, как «рука», «обезьяна», «ступка». Совершенно непонятно, почему знак, изображающий бегущее четвероногое животное (показано туловище с косыми штрихами, передние и задние ноги, голова с острыми ушами и короткий хвост; знак повернут на 90° головой вниз; по Хантеру²¹ — шакал, более вероятно полосатая гиена) опознан финскими авторами как «скорпион» (стр. 38), хотя ясные и совершенно непохожие на этот знак изображения скорпиона имеются на протоиндийских печатях. Совершенно невозможно согласиться с финскими авторами, толкующими самостоятельный знак как аллограф, «упрощенный» знак барабана (табл., 6), (стр. 31). Равным образом невозможно согласиться с финскими авторами, которые разлагают знак, изображающий четвероногое животное (по Мериджи, лошадь, что весьма мало вероятно) на неясный объект и «гребенку» (стр. 29). Как правильно отмечают финские авторы, маленькие штрихи являются цифрами (так считали и все предыдущие исследователи), но большие штрихи, вопреки мнению финских авторов, им не тождественны, и имеют особое значение. Финские авторы правильно отмечают наличие ряда лигатур — сочетаний знака «мужчина» с рядом других знаков. Однако в некоторых случаях финские авторы заходят слишком далеко и рассматривают как лигатуры простые знаки, например, «копьеносец», «лучник», «адорант с сосудом».

Для опознания протоиндийских знаков финские авторы в ряде случаев привлекают протошумерские и шумерские, а также древнеегипетские («небо», «десять»). Мы считаем методически неправильным сопоставлять отдельные знаки протоиндийского письма с отдельными знаками других систем письма. Предыдущие исследователи сопоставляли знаки протоиндийского письма с шрифтом брахми, южноарабским шумерским, протоэламским, хеттским, древнеегипетским, китайским, рапануйским, что, однако, не дало каких-либо результатов, хотя отдельные знаки действительно очень близки или тождественны.

Совпадения отдельных протоиндийских знаков с древнеегипетскими (например, «небо» или хеттскими (например, «город»)²² являются, конечно, случайными. В других случаях знаки оказались сходными, так как изображался сходный предмет (например, рыба, колос, стрела, сосуд и т. д.). Вместе с тем следует отметить, что иероглифика различных народов существенно отличается по стилю и приемам изображения. Так например, древние перуанцы, рапануйцы, китайцы, протоиндийцы и египтяне предпочитали изображать фигуры персонажей и животных полностью, а майя, шумеры, хетты и критяне — с редкими исключениями только головы («лицевые знаки»). Попытки диффузионистов вывести все системы письма из одного центра, или хотя бы сократить количество центров возникновения письма, успеха не имели, так как оказывалось, что в каждом центре источником иероглифики была местная пиктография.

Не подлежит сомнению, что протоиндийское и шумерское письмо восходят к различным пиктографическим источникам. Например, многочисленные протоиндийские линейные изображения персонажей и животных не имеют аналогий среди шумерских знаков, а многочисленные «лицевые» (изображающие голову) шумерские знаки не имеют аналогий среди протоиндийских. Однако, как отмечали уже первые исследователи протоиндийского письма, имеется некоторое количество знаков сходных с шумерскими. Помимо таких знаков, сходство которых можно вполне объяснить конвер-

²¹ G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 81.

²² G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 203; P. Meriggi, Указ. раб., стр. 235.

тенцией (колос, рыба, сосуд, вода, арфа и т. п.), можно указать также сходные с протоиндийскими шумерские знаки «серебро», «медь», «дерево», «кожа», «одежда», «великий». Вопрос об этих знаках пока остается открытым. Если предки дравидов двигались в Индию по долинам Тигра и Евфрата, а затем по берегу Персидского залива, то шумеры, пришедшие в нижнюю Месопотамию позже, должны были вступить с ними в контакт в очень ранние времена, в результате чего могли появиться некоторые корреспонденции как в языке, так и в пиктографии. Вопрос о некотором количестве сходных знаков в протоиндийском и шумерском письме, по-видимому, связан с вопросом об убайдском (по названию дошумерской культуры Эль-Убейд) языковом субстрате в шумерском языке.

Возвращаясь к вопросу о возможностях реализации методики финских авторов (опознание изображаемого знаком объекта — установление смысла — поиск омонимов) следует отметить, что порядок фактически иной, в связи с чем результаты толкования отдельных знаков оказываются скомпрометированными на том или ином уровне. Так, например, финские авторы опознают протоиндийский знак как «скорпион», затем отыскивают дравидийские омонимы к слову «скорпион» и получают окончательное значение «ученый». Это значение ни в коей мере не подтверждается формальным анализом. Тем не менее, финские ученые считают, что смысл надписи уже установлен — в ней, по их мнению, указана профессия собственника печати. Однако, поскольку протоиндийский знак отнюдь не является изображением скорпиона, все дальнейшие рассуждения финских авторов никакого смысла не имеют. Совершенно аналогичным образом финские авторы считают, что протоиндийский знак, тождественный, по их мнению, с шумерским знаком «сад» (хотя среди шумерских знаков есть значительно более близкие), означает «царь» (на основе весьма неточно установленных дравидийских омонимов). Отсюда делается вывод о смысле надписи — «слуга царя» и т. д.

Таким образом, финские авторы сначала опознают изображаемый знаком объект (не очень сосредотачиваясь на доказательствах), затем подыскивают дравидийский омоним, после чего уже делают вывод о смысле надписи, что находится в явном противоречии с объявленной ими методикой. В связи с этим «список профессий», устанавливаемый финскими авторами является, в основном, списком случайных совпадений. Даже в тех случаях, когда опознание знака не вызывает никаких сомнений, истолкование вызывает недоумения. Почему, например, человек с луком в руке должен считаться «торговцем» только на том основании, что слова «лук» и «торговец» звучат в дравидийских языках сходно.

Следует добавить, что предлагаемые в качестве фонетического чтения отдельных знаков протодравидийские реконструкции сплошь и рядом оказываются ошибочными. Мы уже отчасти касались этого вопроса, рассматривая предложенные финскими учеными объяснения переменных знаков. То же самое можно сказать и о значительном количестве корневых знаков, истолкованных финскими авторами. Весьма неточно восстанавливаются, например, (стр. 26) праформы дравидийских числительных «один» (*ōg — вместо *ok —, *on — t —, *ōr), «шесть» (*(c)ag — вместо *cat —), «восемь» (*ep — вместо *et —, *e(n)t —) ²³. Слово «жрец», которое финские ученые восстанавливают как *tampa (la) и сопоставляют с *tampa (ta) «барабан» (стр. 37), в действительности — для периода существования протодравидийской общности — должно быть реконструировано как *(ta —) — am(V) —, *(pa —) — am(V) —, поскольку местоименные проклитики *ta —, *pa — («его, тот»; «мой, наш») ²⁴ в то время, судя по всему, существовали еще как ясно осознаваемая языковая реальность.

Главная причина всех этих ошибок заключается в том, что финские ученые не учитывают всей сложности исторического развития дравидийской фонологии и — даже отмечая те или иные чередования фонем — не пытаются представить себе, могли ли эти чередования иметь место в протодравидийскую эпоху. Неверные реконструкции влекут за собой неверные аналогии и сводят на нет всю предшествующую работу по опознанию того или иного знака. Так, например, финские авторы (стр. 23) постулируют «омонимию» корней *kaz(V) — «палка, шест» (DED, 1155) и *ka(n)t — «связка, охапка, куча» (DED, 1178). Между тем вполне очевидно, что в протодравидийскую эпоху они были весьма различны по фонетическому составу и, следовательно, не могли графически передаваться одним и тем же знаком. С другой стороны, неверная реконструкция слова «краб» (landri) заставляет финских авторов утверждать, что это слово «не имеет омонимов» (стр. 44), хотя в действительности этимон «краб» (*nal — t(V), DED, 2362) может иметь целый ряд омонимов, таких как DED, 2366, 2997, 2998 и т. п. Список неточных и прямо ошибочных реконструкций можно продолжать.

Подводя итог всему сказанному, мы считаем необходимым отметить, что финские авторы, несомненно, правильно определили язык протоиндийских надписей и, в основ-

²³ Cp. M. B. E m e n e a u, Numerals in Comparative Linguistics (with special reference to Dravidian). «The Bulletin of the Institute of History and Philology. Academia Sinica», vol. XXIX, Taipei, 1957.

²⁴ M. B. E m e n e a u, Dravidian Kinship Terms, «Language», vol. 29, N 3, 1953.

ном, удовлетворительно объяснили способ написания (наличие «идеограмм», передающих корни слов, фонетических знаков, передающих суффиксы, детерминативов, использование омонимии). Мы полагаем вместе с тем, что принятый финскими авторами метод истолкования отдельных знаков может привести к значительным ошибкам и вряд ли приблизит дешифровку протоиндийских текстов, хотя финские авторы и заявили, что она уже реализована.

Н. В. Гуров, Ю. В. Кнорозов

НАРОДЫ СССР

Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву. 1967, 262 стр., с илл.

Вышла в свет ценная книга, рассказывающая об одной из наиболее ярких страниц русского народного искусства XVII—XIX вв. — о резьбе и росписи по дереву. В истории русского прикладного искусства дерево всегда занимало почетное место; особенно широко оно использовалось в быту русской деревни. Из этого дешевого материала создавались неповторимые по красоте вещи.

Авторы книги — научные сотрудники Отдела дерева Исторического музея; основой работы послужили его богатые коллекции.

Материалы, публикуемые в книге, хронологически можно разделить на два периода. Более раннему посвящены статьи «Расписные сундуки 17—18 веков» С. К. Просвиркиной и С. К. Жегаловой и «Расписная мебель» З. П. Поповой; статьи «Художественные прялки» С. К. Жегаловой, «Городецкие донца» Ю. С. Черняховской и «Художественные изделия из бересты» С. Г. Жижиной знакомят с многообразием искусства русской деревни XIX — начала XX в.

Рецензируемая книга — итог многолетней работы авторов в экспедициях и архивах. Они ставили перед собой задачу ввести в научный оборот произведения народного творчества, ознакомить широкие слои общественности с замечательными произведениями прикладного искусства. Все статьи богато иллюстрированы, что очень помогает восприятию материала. В публикуемых иллюстрациях представлены различные виды техники резьбы и росписи.

Ценно, что в этой работе впервые указаны центры производства тех или иных изделий. Мы видим произведения вологодского, мезенского, пермогорского, великоустюжского, борейского типов. И в тексте, и в иллюстрациях проведена классификация. Как известно, многие ценные в художественном отношении памятники, поступившие в Исторический музей от коллекционеров, были «беспаспортными». Лишь в результате кропотливой работы научных сотрудников удалось определить время и место их создания. В экспедициях авторам удалось познакомиться с некоторыми, еще недавно работавшими мастерами и узнать много ценного из истории народного искусства.

В статье «Расписные сундуки XVII—XVIII вв.» рассказывается о значении этих вещей в быту и о центрах их производства — Великом Устюге и Холмогорах. В XVI—XVIII вв. это были известные центры промышленности и ремесла. Расписные сундуки в те времена широко употреблялись в быту и были двух форм: дорожный «подголовок» и ларец — «теремок», в них хранили одежду, книги, ценные бумаги, драгоценности, их брали в дорогу. Авторы статьи подробно анализируют художественное оформление этих изделий; они подчеркивают, что роспись не была случайной и получила значительное распространение. В росписи XVII в., кроме растительных форм, много сюжетных изображений, характерных для того времени: сказочные птицы, всадники в рыцарских доспехах, эпизоды из окружающей жизни. Жанровые росписи XVII — XVIII вв. с изображением людей, бытовых сцен могут быть одним из источников изучения одежды и других элементов материальной культуры.

Из статьи мы узнаем о том, что в отличие от подголовков и ларцов, в которых роспись делалась на внутренних стенках, крестьянские сундуки расписывались снаружи. Особенно ярко украшались сундуки для приданого невесты.

В статье «Расписная мебель» рассказывается о коллекции русской расписной мебели, хранящейся в Историческом музее. Самые ранние предметы этой коллекции, насчитывающей 60 предметов, датированы концом XVII в., самые поздние относятся к концу XIX в. Автор приводит интересные сведения о живописцах, об употребляемых ими материалах, оплате их труда и условиях работы. Заслуживают положительной оценки анализы росписи мебели, ее сюжетных композиций и их происхождения.

Расписная мебель встречалась в интерьере жилищ крестьян и посадских людей; подтверждение этому мы находим в материалах о городских торгах XVII в. Очень интересные описания русской расписной мебели. Это важно для нас, так как имеющиеся в других музеях немногочисленные экспонаты не могут дать полного представления об этих памятниках народного искусства.

В статье «Художественные прялки» приведен материал о резных и расписных прялках из большой коллекции Исторического музея. Автор группирует прялки по территории их распространения: северные и поволжские. К северным отнесены мезенские,

северодвинские (борецкие и пермогорские), вологодские прялки. К поволжским — ярославские и костромские.

Дается подробное описание процесса изготовления и оформления этих вещей, отмечается, что форма и характер орнамента связаны с определенной местностью и были традиционными. Анализируются сюжеты росписи и резьбы на лопастях прялок. Изображаемые сюжеты очень разнообразны: жилой интерьер, сцены прядения, трапезы, прогулки, праздничные выезды и т. д. На некоторых изделиях есть надписи, разъясняющие сюжеты росписи. Верны наблюдения автора о различных «почерках», художников пермогорской росписи. Разносторонне описаны прялки (поволжские, костромские). В этом плане прялки могут стать дополнительным источником в изучении сложной проблемы этногенеза.

Статья «Городецкие донца» посвящена описанию уникальных произведений народного искусства — донцев, изготовлявшихся искусными резчиками и живописцами Заволжья. Коллекция городецких донцев Исторического музея насчитывает около 80 предметов. Наиболее старые донца коллекции относятся к XVIII в., самые новые — к первой четверти нашего столетия. Автор описывает процесс изготовления донцев и группирует их по принципу декоративного оформления (резные, резные с инкрустацией, инкрустированные с подкраской, живописные). Городецкие донца своеобразны и по форме и по украшению, в быту они употреблялись не только как рабочий инструмент, но и как декоративное украшение. Поэтому очень ценились изделия с инкрустацией, выполненной мореным дубом.

В декоративном оформлении донцев автор отмечает сюжеты, отражающие пережитки древнеязыческих верований. Интересно дан анализ различных композиций на темы из жизни деревни той эпохи. Статья с интересом читается.

Заключительная статья сборника «Художественные изделия из бересты» знакомит читателя с оригинальным и мало известным видом народного творчества — изготовлением из бересты шкатулок, табакерок, туесков. Автор рассказывает о коллекции устюжской бересты, о мастерах того времени; о ранее неизвестном центре ее изготовления — Рязани.

Рецензируемая книга вводит в науку большой и свежий материал, представляющий несомненную ценность. При строгой научности авторы сумели сделать ее яркой и интересной для широких кругов читателей, она живо и образно написана.

Большим достоинством работ С. К. Просвириной, С. К. Жегаловой, З. П. Поповой, Ю. С. Черняховской и С. Г. Жижиной является то, что для объяснения сюжетов и сцен, изображенных на крестьянских изделиях, авторы привлекают разнородный материал: исторические сведения, фольклор, древнерусскую миниатюру и иконопись. Можно было бы пожелать авторам еще больше расширить эту часть, используя богатый полевой материал.

В книге приведены очень интересные иллюстрации, они хорошо выполнены, даны крупным планом.

Книга «Сокровища русского народного искусства» не только знакомит нас с очень ценными коллекциями Исторического музея, но и прививает вкус к прекрасным произведениям народного искусства.

А. А. Лебедева

С. П. Б а с а р и а. *Избранные сочинения*. Сухуми, 1967, 184 стр.

С. П. Басариа — известный абхазский просветитель, публицист и этнограф. В рецензируемую книгу вошли его работы, опубликованные с 1910 по 1937 г. в ряде кавказских периодических изданий и сборников.

Статьи С. П. Басариа, написанные в 1920—1930-е годы, отражают процесс национального возрождения абхазского народа. Еще до Великой Октябрьской социалистической революции под влиянием народного движения были предприняты попытки приостановить казалось бы необратимый процесс физического вымирания абхазов (стр. 29) ¹. Подлинное национальное развитие этого народа было обусловлено глубокими социалистическими преобразованиями, осуществленными в годы Советской власти «в весну раскрепощения малых народов» (стр. 82), во всех областях экономической и культурной жизни Абхазии — бывшего захолустья Российской империи.

С. П. Басариа был просветителем своего народа, популяризатором его истории. О чем бы он ни писал: об обычаях и быте родного народа или о волшебной природе Абхазии, о людях, состарившихся уже на втором веку жизни, или о богатых естественных ресурсах края — всюду чувствуется биение сердца подлинного гражданина-патриота, вдумчивого исследователя и темпераментного публициста.

Для научного метода С. П. Басариа характерно прежде всего строго критическое отношение к различным первоисточникам и специальным исследованиям, посвященным абхазам и написанным часто со слабым, а то и абсолютным незнанием предмета.

¹ См. Г. А. Дзидзариа, С. П. Басариа (очерк, предпосланный рецензируемой книге), стр. 10.

Хорошо ориентируясь в кавказоведении своего времени, С. П. Басариа в собственных научных изысканиях прежде всего опирался на полевые материалы. Это обстоятельство часто придавало его работам этнографический характер. Примером может служить интересный для широкого круга читателей очерк «Редкие случаи долголетия в Абхазии», в котором использован большой полевой материал, ныне ставший почти уникальным.

При отсутствии как писаной истории родной страны, так и письменной культуры вообще, люди смутно представляли свое прошлое, передавая из уст в уста исторические легенды и предания, в которых содержатся воспоминания об исторических фактах. Многие из этих преданий весьма показательны для характеристики этнического самосознания абхазов в прошлом.

Свободно владея рядом абхазо-адыгских и картвельских языков (в общей сложности это около десяти резко отличающихся друг от друга языков), С. П. Басариа в своих работах приводит сравнительный лексический материал из абазинского, абхазского и других языков, по которым, в частности, можно проследить абхазо-адыго-картвельские культурно-исторические контакты (стр. 84—85).

Весьма широко он использовал и те материалы, которых так недостает многим авторам, писавшим об абхазских племенах. Это прежде всего сведения, идущие непосредственно из уст самого народа: легенды и предания, к которым автор, вместе с тем, относится весьма критически (стр. 49); топонимическая номенклатура, хорошим интерпретатором которой он являлся (стр. 67—77) и т. д.

Работы С. П. Басариа содержат ряд сведений о трагических переселениях в XIX в. абхазов и других горцев Кавказа в Турцию, вызванных социально-экономическими обстоятельствами, колонизаторской политикой царизма и провокацией турецких агентов и местной феодально-родовой аристократии². Спустя много десятилетий после этого переселения Н. Я. Марр с болью писал, что в целых районах Абхазии не было ни души абхазской, ни звука абхазского. В османской Турции беженцев ждало горькое разочарование. «Выходцы с Кавказа,— писал С. П. Басариа в 1913 г.— променявшие свои родные горы и ущелья на радужные обещания вольной жизни в Турции, были разочарованы» (стр. 26). Остатки абхазского населения в самой Абхазии представляли собой в основном два небольших островка в бассейне р. Бзыбь (ныне Гудаутский район) и между реками Кодор и Гализга (ныне Очамчирский район). И только в условиях Советской власти, особенно в последнее время в результате культурно-экономического прогресса, роста абхазского населения эти области были заселены.

Особо надо отметить работы, в которых автор выступает искренним поборником дружбы народов. Именно в ней он видит основной фактор национального возрождения своего народа. Он трогательно отзывался о бескорыстных тружениках на ниве просвещения народов Кавказа. В этом отношении показателен очерк «Иван Васильевич Долгов» (стр. 39—41), посвященный памяти русского педагога, «ветерана народной школы».

Из больших работ С. П. Басариа в сборник с некоторыми сокращениями включен «Учебник по географии Абхазской АССР», еще при жизни автора выдержавший три издания. Работа эта представляет собой не только физико-географическое описание богатой по разнообразию рельефа республики, но и ценную систематизацию ее экономических ресурсов.

К сожалению, в книге имеются отдельные недочеты в основном редакционного характера. Составители сборника подвергли сокращениям некоторые работы С. П. Басариа (кстати, об этом читатель узнает только из очерка Г. А. Дзидзари, предпосланного сборнику) и часть из этих сокращений, по нашему мнению, неудачна: Так, из работы «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении» опубликованы лишь отдельные выдержки, причем ценные этнографические материалы и исследования в них не вошли. Из работы «Абазинский аул в Малокарачаевском округе» исключены некоторые этнографические наблюдения автора. Среди них — культурно-социальная характеристика горянки в период социалистической реконструкции на Кавказе³.

К числу редакционных недочетов надо отнести также и неупорядоченность примечаний: не всегда ясно, какие из них принадлежат автору, а какие составителям.

Однако несмотря на это, предпринятое Г. А. Дзидзари и М. Л. Хашба издание отдельным сборником работ С. П. Басариа, не потерявших своего значения по сей день, надо признать полезным и своевременным.

Г. В. Цулая

² См. И. Г. Антелава, Из истории аграрного движения в пореформенной Абхазии, «Изв. АН ГрузССР», т. X, № 4, Тбилиси, 1949, стр. 251—258 (на груз. яз.); Г. А. Дзидзари, Присоединение Абхазии к России и его прогрессивное значение, Сухуми, 1961, стр. 229; см. также Х. О. Лаипанов, К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию, «Труды Карачаево-Черкесского НИИ», вып. V (серия историческая), Ставрополь, 1966, стр. 111—131.

³ С. П. Басариа, Абазинский аул в Малокарачаевском Округе, Сухум, 1929, стр. 4.

Белорусское академическое издательство «Наука и техника» в начале 1967 г. выпустило в свет книгу «Белорусское народное устнопоэтическое творчество» под редакцией П. Ф. Глебки, И. В. Гуторова и М. Я. Гринблата. Эта работа, выполненная коллективом сотрудников Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, представляет собой историко-теоретическое исследование устной поэзии белорусского народа. Она ценна глубоким освещением ряда проблем исторического развития белорусского устнопоэтического творчества и является новым вкладом в белорусскую фольклористику.

Общий план работы не вызывает возражений — фольклор белорусского народа рассматривается по важнейшим историческим этапам. Для полноты картины следовало бы дать еще сжатый очерк о сущности фольклора в доклассовом обществе, что внесло бы ясность в материал о развитии устнопоэтического творчества в позднейшие эпохи. Следовало бы уточнить название третьей главы (посвященной первому этапу развития белорусской устной поэзии) — «Сложение особенностей белорусского фольклора в эпоху феодализма». Дело в том, что в эту эпоху не только слагались, но и интенсивно развивались особенности устной белорусской поэзии. Кроме того, в данной главе основное внимание уделяется развитию фольклорных жанров эпохи феодализма. Рассмотрению этого материала предшествуют предисловие и главы «Основоположники марксизма-ленинизма о фольклоре» и «О социальной функции и художественных особенностях белорусского фольклора». Эти главы лучше было бы объединить с предисловием, что сделало бы работу компактней и четче. С этой же целью следовало бы уменьшить количество цитат и не допускать диспропорции при освещении материала.

Самая большая глава посвящена анализу белорусского фольклора эпохи феодализма (стр. 47—185). Ее вводными разделами являются «Фольклор Киевской Руси как общая основа устной поэзии восточнославянских народов» и «Исторические условия возникновения и формирования устного поэтического творчества белорусского народа». После них дается обзор жанров белорусского фольклора, возникших в этот исторический период. Обзор начинается почему-то с календарно-обрядовой поэзии, хотя, по всей вероятности, ей предшествовали заговоры, а может быть и загадки, пословицы и поговорки (последние отнесены в конец обзора). Такое построение нарушает историческую перспективу, не соответствует теоретическим установкам работы. Неясно также, почему объединен «Героический и исторический эпос» — героико-фантастические сказки и легенды о силачах и великанах и исторические песни, предания и легенды, т. е. различные жанры; ведь работа предусматривает именно жанрово-исторический обзор.

При рассмотрении каждого из жанров допущено гораздо меньше недочетов, чем в расположении и систематизации соответствующего материала. Хорошо написаны разделы об обрядовой поэзии, но лучше было бы календарно-обрядовую и семейно-обрядовую поэзию (как один вид устного творчества) дать не в двух, а в одном разделе о заговорах, духовных стихах, народном театре, загадках. К сожалению, мало внимания уделено художественным особенностям этих жанров. Так, о художественных особенностях пословиц и поговорок говорится лишь в одном абзаце.

Встречаются в этой главе и более существенные недочеты, например, деление белорусских пословиц и поговорок на три группы — «хозяйственного, бытового и общественного характера» (стр. 146). Но в таком случае остаются вне классификации пословицы и поговорки о явлениях природы и истории, о поведении человека и т. д. Нет достаточного основания для утверждения «о значительном развитии былинного эпоса в Белоруссии» (стр. 107) в эпоху феодализма, ибо былины на белорусском языке нам не известны; былинные же традиции в некоторых фольклорных жанрах — вполне закономерное явление. Нельзя признать удовлетворительным определение жанра сказки (стр. 125) и классификацию произведений этого жанра (стр. 129). В результате не нашли своего места такие виды устной народной прозы, как религиозные легенды, предания социально-бытового характера, сказки и т. д.

Немало спорного и в разделе «Социально-бытовая лирика»: стоит ли относить к лирическим песням баллады, отрицать влияние украинских чумацких песен на белорусские, именно таким образом классифицировать лирические песни и т. д. В целом же анализ белорусского устнопоэтического творчества эпохи феодализма сделан неплохо, особенно в раскрытии его идейной сущности.

Четвертая глава рецензируемой работы посвящена фольклору эпохи капитализма. Она построена по другому принципу, в основном тематическому. Этот принцип, правда, нарушается, так как материал о частушках выделен в особый раздел. А ведь этот материал можно включить в разделы «Возникновение и развитие рабочего фольклора» и «Революционная поэзия».

Во вводном разделе этой главы рассказывается о том, в каких исторических условиях развивалось устнопоэтическое творчество белорусов при капитализме.

Рассмотрение устнопоэтического творчества, возникшего в капиталистическую эпоху, начинается с частушек. К сожалению, в работе не сказано достаточно определенно, когда сформировался этот жанр, хотя утверждение о «множестве частушек времен феодализма» (стр. 217) как бы говорит о наличии этого жанра еще при феодализме. Если

это так, то почему же этот вид народного творчества не рассматривался в предыдущей главе?

Разделы «Возникновение и развитие рабочего фольклора» и «Революционная поэзия» тесно связаны между собой, ибо «развитие рабочего фольклора» (стр. 225) включает в себя и революционную поэзию. Вообще выделение «рабочего фольклора» не столько искусственно, так как часто трудно определить, что из фольклорных произведений принадлежит только рабочим, а что — только крестьянам. Ведь в действительности многие произведения устного народного творчества бытовали в равной мере и среди крестьян и среди рабочих.

Названные разделы написаны в целом неплохо. Ценно то, что в них использован ряд архивных или малоизвестных материалов. Идейное содержание объяснено достаточно полно, но о художественных особенностях устнопоэтических произведений рабочих дооктябрьского периода рассказано скупо. Из раздела о революционной поэзии мы узнаем, что к фольклору, кроме «общеизвестных революционных песен, гимнов и маршей», причисляются «стихотворения рабочих-поэтов и произведения неизвестных авторов, а также классиков русской литературы, белорусских поэтов и др.» (стр. 236). В данном случае необходимо было сделать оговорку: фольклором эти произведения самодельных и профессиональных писателей становились только тогда, когда они подхватывались массами как песни, частушки, анекдоты, пословицы и т. д. Исходя из этого, нельзя считать уместным включение некоторых литературных произведений в вышеупомянутый раздел (см. стр. 250—253).

Последняя (пятая) глава работы посвящена белорусскому народному творчеству советской эпохи. В некоторых ее разделах рассматривается устнопоэтическое творчество определенных периодов, в других — освещаются различные темы, касающиеся материала этих периодов (следовательно, единого принципа построения и в этой главе нет). По объему глава большая (124 стр.), но, к сожалению, это следствие не столько углубленного анализа материала и тезисных выводов, сколько большого количества цитат. Следует отметить, что далеко не все цитируемые материалы стоят на должном художественном уровне.

Введением к последней главе является раздел «Политика партии в области литературы и искусства и советский фольклор». Дальше идут разделы с обзором народного творчества от Великой Октябрьской социалистической революции до послевоенного времени; заканчивается глава разделами «Антирелигиозные мотивы в белорусском советском фольклоре» и «Фольклор и массовая народная самодельность». Это свидетельствует о хаотичности и дроблении главы. В ряде случаев следовало бы объединить историко-тематические периоды, а некоторые материалы включить во вводную часть.

Особо следует остановиться на разделе «Народнопоэтическое творчество Западной Белоруссии 1919—1939 гг.», написанном на основе богатого и интересного материала, который сам по себе ценен и нужен, но можно ли относить его к советскому фольклору?

Хотелось бы видеть более полный раздел о фольклоре периода Великой Отечественной войны, который представлен, к сожалению, только песенным творчеством. Следовало бы также охарактеризовать специфику фольклора этого периода, выяснить причины частого использования образцов «традиционного» и довоенного советского песенного и прозаического народного творчества.

В разделе «Белорусский фольклор послевоенного времени» особенно ярко отразились недочеты всей последней главы. В нем много цитат, он описателен и декларативен.

Наконец, необходимо отметить неоднородность манеры изложения и стиля различных разделов рецензируемой работы. Этот почти неизбежный недочет коллективных работ в настоящей работе проявляется особенно сильно.

Работа «Белорусское народное устнопоэтическое творчество» рассчитана, как отмечено в аннотации, на исследователей истории белорусской культуры, преподавателей, студентов и широкого круга читателей. Поэтому следовало дать хотя бы основную библиографию, а также очерк развития белорусской фольклористики.

Несмотря на недочеты и недоработки, книга в целом является нужным научным трудом, наиболее полным из появившихся в наше время обзоров фольклора белорусского народа.

П. П. Охрименко

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Песър А. Петров. *Етнографски елементи на славяно-балто-германска общност*. София, 1966, 205 стр.

В книге П. А. Петрова собран и анализируется обширный этнографический материал, связанный с народным поверием «кукушка вещает смерть». Оказывается, что это зловещее поверье, проявляющееся в различных пережитках быта и в фольклоре, распространено лишь среди славян, балтов и германцев., т. е. у незначительной части индоевропейских народностей. У другой части индоевропейцев — романских, и иранских и индийских народов, греков, — с лесной кукушкой связаны поверия и обычаи радостного характера. У большинства индоевропейских народов эта птица является певцом весны, радости жизни и предвестником счастья.

В первой главе монографии автор исследует этнографические данные (XIX—XX вв.), связанные с лесной кукушкой, у различных славянских народностей. Зловещее поверье, связанное с этой птицей, бытовало у болгар, сербов, хорватов, словенцев, русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов, словаков, кашубов и лужичан. Оно проявлялось в толковании снов, при оплакивании умерших, в свадебных обрядах. Эта птица считалась вестницей семейных несчастий, войн, грабежей. Кукование кукушки предвещает смерть и различные бедствия (болезнь, неурожай, голод, сиротство, вдовство, бедноту и т. п.). Обширный материал, систематизированный автором, свидетельствует о давнем происхождении этого зловещего поверия, подвергшегося у разных славянских народностей заметной исторической эволюции.

Во второй главе рецензируемого труда рассматривается отражение поверия «кукушка вещает смерть» в славянской этнографии, языковом материале, а также в фитонимии славян. Здесь исследуются некоторые обычаи и предания, прямо или косвенно обусловленные тем же поверием (например, обычай поминовения умерших у русских, известный под названием «крещение кукушки»). Автор останавливается на различных преданиях о птицах, распространенных у всех славянских народов. Среди этих преданий для изучаемой темы важно то, где говорится о происхождении кукушки от умершей женщины или девушки. Другими словами, сама кукушка в этих преданиях находится в прямой связи со смертью человека.

Автор собрал выражения, пословицы, а также некоторые отдельные слова славянских народов, имеющие непосредственное отношение к «роковому влиянию кукушки». Большой материал составляют народные названия растений, образованные с тем же апеллятивом, что и слово кукушка. Например, кукушкин лен, кукушечья чирочка, кукушкины слезы, кукушкины сапожки, кукушник и другие в русском словарном фонде. kukulka, kukaweczka, kukawka, kukuczka, ziezulka и т. п. в польском языке. Изредка этот апеллятив используется славянами и для названий насекомых. П. А. Петров насчитывает свыше сотни народных названий растений и насекомых соответственно 91 и 13, образованных при помощи этого апеллятива. Интересно, что все это преимущественно орхидеи, хвощи и прочие растения, большая часть (87) которых ядовита, не может служить пищей и поэтому не играет какой-либо хозяйственной роли в жизни человека. Автор полагает, что кукушечьи названия в области флоры и фауны связаны с распространенным у славян поверием «кукушка вещает смерть».

Третья глава книги посвящена разбору исторических сведений о распространении этого поверия у славян в древности (XII—XVIII вв.). Оно отражено на страницах древнерусского памятника «Слово о полку Игореве» (XII в.), в старочешских письменных документах XIV—XVI вв., в польских материалах XV в., в украинских песнях середины XVIII в. и в других славянских памятниках народнопоэтического творчества.

В четвертой главе рассматриваются материалы о распространении того же поверия у всех балтских и германских народов. Автор убедительно доказывает, что у литовцев и латышей не только широко распространено поверие «кукушка вещает смерть», но и функционировали те же, что и у славянских народов, обычаи, связанные с этим поверием. Сходство изучаемого поверия у балтов и славян проявляется и в балтской фитонимии.

Поверие в связи со зловещим толкованием крика кукушки известно и у германских народов. Правда, это поверие у германцев в XIX — начале XX в. не проявлялось так широко, как у славян или летто-литовцев. П. А. Петров склонен объяснять это более ранним исчезновением у германцев древних поверий. Скорей всего это так. Но и те данные по поверию «кукушка вещает смерть», которые собрал автор для германских народов, все же многочисленны и дают основание полагать, что по своему происхождению это поверие у германцев общее с подобным поверием, зафиксированным среди славян и балтов. Аналогичность проявляется вплоть до «кукушкиной» фитонимии. П. А. Петров приводит из германской лексики 61 название растений и 8 фаунистических названий, производных от названия кукушки.

В пятой главе изучаются этнографические явления, связанные с кукушкой, у прочих индоевропейских народов. Как уже было отмечено, у всех индоевропейцев, кроме славян, балтов и германцев, распространено поверие о радостном значении кукушки. Согласно этому поверию, крик лесной кукушки (его часто называют «пением кукушки»)

предвещает благополучие, плодородие, любовь. В индийской поэзии кукование — символ очарования, любовных переживаний. Зарождение подобных поверий вполне понятно. Кукушка кукует в разгар весны, а это время года в жизни древнего человека было радостным.

Поверья, обусловленные радостным толкованием кукования, отмечает П. А. Петров, различными путями проникли и в мировоззрение славян, балтов и германцев. Однако у этих народов более древними и широко распространенными являются поверья, связанные с представлениями, что «кукушка вещает смерть».

Кроме славянских, балтских и германских народов поверие «кукушка вещает смерть» прослежено этнографами в Румынии. П. А. Петров, анализируя румынские этнографические материалы, справедливо показывает, что распространение этого поверья в Румынии — следствие участия славянского компонента в этногенезе румынского народа.

В заключительной главе монографии П. А. Петров исследует вопросы о происхождении, времени и условиях зарождения зловещего поверья, связанного с кукованием кукушки, и пытается решить проблему славяно-балто-германской этнографической и этноязыковой общности и локализации балто-славян и прагерманцев.

Представляется, что вопрос о происхождении поверья «кукушка вещает смерть» решен автором остроумно и правильно. Исследователь обращает внимание на тот факт, что у славянских, германских и балтских народов кукушка имеет два различных названия с разными апеллятивами. Первое основано на звукоподражании крику кукушки (от корня *кук-), второе (праславянское *gegъz-, *zegъz-, прагерманское *gauka-, немецкое «Gauch», литовское «gegute», украинское «зозуля», болгарское «зезула») является более древним и не связано со звуками, издаваемыми обыкновенной лесной кукушкой (*Cuculus canopus canopus* L.).

На основании этих данных П. А. Петров высказывает предположение, что второе название связано с другой птицей — глухой кукушкой (*Cuculus saturatus horsfieldi* Mooge), описанной орнитологами лишь сравнительно недавно. Звуки, издаваемые последней, фонетически могут быть переданы как «ду-ду», «ту-ту», «ху-ху». Отсюда, полагает исследователь, и происходит второе название кукушки (реконструируемое балто-славянское «ge-gug», древнепрусское «geguse» литовское «geguže», древнерусское «зозгизца» и т. п.).

Этнографические и языковые явления у славянских, балтских и германских народов, обусловленные поверьем «кукушка вещает смерть», по происхождению и связаны с глухой кукушкой. Эта птица обитала в дремучих, чрезвычайно влажных и болотистых лесах, подвергавшихся паводковым затоплениям каждую весну (с марта по конец мая). Древний человек, живший в этих лесах, питался главным образом крупной дичью. В период весенних паводков дичь уходила на более сухие места, и каждую весну человек терпел периодические голодовки, приводившие его иногда к голодной смерти. В это время года и начинает кричать глухая кукушка. Так зародилось поверье, что кукушка накликает голод и голодную смерть. П. А. Петров высказывает предположение, что такие условия в жизни человека, а следовательно и зарождение поверья «кукушка вещает смерть», относятся к эпохе мезолита.

Аргументация П. А. Петрова усиливается тем обстоятельством, что славянские, балтские и германские названия растений, связанные с кукушкой, образуют один растительный комплекс с хвойными и смешанными лесами описанного выше ареала гнездования глухой кукушки. Исследователь полагает, что в голодные «кукушечьи» периоды древний человек вынужден был использовать эти растения в пищу, что иногда имело печальные последствия. Отсюда этим растениям и были даны кукушечьи названия.

Основываясь на изложенных положениях, П. А. Петров делает несколько этноисторических выводов.

1. Общность поверья «кукушка вещает смерть», у славянских, балтских и германских народов, а также единое название глухой кукушки от апеллятива *gu-свидетельствует об этнической близости или общности этих индоевропейцев в древности.

2. Глухая кукушка в Европе занимает строго определенный ареал. При этом она не обитает совместно с обыкновенной лесной ввиду различия биотопов этих птиц. Область гнездования глухой кукушки в Европе, по данным советских орнитологов, очерчивается следующими точками: Мурманск, Псков, Могилев, Москва, Саратов, Стерлитамак. Эта область гнездования глухой кукушки и была, по мнению П. А. Петрова, местом зарождения зловещего поверья.

3. Место зарождения поверья «кукушка вещает смерть» является территорией расселения славяно-балто-германской этнографической и этноязыковой общности. Последняя, по мнению исследователя, обособилась от остальных индоевропейцев, на пространстве Северо-Восточной Европы, ограниченной ныне городами Могилев, Кострома, Казань, Саратов, Могилев (рис. 26). Западные районы этого ареала занимали предки германцев, которые довольно рано покинули эти земли, переселившись в срединную Европу. Освободившиеся после переселения предков германцев земли были заняты балто-славянами. Таким образом, область Северо-Восточной Европы, очерчиваемая современными городами Могилев — Кострома — Казань — Саратов — Могилев, одновременно является ареалом балто-славянской этнолингвистической общности. Юго-западные районы этой территории, по мнению П. А. Петрова, можно считать славянской праро-

диной. Последняя ограничивалась областью, расположенной между бассейном р. Припяти, Верхним Поволжьем и Курском.

4. Время зарождения поверья «кукушка вешает смерть» в среде славяно-балто-германской общности определяется автором XVIII—V тысячелетиями до н. э. При определении конечной даты этого периода П. А. Петров руководствуется положением болгарского лингвиста В. Георгиева, согласно которому в IV—III тысячелетиях до н. э. германцы и балто-славяне были уже дифференцированы в этнолингвистическом отношении. Начальная дата определена исходя из того обстоятельства, что до XVIII тысячелетия до н. э. значительная часть территории гнездования глухой кукушки в Северо-Восточной Европе была занята ледником.

Эти этноисторические положения П. А. Петрова вызывают ряд возражений. И прежде всего, спорен ареал зарождения поверья «кукушка вешает смерть». Автор определяет его исключительно в связи с современной территорией гнездования глухой кукушки. Между тем хорошо известно, что зоологические, как и ботанические, зоны постоянно меняются, иногда сравнительно быстро. Поэтому ошибочно полагать, что в эпоху мезолита ареал гнездования глухой кукушки в Европе был таким же, как в наши дни. За время, отделяющее нас от эпохи мезолита, в Северо-Восточной Европе сменялось несколько климатических периодов, а поэтому неоднократно менялись и флора и фауна. Можно полагать, что в отдаленной древности ареал гнездования глухой кукушки в Европе был более обширным, чем сейчас. Этому способствовало тогда обилие дремучих и непроходимых лесов. Наоборот, обыкновенная лесная кукушка обитает в местностях со сравнительно редкой лесной растительностью. По мере вырубания лесов, поредения плотных лесных массивов в результате агротехнической деятельности человека ареал лесной кукушки в последнее тысячелетие мог значительно расшириться.

Учитывая сказанное, едва ли можно согласиться с положением П. А. Петрова о возникновении поверья «кукушка вешает смерть» в ограниченной зоне Северо-Восточной Европы и в столь раннее время. Представляется, что это поверье, распространенное у славянских, балтских и германских народностей, не является аргументом в пользу существования балто-славяно-германской языковой общности в древности. Подобно тому, как оптимистическое поверье в связи с криком кукушки, бытующее среди прочих индоевропейских народов, не может быть основанием для реконструкции древней этнолингвистической общности предков греков, италиков, индоарийских и иранских народов, поверье «кукушка вешает смерть» не служит, на наш взгляд, свидетельством вхождения предков славян, балтов и германцев в единый этнос. Поверье «кукушка вешает смерть» могло возникнуть или распространиться среди группы индоевропейцев, из которой позднее выделились славяне, балты и германцы, и в том случае, если эта группа племен никогда не была единой в этноязыковом отношении. Допустимо также предположение о субстратном происхождении этого поверья у индоевропейцев. Не исключено, что поверье «кукушка вешает смерть» было заимствовано группой индоевропейцев у ассимилированного доиндоевропейского населения Северо-Восточной Европы. В пользу последнего предположения говорит то обстоятельство, что аналогичное поверье о кукушке известно и среди части финно-угорского населения Евразии.

Археологические материалы Восточной Европы не только не подтверждают ту картину этногенеза балтов, славян и германцев, которую нарисовал П. А. Петров, но и во многом противоречат ей. Работами Х. А. Моора, М. Гимбутас и других исследователей установлено, что в формировании древних балтов первостепенная роль принадлежит северо-восточной части культуры боевых топоров¹. А эта культура является пришедшей и в юго-восточной Прибалтике, и в днепровско-неманской области и, бесспорно, генетически не связана с местными мезолитическими и неолитическими культурами Северо-Восточной Европы². Северо-Восточная Европа не могла быть прародиной германцев, ибо ни в эпоху мезолита, ни позднее археологи не наблюдают движения населения из области современного гнездования глухой кукушки в центральноевропейские районы. Между речью нижнего Рейна и Эльбы и южная Скандинавия, где, судя по всем данным, сформировались германцы, характеризуются совсем иными культурами, не имеющими ничего общего с мезолитом и неолитом Северо-Восточной Европы. Отсюда может быть сделан только один вывод, что люди периода мезолита и неолита Северо-Восточной Европы не могли быть предками германцев, славян и балтов.

Заключению П. А. Петрова о локализации балто-славяно-германской этнической общности, а позднее балто-славянского этноса в Северо-Восточной Европе мешают и данные гидронимии. Среди водных названий ареала, который исследователь относит северным индоевропейцам (т. е. предкам балтов, славян и германцев), не обнаруживается каких-либо древних индоевропейских элементов. Древняя гидронимия здесь принадлежит к финно-угорской. Если вопрос о наличии дофинно-угорской субстратной гидронимии Волго-Окского междуречья и смежных с ним территорий и дискутируется

¹ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен, «Сов. археология», 1958, № 2, стр. 9—33; М. Гимбутас, *The Balts*, London, 1963.

² П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, М.—Л., 1966, стр. 14—112.

в научной литературе³, то при всех обстоятельствах этот гидронимический слой не является балто-славяно-германским.

В последнее время почти все лингвисты согласны с тем, что распад индоевропейского единства был не одноактным процессом, а прошел через ряд этапов и длился тысячелетия. Первые этапы распада индоевропейского единства связаны с отделением анатолийских, армянских, индоиранских и греческих языков. В то время как последние уже развивались как самостоятельные, полностью оформившиеся языки, латинский, кельтский, германский, балтский, славянский и иллирийский языки еще не существовали как таковые. На основе материалов лингвистики и в особенности гидронимии Х. Краэ пришел к заключению, что «... западноевропейские языки Северной и Средней Европы во II тысячелетии до н. э. в своем развитии были достаточно близки друг другу, составляя хотя и слабо связанную, но еще единообразную и находящуюся в постоянных взаимных контактах группу, которую можно назвать «древнеевропейской». Из нее со временем вышли и развились отдельные языки: германский и кельтский, «италийский» и венетский, иллирийский, балтийский и, на окраине, славянский языки»⁴. Ареал древнеевропейской языковой общности, как свидетельствуют гидронимические материалы, охватывал значительные части Западной Европы (северной и средней) и отчасти заходил в Восточную Европу (до Смоленска — Могилева — Курска)⁵. Таким образом, древнеевропейская языковая общность (в том числе предки германцев, славян и балтов) не достигала той территории Северо-Восточной Европы, которую отводит П. А. Петров балто-славяно-германской общности.

Непремлемой представляется и предлагаемая П. А. Петровым хронология балто-славяно-германской языковой общности. Опираясь на тезис В. Георгиева о дифференцированном существовании балто-славян и германцев в IV — III тысячелетиях до н. э., автор считает верхней датой этой общности V тысячелетие до н. э. Но В. Георгиев исходит из положений об единовременном распаде индоевропейской общности, что не может быть принято безоговорочно. В. Георгиев отмечает, что древнейшие письменные памятники III и II тысячелетий до н. э. уже свидетельствуют о выделении из индоевропейского языка хеттского, индоиранского и некоторых других языков⁶. Однако это обстоятельство совсем не является поводом для датировки этим же временем отделения и самостоятельного развития германского, балтского (или балто-славянского), кельтского, италийского и других индоевропейских языков. Согласно хронологической схеме Г. Трегера и Х. Смита, анатолийские языки отделились от индоевропейского около 2500 г. до н. э., армянский — около 2300 г. до н. э., индоиранский начал самостоятельное развитие около 2200 г. до н. э., греческий — 2000 г. до н. э. Во II тысячелетии до н. э. существовала древнеевропейская языковая общность, из которой сначала выделились кельтский, праиталийский и иллирийский языки, а около 800—500 гг. до н. э. образовались языки германцев и балто-славян⁷. Такая дифференциация обнаруживает больше подтверждений в данных лингвистики, гидронимии и археологии⁸.

Большой материал собранный и тщательно систематизированный автором книги, представляет несомненный интерес для этнографов и историков древних племен и современных народов, принадлежащих к славянской, германской и балтской языковым группам. Математические средства, применяемые П. А. Петровым для разработки массового этнографического материала, эффективно подкрепляют отдельные положения и выводы книги. Автор успешно анализирует и языковые данные, связанные с рассматриваемым поверьем. Все это делает рецензируемую книгу весьма авторитетной в научном отношении.

Отмеченные дискуссионные положения не умаляют большого научного значения труда П. А. Петрова. Автор впервые попытался привлечь к исследованию проблемы славянского этногенеза чисто этнографический материал и показал его огромные возможности, что, бесспорно, является важной положительной стороной книги. Этнографический и языковой материал, скрупулезно собранный П. А. Петровым, послужит основой для ряда будущих этногенетических изысканий.

В. В. Седов

³ Б. А. Серебрянников, Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР, «Вопросы языкознания», 1955, № 6.

⁴ H. Krahe, Germanische Sprachwissenschaft, I. Einleitung und Lautlehre, Berlin, 1960, S. 13. См. также: H. Krahe, Sprache und Vorzeit, Heidelberg, 1954; его же, Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie, «Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse», 1962, № 5, Wiesbaden, S. 287—341.

⁵ W. P. Schmid, Alteuropa und der Osten im Spiegel der Sprachgeschichte, «Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft», Sonderheft 22, Innsbruck, 1966.

⁶ В. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958.

⁷ G. L. Trager and H. Z. Smith, A chronology of Indo-Hittite, «Studies in Linguistics», vol. 8, № 3, 1950.

⁸ В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965; M. Gimbutas, On the origin of North Indo-Europeans, «American Anthropologist», vol. 54, № 4, 1952, pp. 602—611.

«На фольклорной карте Европейского континента восточнороманский героический эпос обычно не значится. Между тем он не только существует, но, бесспорно, должен быть отнесен к числу классических памятников героико-песенного фольклора Юго-Восточной и Восточной Европы (наряду с южнославянским, албанским, новогреческим богатырским эпосом, русскими былинами, украинскими думами). Показать это призвана данная книга» (стр. 7). В этих словах, открывающих «Введение» к рецензируемому труду, сформулирован распространенный взгляд на восточнороманский эпос и задачи, — основной тезис исследования. Надо сразу же сказать, что автору удалось доказать свою основную мысль — героический эпос у восточных романских народов существует.

Как следует из заглавия, книга состоит из двух частей: обстоятельного исследования (стр. 7—216), являющегося первой обобщающей монографией по восточнороманскому героическому эпосу, и переводов избранных текстов. Во «Введении» автор рассматривает существующие взгляды на восточнороманские народные эпические произведения. Большинство исследователей относилось ко всем к балладам. В. М. Гацак убедительно показывает, что помимо собственно баллад у восточнороманских народов есть эпические произведения других типов: героический эпос и разного вида исторические песни; при этом он характеризует основные жанровые особенности баллад, героического и исторического эпоса. Автор отмечает существенные различия в изображении действительности героическим эпосом и историческими песнями, но, мне кажется, что его определение героического эпоса как синтеза истории, а исторических песен — как анализа не совсем удачны. Ведь анализ истории (т. е. вскрытия причин и взаимосвязи событий) в исторических песнях нет и не могло быть, но в отличие от героического эпоса, изображающего действительность в более широком, обобщенном плане, в них даются отдельные события и действительные исторические лица. Об этом говорит и В. М. Гацак, дело здесь не в существовании, а в неудачном определении.

Исследование посвящено лишь одному виду эпических произведений — героическому эпосу, который у восточнороманских народов по существу открыт В. М. Гацаком. В первой главе «Эпос догосударственной поры» рассматриваются те сравнительно немногие сохранившиеся эпические песни, основу которых можно отнести к началу нового периода формирования эпоса. Очень хорошо, что в эту главу В. М. Гацак включил раздел о древнем героико-эпическом начале в народной прозе. Он правильно подчеркивает, что проза и песенный эпос — разные виды фольклора, и прямых сюжетных соответствий в них нет, но они развивались вместе, выражали одно и то же отношение к действительности. Это обусловило некоторые общие приемы ее изображения (например, гиперболизацию) и наличие сходных тем и образов. Сохранившиеся отдельные древние предания (о великанах, змееборцах и др.) могут также косвенным образом свидетельствовать о существовании у восточных романцев древнего эпоса.

Основное место в исследовании занимают вторая и третья главы: «Социальный и патристический эпос XIV—начала XVII в.» и «Гайдуцкий эпос XVII—XVIII вв.». Гайдуцкий эпос — в сущности уже новый жанр исторических песен, но, как показывает В. М. Гацак, в своих ранних формах он еще многими особенностями связан с предшествующим героическим эпосом и поэтому рассмотрение его в данном исследовании вполне оправдано.

Исследование В. М. Гацака построено на большом фактическом материале и отличается последовательным историзмом. Автор сопоставляет все доступные ему варианты эпических песен, выясняет их отличия, отмечает в них поздние наслоения, местные особенности и пр. Он указывает на существование валахских и молдавских версий, но вместе с тем подчеркивает и те общие факторы, которые действовали в Дунайских княжествах и влияли на развитие эпоса. Рассматривая отдельные произведения, В. М. Гацак старается определить, в каких исторических условиях они могли возникнуть, и прослеживает их дальнейшую судьбу. Он отмечает, что некоторые более поздние песни отразили отдельные конкретные факты, и у героев их есть исторические прототипы, но сопоставление песен с реальной историей он делает очень осторожно и критически, избегая тех натяжек, которые допускались многими прежними исследователями эпоса.

Большое внимание уделено художественным особенностям героического эпоса. В специальной главе рассматриваются поэтика и стиль героических песен: сюжет, композиция, эпические повторения, общие места, поэтический язык, эпическое стихосложение. Здесь же говорится о бытовании эпоса и народных певцах.

Цепным дополнением к исследованию являются тексты песен (30 песен, часть их с вариантами), переведенные автором. Все они (за исключением одной) на русском языке печатаются впервые. Приведены и нотные записи. Таким образом, советские исследователи эпоса получили новый, ранее недоступный для большинства из них материал. Особенно важны монография и материалы В. М. Гацака для исследователей славянского и, прежде всего, южнославянского эпоса, с которым восточнороманский эпос имеет тесные связи.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Structure and change in Indian society. Chicago, 1968, 507 p.

Книга представляет собой сборник докладов, прочитанных на специальной конференции, которая состоялась в июне 1965 г. и была посвящена проблемам изучения структуры индийского общества и происходящим в ней изменениям. Эта конференция, в которой приняло участие около 60 ученых — социологов и этнографов, была создана по инициативе Комитета по изучению Южной Азии Чикагского университета.

Американские этнографы пришли к выводу, что широкие исследования в области социальной антропологии Южной Азии начались только в 1950-х годах, и это начало ознаменовалось выходом в свет в 1952 г. монографического исследования индийского историка и этнографа М. Н. Шриниваса «Религия и общество кургов Южной Индии». Особенно много новых трудов по Южной Азии стало появляться в 1960-х годах.

Рассматриваемая книга — ценный вклад в изучение современного индийского общества. Вошедшие в нее материалы подчинены единой установке: рассматривать такие основные общественные ячейки, как большая, или объединенная, семья, каста или деревенская община, не как самостоятельно существующие единицы, а только в их взаимосвязи и в связи с жизнью индийского общества в целом. Особое внимание в книге уделено прослеживанию связей между определенными общественными группами в определенных географических областях. Подобный подход был характерен для книги «Village India» (вышедшей в 1955 г. в Чикаго), в которую вошли труды участников семинара по вопросам жизни индийской деревни, проводившегося в 1954 г. в Чикагском университете.

В рецензируемой книге отражен тот угол зрения, под которым американские социо-этнографы рассматривают сейчас жизнь индийского общества. Это прежде всего изучение влияния на общественную структуру таких факторов, как политика, экономика, законоуложение и т. п. Ряд участников конференции доказывает в своих трудах, что этнография именно в данном аспекте является наукой исторической, так как фиксирует и отражает исторические изменения, наступающие сейчас в общественной жизни и в общественных связях. Они пытаются определить законы и пути генерализации общественных явлений и выявить эти закономерности для ряда таких явлений на протяжении нескольких последних столетий.

Многих исследователей привлекают проблемы, связанные с кастовым строем, и особенно то, как влияя на кастовую структуру новые общественно-исторические институты и те политические и экономические изменения, которые наступили в Индии после освобождения от колониальной зависимости: 15 из 20 статей, вошедших в книгу, непосредственно посвящены вопросам кастовой системы и ее изменений, а в остальных статьях эти вопросы в той или иной мере тоже затрагиваются.

Уже во «Введении» подчеркивается, что изменения «структурного типа» не могут быть названы «линейными», т. е. происходящими непрерывно и во взаимной связи, но вместе с тем они все же происходят. Тут же предлагается два возможных объяснения этого развития путем неравномерных сдвигов: 1) в постепенном изменении структуры индийского общества отражается ограниченность самих процессов индустриализации, урбанизации и модернизации, 2) индийская цивилизация создала внутри самой себя некий адаптирующий механизм, который позволяет ей усваивать все новое — технику, идеи, людей — при крайне незначительных и постепенных смещениях старых норм собственного развития.

На деле этот «адаптирующий механизм» является порождением длительной исторической застойности общественных институтов феодализма, когда даже многие реформаторские явления в общественной жизни и идеологии постепенно вливались в традиционные русла.

Оба упомянутых выше положения авторы относят не только к кастовой системе, но и к такому индийскому общественному институту, как большая семья. Подобно кастам, которые, изменяясь в новых условиях жизни, тут же порождают кастовые организации, борющиеся за сохранность касты и ее законов, большая семья разделяется на парные семьи и вместе с тем парные семьи иногда снова сливаются в большую семью.

Предметом дискуссии американских этнографов на протяжении ряда лет является методологический вопрос — опираться ли в своих работах на результаты массовых обследований и статистики или идти от частного к общему, выводя закономерности, характерные для всего развития общества в целом, путем тщательного изучения отдельных его социальных единиц, отдельных локальных групп. Последний метод широко принят в современной американской этнографии.

Статья Д. Мандельбаума «Семья, каста, деревня» в рецензируемой книге относится к публикациям почти описательного характера. Она представляет интерес главным образом как информационный материал, сопровождаемый некоторыми выводами автора. Наиболее верно и интересно из них утверждение о том, что до сих пор семья играет в Индии огромную роль как в формировании самосознания, так и во всей жизни каждого своего члена, поддерживая его во взаимоотношениях с окружающими и получая его поддержку в случае любой необходимости. «Семейное самосознание»

выступает наряду с кастовым и не может быть от него отделено, так как индусская семья — это прежде всего часть какой-нибудь касты, ее первая и основная ячейка, главное звено внутрикастовых связей. Несмотря на то что в семьях бывают разлады, вне семьи человек выступает как ее представитель, и все члены семьи несут ответственность в случае нарушения им каких-либо статей закона или — что в Индии грает до сих пор очень существенную роль — каких-либо норм обычного права.

В ряде других статей подчеркивается неразрывность трехсторонних отношений по формуле «семья — каста — деревня». Эта основа производственных связей, подкрепляемая ритуальными и правовыми связями, сохранялась неизменной на протяжении многих столетий, не поддаваясь воздействию даже таких факторов, как государственная власть или смена правительства. Если войны или перемена самого статуса государства изменяли ход истории страны, отношения между людьми в деревне продолжали строиться на базе этой же неизменной формулы. Иногда слово «каста» в ней могло быть заменено словами «члены такой-то религиозной общины» (особенно в период массовых обращений деревенского населения северной Индии в ислам), но фактически эта группа лиц нового вероисповедания оставалась все той же кастой по своей функциональной направленности.

Картину трудности преодоления кастовых барьеров рисует и Оуэн М. Линч в своей статье о положении неприкасаемых, которая написана на материале города Агры. Он приводит высказывание индийского историка и этнографа М. Н. Шриниваса: «Каста является институтом необыкновенной силы, и ее придется долго бить, прежде чем она испустит дух. Первый урок, который следует извлечь из этого, — нельзя недооценивать силу вашего „врага“».

Линч отправляется в своих социологических исследованиях касты от положения, выдвинутого в 1957 г. американским социологом Робертом К. Мертоном. Оно вкратце сводится к тому, что поведение каждого индивида как члена определенной группы определяется соотношением данной группы с какой-либо другой группой. Развивая эту мысль, Линч выделяет три типа таких соотношений:

- а) «группа подражания», которая служит образцом;
- б) «группа уподобления», с которой стремятся слиться или полностью ей уподобиться;
- в) «группа негативного соотношения», на действия которой члены данной группы должны ориентировать свое поведение, видя в ней враждебное, оппозиционное начало.

Эту схему автор накладывает на касту, называемую *джатав*, которая относится к числу зарегистрированных (т. е. бывших неприкасаемых) каст. В г. Агре члены этой касты составляют около $\frac{1}{6}$ населения и заселяют несколько кварталов. Их традиционным занятием является кожевенное дело, что помогло многим из них разбогатеть на производстве обуви и стать в XX в. предпринимателями, занятыми даже в экспорте обуви и кожаных изделий. Социальное положение всей касты в целом в городе стало фактически гораздо более высоким, чем то, которое предписывает традиция, и особенно заметно изменилось положение зажиточных членов касты. Статус неприкасаемых превратился в тяжкие узы, мешающие развитию их производственных связей и повышению уровня образования, в чем они теперь остро нуждаются. В среде касты начали возникать организации, ставившие перед собой задачу преодоления кастового барьера: «Великий союз джатавов», «Лига молодежи джатавов» и др. Они стали пропагандировать мысль о том, что джатавы являются одной из каст воинов-кшатриев и что им в соответствии с этим должны быть предоставлены широкие гражданские права.

Автор статьи, пользуясь схемой трех типов соотношений, пишет, что группой, которой джатавы начали подражать, было общество Арья-самадж, предписывавшее своим членам древний ведический образ жизни и, соответственно, соблюдение ряда обычаев и ритуалов, связанных с принадлежностью к арьям — создателям и носителям ведической культуры. «Группой уподобления» джатавы избрали воинское сословие кшатриев, а «группой негативного соотношения» выступали брахманы, которые возражали против причисления неприкасаемых-кожевников к высокому воинскому сословию «дважды рожденных»-кшатриев.

Несмотря на то, что вся эта схема в целом может оспариваться и носит условный характер, автор провел интересное исследование и осветил те стороны жизни джатавов, которые могут послужить наглядным примером социальных изменений, наступивших в жизни низких каст в эпоху развития капитализма в Индии. Он показал также те пути, по которым многие из них пошли в поисках улучшения своих жизненных условий и в борьбе за свои гражданские права.

Значительный интерес представляет статья М. Л. Паттерсона «Истории семей чхаттаван-брахманов: источники для изучения социальной структуры и социальных изменений в Махараштре». Она иллюстрирует процесс возникновения некоторых кастовых организаций и раскрывает те цели, которые они ставят перед собой для утверждения устоев касты и ее прав.

В среде высоких каст кастовые организации возникают иногда с целью найти доказательства того высокого социального положения, которое они занимают. Это вызывается необходимостью укрепить свои позиции в современных условиях, когда их права конституционно приравниваются к правам других каст, и члены этих других каст ведут активную борьбу за претворение в жизнь привилегий, предоставляемых им

конституцией. В ряде случаев эта борьба началась еще в те времена, когда в данной местности или в данной этнической среде формировались касты и возникали острые противоречия между ними, не угасавшие в течение многих столетий. Порой же — и довольно часто — в Индии межкастовая вражда разгоралась в связи с переселением представителей какой-либо касты в новую местность. В этих случаях причиной вражды была, как правило, конкуренция, вызванная стремлением сохранить или занять выгодные должности, сохранить или приобрести влияние на правителей, сохранить или захватить приоритет в получении образования и в его распространении. Именно этим было вызвано враждебное отношение значительной части маратхского населения собственно Махараштры (т. е. тех внутренних ее районов, которые расположены за первой грядой гор Западные Гхаты и несут традиционное название Деш, что буквально значит «страна», а маратхами понимается как «наша страна») к пришедшим с Конканского побережья чхитпаван-брахманам или брахманам-конкан (или конканаста-брахманам, называемым так в отличие от дешаста-брахманов, т. е. «местных брахманов»).

Только между 1914 и 1963 гг. конканаста-брахманы опубликовали 64 исторических описания жизни отдельных семейных групп своей касты. Они добились у правительственных органов разрешения пользоваться архивными материалами, содержащими данные о деятельности таких представителей их касты, как пешвы, которые были с начала XVIII в. министрами при маратхских правителях, а затем сами стали правителями Махараштры.

Для получения и освоения этих материалов и опубликования семейных хроник была создана в 1938 г. организация Кула-вриттанта сангха, т. е. Союз (по написанию) истории семей.

В течение двух с половиной столетий в руках конканаста-брахманов были сосредоточены почти все высокие политические, военные и гражданские должности; из их числа выходили почти все преподаватели средних и высших учебных заведений, а равно и студенты.

Паттерсон пишет, что авторы семейных хроник сопоставляют стремление к их написанию с такой же волной создания историй отдельных семей в странах Запада, главным образом в Америке. Для верного отражения современного положения членов касты ее историки и руководители проводят сбор сведений путем распространения вопросов через газеты, личных опросов и выборки данных, публикуемых в тех или иных органах печати. Собираются все сведения, которые говорят о коренном отличии семей (кула) конканаста-брахманов от других брахманских и небрахманских семей, включая данные о семейных богатствах, занятиях, способах заключения брака и т. п.

Автор подчеркивает, что материал, содержащийся в этих семейных хрониках, очень полезен для социологов. Эти сведения показывают, в частности, что некоторые из конканаста-брахманов, стремясь избежать неприязненного отношения со стороны членов других каст, предпочитают сейчас не занимать ведущих должностей на государственной службе, а уделяя больше внимания предпринимательской деятельности, становятся помощниками и т. п. Отмечаются также — главным образом в среде интеллигенции — случаи браков членов этой касты с членами высоких каст местного происхождения.

Среди статей, посвященных описанию современной большой, или объединенной, семьи, наиболее велика по объему работа Полины М. Коленды. Эта статья занимает 54 страницы печатного текста, но, несмотря на столь значительный размер и на разнообразие содержащихся в ней материалов, она не дает читателю возможности прийти к каким-либо определенным выводам о процессах, протекающих сейчас в больших семьях. Автор широко использует материалы многих исследователей, занимавшихся этой актуальной проблемой, привлекает большое количество статистических данных, но дает их в отрыве от этнических групп индийского населения, не прослеживая последовательных изменений, наступающих у того или другого народа в его разных социальных слоях. Поэтому невозможно обобщить материал статьи с точки зрения современной этносоциологии. Содержащимися здесь данными можно пользоваться только выборочно, привлекая те или иные из них по мере необходимости, возникающей в процессе изучения данного вопроса.

Более ценную и систематизированную информацию содержит статья М. Сингера, который делает попытку выявить соотношение кастовой принадлежности людей с их современными занятиями и старается установить степень влияния того и другого фактора на тип семьи. Сознательно ограничивая круг своих исследований группой крупных промышленных предпринимателей Мадраса, автор показывает их внутрикастовые и межкастовые связи, рост в их среде западной образованности и ее влияние на стиль жизни семьи. Материалы статьи свидетельствуют, что, несмотря на ряд таких изменений, как упрощение и сокращение длительности ритуальных церемоний, связанных с проведением свадеб, рост образования, использование современных видов транспорта и домов нового типа, все же во многом сохраняются институты большой семьи, и даже когда молодые живут отдельно, крепчайшие узы семейных традиционных отношений связывают их с основной семейной группой.

Книга представляет большой интерес для этнографов и социологов, занимающихся Индией, и содержит много нового и нужного материала. Можно выразить сожаление, что в ней нет иллюстраций, которые помогли бы более наглядному усвоению этого материала.

Н. Р. Гусева

НАРОДЫ АМЕРИКИ

H. Baldus. *Bibliografia critica da etnologia Brasileira*, vol. II. («Völkerkundliche Abhandlungen», Bd. IV) Hannover, 1968, 864 S.

Первый том критической библиографии Бальдуса вышел в свет в 1954 г. Он включал около 1800 названий книг и статей об индейском населении Бразилии и сразу же получил высокую оценку американистов многих стран.

В предисловии к первому тому его автор, видный бразильский этнограф Герберт Бальдус, отмечал, что, выпустив критическую библиографию этнографии Бразилии, он начал работу, которая никогда не придет к концу.

Рецензируемый нами второй том библиографии является продолжением первого. Он включает более тысячи ста названий как научных исследований об индейцах Бразилии, так и описаний путешествий, опубликованных с 1954 г. по начало 1968 г. Таким образом, в обоих томах содержится почти три тысячи названий. Ничего хоть скольнибудь близкого этому не имеется в латиноамериканистике. Каждая библиографическая справка сопровождается иногда совсем кратким, а иногда довольно подробным комментарием, в котором резюмируется содержание работы, дается оценка ее научной значимости, а также указывается, где и кем рецензировалась данная публикация.

Большое достоинство библиографии — ее полнота. При самом тщательном просмотре нам удалось обнаружить лишь несколько работ, в частности советских авторов, по-видимому, оставшихся неизвестными Г. Бальдусу. Однако в целом работы советских американистов учтены автором полнее, чем в других зарубежных библиографиях, составители которых сами не владеют русским языком.

Из знакомства со вторым томом библиографии следует, как это отмечает во введении и сам Г. Бальдус, что последние 10—15 лет внимание этнографов, занимающихся коренным населением Бразилии, сосредоточивалось в основном на трех проблемах: 1. Современные изменения в культуре индейцев под влиянием колонизации. 2. Шаманизм, магия, религия, мифология. 3. Социальная организация и изменения в ней в последний период.

Наш взгляд, эта классификация основных проблем, которой Бальдус придерживается вслед за Флорестаном Фернандесом, не вполне последовательна. Так, в ней в одну рубрику о социальной организации попадают как работы, трактующие традиционное общественное устройство, так и исследования, посвященные изменениям социальной структуры под влиянием контактов с капитализмом. С другой стороны, работы, рассматривающие различные аспекты одной проблемы — аккультурации, характеризуются Бальдусом в разных разделах введения. Но это замечание не по существу, а по форме. По существу же мы вполне согласны с автором в том, какие именно работы по индейцам Бразилии являются наиболее значительными из числа появившихся после 1954 г.

По первой проблеме (согласно классификации Фернандеса — Бальдуса) это прежде всего обширное и глубокое исследование Эгона Шадена «Аккультурация индейцев»¹.

По второй проблеме особое место занимает капитальное исследование К. Леви-Стросса, посвященное мифологии индейцев Бразилии².

Среди работ по традиционной социальной организации Г. Бальдус выделяет исследование английского этнографа Д. Мейбери-Льюиса о шавантах, которое «делает эпоху в истории этнографического изучения Бразилии» (стр. 460)³. Эта книга осталась нам недоступной, потому мы не можем судить, насколько оправдана столь высокая оценка. Что же касается исследований по социальным последствиям контактов индейцев с бразильским обществом, то мы разделяем мнение Бальдуса, что наиболее значительные исследования по этой теме после 1954 г. были выполнены Кардосо де Оливейра и его сотрудниками Роке Ларайя, Роберто да Матта и Хулио Мелатти⁴. К сожалению, проходящая через всю книгу Кардосо де Оливейра «Индейцы и мир белых» мысль, что основы дискриминации и угнетения индейцев лежат не в различии культуры и расового типа, а в господствующих в Бразилии социально-экономических условиях, не нашла отражения в комментарии Г. Бальдуса.

Бальдус выделяет и ряд других наиболее важных, по его мнению, публикаций по «этносоциологии» (Мерфи — о мундуруку, Гольдмана — о кубео, Фока — о вай-вай и др.) Нам кажется, что в этот перечень по праву могла бы войти и превосходная ра-

¹ E. Shaden, *Aculturação indigena*, São Paulo, 1964.

² Cl. Lévi-Strauss, *Mythologiques: Le cru et le cuit*, Paris, 1964; его же, *Mythologiques: Du miel aux cendres*, Paris, 1966.

³ D. Maybury-Lewis, *Akwe-Shavante society*, Oxford, 1967.

⁴ R. Cardoso de Oliveira, *O índio e o mundo dos brancos*, São Paulo, 1964; Roque Laraia e Roberto de Matta, *Índios e castanheiros: A empresa extrativa e os índios no médio Tocantins*, São Paulo, 1967; J. Melatti, *Índios e criadores: a situação dos Kraho na área pastoril do Tocantins*, Rio de Janeiro, 1967.

бота Э. Гальвао о социально-экономических и этнических изменениях у индейцев Рио-Негро⁵.

Из работ по другим темам, представленным в библиографии, автор заслуженно выделяет фундаментальное исследование Дарси Рибейро по этностатистике. В нем на большом фактическом материале рисуется картина вымирания индейцев Бразилии в XX в. в результате капиталистической колонизации глубинных районов страны.

Другие наиболее значительные публикации по этой тематике — книга группы авторов о численности, расселении и степени аккультурации индейцев, а также справочник по живущим ныне племенам, составленный Хосе да Гама Малчером, содержащий сведения о географической локализации и степени аккультурации⁶.

Исследования, проводившиеся в Бразилии после 1954 г. и отраженные в рецензируемой библиографии, конечно, не ограничивались вышеназванными темами. Было опубликовано немало работ и по типам хозяйства индейцев, и по искусству, и по психологии и т. д. Библиография Г. Бальдуса служит верным компасом, помогающим ориентироваться в этом море книг, статей, путевых очерков. Для удобства пользования она снабжена несколькими указателями: тематическим, географическим, этническим, именным.

Книга прекрасно издана, и в этом, несомненно, немалая заслуга ее редактора, известного специалиста по индейцам Бразилии Ганса Бехера, в настоящее время готовящего переиздание первого тома библиографии Бальдуса.

На наш взгляд, этот двухтомник станет настольной книгой каждого специалиста по индейцам Бразилии.

Л. А. Файнберг

⁵ E. Galvão, *Aculturação indígena no Rio Negro*, «Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi», N. S., Antropologia, № 7, Belém do Para, 1959.

⁶ D. Ribeiro, *Culturas e línguas indígenas do Brasil*, Rio de Janeiro, 1957; «Indians of Brazil in the Twentieth Century», Washington, 1967; J. Malcher, *Índios — grau de integração na comunidade nacional — grupo lingüístico-localização*, Rio de Janeiro, 1964.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО НАРОДАМ КAVKAZA

Абдуллаева С. А. Об одном музыкальном инструменте средневекового Азербайджана. «Доклады АН АзССР», т. 24, № 9, 1968, с. 96—98. Резюме на азербайдж. яз.

Абрамишвили А. З. Грузинская периодика. (Анот. каталог груз. периодики (1819—1917), хранящейся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Тбилиси, Изд-во Тбил. гос. ун-та, 1968. 253 с. (Тбил. гос. ун-т. Кафедра журналистики).

Абхазские пословицы. Сост. Ш. Инал-Ипа, С. Адлейба. Авт. предисл. Ш. Инал-Ипа. Сухуми, «Алашара», 1967. 120 с. На абхаз. яз.

Абхазские сказки. Т. 2. Сост. К. С. Шакрыл. Вступит. статья Н. П. Андреева. Илл.: С. М. Габелиа, Сухуми, «Алашара», 1968. 338 с. с илл. (АН ГрузССР. Абхаз. ин-т яз., литературы и истории им. Д. И. Гулиа). На абхаз. яз. Библиогр.: с. 333—335 (67 назв.).

Агларов М. Поселение и жилище индийской группы народов в XIX — начале XX вв. «Уч. зап. Ин-та истории, яз. и литературы Дагест. филиала АН СССР», т. 16, 1966, с. 369—396. Библиогр. в подстроч. примеч.

Адамия И. Грузинское народное зодчество. Кн. 2. Абхазия. Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1968. 189 с. с илл. На груз. яз. Резюме на англ. и рус. яз. Библиогр.: с. 185—188 (159 назв.).

Адыгейские сказки. Лит. обработал и сост. Гадагаль Аскер. Майкоп, Краснодар. кн. изд-во, Адыг. отд-ние, 1968. 145 с. с илл. На адыг. яз.

Адыгейский советский фольклор. Песни, стихи. Сост. С. Аутлева. Майкоп, 1968. 153 с. с нот. илл. (Адыг. НИИ яз., литературы и истории). На адыг. яз.

Алексеев В. П. Антропологический состав средневекового города Маджары и происхождение балкарцев и карачаевцев. «Уч. зап. Кабард.-Балкар. НИИ», т. 25, 1967, с. 158—171. Библиогр.: в примеч.: с. 163.

Алексеев В. П. К краниологии населения равнинных районов Кабардино-Балкарии. «Уч. зап. Кабардино-Балкар. НИИ», т. 25, 1967, с. 177—191. Библиогр. в примеч.: с. 182—183.

Алиев А. К. Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Махачкала, 1968. 290 с. (Дагест. филиал АН СССР). Библиогр. обзор: с. 5—14. Библиогр.: с. 266—288.

Алиев Б. Социальные отношения в Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. «Уч. зап. Ин-та истории, яз. и литературы Дагест.

филиала АН СССР», т. 16, 1966, с. 271—295. Библиогр. в подстроч. примеч.

Антология азербайджанского фольклора. В 2-х кн. Кн. 2. Собр. и сост. А. Ахундов. Ред. К. Маммедов. Баку, Изд-во АН АзССР, 1968. 259 с. (АН АзССР. Ин-т литературы и яз. им. Низами). На азербайдж. яз.

Аншба А. А. Некоторые художественные особенности абхазских нартских сказаний. Сухуми, «Алашара», 1968. 63 с. На абхаз. яз.

Апакидзе А. М. Города древней Грузии. Тбилиси, «Мецниереба», 1968. 296 с. с илл.; 30 л. илл. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). Указатель собств. имен и геогр. назв.: с. 289—295.

Апресян Г. З. Эстетика эпоса «Давид Сасунский». «Вестник Ереванского ун-та». Обществ. науки, 1968, № 2, с. 89—108. Резюме на арм. яз.

Армянские народные сказки. Отв. ред. А. М. Назинян. 9. Подгот. и предисл. написал М. С. Мкртчян. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1968. 649 с.; 1 л. портр. (АН АрмССР. Ин-т археологии и этнографии). На арм. яз.

Армянские сказки. Сказки Араратской долины. Сост.: А. И. Иоаннисян. Пер. с арм. Послел. А. М. Назиняна. Илл.: Б. Месропян. М., «Худож. лит.», 1968. 191 с. с илл.

Армянский фольклор. Сб. Сост.: Г. О. Карапетян. Пер. с арм. Предисл. А. Салахьяна. М., «Наука», 1967. 223 с. с илл. (АН СССР).

Асиятилов С. Некоторые вопросы общественных отношений аварцев в свете их хозяйственной деятельности. [Конец XIX — начало XX вв.]. «Уч. зап. Ин-та истории, яз. и литературы Дагест. филиала АН СССР», т. 16, 1966, с. 325—344.

Асиятилов С. Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев в XIX — начале XX вв. «Уч. зап. Ин-та истории, яз. и литературы Дагест. филиала АН СССР», т. 16, 1966, с. 345—368. Библиогр. в подстроч. примеч.

Аутлева С. Ш. Из поэтического наследия адыгов. (О сагишах и древних причитаниях). «Уч. зап. Кабард.-Балкар. НИИ», т. 24, 1967, с. 195—200.

Бадридзе Ш. Выдающийся грузиновед Александр Хаханашвили. Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1968. 80 с.; 3 л. портр. На груз. яз.

Бажбеук-Меликян Л. Дагданы. [О коллекции амулетов из Севанского

района Арм. ССР]. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 9, с. 48—49.

Байрамов Мирза. Ашугские стихи. Сост.: М. Хакимов. Авт. предисл. И. Тапдыгов. Баку, «Гянджлик», 1968. 55 с. На азербайдж. яз.

Беридзе В. Мастера древнегрузинского искусства. [Зодчие, художники, золотушники, каллиграфы]. Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1967. 243 с. с илл. На груз. яз.

Библиография изданий Академии наук Грузинской ССР. 1957—1960 гг. Сост. А. Отарова, М. Патарая, Н. Чудецкая. Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, 1967. 578 с.

Булатова А. Из истории дагестанских поселений. [Типы ранних поселений на территории Лакского и Кулинского районов Дагестана]. «Сов. Дагестан», 1968, № 2, с. 74—76.

Булатова А. Свадьба лакцев в XIX—XX вв. Махачкала, 1968. 24 с. (Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, яз. и литературы им. Г. Цадасы).

Быт и культура населения Аджарии. Сб. статей. Ред. А. Инашвили. Тбилиси, «Мецниереба», 1967. 132, [31] с. с илл. (АН ГрузССР. Батум. НИИ). На груз. яз. Резюме статей на рус. яз.

Варданян Л. М. Пережитки института инициаций у армян. (По материалам свадебной обрядности). «Ист.-филол. журнал», 1967, № 4, с. 291—296.

Вечно живые традиции. [История складывания и развитие интернациональных традиций в Азербайджане]. Баку, «Азернешр», 1968. 366 с. с илл.; 1 л. портр. (Ин-т истории партии ЦК КП Азербайджана — филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Авт.: Н. Я. Макеев, Х. Г. Везиров, Дж. Б. Гулиев и др.

Рец.: Мосесов П.—«Бакин. рабочий», 1969, 10 янв.

Волкова Н. Г. Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX—XX вв. [Этнодемогр. обзор]. «Сов. этнография», 1968, № 6, с. 39—51. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Гаджиева С. Некоторые виды домашних промыслов даргинцев XIX—XX вв. (ткани, кожа, войлок). «Уч. зап. Ин-та истории, яз. и литературы Дагест. филиала АН СССР», т. 16, 1966, с. 299—324.

Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, Дагкиноиздат, 1967. 104 с.

Гашаров Г. Г. Ашугские традиции в культурных связях Южного Дагестана и Азербайджана. «Сб. аспирантских работ Дагест. ун-та». Гуманитарные науки, вып. 2, 1966, с. 155—161.

Гвритшвили Д. Иванэ Джавахишвили. Тбилиси, «Накадули», 1968. 242 с.; 3 л. илл. Библиогр.: с. 211—235 (156 назв.). На груз. яз.

Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. 7. Греч. тексты с груз. переводом издал и примеч. снабдил С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, «Мецниереба», 1967. 341 с. с разд. паг. (АН ГрузССР. Комис. по публикации иностр. источников о

Грузии. Ин-т востоковедения. Иностран. источники о Грузии. Кн. 18. Георгика. Т. 7). На груз. и греч. яз.

Гогаладзе В. Селение Авневи. (Прошлое и настоящее). [Ист.-этногр. очерк]. Цхинвали, «Ирыстон», 1968. 123 с.; 6 л. илл., 1 л. табл. На груз. яз.

Гогоберидзе Н. Каталог грузинских народных кукол. Тбилиси, «Мецниереба», 1968. 50 с.; 16 л. илл. (АН ГрузССР. Музей Грузии им. С. Н. Джанашиа). На груз. яз. Резюме на англ. и рус. яз.

Голос народа. [Нар. сказки и ашугские стихи о В. И. Ленине и об Октябрьской революции]. Сост. и авт. вступит. статьи П. Эфендиев. Баку, «Гянджлик», 1968. 140 с. На азербайдж. яз.

Грузинская историография. Предисл. С. Крлеба. Глав. ред. П. Ратиани. 1. Тбилиси, «Мецниереба», 1968. 336 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). На груз. яз.

Грузинские пословицы с русскими и немецкими эквивалентами. Сост.: В. Куправа. Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1967. 138 с. Библиогр.: с. 138 (12 назв.).

Гулиев Г. А. и Бахтияров А. С. Древние религиозные культы в Азербайджане и их пережитки в быту. Баку, 1968. 111 с. (М-во культуры АзССР. Респ. науч.-метод. кабинет культ.-просвет. работы). На азербайдж. яз.

Гулиев Г. и Тагизаде Н. Металл и народное ремесло. Баку, «Азернешр», 1968. 106, [18] с. с илл. На азербайдж. яз.

Гуртуева М. Б. Идея трудового воспитания в балкарских народных пословицах. «Уч. зап. Азербайдж. пед. ин-та», 1967, № 3, с. 23—38.

Гусейзаде Г. Саз и слово. [О творчестве азербайдж. ашуга Алескера]. «Лит. Азербайджан», 1968, № 8, с. 127—129.

Гусейнов Ш. С. Об ирригационной системе в сельском хозяйстве Азербайджана (первая половина XVIII века). «Уч. зап. Азербайдж. ун-та». Серия ист. и философ. наук, 1968, № 3 с. 90—97.

Гянджали С. Без чадры — к свету. Из истории женского движения в Азербайджане. «Лит. Азербайджан», 1968, № 7, с. 137—141.

Давудов О. М. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X—IV вв. до н. э.). Махачкала, 1968. 40 с. с илл. и карт.; 1 л. илл. (Даг. филиал АН СССР. Ин-т истории, яз. и литературы им. Г. Цадасы).

Дагестанские, курдские, осетинские, калмыцкие сказки. Пер. с рус. изданий А. Хасанов и др. Илл.: М. Шировский. Ташкент, Изд-во худож. лит., 1967. 439 с. с илл. На узб. яз.

Джагапанян А. А. Баня средневековой Армении и их теплотехнические особенности. [По материалам археол. исследований]. «Ист.-филол. журн.», 1968, № 3, с. 241—248. Библиогр. в подстроч. примеч.

Джалилов О. Дж. Курдский героический эпос «Златорукий хан». (Дымдым). М., «Наука», 1967. 207 с. с факс. и нот.

илл. Библиогр.: с. 204—205. В прил.: Тексты и переводы.

Джанполадян М. Туманян и проблемы эпоса. [Анализ работ поэта об эпосе]. «Лит. Армения», 1968, № 7, с. 76—83.

Джакошвили В. Ш. Население Грузии. Экон.-геогр. исследование. Тбилиси, «Мецниереба», 1968. 398 с. с черт.; 3 л. схем. (АН ГрузССР. Ин-т географии им. Вахушти). Библиогр.: с. 381—393.

Дзуцова И. Грузинская глиняная утварь. [Об экспонатах из коллекции Н. Урушадзе]. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 11, с. 3.

Дзуцова И. Сванская утварь [из дерева и керамики]. [Из коллекции Н. Урушадзе]. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 10, с. 3 (обл.).

Дзуцова И. Серебро и медь. [Изделия старинного декоративно-прикладного искусства Грузии. О коллекции Е. Д. Ахвледиани]. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 7, с. 45.

Дибиров М. Народные игры и спорт в Дагестане. Махачкала, Дагучпедгиз, 1968. 160 с.

Дибиров М. О народных средствах физического воспитания дагестанцев. «Сов. Дагестан», 1968, № 1, с. 74—78.

Друзья памятников культуры. Сб. статей. 13. Ред. коллегия: Ш. Амираншвили и др. Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1967. 92 с. с илл.; 9 л. илл. (Груз. о-во охраны памятников культуры. Памятники матер. культуры). На груз. яз. Резюме статей на рус. яз.

Ерлашова С. Чеканка — искусство древнее и молодое. [Из истории становления и развития груз. чеканки]. «Искусство», 1968, № 9, с. 15—19.

Есаян С. А. Амулеты, связанные с культом солнца из Армении. [XVI—VI вв. до н. э.]. «Сов. археология», 1968, № 2, с. 255—260.

Жемухов У. Г. К вопросу о преодолении пережитков старого быта и ислама в современных брачно-семейных отношениях. (На материалах Кабард.-Балкарии). «Сб. науч. работ аспирантов Кабард.-Балкар. ун-та», вып. 2, 1968, с. 98—103.

Жемухов У. Г. Некоторые черты в развитии современных брачно-семейных отношений. (На материалах Кабард.-Балкарии). «Сб. науч. работ аспирантов Кабард.-Балкар. ун-та», вып. 2, 1968, с. 104—110.

Жемухов У. Г. Несовместимость социалистических и религиозных (исламских) брачно-семейных отношений. «Сб. науч. работ аспирантов Кабард.-Балкар. ун-та», вып. 2, 1968, с. 89—95. Библиогр.: 5 назв.

Жемухов У. Г. Приспособление мусульманского духовенства к положению женщины в социалистическом обществе, к современным брачно-семейным отношениям. (На материалах Кабардино-Балкарии). «Уч. зап. Кабард.-Балкар. НИИ», т. 25, 1967, с. 85—93. Библиогр. в примеч.: с. 93.

Зухба С. Л. О некоторых элементах первобытного фольклора в абхазской вол-

шебной сказке. «Труды Сухум. пед. ин-та», 18—19, 1966, с. 207—212.

Иринола. Сванские народные стихи. Пер., сост. и предисл. Д. Цереднани. Илл.: Н. Ианкошвили. Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1968. 110 с. с илл. На груз. яз.

Искусство Азербайджана. Сб. статей. 12. Ред. Э. Г. Абасова, К. А. Касимов. Баку, Изд-во АН АзССР, 1968. 170 с. с нот. илл. (АН АзССР. Ин-т архитектуры и искусства). На азербайдж. и рус. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Исмаилов И. З. Ленинская теория некапиталистического развития и народности Кавказа. Предисл. М. С. Джунусова. Баку, «Азернешр», 1968. 166 с. Библиогр. обзор: с. 27—45.

Рец.: Борисов С. Через некапиталистическое развитие — к социализму. «Бак. рабочий», 1968, 21 авг.

Исторические записки. Ред. Г. Читая. Вып. 1. Тбилиси, «Мецниереба» 1968. 93 с. (АН ГрузССР. Науч. о-во истории, археологии, этнографии и фольклора Грузии). На груз. яз. Библиогр.: с. 89—92.

История Дагестана. В 4-х т. Глав. ред. Г. Д. Даниялов. Т. 3. 1917—1945 гг. М., «Наука», 1968. 426 с. с илл. и карт.; 1 л. портр. (АН СССР. Дагест. филиал. Ин-т истории, яз. и литературы им. Гамзата Цадасы). Библиогр.: с. 416—424.

Ихилов М. М. Народности лезгинской группы. Этногр. исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967. 369 с. с илл. (Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, яз. и литературы им. Г. Цадасы). Библиогр. обзор: с. 5—13.

Кавказский этнографический сборник. Под ред. и с предисл. А. И. Робакидзе. 2. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, «Мецниереба», 1968. 269 с. со схем. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Калоев Б. А. В. К. Гарданов (К 60-летию со дня рождения). «Сов. этнография», 1968, № 5, с. 134—136.

Калоев Б. А. Программа сбора материалов по земледелию и скотоводству для Кавказского историко-этнографического атласа. М., «Наука», 1968. 36 с. (Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР).

Катаев А. Пережитки ислама и пути их преодоления. (На материалах Карачаево-Черкес. авт. обл.). Черкесск, Ставроп. кн. изд-во, Карачаево-Черкес. отд-ние, 1968. 46 с.

Керкутские баяты. Сост. Р. Рза и Г. Пашаев. Авт. вступит. статьи Р. Рза. Послесл. Г. Пашаева. Баку, «Азернешр», 1968. 182 с. На азербайдж. яз.

Кировабадский историко-краеведческий музей им. Низами. Путеводитель. Сост.: Ю. Джалилов. Кировабад, 1968. 36 с. с илл. На азербайдж. яз.

Кошка перешла дорогу. [Рассказы о суевериях]. Сост.: М. Абдурахманова. Баку, «Гянджлик», 1968. 52 с. На азербайдж. яз.

Культура и быт народов Северного Кавказа. (1917—1967 гг.). Сб. статей. Под ред.

В. К. Гарданова. М., «Наука», 1968. 348 с. с илл. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Библиогр. в конце статей.

Кцоян А. С. Медицина в Армении в XI—XIV веках. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1968, 438 с. с граф. (АН АрмССР. Совет по истории естествознания и техники). На арм. яз. Резюме на рус. и англ. яз.

Ларец жемчужин. Азербайдж. нар. четверостишия-баяты и пословицы. Пер. и предисл. В. Кафарова. М., «Наука», 1968. 215 с. с илл. (АН СССР).

Лучом света. [Фольклор, пословицы, поговорки]. Изд. 2-е. Баку, «Гянджлик», 1967. 56 с. (Худож. атеист. б-ка).

Магомедов Р. М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX в. 2-е изд. Махачкала, Дагучпедгиз, 1968. 340 с.

Магомедов Р. М. и Дзагурова В. П. Народы советского Дагестана. (Происхождение и расселение). Пособие для студентов заочников историч. фак. Махачкала, 1966. 23 с. (Дагест. гос. ун-т им. В. И. Ленина).

Магомедова М. Я — кубачинка Рассказ о моем ауле, о моих предках, об их искусстве и немного о себе. Махачкала, Дагкингониздат, 1968. 107 с. с илл.

Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Ист.-этногр. исследование. Орджоникидзе, «Ир», 1968. 568 с. с илл.

Макалов И. А. Культ святых в исламе на материалах Дагестанской АССР и Чечено-Ингушской АССР». «Вопр. науч. атеизма», вып. 3, 1967, с. 164—182.

Мамбетов Г. Х. Праздники и обряды адыгов, связанные с земледелием. «Уч. зап. Кабард.-Балкар. НИИ», т. 24, 1967, с. 161—185. Библиогр. в подстроч. примеч.

Марковин В. В стране вайнахов. [О самобытном зодчестве Чечено-Ингушетии]. М., «Искусство», 1968. 119 с. с илл. (Дороги к прекрасному). Библиогр.: с. 116—119 (65 назв.).

Материалы абхазского фольклора. (Из архива акад. Н. Я. Марра). Подгот. текстов, вступит. статья и примеч. С. Зухба. Сухуми, «Алашара», 1967. 203 с. с факс. На абхаз. яз.

Материалы для этнографического изучения Тушетин. Сб. статей. Тбилиси, «Мецниереба», 1967. 282 с. с илл. (АН ГрузССР. Гос. музей Грузии им. С. Н. Джанашиа). На груз. яз. Резюме статей на рус. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Материалы по этнографии Грузии. Т. 14. Вопросы этнографии Грузии. Тбилиси, «Мецниереба», 1968. 155 с.; 8 л. илл. и нот. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). На груз. и рус. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Махмудов Г. З. Г. А. Алиев. Библиография. Вступит. статья К. А. Алекперова. Баку, Изд-во АН АзССР, 1968. 90 с. (АН АзССР. Фундам. б-ка. Деятели науки и культуры Азербайджана).

Махмудов Г. З. А. С. Сумбатзаде. Библиография. Вступит. статья И. В. Алибекова. Баку, Изд-во АН АзССР, 1967. 47 с. (АН АзССР. Фундам. б-ка. Деятели науки и культуры Азербайджана).

Мелентьев Ю. Грузинские записи. [Об искусстве груз. чеканки по металлу]. «Огонек», 1968, № 37, с. 14—18.

Минкевич-Мустафаева Н. В. Производственные сооружения ремесленного квартала Байлакана. [По данным археол. раскопок в АзССР]. «Сов. археология», 1968, № 3, с. 214—220.

Мкртумян Ю. И. Некоторые формы сообществ в армянской деревне. (Вторая половина XIX в.). «Ист.-филол. журнал», 1967, № 4, с. 284—290.

Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX века. «Сов. этнография», 1968, № 4, с. 14—29 с илл. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Народный юмор. Притчи, сказки. Пер. с груз. Сост.: Д. Шенгелая и М. Чиковани. Ред. и предисл. М. Я. Чиковани. Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1967. 235 с. с илл. (АН ГрузССР. Ин-т истории груз. литературы им. Шота Руставели. Сокровища груз. нар. творчества).

Научная конференция аспирантов и молодых научных сотрудников. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1968. 33 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). На груз. и рус. яз.

Начкебия Н. В. Некоторые черты сельского расселения Южной Грузии. «Труды Тбил. ун-та», т. 122. Серия геогр.-геол. наук, 4, 1967, с. 131—138 с табл. Резюме на груз. яз. Библиогр.: 6 назв.

Нечаева Л. Г. Происхождение осетинских погребальных склепов и этногенез осетин.— В кн.: Тезисы докладов годичной научной сессии. Май 1968 г. (Лен. отд-ние Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР). Л., 1968, с. 67—69.

Новая литература по народам Кавказа. [Алф. указатель]. Сост. Р. В. Каменецкая. «Сов. этнография», 1968, № 4, с. 176—183.

Омаров А. Система композиций в обычном праве Дагестана. «Уч. зап. Ин-та истории, яз. и литературы Дагест. филиала АН СССР», т. 16, 1966, с. 255—270.

Омаров А. Судебник Гидатлинского союза «вольных» обществ. [Правовой памятник Дагестана XV—XVI вв.]. «Уч. зап. Ин-та истории, яз. и литературы Дагест. филиала АН СССР», т. 17, 1967, с. 127—144.

Омаров К. Формирование и современный состав рабочих завода «Дагестанские огни». «Уч. зап. Ин-та истории, яз. и литературы Дагест. филиала АН СССР», т. 17, 1967, с. 49—71. Библиогр. в подстроч. примеч.

Ониани Дж. И. Древний грузинский аграрный праздник (berika и qonea) в Сванетии. «Сообщения АН ГрузССР», 1968, т. 51, № 2, с. 509—514. На груз. яз. Резюме на рус. яз.

Орбели И. А. Избранные труды В 2-х т. Пред. ред. коллегии К. В. Тревер. Т. 1. Из истории культуры и искусства Армении X—XIII вв. М., «Наука», 1968. 587 с. с илл.; 1 л. портр. (АН СССР. АН АрмССР). Библиогр.: с. 506—507.

Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Сб. Сост., вводная статья и коммент. Б. А. Калоева. Пер. части текстов И. С. Зевакиной. Орджоникидзе, Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967. 320 с.

Рец.: Цула Г. В.—«Сов. этнография», 1968, № 5, с. 168—170.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Отв. ред. Н. А. Смирнов. Т. 1. Грозный, Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1967. 315 с. Библиогр.: с. 303—311.

Очаури Т. Мифологические предания у горцев восточной Грузии. Исследования и тексты. Тбилиси, «Мецниереба», 1967. 197 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). На груз. яз.

Панян А. Е. Изменения в структуре и численности сельской семьи у армян за годы советской власти. «Сов. этнография», 1968, № 4, с. 93—103 с табл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Панян А. Е. Обычай избегания у армян и его изживание за годы Советской власти. (По материалам сел. районов Арм. ССР). «Ист.-филол. журнал», 1968, № 2, с. 211—218.

Панян А. Е. Социальная структура современного армянского села. «Вестник обществ. наук», 1968, № 3, с. 52—58.

Патрик Аракел. Армянская одежда с древнейших времен до наших дней. Исследование и рис. Аракела Патрика. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1967. 64 с.; 49 л. илл. (АН Арм. ССР. Ин-т археологии и этнографии). Библиогр.: с. 61—62. На арм. яз. Аннот. на арм., рус. и франц. яз.

Пачулиа В. В краю золотого руна. Ист. места и памятники Абхазии. Изд. 2-е, доп. М., «Наука», 1968. 136 с. с илл.; 1 л. карт. (АН СССР. По следам исчезнувших культур Востока). Библиогр.: с. 132—135.

Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., «Наука», 1968. 167 с. с илл. и карт. (М-во культуры Абхаз. АССР. Абхаз. Совет. Груз. о-ва Охраны памятников культуры). Библиогр.: с. 134—138.

Пережиткам — нет! [Науч.-атеистич. пропаганда в Дагест. АССР]. Сб. статей. Сост. М. Магомедов. Махачкала, Дагкнигиздат, 1967. 71 с.

Песнь доброго молодца. Груз. нар. баллады. Илл.: К. Хуцишвили. Тбилиси, «Накадули», 1967. 18 с. с илл. На груз. яз.

Происхождение осетинского народа. Материалы науч. сессии, посвящ. проблеме этногенеза осетин. 6—8 окт. 1966 г. Отв. ред. Х. С. Черджиев. Орджоникидзе, Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967. 336 с. с илл. и карт. (Сев.-Осет. НИИ при Совете Министров СО АССР. Юго-Осет. НИИ АН ГрузССР). Резюме докладов на англ., нем. и франц. яз.

Робакидзе А. И. Особенности патронимической организации у народов горно-

го Кавказа (в связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи). «Сов. этнография», 1968, № 5, с. 93—104. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Рототаев П. С. О горной топонимике. «Уч. зап. Кабард.-Балкар. НИИ», т. 24, 1967, с. 258—261.

Рустамзаде Р. Песни о народном заступнике. [К исследованию песен азербайдж. ашугов о герое крестьян. движения XIX в. Г. Наби]. «Лит. Азербайджан», 1968, № 8, с. 130—133.

Рыковский В. Дагестанское чудо, [О ювелирном искусстве мастеров чеканки по серебру из аула Кубачи]. «Культура и жизнь», 1968, № 8, с. 42—43.

Саламов Б. С. Обычай и традиции горцев. Что это такое. Как они возникают. Что в них хорошего и что плохого. Орджоникидзе, «Ир», 1968, 137 с.

Самотова Л. Танцы адыгов. «Уч. зап. Кабард.-Балкар. НИИ», т. 24, 1967, с. 186—192.

Сарымсаков Т. С. Время и ислам. Грозный, Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1968. 123 с. (В помощь атеисту).

Свод армянских надписей. Ред. коллегия: Б. Н. Аракелян и др. Вып. 3. Ехегнадзорский и Азизбековский районы. Сост. С. Г. Бархударян. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1967. 427 с. с илл.; 5 л. табл. (АН АрмССР. Ин-т археологии и этнографии). На арм. яз.

Седьмая научная конференция. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, «Накадули», 1968. 31 с. (АН ГрузССР. Координац. совет по фольклору при отд-нии обществ. наук). На груз. и рус. яз.

Сергеева К. П. Изменение в составе и размещении населения Дагестана с 1897 по 1965 год. «Проблемы развития экономики Дагестана», вып. 5, 1967, с. 209—228. Библиогр.: 20 назв.

Сергеева К. П. Размещение сельского населения Дагестанской АССР по высотным поясам. «Доклады отд-ний и комис. Геогр. о-ва СССР», вып. 1, 1967, с. 101—114. Библиогр.: 16 назв.

Смыр Г. Пережитки ислама и пути их преодоления в современных условиях Абхазии. Сухуми, «Алашара», 1967. 93 с. На абхаз. яз.

Социально-демографические очерки. Ереван, 1968. 127 с. с черт. (НИИ экономики и планирования Госплана АрмССР. Вычислит. центр АН АрмССР и Ереванского гос. ун-та. Лаборатория экон.-стат. исследований).

Средневековые армянские притчи. Пер. Е. Меликова. «Лит. Армения», 1968, № 3, с. 50—54.

Тавадзе Ф. Н. и Андриашвили И. А. Технологический процесс грузинского чеканного искусства. Тбилиси, «Ганатлеба», 1967. 137 с. с илл.; 4 л. илл. На груз. яз.

Тагиров Б. Т. Народонаселение Дагестана. Махачкала, Дагкнигиздат, 1967. 61 с. с граф.

Тарланов М. Декоративно-прикладное искусство советского Азербайджана. Баку, «Азернешр», 1968. 134 с. с илл.

Тирацян Г. А. Урарту и Армения. (К вопросу о преемственности материальной культуры). «Вестник обществ. наук», 1968, № 2, с. 17—30.

Тотоев М. С. Выдающийся ученый-кавказец. [К 70-летию со дня рождения Г. А. Кокиева. Ист.-биограф. очерк]. «Уч. зап. Сев.-Осет. пед. ин-та», т. 27, вып. I, 1967, с. 237—248.

Точилов В. И. Из опыта водоснабжения и его мастеров на Апшероне по надписям на овданах. «Уч. зап. Азербайдж. политехн. ин-та», 1967, № 3, с. 131—141. Библиогр.: 11 назв.

Тресков И. В. К географии «Нартыды». «Уч. зап. Кабард.-Балкар. НИИ», т. 24, 1967, с. 29—60. Библиогр. в подстроч. примеч.

Туганов М. С. Осетинское народное искусство.— Наши задачи. [Публикация статей художника, написанных в 1951—1952 гг. С предисл. ред.]. «Лит. Осетия», № 33, 1968, с. 113—119.

Туганов Р. У. Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи. (С древнейших времен по 1917 г.). Сост. Р. У. Туганов. Под ред. и с предисл. Т. Х. Кумыкова, Нальчик, Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1967. 679 с. (Кабард.-Балкар. НИИ при Совете Министров К.-Б. АССР).

Федина А. Е. Влияние деятельности человека на природу Северо-Восточного Кавказа. [О с.-х. освоении Сев.-Вост. Кавказа]. «Изв. Всесоюз. геогр. о-ва», т. 100, вып. 4, 1968, с. 337—340. Библиогр.: 9 названий.

Хачиров А. О языковой традиции народа. «Лит. Осетия», № 33, 1968, с. 102—112.

Хашба И. М. Абхазские народные музыкальные инструменты. Сухуми, «Алашара», 1967. 240 с. с илл. нот. и карт.; 1 л. портр. (АН Груз. ССР. Абхаз. ин-т яз., литературы и истории им. Д. И. Гулиа). Библиогр.: с. 233—235.

Хинтибидзе А. Н. Фольклорные материалы об Арсене Орзешавили. Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1968. 117 с. На груз. яз.

Хубиев М. Карачаево-балкарские народные песни советского периода. Монография. Черкесск, Ставроп. кн. изд-во, Карачаево-Черкес. отд-ние, 1968. 186 с. с портр. и нот. на балкар. яз. Библиогр.: с. 180—185.

Чамоков Т. Н. Традиции фольклора в адыгейской поэзии. «Науч. труды Краснодарского пед. ин-та», вып. 2, 1967, с. 259—273. Библиогр.: 6 назв.

Чаркваниан А. И. Сванети. (Вторая половина XIX и начало XX вв.). Тбилиси, «Мецниреба», 1967. 268 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). Библиогр.: с. 249—260. На груз. яз.

Чибиоров Л. А. Зимний цикл осетинских календарных праздников. «Уч. зап. Юго-Осет. гос. пед. ин-та», Цхинвали, 1967, т. II. Серия гуманитарных наук, с. 88—107.

Члаидзе Л. Г. Об одной неизвестной рукописи эпоса Кероглы. «Труды Тбил.

ун-та», т. 121. Серия востоковедения, 7, 1967, с. 187—194.

Чубинидзе И. М. Место виноградарства в сельском хозяйстве Грузии до установления Советской власти. Тбилиси, 1967. 378 с. (Груз. с.-х. ин-т). На груз. яз.

Шафиев Н. А. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV—XVI вв.). Нальчик, «Эльбрус», 1968. 171 с. с илл.; 1 л. карт. Библиогр.: с. 166—169 (75 назв.) и библиогр. в примеч.: с. 148—165.

Элашвили В. И. Из истории конного спорта в Грузии (хевсурские скачки «цхени» в прошлом и настоящем). «Сов. этнография», 1968, № 4, с. 104—109. Библиогр. в подстроч. примеч.

Элиава Г. В. Гегечкорский краеведческий музей. (Путеводитель). Тбилиси «Сабчота Сакартвело», 1968. 93 с. с илл. На груз. яз.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Изд. текстов, переводы, коммент., статья и прил. Л. И. Лаврова. М., «Наука». (АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Памятники письменности Востока). Резюме на англ. яз.

Ч. 1. Надписи X—XVII вв. 1966. 300 с. с табл.

Ч. 2. Надписи XVIII—XX вв. 1968. 248 с. с илл.

Рец.: Хашаев Х.-М. О. и Шихсаидов А. Р. (Ч. 1).— «Сов. этнография», 1968, № 1, с. 186—189.

Этнография. Сб. статей. Отв. ред. М. А. Меретуков. Майкоп, 1968. 401 с. с портр. (Адыг. НИИ яз., литературы и истории. Уч. зап. Т. 8).

Эфендиев М. Э. Азербайджанский медицинский фольклор. Памятка. Баку, 1967. 15 с. (М-во здравоохранения АзССР. Респ. дом сан. просвещения). На азербайдж. яз.

Юзбашев Р. М. О некоторых чертах топонимики Азербайджана. «Изв. АН АзССР». Серия наук о Земле, 1968, № 1, с. 134—137. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр.: 14 назв.

Якубова С. Азербайджанское народное сказание «Ашуг-Гариб». Баку, Изд-во АН АзССР, 1968. 198 с. (АН АзССР. Ин-т литературы и яз. им. Низами).

Рец.: Давлетов К. Богатство эпоса. «Вопросы литературы», 1968, № 12, с. 213—215.

Авторефераты

Абдуллаева С. А. Азербайджанские народные музыкальные инструменты. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. искусствоведения. Баку, 1967. 21 с. (АН АзССР. Отд-ние обществ. наук).

Бабаян Е. Н. Азербайджанская народная одежда конца XIX—начала XX в. (По материалам Карабахской зоны). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. М., Изд-во Моск. ун-та, 1967. 14 с. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

Бдоян В. А. Земледельческая культура в Армении. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. Тбилиси, 1968. 126 с. с илл. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Бедукидзе Л. А. Народная мебель в горных районах Восточной Грузии. (По этногр. материалам). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Тбилиси, 1968. 25 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Бендианишвили А. С. Грузинская деревня в 1864—1917 гг. (Ист.-экон. исследование). Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. Тбилиси, 1968. 79 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Берадзе Т. Н. Из исторической географии Западной Грузии. (Одиши в XII—XVII вв.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Тбилиси, 1967. 26 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Бунятов Т. А. История земледелия и скотоводства в Азербайджане (с древнейших времен до XIII в. н. э.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. Баку, 1968. 68 с. (АН АзССР. Отд-ние обществ. наук. Ин-т истории). Список работ автора в конце текста.

Велиханова Н. М. Сведения арабских географов-путешественников IX—XII вв. об Азербайджане. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Баку, 1968. 20 с. (АН АзССР. Ин-т истории).

Гватуа Н. А. Грузинская женская одежда XIX и начала XX вв. (По этнографическим материалам Картли и Кахети). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Тбилиси, 1968. 29 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Гулиев Г. А. Земледельческая культура Азербайджана. (Историко-этногр. исследование). Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. Баку, 1968. 61 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). Список работ авт.: с. 60—61 (20 назв.).

Ихилон М. М. Народности лезгинской группы. Этногр. исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. М., 1968. 46 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Список работ авт. в конце текста (13 назв.).

Кахидзе Н. А. Старый и новый хозяйственный быт и культура горных ущелий Аджарии (Мачахели). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Тбилиси, 1967. 25 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Керимов Э. А. История этнографического изучения Азербайджана в русской науке (XVIII—XIX вв.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Баку, 1968. 23 с. (АН АзССР. Ин-т истории).

Кесаманлы Г. П. Культура племен Северо-Восточных склонов Малого Кавказа эпохи бронзы и раннего железа. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Баку, 1968. 20 с. (АН АзССР. Ин-т истории).

Кожоридзе Д. Г. Город Ахалцихе в феодальную эпоху (IX—70-е гг. XIX вв.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Тбилиси, 1968. 27 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Кулов Б. С. Северная Осетия в прошлом и настоящем. (Историко-этногр. исследование). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Тбилиси, 1968. 19 с. (Тбил. гос. ун-т).

Мизнев И. М. Средневековая материальная культура Балкарии и Карачая (XII—XVII вв.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. М., 1967. 19 с. (АН СССР. Ин-т археологии).

Нейматова М. С. Эпиграфические памятники и их значение в изучении социально-экономической истории Азербайджана (XIV—XIX вв.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. Баку, 1968. 96 с. (АН АзССР. Ин-т истории). Список работ авт.: с. 95—96.

Панян А. Е. Современная семья у армян. (По материалам сел. районов Арм. ССР). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. М., 1968. 26 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Список работ авт.: с. 25—26.

Пруидзе Л. А. Виноградарство и виноделие в Раче. (По этногр. материалам). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Тбилиси, 1968. 27 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Синариудзе М. И. Из истории материальной культуры Грузии раннефеодальной эпохи. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Тбилиси, 1967. 24 с. (Тбил. гос. ун-т).

Сургуладзе И. К. Астральная символика в грузинском народном орнаменте. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Тбилиси, 1967. 24 с. (Тбил. гос. ун-т).

Фарадова Н. Д. Ислам и быт. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. Баку, 1968. 18 с. (АН АзССР. Отд-ние обществ. наук).

Цкитишвили Н. М. Отображение крестьянского движения XIX века в грузинском фольклоре. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филолог. наук. Тбилиси, 1968. 23 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, груз. литературы им. Шота Руставели).

Чарквани А. И. Сванети. (Вторая половина XIX в. и начало XX в.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Тбилиси, 1968. 22 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Чиковани Т. А. Из истории народного жилища Закавказья. (Историко-этногр. исследование). Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. Тбилиси, 1967. 39 с. с карт. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Шилакдзе М. И. Грузинская народная инструментальная музыка. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Тбилиси, 1967. 23 с. (АН Груз. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Ширавов К. З. Несовместимость нравственных поучений ислама с моральным кодексом строителя коммунизма. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. Махачкала, 1967. 21 с. (Дагест. гос. ун-т им. В. И. Ленина).

Чарквани А. И. Сванети. (Вторая

половина XIX в. и начало XX в.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Тбилиси, 1968. 22 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Рецензии

Блиев М. М. [Рец.]: Б. А. Калоев. Осетины. (Историко-этногр. исследование). М., 1967. 242 с. с илл.— «Сов. этнография», 1968, № 4, с. 167—170.

Волкова Н. Г. и Трофимова А. Г. [Рец.]: Г. А. Сергеева. Арчинцы. М., 1967. 190 с. с илл.— «Сов. этнография», 1968, № 1, с. 184—186.

Гаджиев В. Г. [Рец.]: Кабардино-Балкария в прошлом и настоящем. (История Кабардино-Балкарской АССР. В 2-х т. Т. 1—2. М., «Наука», 1967).— «История СССР», 1968, № 6, с. 152—155.

Лавров Л. И. [Рец.]: П. М. Дебиров. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966. 208 с.— «Сов. этнография», 1968, № 2, с. 164—165.

Составитель Р. В. Каменецкая

ЧАН-ХЮЙ-ЛИЕУ

28 июля 1969 г. после непродолжительной тяжелой болезни на 69 году ушел из жизни один из старейших и виднейших этнографов и историков Демократической Республики Вьетнам, видный политический и общественный деятель ДРВ, директор Института этнографии и истории Академии общественных наук ДРВ, большой друг Советского Союза товарищ Чан-хюй-Лиёу. Он прожил большую и полную опасностей жизнь сознательного борца против колонизаторов всех мастей, жизнь патриота, профессионального революционера, крупного организатора, талантливого ученого.

Чан-хюй-Лиёу родился в 1901 году в провинции Намдинь в семье сельского интеллигента. Патриотизм и активная борьба против колонизаторов были своеобразной традицией в семье. С колонизаторами сражались отец и старший брат. Сам Чан-хюй-Лиёу рано понял, что перо журналиста — оружие, подчас более грозное, чем штык. Ему еще не было семнадцати лет, когда его начали преследовать полиция и местные власти. Причиной тому была популярность написанной им патриотической поэмы, острое слово первых его корреспонденций в местных газетах. Со временем он становится профессиональным журналистом и в 1923 г. переезжает в Сайгон, где сотрудничает в ряде прогрессивных журналов. В период 1925—1927 гг., ознаменовавшийся созданием во Вьетнаме первых марксистских кружков, Чан-хюй-Лиёу был ответственным редактором журнала «Донг-фап тхой бао». К этому времени относятся его первые публикации киньского (собственно вьетнамского) фольклора, статьи по древней истории страны, по истории культуры народов Вьетнама и, конечно, антиколонизаторские статьи, разоблачающие жестокую эксплуатацию плантационных рабочих, варварство французских и иных церковников — разрушителей мировых культурных ценностей на юге страны.

Чан-хюй-Лиёу стал одним из организаторов партии суньятсеновского типа «Куок-зан Данг». Революционная активность, горячий патриотизм молодого журналиста все более привлекали к нему внимание «властей предрержащих». Следствием был арест. И хотя в тюрьме ему удалось «пройти под другой фамилией», т. е. выдать себя за другого, он был сослан на печально известный остров Кондао (Пуло-Кондор). В тяжелейших условиях пулокондорской каторги он выжил. Более того, он продолжал революционную борьбу. Ему посчастливилось оказаться в окружении революционеров-коммунистов. И он принимает их правду, открыто выступает против мелкобуржуазного утопизма Куок-зан Данг.

В ряды Коммунистической партии Индокитая (Восточного Индокитая) Чан-хюй-Лиёу вступил в 1936 г. Он получил ответственное задание — руководить изданием партийной литературы и документальных материалов. Издательство «Кхынхан тыса», директором которого еще в конце 1920-х годов был Чан-хюй-Лиёу, выпустило серию столь остро антиколонизаторских книг, что многие из них сразу становились «библиографической редкостью», так как полиция конфисковывала и уничтожала почти весь их тираж. Среди этих изданий были такие книги, как «Тюремный дневник» товарища Хо Ши Мина, «Мот бао тамсы» («Сердце, полное чувств») и др.

В 1939 г. Чан-хюй-Лиёу был вновь арестован и заключен в тюрьму в далеком горном районе округа Шэнла. Даже в тюрьме, зная что основное население района — это

народы тхайской группы, он использовал всякую возможность общения с представителями тхай для ознакомления с этнографией и фольклором этих народов.

В марте 1945 г., когда японские оккупанты взяли власть в свои руки, Чан-хюй-Лиену удалось бежать из тюрьмы. Приехав в Ханой, он принял активное участие в работе редакции газеты «Кыу Куок» («Спасение Родины»; сейчас это центральный орган Отечественного Фронта). После победы Августовской Революции 1945 года Чан-хюй-Лиену был избран заместителем председателя Национального освободительного Комитета всей страны, а во Временном революционном правительстве занял пост министра пропаганды. Тогда же в качестве главы делегации Временного революционного правительства т. Чан-хюй-Лиену был направлен в Хюе, где принял отречение «последнего императора Аннама» Бао Дая.

В 1946 г. Чан-хюй-Лиену был избран депутатом Национального Собрания и членом Постоянного Комитета Национального Собрания. Ему было поручено возглавить Общество культуры Вьетнама, в 1946—1949 годах собиравшее в своих рядах всю прогрессивную интеллигенцию страны. В 1953 г. Чан-хюй-Лиену стал главой Комитета по изучению литературы, истории, географии Вьетнама. На базе этого Комитета позже была организована Академия общественных наук и созданы все входящие в нее институты.

В последние годы своей жизни Чан-хюй-Лиену был одновременно заместителем председателя Академии Общественных наук, председателем Национального комитета историков Вьетнама, директором Института этнографии и Института истории Академии общественных наук ДРВ, заместителем директора Института истории партии трудящихся Вьетнама.

Многогранная научная деятельность Чан-хюй-Лиену принесла ему заслуженное признание научной общественности. Его постоянные научные контакты с учеными разных стран были особенно широки в последние годы. Признанием научных заслуг Чан-хюй-Лиену было избрание его в 1960 г. почетным членом-корреспондентом Академии наук ГДР и присуждение ему звания лауреата премии имени Гумбольдта.

Наибольшее внимание Чан-хюй-Лиену как ученого привлекали проблемы фольклора народов ДРВ, история их культуры, этническая география. Самое горячее участие принимал он в национальном строительстве, в переписи народов ДРВ и многих других исследованиях, особенно тех, которые существенно важны для понимания современных проблем.

Большой друг Советского Союза, человек, отпосившийся с большим уважением к советской этнографической науке, Чан-хюй-Лиену горячо ратовал за подготовку кадров вьетнамских этнографов и антропологов в МГУ и Институте этнографии АН СССР.

Совсем недавно, в ноябре 1968 г., Чан-хюй-Лиену посетил Институт этнографии АН СССР. Его интересовали и основные направления работы Института и публикации советских этнографов, в первую очередь специалистов по этнографии Юго-Восточной Азии. Он ратовал за широкий научный обмен, за совместные исследования.

С уходом из жизни товарища Чан-хюй-Лиену мировая этнографическая наука понесла тяжелую утрату.

Мак Дьонг, Г. Г. Стратанович

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ», В 1969 ГОДУ

Статьи

	№№	стр.
Аверкиева Ю. П., Арутюнов С. А., Бромлей Ю. В. VIII Между- народный конгресс антропологических и этнографических наук	1	3
Алексеев В. П. О первичной дифференциации человечества на расы. Пер- вичные очаги расообразования	1	12
Алексеев В. П. О первичной дифференциации человечества на расы. Вто- ричные очаги расообразования	6	21
Арш Г. Л. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII — начале XIX в.	3	85
Барятарович М. Традиционные социальные коллективы и этническое самосознание в Косове и Метохии (Южная Сербия)	3	96
Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения	4	14
Бернова А. А. Современные этнические процессы на Малых Зондских ост- ровах	2	48
Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Некоторые аспекты современных этни- ческих процессов в Югославии	1	59
Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. О соотношении истории, этнографии и социологии	3	3
Гаврилова А. Ф. Своеобразие процессов урбанизации в Нигерии	3	74
Губогло М. Н. О влиянии расселения на языковые процессы	5	16
Гуляев В. И. Некоторые вопросы становления раннеклассового общества у древних майя	4	86
Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин (по ма- териалам конца XIX — начала XX в.)	4	28
Донина Н. И. О некоторых эпохальных изменениях в строении зубной системы человека (на примере средневековых восточнославянских и рус- ских краниологических серий)	2	35
Еремеев Д. Е. Особенности образования турецкой нации	5	57
Жилина А. Н. Традиционные черты в современном жилище Хорезма	3	31
Жирнова Г. В. Русский городской свадебный обряд конца XIX — начала XX в.	1	48
Заседателева Л. Б. Эволюция общины у терских казаков в XVI— XIX вв. (От «вольной заимки» к частной собственности)	1	25
Кабузан В. М. Заселение Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII в. (1719—1795)	6	30
Кармышева Б. Х. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX века)	3	44
Карнейро Р. Л. Переход от охоты к земледелию	5	68
Козлов В. И. О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина	6	10
Колева Т. А. О некоторых вопросах развития обычаев (На болгарском материале)	1	68
Красовская Н. А. Основные этапы раннего периода этнической истории Фриулов	6	54
Курылев В. П. Об общинных отношениях в деревнях современной Турции	4	79
Кутшеба-Пойнарлова А. Польская этнография в системе мировой науки. Предмет и методы исследований	6	42
Международное совещание коммунистических и рабочих партий и советская этнографическая наука	6	3
Мовчан Г. Я. Камень и дерево в старинном жилище Аварии	3	51
Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски (К вопросу о первоначальных миграциях человека в Америку)	1	79
Неменова Р. Л. Сложение таджикского населения Варзоба	5	31
Носова Г. А. Картографирование русской масленичной обрядности (на материалах XIX — начала XX века)	5	45
Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Дальневосточный очаг древ- него земледелия	2	3

Покшишевский В. В. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения	5	3
Пранда А. К некоторым вопросам теории изучения народной культуры	4	66
Рабинович М. Г. Древний ландшафт и жилище (О двух типах древнерусского жилища в Волго-Окском междуречье)	2	15
Ряковский С. Н. Внутренние миграции населения и сдвиги в этнической географии зарубежных социалистических стран Европы	4	54
Саливон И. И. Краниологическая характеристика населения Белоруссии XVIII—XIX вв. в связи с некоторыми вопросами происхождения белорусов	4	40
Стракач Ю. Б. К методике изучения современных этно-лингвистических процессов (по материалам социолого-лингвистического обследования народов Обь-Енисейского Севера)	4	3
Терентьева Л. Н. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях	3	20
Трояков П. А. Промысловая и магическая функция сказывания сказок у хакасов	2	24
Тумаркин Д. Д. Просвещение в Папуа — Новой Гвинее	6	66
Хитъ Г. Л. Материалы по дерматоглифике русских Сибири	3	65
Ширяева П. Г. Поэтические особенности и жанровая специфика песенного творчества русских рабочих (Дооктябрьский период)	1	37

Дискуссии и обсуждения

Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия	6	84
Козлов В. И. Современные этнические процессы в СССР (К методологии исследования)	2	60
Рапов О. М. Была ли вервь «Русской правды» патронимией?	3	106
Савватеев Ю. А. Петроглифы Карелии и наскальное искусство лесной полосы Евразии	1	87
Седов В. В. Еще раз о происхождении белорусов	1	105
Формозов А. А. Всемирно-исторический масштаб или анализ конкретных источников?	4	99
Хомич Л. В. О содержании понятия «этнические процессы»	5	79
Чернецов В. Н. О приемах сопоставления наскальных изображений	4	107

Народы мира

Информационные материалы

Пеертхум С. Маврикий — новое независимое африканское государство	1	122
Пучков П. И. Науру — новое независимое государство Океании	2	73

Сообщения

Борозна Н. Г. Некоторые черты традиционной свадебной обрядности узбеков-дурменов южных районов Таджикистана и Узбекистана	2	80
Вайнштейн С. И., Остроухов Г. А. Дневник путешествия А. М. Остроухова к прикосогольским тувинцам в 1903 году	6	102
Громов В. А. Фольклорно-этнографические источники рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг»	6	105
Гурвич И. С. Была ли известна юкагирам экзогамия?	2	87
Давыдов А. С. Традиционное жилище таджиков Верхнего Зеравшана	6	92
Дэвлет М. А. О брахикранном компоненте в составе населения тагарской культуры	5	94
Жуковская Н. Л. Отражение социальной структуры общества в монгольских этнонимах	4	123
Калиновская К. П. К характеристике системы возрастных групп у галла Эфиопии	4	128
Каплан Н. И., Барадулин В. А. Якутские народные художественные промыслы (по материалам экспедиции в Якутскую АССР в 1967 году)	1	129
Касимова Р. М. О соотношении морфологического типа населения и распространении «бешика» в Азербайджане	2	112
Кисляков Н. А. Некоторые материалы по сельскохозяйственной терминологии у таджиков	3	118
Коробкова Г. Ф. Результаты бинокулярного исследования мергеля из верхнепалеолитической стоянки Костенки I	1	142
Кочешков Н. В. Искусство резьбы по дереву в современной Монголии	2	103
Курилов Г. Н. О терминах родства и свойства тундрных юкагиров	2	92
Мельц М. Я. Неосуществленный фольклорно-библиографический замысел П. К. Симони	2	97

Можейко З. Я. Коляда в белорусском полесском селе	3	127
Новикова В. А. Современное изучение бенгальского фольклора в Индии и Пакистане	5	98
Овсянников О. В. Заметки о северных костерезах	4	114
Пачулия В. П. Туризм и национальные традиции	5	91
Соловей Л. С. К вопросу о национально-смешанных семьях в Молдавии	5	88
Федорова И. К. О десяти числительных рапануйского языка (Из словаря Агуэры)	1	144
Фрадкин Э. Е. Полиэконическая скульптура из верхнепалеолитической стоянки Костенки I	1	135

Поиски, факты, гипотезы

Анохин Г. И. Почему у исландцев нет фамилий?	4	133
Буриан Я., Моухова Б. Взгляд в этрусский микромир	5	106
Бутовски И. Праздник «живого огня» в Азанае	4	139
Гусева Н. Р. Течет Джамна (Очерк народного индуизма)	1	147
Поршнев Б. Ф. Проблемы реликтовых палеоантропов	2	115
Садомская Н. Н. У порога корриды	6	113
Стужина Э. П. Обед на полтора миллиона персон	3	136

Научная жизнь

Аникин В. П., Савушкина Н. И. Научная конференция по итогам фольклорной экспедиции Московского университета в Архангельскую область	3	152
Анохин Г. И. Четвертая всесоюзная конференция по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии	1	162
Арутюнов С. А., Джарылгасинова Р. Ш. Выставки «Современное декоративное искусство Японии» и «Древняя и средневековая скульптура Японии»	6	136
Брук С. И., Маслова Г. С. Проблемы историко-этнографического картографирования в Болгарии	4	152
Вайнберг Б. И. Международная конференция ЮНЕСКО по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху	2	133
Васильевский Р. С., Стракач Ю. Б. Две конференции по проблемам этногенеза и этнической истории Северной Азии	6	129
Вишняускайте А. И., Терентьева Л. Н. Историко-этнографический музей Литовской ССР	4	142
Пригорьева Р. А. XI научная конференция Государственного этнографического музея Эстонской ССР	6	135
Джарылгасинова Р. Ш. Межреспубликанский семинар по ономастике	4	141
Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В. Всесоюзное совещание «Личное имя»	1	158
Иванова Е. В., Решетов А. М. Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1968 года	5	119
Решетов А. М. Третья ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР	6	131
Стракач Ю. Б., Туголуков В. А. Социолого-лингвистические исследования в Сибири	3	156
Тумаркин Д. Д. Вторая Всесоюзная конференция океанистов и австраловедов	5	126
Феоктистова Л. Х. Десятая научная конференция Государственного этнографического музея Эстонской ССР	1	160

Хроника

Гурвич И. С. К 60-летию Алексея Павловича Окладникова	2	131
Калоев Б. А., Сергеева Г. А., Трофимова А. Г. К 60-летию Леонида Ивановича Лаврова	5	141
Кашуба М. С. Работы Института этнографии АН СССР в 1968 году	5	130
Сергей Александрович Токарев (К 70-летию со дня рождения)	6	145
Шапалова Г. Г. 80 лет со дня рождения М. К. Азадовского	5	139

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Анохина Л. А., Крупянская В. Ю., Шмелева М. Н. Русское крестьянство в освещении американских этнографов	1	164
Кабо В. Р., Семенов Ю. И. Бутингов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство, общественный строй)	3	159

Куббель Л. Е. Доколониальная Африка в трудах Ш. А. Диопа	4	156
Лавров Л. И. Об интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора	2	136
Нитобург Э. Л. Страна идет к расколу	6	147
Седов В. В., Терентьева Л. Н. Ценные исследования о прибалтийско-славянских культурных связях	5	143
Эрдели И. Обзор журнала «Этнография» Венгерского этнографического общества за 1959—1968 гг.	5	149

Общая этнография

Гуров Н. В., Кнорозов Ю. В. <i>A. Parpola, S. Koskenniemi, S. Parpola and P. Aalto. Decipherment of the Proto-Dravidian Inscriptions of the Indus Civilization</i>	6	151
Лазарев А. И. Гусев В. Е. Эстетика фольклора	1	172
Першиц А. И. Кривелев И. А. Происхождение религии	3	171
Покшишевский В. В. Изучение воспроизводства населения (сборник статей)	4	165

Народы СССР

Басин В. Я., Бекмаханова Н. Е. <i>Востров В. В., Муканов М. С.</i> Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX—XX в.)	5	159
Бусыгин Е. П., Халиков А. Х. Татары Среднего Поволжья и Приуралья	3	175
Ворожейкина З. Н. Тилавов Б. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок	5	161
Кушева Е. Н. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII—первая половина XIX в.)	2	143
Лебедева А. А. Бусыгин Е. П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры XIX—начала XX в.	1	174
Лебедева А. А. <i>Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву</i>	6	158
Марков Г. Е. Винников Я. Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР	4	171
Охрименко П. П. <i>Беларуская народная вуснапаэтычная творчасць.</i> Гісторыка-тэарэтычнае даследаванне	6	161
Пропп В. Я. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.	2	171
Пушкарев Л. Н. <i>Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии</i> , вып. IV, 1968	4	168
Сабурова Л. М. Брудный В. И. Обряды вчера и сегодня	5	156
Салманович М. Я. <i>Археология, этнография, искусствоведение Молдавии (материалы и исследования)</i>	4	174
Трофимова А. Г. <i>Археолого-этнографический сборник, т. II. «Научные труды Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы»</i>	3	173
Туголуков В. А. <i>Орочские сказки и мифы</i>	5	163
Цулая Г. <i>Басариа С. П.</i> Избранные сочинения	6	159
Чернецов В. Н. <i>Popular Beliefs and Folklore Traditions in Siberia</i>	5	165

Народы зарубежной Европы

Бараг Л. Н. <i>Gerhardt Heilfurt unter Mitarbeit von Ina-Maria Gevers. Bergbau und Bergman in deutschsprachigen Sagenüberlieferung Mitteleuropas. Band I — Quellen.</i>	1	177
Иванова Ю. В. <i>Десницкая А. В.</i> Албанский язык и его диалекты	4	176
Красновская Н. А. <i>Il Folklore. Tradizioni, vita e arti popolari</i>	2	146
Померанцева Э. В., Труфанов И. П., Филимонова Т. Д. <i>Arbeit und Volksleben</i>	3	178
Седов В. В. <i>Петров А.</i> Этнографски элементы на славяно-балто-германска общность	6	163
Соколова В. К. В. М. <i>Гацак.</i> Восточно-романский героический эпос	6	167

Народы зарубежной Азии

Бутинов Н. А. <i>Lidio Cipriani.</i> The Andaman Islanders	1	179
Гусева Н. Р. <i>Structure and change in Indian Society</i>	6	168
Иванова Е. В. Н. <i>Phillips.</i> Thai peasant personality	5	168
Комаровский Г. Е. <i>Ichiro Hori.</i> Folk Religion in Japan	5	172
Краснодембская Н. Г. <i>Страны и народы Востока</i> , вып. V — Индия — страна и народ	2	149

Народы Африки

Кошевская Н. Н. <i>W. Forman, B. Brentjes. Alte afrikanische Plastik</i>	3	187
Фадеев Л. А. <i>Henri Raulin. La dynamique des techniques agraires en Afrique tropicale du nord</i>	1	180

Народы Америки

Александренков Э. Г. <i>Manuel Rivero de la Calle. Las culturas aborígenes de Cuba</i>	4	180
Афанасьев В. Л. <i>Культура и быт народов Америки. Сборник Музея антропологии и этнографии, вып. XXIV</i>	1	181
Богина Ш. А. <i>J. A. Fishman, V. C. Mahirni, I. E. Hofman, R. G. Hayden e. a. Language loyalty in the United States</i>	2	152
Русинов Н. В. <i>G. Valcárcel. Perú: mural de un pueblo. Apuntes marxistas sobre el Perú prehispanico</i>	5	175
Свет Я. М. <i>Бартоломе де Лас Касас. История Индии</i>	3	183
Файнберг Л. А. <i>H. Baldus. Bibliografia critica da etnologia Brasileira</i>	6	171

Народы Океании

Бутинов Н. А. <i>Пучков П. И. Формирование населения Меланезии</i>	3	189
Новая литература по народам Европейской части РСФСР	3	192
Новая литература по народам Украины, Белоруссии и Молдавии	4	183
Новая литература по народам Средней Азии и Казахстана	5	178
Новая литература по народам Кавказа	6	173

<u>Георгий Францевич Дебец</u>	1	184
<u>Михаил Владимирович Витов</u>	2	156
<u>Вульф Вениаминович Гинзбург</u>	4	188
<u>Петр Васильевич Линтур</u>	4	195
<u>Цветана Романска</u>	5	185
<u>Сергей Руфович Смирнов</u>	5	191
<u>Чан-хюй-Лиену</u>	6	181

СОДЕРЖАНИЕ

Международное совещание коммунистических и рабочих партий и советская этнографическая наука	3
В. И. Козлов (Москва). О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина	10
В. П. Алексеев (Москва). О первичной дифференциации человечества на расы. Вторичные очаги расообразования	21
В. М. Кабузан (Москва). Заселение Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII в. (1719—1795 гг.)	30
А. Кутшеба-Пойнарова (Варшава). Польская этнография в системе мировой науки. Предмет и методы исследований	42
Н. А. Красновская (Москва). Основные этапы раннего периода этнической истории фриулов	54
Д. Д. Тумаркин (Москва). Просвещение в Папуа — Новой Гвинее	66
Дискуссии и обсуждения	
Ю. В. Бромлей (Москва). Этнос и эндогамия	84
Сообщения	
А. С. Давыдов (Душанбе). Традиционное жилище таджиков Верхнего Зеравшана	92
С. И. Вайнштейн, Г. А. Остроухов (Москва). Дневник путешествия А. М. Остроухова к приколгольским тувинцам в 1903 году	102
В. А. Громов (Орел). Фольклорно-этнографические источники рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг»	105
Поиски, факты, гипотезы	
Н. Н. Садомская (Москва). У порога корриды	113
Научная жизнь	
Р. С. Васильевский, Ю. Б. Стракач (Новосибирск). Две конференции по проблемам этногенеза и этнической истории Северной Азии	129
А. М. Решетов (Ленинград). Третья ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР	131
Р. А. Григорьева (Москва). XI научная конференция Государственного этнографического музея Эстонской ССР	135
С. А. Арутюнов, Р. Ш. Джарылгасинова (Москва). Выставки «Современное декоративное искусство Японии» и «Древняя и средневековая скульптура Японии»	136
Хроника	
Сергей Александрович Токарев (К 70-летию со дня рождения)	145
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
Э. Л. Нитобург (Москва). Страна идет к расколу	147

Общая этнография

Н. В. Гуров, Ю. В. Кнорозов (Ленинград). <i>A. Parpola, S. Koskenniemi, S. Parpola and P. Aalto. Decipherment of the Proto-Dravidian inscriptions of the Indus civilization</i>	151
---	-----

Народы СССР

А. А. Лебедева (Москва). <i>Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву</i>	158
Г. В. Цудая (Москва). <i>С. П. Басариа. Избранные сочинения</i>	159
П. П. Охрименко (Гомель). <i>Беларуская народная вуснапаэтычная творчасць. Гісторыка-этэрэтычнае даследаванне</i>	161

Народы зарубежной Европы

В. В. Седов (Москва). <i>Петър А. Петров. Етнографски елементи на славяно-балто-германска общност</i>	163
В. К. Соколова (Москва). <i>В. М. Гацак. Восточно-романский героический эпос</i>	167

Народы зарубежной Азии

Н. Р. Гусева (Москва). <i>Structure and change in Indian society</i>	168
--	-----

Народы Америки

Л. А. Файнберг (Москва). <i>A. Baldus. Bibliografia critica da etnologia Brasileira</i>	171
---	-----

Новая литература по народам Кавказа	173
---	-----

<u>Чан-хуй-Лиену</u>	181
--------------------------------	-----

Алфавитный указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1969 году	183
---	-----

На первой странице обложки: В начальной школе округа Моробе, территория Папуа — Новая Гвинея (К статье Д. Д. Тумаркина)

SOMMAIRE

Conférence Internationale des partis communistes et ouvriers et la science ethnographique soviétique	3
V. I. Kozlov (Moscou). De quelques aspects de la problématique nationale dans les oeuvres de V. L. Lénine	10
V. P. Aléxéiev (Moscou). Sur la différentiation en races primitive de l'Humanité. Foyers secondaires de la formation raciale	21
V. M. Kabouzan (Moscou). Le peuplement des régions du côté Nord de la mer Noire (Novorossie) au XVIII ^{es} . (1719—1795)	30
A. Kutrzeba-Pojnarowa (Varsovie). Ethnographie polonaise dans le système de la science mondiale. Objet et méthodes de l'étude	42
N. A. Krasnovskaya (Moscou). Etapes principales de la première période de l'histoire ethnique des Friouli	45
D. D. Toumarkine (Moscou). Instruction publique au Papoua — Nouvelle Guinée	66

Discussions et délibérations

Yu. V. Bromley. L'ethnie et l'endogamie	84
---	----

Communications

A. Davydov (Douchambé). L'habitat traditionnel des Tadjiks du Zarafchan Supérieur	92
S. I. Vainchtein, G. A. Ostrooukhov (Moscou). Journal du voyage de A. M. Ostrooukhov chez les Touva de Kossogol en 1903	102
V. A. Gromov (Orel). Sources folkloriques et ethnographiques de la nouvelle «Biéjine Loug» de I. S. Tourguénev	105

Recherches, faits, hypothèses

N. N. Sadomskaya (Moscou). Au seuil de la corrida	113
---	-----

Vie scientifique

R. S. Vassilevski, Iu. B. Strakatch (Novossibirsk). Deux conférences concernant des problèmes de l'ethnogenèse et de l'histoire ethnique de l'Asie du Nord	129
A. M. Riechétov (Léningrad). Troisième session annuelle à la section de Léningrad de l'Institut d'ethnographie	131
R. A. Grigoriéva (Moscou). XIe conférence scientifique du Musée d'Etat d'ethnographie, République Socialiste Soviétique d'Estonie	135
S. A. Aroutiounov, R. Ch. Djarylgassinova (Moscou). Les expositions: «Art décoratif moderne du Japon» et «Sculpture ancienne et médiévale du Japon»	136

Chronique

S. A. Tokarev (Pour soixante-dixième anniversaire de son naissance)	145
---	-----

Critique et bibliographie

Articles de critique et aperçus

E. L. Nitobourg (Moscou). <i>Le pays va vers la scission</i>	147
--	-----

Ethnographie générale

N. V. Gourov, Yu. V. Knorozov (Léningrad). <i>A. Parpola, S. Koskenniemi, S. Parpola and P. Aalto</i> . Decipherment of the Proto-Dravidian inscriptions of the Indus civilization	151
--	-----

Peuples de L'U.R.S.S.

A. A. Liebédieva (Moscou). <i>Les trésors de l'art populaire russe. Bois sculpté et peint</i>	158
G. V. Tsoulaya (Moscou). <i>S. P. Bassaria</i> . Oeuvres choisies	159
P. P. Okhrimenko (Gomel). Oeuvre populaire de poésie orale biélorusse. Etude de historico-théorique (en biélorusse)	161

Peuples de l'Europe étrangère

V. V. Sedov (Moscou). <i>Piotr A. Petrov</i> . Eléments ethnographiques de la communauté slavo-balto-germanique (en bulgare)	163
V. K. Sokolova (Moscou). <i>V. M. Gatsak</i> . Poésie épique héroïque estromane	167

Peuples de l'Asie étrangère

N. R. Gousseva (Moscou). <i>Structure and change in Indian society</i>	168
--	-----

peuples de l'Amérique

A. A. Faïnberg (Moscou). H. Baldus. Bibliografia critica da etnologia Brasileira	171
Nouveaux livres sur les peuples du Caucase	173
<u>Chan-Hui-Lieu</u>	181
Index alphabétique des articles et matériaux publiés par la revue «Sovetskaya Etnografiya» en 1969	183

Sur la couverture: Dans une école primaire, district Morobe, Papua — Nouvelle-Guinée (v. l'article de D. D. Toumarkine)

Технический редактор *Т. И. Сироткина*

Сдано в набор 12/IX-1969.	Т-15097.	Подписано к печати 9/XII-1969 г.	Тираж 2145 экз.
Зак. 5830.	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Усл. печ. л. 16,8.	Бум. л. 6. Уч.-изд. л. 19,6.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“**Готовятся к печати книги:**

Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник Музея антропологии и этнографии. XXVI. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 30 л. 2 р. 20 к.

В сборнике помещена работа С. М. Марр «Шиитские мистерии Мохаррам в Иране», основанная на уникальных коллекциях музея по Мохарраму, собственных наблюдениях автора и обширной, привлекаемой к исследованию литературе. В сборник включена также статья, посвященная описанию votивных предметов в собраниях Отдела по горным таджикам.

Широко представлена тема «Одежда». В этом разделе даются исследования по одежде и украшениям узбеков, таджиков, белуджей, персов, турок, арабов.

Этнические процессы в странах зарубежной Европы. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 25 л. 1 р. 80 к.

В книге рассматриваются вопросы этнического и национального развития в отдельных странах Европы в прошлом и в настоящем: в Бельгии, Швейцарии, Франции, Италии, Великобритании и Ирландии, Швеции, на Фарерских островах.

Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 18 л. 1 р. 40 к.

В книге рассказывается об особенностях русской материальной культуры, складывавшейся вдали от центра русского населения. Читатель получит представление о жилых, хозяйственных постройках и одежде, бытовавших здесь в конце XIX — начале XX в. и встречающихся в сельской местности в наши дни, о занятиях русского населения — земледелии, домашних промыслах, ремесле.

Заказы на книги посылайте в магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига» [Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12] или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу:

Москва, ул. Горького, 8; ул. Вавилова, 55/5; Ленинград, Литейный пр., 57; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Новосибирск, Красный пр., 51; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Ташкент, ул. Карла Маркса, 28; ул. Шота Руставели, 43; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Уфа, пр. Октября, 129; Коммунистическая ул., 49; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Иркутск, ул. Лермонтова, 303; Душанбе, проспект Ленина, 95; Куйбышев, проспект Ленина, 2.

«АКАДЕМКНИГА»